

АТАМАН ПЛАТОВ

Владимир
Лесин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1126

---

(926)

Владимир Лесин

АТАМАН ПЛАТОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2005

УДК 82-94
ББК 63.3(2)47-8
Л 50

*Автор и издательство выражают благодарность
директору Музея донского казачества
СЕДИНКО Светлане Алексеевне
и директору Старочеркасского
историко-архитектурного музея-заповедника
КАЛАШНИКОВУ Николаю Ивановичу
за помощь в подборе иллюстраций к книге*

ISBN 5-235-02762-0

© Лесин В. И., 2005
© Издательство АО «Молодая гвардия»
художественное оформление, 2005

*Памяти русского солдата
Ивана Матвеевича Лесина
(15.09.1917—15.09.1943)
посвящаю*

*Хвала, наш Вихорь-атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.*

В. А. Жуковский

Глава первая

ВОТ ЭТО НАЧАЛО!

Отец

8 августа 1753 года у Анны Ларионовны и Ивана Федоровича Платовых, проживавших в главном городе казаков Черкасске, родился первенец Матвей. Через девять лет Бог дал им сына Степана, а потом еще двух — Андрея и Петра. Но лишь старший из них вошел в историю, прославив не Дон только — Россию.

Много лет спустя, когда Матвей Иванович стал атаманом донских казаков, достиг европейской известности и получил высочайше пожалованный титул графа Российской империи, родилась легенда, поведенная нам через века Николаем Федоровичем Смирным, назначенным к нему «по дипломатической части... в самую, можно сказать, блистательную эпоху его славы». Вскоре после смерти знаменитого героя написал он его биографию. При всех недостатках этой слабой в жанровом и научном отношении книги отличается она и несомненными достоинствами, ибо несет на себе печать и личных впечатлений автора о человеке незаурядном, и воспоминаний современников, и, что особенно важно, рассказов самого Платова о днях своей боевой молодости...

В тот августовский день Иван Федорович проснулся, как обычно, рано, пошел к Протоке. И вдруг свершилось чудо: летевшая над ним птица уронила ему на шляпу кусок ржаного хлеба; казак положил его в карман; едва он приблизился к берегу, как к ногам его выбросилась из воды рыба, «сазаном именуемая, и столь покорная, что он мог взять ее и унести с собой». Естественно, было это добрым «предзнаменовани-ем». У ворот «восхищенного старика» ожидало поздравление с рождением сына Матвея, будущего «вихорь-атамана».

А было тому «восхищенному старику» двадцать восемь лет от роду. Похоже, поведал эту легенду Николаю Федоро-

вичу сам Матвей Иванович, вполне осознавший после Отечественной войны свою роль и место в российской истории.

Присматривал за мальчиком «дядька» из малороссов, прослуживший ему до глубокой старости. По преданию, Матвей Иванович, став атаманом, часто брал его с собой и с удовольствием представлял столичным знакомым.

Когда Матвею исполнилось десять лет, за Иваном Федоровичем числились шестьдесят крестьян, мельница и хутор на реке Деркуле и рыбный завод на берегу Чулека. Хозяйство не очень большое, но растущее. Со временем отец оставит сыновьям около пятисот душ мужского пола, почти столько же, сколько было у войскового атамана Алексея Ивановича Иловайского. Каждый из наследников умножит свою долю, особенно старший.

* * *

Однажды вьюжным московским утром зашел я в бывший дворец Разумовских, где ныне размещается Российский военно-исторический архив, и засиделся в читальном зале до фиолетовых сумерек. Листаю толстенные фолианты с документами двухсотлетней давности. Мелькают знакомые фамилии фаворитов, государственных деятелей, военных. Не задерживаясь, переворачиваю пожелтевшие страницы. И вот — удача! Передо мною «всепокорнейший рапорт» есаула Ивана Федоровича Платова на имя Григория Александровича Потемкина, написанный в 1775 году убористым почерком достаточно грамотного человека. Сердце заколотилось, в руках появилась дрожь: писал-то отец будущего «вихорь-атамана».

Вот о чем поведал мне этот неизвестный исследователям документ. Родился Иван Федорович в 1725 году в Черкасске. Отроком начал службу. Долго рыскал по Крымской степи и в Закубанской стороне, охраняя российские пределы от неожиданных набегов татар. Ходил в Остзейские губернии и в Грузию. Оставил за спиной Пруссию с лихими атаками под Кюстрином. За подвиги в Семилетней войне получил от Елизаветы Петровны саблю.

В 1760 году Платов «послан был с самонужнейшими секретными делами» из армии в Петербург и там задержался. Вскоре столица оплакала красавицу Елизавету. Через несколько месяцев свезли в конец Невского и зарыли в могилу прибитого в Ропше ее племянника Петра III. А он все сидел на казачьем подворье и ожидал...

Дождался-таки своего часа есаул: в день коронации овдовевшей по собственному желанию и взошедшей на российский

ский престол Екатерины Алексеевны Иван Федорович был пожалован золотой медалью и еще одной саблей. Как сумел герой Кюстрина проявить свою удаль на берегах Невы, если неприятель остался далеко на Одере? Похоже, что выполнявшиеся им в то лето тайные поручения были действительно важными — «самонужнейшими». Еще бы! В переворот втянулся Платов, за то и был отмечен.

За участие в «походе до Петергофа и обратно во время вступления Ее Величества на всероссийский императорский престол» были награждены войсковой атаман С. Ефремов, старшина М. Поздеев, дьяк И. Янов, есаулы С. Сулин и И. Горбиков — всего шестнадцать донцов. Ивану Федоровичу Платову, помимо медали и сабли, достались десять рублей.

Говорить о перевороте было не принято, тем более — писать в официальных бумагах. Платов позволил себе намекнуть Потемкину о своем участии в событиях, отошедших в прошлое. В его формулярных списках, отложившихся в архиве атаманской канцелярии, о тех же чрезвычайно «секретных делах» говорится лишь как об «очень интересных», что было менее доступно для разума чиновников войсковой администрации. Первая формула явно была рассчитана на адресата «всепокорнейшего рапорта», для которого не существовало закрытых страниц в истории воцарения Екатерины II.

Понять Платова можно: парадокс состоял в том, что награды он получал довольно часто, а по службе продвигался медленно — в есаулах проходил до сорока пяти лет. Ничего не поделаешь: военная фортуна не баловала казачьих детей, а он из них. Вошедший в силу Потемкин мог, конечно, подействовать. Вот и решился Иван Федорович напомнить о себе. Но Григорий Александрович не захотел помочь. А может быть, по лености не прочитал адресованный ему рапорт.

Новая императрица сразу включилась в сферу международной политики — со знанием дела, без пренебрежения национальными интересами России в угоду своему немецкому происхождению.

Осенью 1768 года Турция объявила войну. Екатерина приняла вызов.

Россия к войне не была готова, но Екатерина не сомневалась в успехе. Эта уверенность подкреплялась превосходством экономики и вооруженных сил ее страны над турецкими, наличием талантливых полководцев, среди которых выделялись генерал-аншефы Петр Александрович Румянцев и Василий Михайлович Долгоруков. В армии ее величества было 115 тысяч человек, в том числе 19 тысяч казаков. Количеством она уступала противнику в несколько раз.

Военные действия развернулись с наступлением весны 1769 года. Русские войска взяли Хотин, Яссы, Бухарест, Азов, Таганрог. В следующее лето пали Измаил, Килия, Аккерман, Браилов и Бендеры. Граф Румянцев утвердился в Дунайских княжествах. Князь Долгоруков остановился у ворот Тавриды. Успехи сухопутной армии подкрепил флот, разгромивший турецкую эскадру в Чесменской бухте. Вел моряков к победе... кавалерийский генерал Алексей Григорьевич Орлов — главный организатор и участник дворцового переворота 28 июня 1762 года.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!

Отец и сын

Первый биограф Платова еще застал стариков, уверявших его, что в раннем возрасте Матвей «проворством, ловкостью, смекалкой и острою ума превосходил всех прочих юных донцов». С этим, пожалуй, можно согласиться. А вот грамоты российской он не постиг...

Казачьи дети росли быстро. Детство Платова кончилось в двенадцать лет, когда началась его служба в войсковой канцелярии. Служил он, по-видимому, рассыльным, а не «при исполнении письменных дел», как утверждают некоторые его биографы-писатели. Присвоив себе право на вымысел, они сочинили легенду о том, как отрок Матвей запоем читал книги о великих полководцах. А он, между прочим, и в двадцать два года читать и писать не умел, о чем свидетельствует его формулярный список.

4 декабря 1770 года войсковой атаман Степан Ефремов произвел Матвея Платова в есаулы и выдал за него свою дочь Надежду. Так Матвей стал зятем любимого казаками начальника и знаменитой Меланьи Карповны, чья свадьба, как считают, вошла в историю и золотой фонд русских «крылатых выражений» — «наготовили, как на Меланьину свадьбу».

С началом турецкой войны Иван Федорович Платов, оставив на хозяйстве сына Матвея, отправился с походным атаманом Тимофеем Грековым в Крымскую степь добывать себе чин войскового старшины. В одной бригаде с ним шел, между прочим, развеселый казак Емельян Пугачев, потешавший на привалах своих товарищей озорными и солеными шутками. Попали донцы под начало князя Долгорукова. Платов знал командующего еще по прусской кампании. Там, под Кюстрином, Василий Михайлович был жестоко изранен, но из сражения не вышел, за что был произведен

в генерал-поручики. Отличился и наш есаул, но так в есаулах и остался.

Князь Долгоруков произвел забытого донским начальством есаула Платова в войсковые старшины, вручил ему в команду полк и отправил в только что устроенную Днепровскую линию, а потом в Польшу, где тот «многих конфедератов и бунтовщиков искоренил».

Скоро Иван Федорович снова был вызван в Петербург и еще раз награжден золотой медалью с изображением императрицы Екатерины и надписью на обороте:

*Войска Донского Полковнику
Ивану Платову
за немаловременную и добропорядочную его службу*

Столица готовилась к свадьбе наследника престола. Не гостем прибыл Иван Федорович на торжества — преданным ее величеству офицером.

* * *

Матвей Платов недолго занимался отцовским хозяйством. Передав его на попечение приказчика, пустился он верхом в полуденный край, туда, где 2-я русская армия уперлась в твердыни Перекопа. Лето было жаркое, сухое, пыльное. Спешил молодой воин к славе, менял под собой лошадей, давая отдохнуть то одной, то другой. Навстречу ему катились санитарные фуры с ранеными и больными. В какой-то из них лежал снедаемый телесным недугом Емельян Пугачев — наводился за два года под Бендерами. Ехали казаки в разные стороны, но оба — в Историю.

2-я армия готовилась к штурму Перекопа. Так уж распорядилась судьба, что ее командующий Василий Михайлович Долгоруков принял здесь боевое крещение еще в 1736 году, когда русские войска предприняли попытку овладеть Крымом. Было ему тогда четырнадцать лет. Он первым пробился на фас крепости, и фельдмаршал Б. К. Миних тут же вручил мальчику-солдату офицерскую шпагу.

14 июня 1771 года генерал-аншеф Долгоруков повторил опыт командира своей юности.

— Первого из вас, кто взойдет на фас Перекопа и останется жив, — сказал князь, обращаясь к солдатам, — жалую я офицерской шпагой...

На этот раз первых было так много, что выделить из них самого первого не удалось. Князь всех наградил. Среди про-

чих оказался и Матвей Иванович Платов. По свидетельству Н. Ф. Смирного, наш молодой герой «сумел до того приобрести расположение сего начальника, что тот оставил его при себе». Вскоре и чин получил. В двадцать лет он — войсковой старшина, командир полка. Вот это начало! Видно было: далеко пойдет. А он и пошел далеко.

Твердыня пала. Ворота в Тавриду были открыты. Затем пали Арабат, Керчь, Еникале, Евпатория, Кафа, Бахчисарай. Хан Селим-Гирей бежал в Константинополь, где впал в немилость султана. Мустафа III провозгласил крымским ханом Девлет-Гирея.

Командующий часто приглашал М. И. Платова к столу. Об обстановке, царившей на этих собраниях, поведал нам «со слов знаменитых людей» П. Ф. Карабанов...

Однажды на обед к князю с опозданием явился генерал К. И. Каульбарс. Чтобы освободить ему место, гости стали сдвигать стулья, на что В. М. Долгоруков с раздражением заметил:

— Господа, не беспокойтесь! Разве вам неизвестно, что немец всегда место сыщет.

На этих обедах наш герой познакомился со многими влиятельными военными: П. С. Гагариным, П. П. Долгоруковым, М. И. Кутузовым, А. А. Прозоровским...

Особенно отличился Матвей Иванович у Кинбурна, где в 1773 году нес постовую службу.

Пока Матвей Иванович геройствовал в Крыму, Надежда Степановна подарила ему сына, названного в честь деда Иваном. Родился он в 1771-м, а не в 1777 году, как считают биографы его отца.

В 1772 году войсковой атаман Степан Данилович Ефремов был обвинен во многих преступлениях и приговорен к смертной казни, замененной длительным тюремным заключением. Но осталась Меланья Карповна. По-видимому, она и взяла на себя заботы о внуке Иване Матвеевиче. Неизвестно, где учился мальчик, но получил он весьма приличное образование, овладел российской, немецкой и французской грамотой, арифметикой, геометрией и историей.

В 1774 году Матвей Платов был командирован на Кубань под начало подполковника Ивана Бухвостова.

Первый подвиг Матвея Платова

После падения Перекопа войска генерал-аншефа Долгорукова ринулись в глубь Тавриды. Девлет-Гирей, выпросив у султана солдат и посадив их на сто двадцать турецких га-

лиотов, взял курс на Суджук. В конце пути начался шторм. Пучина поглотила почти все его корабли. С остатками десанта ушел он на Тамань, рассчитывая сплотить против России ногайские орды, кочевавшие раньше в Бессарабии, а с начала турецкой кампании переселившиеся на правобережье Кубани, перейти с ними Дон и отвоевать Крым. Но прежде надо было склонить на свою сторону самого сильного и влиятельного едисанского бея Джан-Магомета.

Крымский хан отправил к Джан-Магомету своего брата Шаббас-Гирея с богатыми подарками и письмом. «Да будет вам известно, — писал он, — что прислан я от турецкого султана, чтобы все вы были мне подвластны, в знак чего имею я от него фирман. А кто не явится, тот будет сочтен противником магометанского закона».

Хан звал упрямого старика — тот не прибыл, угрожал ему — не подействовало. Мудрый бей решил не искушать судьбу и остался верен клятве, данной три года назад русской императрице. Когда татарские мурзы приехали к нему с уговорами, Джан-Магомет сказал:

— Не знаю, кто из нас останется в дураках — мы или хан. Султан прислал его взять Крым, а не нас склонять под свою власть. Напрасно он грозит нам своим фирманом. Я доживаю восьмой десяток и многое повидал на своем веку. Помню, когда, стесняемый русскими, просил я униженно визиря пропустить мои кибитки через Дунай, обещая служить ему вместе с народом. Но он отверг мою просьбу. Я вынужден был уповать на милость Ее Величества и, к удивлению, получил от нее все, что хотел. А сколько бедных моих людей добывают себе хлеб на севере? Право же, их больше, чем имеется у вас. Могу ли я после того воевать против русских? Нет! Я никогда не забуду благодеяний ко мне России и скорее соглашусь умереть, чем нарушить учиненную ей присягу.

Речь старого бея произвела сильное впечатление на собравшихся. Рассудив, они сказали ему при прощании:

— Хоть мы и приняли подарки от хана и согласились было служить ему, однако же теперь не пойдем против русских.

В первые годы поселения на Кубани ногайцы жили в согласии с казаками, но скоро почти все их мурзы перешли на сторону хана. Над донскими станицами и хуторами нависла смертельная опасность.

В январе 1774 года скончался султан Мустафа III. Престол турецкий занял Абдул-Гамид. Он прислал в подкрепление крымскому хану значительные силы, и тот отправил их для покорения союзной России Джамбулацкой орды, коче-

вья которой находились в верховьях реки Еи. Там и совершил свой первый подвиг молодой старшина Матвей Иванович Платов.

Пройдут годы, войсковой старшина станет генералом и атаманом донских казаков, покроеет себя неувядаемой славой в сражениях под знаменами Суворова и Кутузова, но первый подвиг его, совершенный 3 апреля 1774 года, долго не забудется в русской армии. В самом общем виде картину того неравного боя можно представить по официальным рапортам, которых дошло до нас немало. Труднее восстановить подробности тех давних событий. Впрочем, кое-какие возможности есть...

* * *

Ейский пристав Стремоухов, снарядив большой обоз с провиантом, отправил его под охраной казачьих полков Степана Ларионова и Матвея Платова на Кубань для продовольствия стоявших там русских войск. На ночлег они остановились у реки Калалах. Выслали в весеннюю степь пикеты. Легли спать. Перед рассветом прискакали дозорные и донесли, что «валит силы татарской видимо-невидимо». Без преувеличения, один должен был биться против двадцати, даже более.

«Опасность была столь очевидной, — пишет современник, — что всякий другой для спасения себя и людей своих от неминуемой гибели скорее согласился бы пожертвовать всем обозом и сдаться в плен, нежели вступать в столь неравный бой с неприятелем».

Но наш герой иначе думал, иначе и поступил.

Растерялся даже более опытный Ларионов, бывший лет на десять старше своего товарища. Он без колебаний уступил власть над собой и отрядом энергичному и уже тогда авторитетному среди казаков Платову. Об этом свидетельствуют не только историки, очарованные позднейшей славой атамана, но и сами участники события и их начальники...

Вокруг простиралась степь — широкая, раздольная, повесенному сочная, зеленая. Конечно, небольшой отряд не устоял бы здесь против превосходящих сил противника. Поэтому Платов, не ожидая нападения, отправил вперед часть казаков, чтобы хоть на короткое время отвлечь внимание татар, а остальным приказал окружить лагерь повозками, груженными мешками с зерном — построить вагенбург. Потом подозвал к себе двух известных в полку удальцов и сказал:

— Скачите к подполковнику Бухвостову, донесите ему о положении нашем, просите о помощи. Прорветесь — избавите нас от гибели. А если случится положить живот свой, помните: смерть во спасение соратников увенчается Всевышним в Царствии небесном...

Хлестнув лошадей, казаки пустились галопом, переправились на правый берег реки и скоро скрылись за горизонтом.

Между тем татары пришли в движение и стали охватывать транспорт с фронта и флангов. Платов, вскочив на телегу, обратился к казакам:

— Друзья мои! Смотрите, какая сила нехристей идет. Победа или славная смерть — другого выбора у нас нет. Не будем мы русскими, не будем донцами, если устрасимся врага. Бог поможет нам отразить его злые замыслы...

Татары неожиданно остановились, выслали парламентаров, которые «с угрозением» предъявили защитникам вагенбурга требование «пойти живыми под их подданство», то есть сдать в плен.

Ответ представителям крымского хана был дан достойный:

— По долгу присяги, учиненной Ее Величеству, мы отказываемся принять ваше требование. Из укрепления нашего не выйдем. Умрем за веру христианскую, но живыми в руки ваши басурманские не отдадимся.

Так Платов передал в своем рапорте начальству слова безвестного донского офицера, встречавшего парламентаров противника. На этом переговоры кончились. Друг с другом простясь, казаки «вступили всяк в свою должность».

Спешив половину всадников, Девлет-Гирей бросил их на штурм вагенбурга. За пехотой двинулась конница. Степь огласилась ревом многотысячной толпы, которая, казалось, сметет все на своем пути. Но картечь и град ружейных пуль остановили атакующих.

Первый натиск был отбит. Затем последовали второй, третий, четвертый... Подступы к укреплению были завалены трупами неприятелей. С неистовым фанатизмом татары лезли по телам своих товарищей, и казаки едва успевали отбиваться от них. Уже ранены есаулы Куприков и Полухин. Вышли из боя отважные хорунжие Королев, Калмыков, Михайлов и Терентьев. Звуки выстрелов, лязг металла, крики и брань сражающихся, вопли изувеченных и ржание ошалевших лошадей — все это, сливаясь в сплошной страшный гул, создавало картину кровавого ада, хозяйкой которого была смерть. И как тут было не прийти в отчаяние.

А вокруг цвела весенняя степь, и ласково светило солнце, и никто не хотел умирать. Ларионов предложил Платову

прекратить сопротивление и сдаться на милость победителя, чтобы сохранить людей. Матвей наотрез отказался. Степан не стал настаивать. И снова «вступил всяк в свою должность». Началась очередная атака. Ахнула единственная пушка, выбросив град картечи.

«Войска Донского походный полковник Платов, который, будучи в осаде от неприятеля, оказался неустрашим, ободряя своих подчиненных, почти в отчаяние пришедших, удерживал их в слабом укреплении до моего к ним прибытия, — писал Бухвостов в рапорте на имя пристава Стремоухова. — Полковник Ларионов следовал сему примеру храбрости».

Рано утром начался этот неравный бой. За два часа до захода солнца татары в седьмой раз кинулись в атаку. И трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы не подоспела подмога: доскакал-таки один из казаков до подполковника Бухвостова. Подняв несколько эскадронов гусар, драгун и неполный казачий полк Уварова — всего не более 500 человек, прихватив с собой два «единорога», пустился он выручать попавших в беду соратников. Отмахав несколько десятков верст, налетели они на увлеченную штурмом орду и стали рубить и колоть неприятеля с остервенением. Этим воспользовались осажденные. Вырвавшись из своего укрепления, обрушили они на отступающих всю силу накопившейся за день злобы. Все перемешалось в войске противника: и фронт, и тыл, и фланги...

Бухвостов — Стремоухову,

5 апреля 1774 года:

«...Сожалительно, что при отчаянном сем сражении побито несколько едисанов, по мнению Джан-Магомета нам верных людей. Сия ошибка, думаю, произошла оттого, что среди самого бою видел я сам, как из едисанских аулов бегали татары в ханское войско и обратно оттуда прибегали к бею, которым ни в той, ни в другой стороне, как однозаконникам своим, не причиняли никакой обиды, а за новые вести, может быть, еще и награждали, через что казаки наши так были огорчены и отчаянны, что никого в полон к себе не брали, а кого только находили на месте сражения, всех тех и рубили до смерти; да подлинно, что трудно в баталии, а особливо между ногами распознать приятеля с неприятелем...»

Избиение продолжалось «до самой темноты ночи». «Огорченные и отчаянные» казаки уложили на месте сражения более пятисот татар и множество раненых. Сами же потеряли убитыми восемь, да без вести пропавшими 15 человек. Правда, урон в лошадях был очень велик — около 600 голов.

16 мая 1774 года «Петербургские ведомости» рассказали своим читателям о подвиге Матвея Платова. Корреспондентом правительственной газеты был «предводительствующий Второй армией генерал-аншеф князь Василий Михайлович Долгоруков». О молодом герое заговорили казаки. Он стал известен военным. Узнали о нем и высокие начальники. Подвиг, совершенный им на реке Калалах, был отмечен золотой медалью с изображением императрицы и надписью на обороте:

*За ревностную и усердную службу
Донского Войска Полковнику
Матвею Платову.*

«Если кому-нибудь придется быть в таком же положении, — напишет много лет спустя Денис Васильевич Давыдов, — то пусть приведет себе на память подвиг молодого Платова, и успех увенчает его оружие. Фортуна, не всегда слепая, возведет, быть может, твердого воина на ту же степень славы, на которую вознесла она и маститого героя Дона».

Кажется, в это время и попал войсковой старшина под опеку первого фаворита ее величества, позволившего молодому герою сообщать ему лично о своих успехах, минуя атаманскую канцелярию. Не случайно же в формулярных списках донских офицеров против фамилии Матвея Ивановича закрепилась стереотипная запись, что «на посланный к нему приказ о подаче рапорта с прописанием его службы» он неизменно отвечал: уже «подал от себя его сиятельству господину генерал-аншефу и разных орденов кавалеру графу Григорию Александровичу Потемкину».

Так из года в год и напоминал о себе. Однако не помогло — в войсковых старшинах задержался надолго. В мае июня Девлет-Гирей потерпел еще несколько поражений. Между тем и Турция оказалась неспособной продолжать войну. 10 июля 1774 года был подписан мир, по которому Порты признала Южный Буг и Кубань границей Российской империи. К России отходили крепости Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн. Крым объявлялся независимым. Опасность татарских вторжений в пределы Дона была ликвидирована.

На севере, однако, набирала силу повстанческая армия Пугачева. Походные полковники Иван и Матвей Платовы были отправлены на театр войны с бунтовщиками: первый — из Петербурга, второй — с Кубани.

Иван Федорович Платов, почитай, уже год в Петербурге. И что там делает, неизвестно. Впрочем, можно предположить с большой степенью вероятности...

Место Григория Орлова в алькове Екатерины Алексеевны заступил мужественно красивый Потемкин, тоже Григорий, но Александрович. Императрица всерьез опасалась мести братьев бывшего любовника, особенно страшного в своем коварстве Алексея. В такой ситуации казаки, к которым имел особое доверие новый фаворит, могли получить роль почетной стражи ее величества, что и будет вскоре оформлено официально.

В Петербург между тем стали поступать сообщения, одно тревожнее другого, о восстании Пугачева. Стало известно о разорении Казани. Опасались даже за судьбу Первопрестольной. Из Нижнего долетел крик о помощи губернатора Ступишина. Екатерина тут же созвала членов Тайного совета и объявила, что для спасения империи отправится в Москву, чтобы на месте возглавить борьбу с мятежниками и вселить уверенность в ее обывателей. Императрица потребовала, чтобы собравшиеся высказали свое мнение относительно ее решения. Все молчали. Молчание стало тягостным.

— Что скажете вы, Никита Иванович, — обратилась она к Панину, — хорошо ли, дурно ли я поступаю?

— Не только нехорошо, — ответил граф, — но и бедственно в рассуждении целостности империи. Такая поездка, увеличив вне и внутри отечества настоящую опасность более, нежели есть она на самом деле, может ободрить и умножить мятежников и уронить престиж наш при других дворах.

Мысль Никиты Ивановича понять нетрудно: выходит, дела в России настолько плохи, что ее величество берет на себя роль, вовсе не свойственную женщине. Разве нет у нее генералов, способных одолеть «столь грубого разбойника», на которых она могла бы положиться?

Григорий Александрович Потемкин энергично поддержал решение своей возлюбленной отправиться в Первопрестольную:

— Надо ехать!

Князь Орлов «с презрительной индифферентностью все слушал, ничего не говорил и извинялся, что не очень здоров, что худо спал и потому никаких идей не имеет. Окликанные дураки Голицын и Разумовский твердым молчанием отделались. Скаредный Чернышев трепетал между фаворитами... и спешил записывать только имена тех пол-

ков, которым к Москве маршировать повелено». Так передал в письме к брату атмосферу того совещания Никита Панин.

«Как ни глупы и молчаливы» были все члены Тайного совета, иронизирует академик Н. Ф. Дубровин, а все-таки постановили отклонить поездку императрицы в Москву, отправить против самозванца дополнительно к действующим войска и назначить главнокомандующим «знаменитую особу», но кого именно, пока не определили.

Среди «тех полков, которым к Москве маршировать повелено», был полк донского старшины Ивана Федоровича Платова. Он выступил в поход сразу же по окончании заседания Тайного совета, во второй половине дня 21 июля 1774 года.

Москву охватила паника, со дня на день чуть ли не ожидали нападения бунтовщиков. Иван Федорович со своим полком стал охранять подступы к городу по Коломенскому, Касимовскому и Владимирскому трактам. А после разгрома главных сил повстанцев он еще в течение двух лет очищал столичную губернию от многочисленных банд, образованных из остатков поверженной пугачевской армии и промышлявших разбоем в различных уездах. Наконец Платов выследил, нагнал и разбил последний большой отряд мятежников, а их предводителя Румянчихина пленил и передал властям.

Московский обер-полицмейстер Николай Петрович Архаров аттестовал Ивана Федоровича Платова как исправного, рачительного и честного полкового командира, исполнявшего возложенные на него обязанности «с отличным усердием и ревностью».

* * *

В то время, когда основные силы Пугачева подходили к Царицыну, отдельные его отряды ворвались уже в пределы Земли Донской.

Наказной атаман Семен Никитич Сулин протрубил всеобщий сбор казаков, способных держать оружие, в основном малолеток и стариков, ибо служилые находились в действующей армии, за границей или в отдаленных губерниях империи. Командовать ополчением он приказал ветерану Семилетней войны и недавних крымских сражений 40-летнему полковнику Михаилу Сидоровичу Себрякову. Всем хорош был бы командир, если бы не мучил бедного геморрой, да так, что и в седле уже сидеть он не мог. По Дону поползли слухи, что идет-то вовсе не самозванец, а истинный го-

сударь. Казалось просто невероятным, что какой-то хорунжий Емелька из Зимовейской станицы мог так долго противостоять царским генералам. Поэтому люди шли на сборные пункты неохотно. Отроки еще подчинялись приказу начальства, а те, кто был помудрее, противились.

— Как бы нам вместо Пугача, — говорили старики, — не поднять руку на помазанника Божия императора Петра Федоровича.

При всем старании Себрякову удалось собрать не более двухсот казаков. С такими силами немислимо было и мечтать об отражении мятежников, которые подступили почти к родной ему Етеревской станице. Михаил Сидорович собрал свое семейство, упаковал сундуки и укатил под защиту Новохоперской крепости. А пугачевцы между тем ураганом промчались через Березовскую, Малодельскую, Заполянскую, Орловскую и Раздорскую станицы.

Узнав об отъезде Себрякова, Сулин назначил походным атаманом ополчения войскового старшину Луковкина, приказал ему сформировать три полка и немедленно отправиться на Медведицу против мятежной вольницы. Решить эту задачу было непросто. Казаки усомнились в болезни своего командира, но заподозрить его в трусости не посмели, не было оснований, ибо он пользовался репутацией героя и на самом деле был таковым.

— Мы готовы идти на злодея, но у нас нет главного начальника! — кричали они. — Видно, это не Пугач, а государь, ежели Михаил Сидорович уехал, кабы не так, он остался.

Целых двенадцать часов убеждал Абросим Луковкин казаков и добился-таки успеха — поверили станичники. В самую полночь выступил он в поход. На помощь ему донской атаман Семен Сулин отправил два лучших полка под командованием Матвея Платова и Павла Кирсанова — двух закадычных друзей. Но они опоздали.

Луковкин отмахал восемьдесят верст, запарил лошадей, уморил людей, внезапно напал на бивуак повстанцев и разбил их в пух и прах. В следующие два дня было покончено с другими отрядами пугачевцев, решивших поискать удачи на Дону.

Войсковой старшина Матвей Платов с полком, пройдя верховые станицы, где Абросим Луковкин сделал свое дело, устремился на Царицын, как и было приказано войсковым атаманом. Но к последнему бою с мятежниками у Сальникова Завода не успел. Зато первый отправил на Дон рапорт с сообщением, что «государственный злодей Амелька Пугачев за Волгою пойман».

Пугачев был доставлен в Москву и через четыре месяца казнен. Но остались пугачевцы, многочисленные отряды которых разбрелись по уездам Казанской и Воронежской губерний, наводя ужас на население. Три года потребовалось походному полковнику Платову, чтобы окончательно истребить мятежников.

Матвей Иванович вернулся на Дон. Войском к тому времени командовал Алексей Иванович Иловайский, назначенный на должность атамана вместо осужденного за сепаратизм Степана Даниловича Ефремова. Он хотя и не притеснял зятя своего опального предшественника, однако же и не представлял его к очередному чину, очевидно, из опасения навлечь на себя гнев императрицы. Правда, разрешил основать сразу три хутора на берегах рек Большой и Малой Крепких и в устье балки Ольховой, заселив их крестьянами, купленными в ближайшем уезде.

В начале января 1778 года Матвей Иванович, заручившись рекомендательным письмом атамана к Григорию Александровичу Потемкину, отправился с братом жены в Петербург просить о свидании с опальным тестем, сосланным в Пернов. Степану Даниловичу разрешили поселиться в Таганроге, но он предпочел остаться в столице. Ходоки вернулись на Дон лишь через шесть месяцев.

После войны и бунта

«Русский бунт, бессмысленный и беспощадный», показал, что казаки готовы служить царю и отечеству, но не самозванцу. Однако преданность престолу не избавила их от притеснений самодержавия. В 1775 году на Дону было учреждено гражданское правительство, осуществлявшее функции управления на своей территории на основании общих законов Российской империи под руководством «главнокомандующего Войска князя Потемкина». Власть атамана ограничивалась лишь «воинской частью», а сам он назначался и утверждался высочайшим указом. Урезались и права круга.

Вместе с тем Екатерина поняла, что в отношениях с Доном нельзя полагаться только на силу, но следует самой царской службе казаков придать необходимый авторитет. Сразу после заключения мира с Турцией и подавления пугачевского бунта императрица пожаловала Войску за вклад в общий успех русского оружия великолепное знамя, а его атаману — булаву и насеку. При этом государыня выражала надежду, что присланные символы станут «для потомков по-

буждением к подвигам и напоминанием» о щедротах монархии к своим героям.

И еще одна милость прозорливой Екатерины Алексеевны, на первых порах не оцененная казаками: она вписала донскую иерархию чинов в общероссийскую, сделав первую начальной ступенью последней, и тем самым открыла широкий простор для продвижения по службе людям талантливым, не имевшим прежде никакого поощрения. В результате на просторах Дона появились сословие дворян, первые генералы и графы, заслуги которых получили высокую оценку народа и верховной власти. Среди них Ф. П. Денисов, А. И. Иловайский, В. П. Орлов, М. И. Платов, В. В. Орлов-Денисов, А. К. Денисов и многие другие.

В этом же ряду и еще одна мера верховной власти. В 1775 году Г. А. Потемкин вменил в обязанность донской войсковой канцелярии выбрать «порядочного поведения, самых лучших видом и ростом шестьдесят пять человек» и отправить их в столицу «для употребления при высочайшем дворе». При этом казакам внушалось, что они удостоились столь высокой чести «в знак ревности и усердия всего войска». Первая такая команда прибыла в Петербург вскоре после казни Пугачева. В последующем через каждые два года на воспитание в духе преданности монархии отправлялась очередная партия посланцев Дона.

Вслед за воинами двинулись безусые юнцы. В конце лета 1776 года донская канцелярия отправила шесть казачьих детей обучаться в Московский университет и одного — в Харьковский коллегіум. Семь молодых людей — капля в море, но все-таки...

Думаю, светлейший князь Григорий Александрович не кривил душой, когда писал атаману Алексею Ивановичу Иловайскому: «Я себя почитаю счастливейшим, что во время начальствования моего над сим знаменитым воинством не мало имел случаев объявлять высочайшие к оному милости и матерние взыскания».

Так что отношения казаков с властью были нормальные. С силами природы дело обстояло сложнее. И с соседями — не лучше.

* * *

Во время войны с турками и пугачевского бунта казалось, что «все возможные роды лишений и несчастий нарочно соединились против Войска». С севера ему угрожали мятежники, с юга — ногаи и крымский хан. Не хватало продовольств-

вия и фуража. Начался падеж скота. Многие казаки пошли по миру.

Но и заключение мира с Османской империей и подавление мятежа не принесли облегчения. Последовал ряд студеных зим и неурожайных лет. Саранча истребила хлеба и травы на огромных просторах Донского края. Нетронутой осталась лишь Маньчская степь.

В феврале 1778 года ногайские орды, подстрекаемые недавно побежденной Турцией, перешли Кагальник и вторглись во владения Войска якобы в поисках спасения от черкесов, а на самом деле с целью захвата Маньчской степи. Алексей Иванович Иловайский приказал казакам быть «в ежеминутной готовности к поголовному походу», а сам укатил в Петербург, чтобы добиться разрешения Григория Александровича Потемкина «отмстить татарам за древние их обиды», причиненные донцам.

Ополчение, собранное против ногаев, было разделено на три отряда во главе с заслуженными походными атаманами Макаром Грековым, Ильей Денисовым и Осипом Даниловым. Под их началом состояли восемнадцать полковников, каждый из которых командовал тремя станицами. На долю войскового старшины Матвея Платова выпали Раздорская, Семикаракорская и Кочетовская, в которых он и проводил время в заботах о подготовке казаков к походу против ногайских татар.

Потемкин не позволил применить силу. Поход не состоялся. Казаки остались в своих станицах. Командиры разъехались по домам. Вернулся в Черкасск и Платов. Ногайцы убрались восвояси.

В июне 1782 года Платов, оставив больную жену на попечение родственников, отправился с полком своим на Моздокскую линию защищать русские поселения от набегов горцев из Кабарды и Чечни.

Вопреки утверждению старых и новых историков, он никогда не воевал в составе Кубанского корпуса Суворова. Матвей Иванович находился в это время на Северном Кавказе. Он выполнял рискованные поручения генерал-поручика Павла Сергеевича Потемкина, разведывая дороги в горные селения чеченцев, по которым потом проводил отряды регулярных войск. Однажды в стычке с горцами у деревни Гехи под ним была ранена лошадь, а сам он, падая, вывихнул руку.

...Я не раз бывал в этой деревне в гостях у моих добрых друзей, ходил к старому дубу, в тени которого, по преда-

нию, якобы отдыхал когда-то после дальней дороги молодой русский офицер Лев Николаевич Толстой; освежал лицо студеной водой Валерика, воспетого другим гением нашей литературы — Михаилом Юрьевичем Лермонтовым; поднимался высоко в горы, любовался плывущими внизу облаками и зеленью альпийских лугов в просветах между ними...

Как давно это было. Живы ли вы, мои друзья? Стоит ли еще тот могучий дуб? Кто ответит?..

28 июля 1783 года был подписан Георгиевский трактат, по условиям которого правительство Екатерины брало на себя обязательство отстаивать территориальную целостность Грузии и предоставляло новым подданным одинаковые с русскими права. Царь Ираклий получал полную свободу в сфере внутреннего управления, но уступал ее величеству все вопросы внешней политики.

Для упрочения положения русских в Грузии закладываются новые крепости, создается Кавказская оборонительная линия, строится Военно-Грузинская дорога, куда в конце 1783 года отправляется Матвей Иванович Платов с казаками, чтобы содержать посты и охранять следующих по ней курьеров и путешественников.

Платов нравился командиру Кавказского корпуса П. С. Потемкину, ибо был «по роду службы своей отличных способностей, послушлив, храбр и весьма доброго поведения». Павел Сергеевич, представляя Матвея Ивановича к повышению, писал о нем светлейшему князю Таврическому: «В чине донского полковника весьма стар, а армейского не имеет».

25 ноября 1784 года Платов был произведен в чин майора. Ему тридцать один! Пора бы подняться выше. Как видно, фортуна не слишком баловала его своим вниманием — двенадцать лет проходил в войсковых старшинах. Многие молодые донцы обошли его. Матвей Иванович болезненно переживал это.

В 1785 году вернулся Матвей Иванович в Черкасск. На войсковом кладбище покоилась усопшая без него его супруга Надежда Степановна. Матвей Иванович выпил над могилой жены горчичной, поплакал. Возможно, там и встретил Марфу Дмитриевну Кирсанову, вдову своего покойного друга, вместе с которым когда-то гонялся за бандами пугачевцев. С ней и соединил свою жизнь. Детей стало трое: его — Иван и ее — Кирсан и Екатерина. Похоже, любил он свою вторую супругу по-настоящему, коль первую дочь, рожденную в браке с нею, назвал ее именем — Марфа.

Три года Матвей Иванович прожил в Черкасске, лишь однажды выехав на три месяца в Петербург по вызову светлейшего князя Григория Александровича Потемкина. Занимался хозяйством, детьми, заботился о жене Марфе Дмитриевне. Не только счастье, но и удача повернулась к Платову лицом: на вторую войну с Турцией уходил полковником. Два чина за три года — совсем неплохо.

В самом конце 1787 года по предписанию главнокомандующего Екатеринославской армией князя Потемкина Матвей Иванович отбыл в Бахмут. В его отсутствие Марфа Дмитриевна родила еще одну дочь. По просьбе отца ее назвали Анной — в честь бабушки Анны Ларионовны.

Глава вторая

ГЕРОЙ ОЧАКОВА И ИЗМАИЛА

«Войско исправное и расторопное»

Турция не примирилась с утратой Крыма. Подстрекаемая Англией, 13 августа 1787 года она объявила войну России. На юге империи началось спешное формирование двух армий — Екатеринославской под командованием князя Г. А. Потемкина-Таврического и Украинской во главе с графом П. А. Румянцевым-Задунайским: первая должна была развивать наступление вдоль западного побережья Черного моря в направлении на Очаков — Измаил, чтобы соединиться с австрийцами и выйти к Дунаю; вторая — прикрывать театр военных действий со стороны враждебной Польши. Кубанскому корпусу генерал-аншефа П. А. Текелли-Поповича, основу которого составляли двадцать семь донских казачьих полков, предписывалось ударить через «вершины снежных гор» на Анапу.

Война началась с нападения турецкого десанта на крепость Кинбурн, стоявшую на оконечности длинной косы, запиравшей вход в Днепровский лиман со стороны моря. Крепость защищала недавно основанные Херсон и Николаев с их верфями и пресекала сообщение между Очаковом и Крымом. Заботу о безопасности этого важного в стратегическом отношении района фельдмаршал Г. А. Потемкин возложил на генерал-поручика А. В. Суворова.

Флот турецкий подступает,
Турок на косу сажает,
И в день первый октября
Выходила тут их тьма...

В таком вот ритме солдатской песни передалось нам настроение того дня, надо думать, подогретое упоением победы. Из пятитысячного десанта спаслось максимум 700 че-

ловек. Остальные были перебиты или утонули в волнах Черного моря. На этом, собственно, и закончилась кампания 1787 года.

* * *

В ожидании летней кампании светлейший князь Таврический надумал усилить свою армию, создав из однодворцев Екатеринославской губернии особый казачий корпус числом в пять тысяч человек. Формирование его он поручил Платову. 5 января 1788 года полковник прибыл в Бахмут, где получил ордер Потемкина с предписанием «до истечения марта месяца» обучить крестьян всем боевым приемам и подготовить «из них войско исправное и расторопное». А чтобы придать герою больше охоты к делу важному, без обиняков заключил, что выполнение сего задания «может послужить к приобретению отличного награждения».

Кому же не нравится получать награды? А Матвей Иванович, между прочим, за восемнадцать лет службы пока лишь однажды получил медаль, правда, высокую — именную за подвиг на реке Калалах.

В помощь Матвею Платову атаман прислал войсковых старшин Павла Иловайского, Андриана Денисова, Петра Мартынова и Ивана Родионова, а также есаулов, сотников, хорунжих и 507 отборных казаков.

Платов энергично взялся за дело. Деревни назвал станицами, крестьян — казаками, наделил их землей и от имени ее величества объявил об освобождении от всех податей; поселян, годных к военной службе, распределил по полкам и сотням, обмундировал, вооружил и немедленно ввел в строй.

Снаряжались новоявленные казаки за счет казны, правда, с возвратом из жалованья, положенного им за действительную службу по 12 рублей в год в военное время.

Стоит ли говорить, с какой радостью екатеринославские крестьяне восприняли перемену в своем положении. Да за такую жизнь десятки тысяч русских мужиков, поверивших Разину и Пугачеву, положили голову на плаху!

Светлейший был доволен «прилежными упражнениями» Платова по созданию «войска казацкого Екатеринославского». Но все-таки советовал поспешить с окончанием порученного дела.

И Платов спешил, сам не знал покоя и не давал покоя другим. С утра до вечера донцы учили своих новых соратников аллюру, вольтижировке, владению копьем и саблей, развертыванию в лаву, действиям в авангарде и арьергарде,

форсированию больших и малых рек. К 9 мая полки были готовы. Они получили знамена. После торжественного их освящения начался парад. Гигант Потемкин взирал на них своим единственным глазом и все примечал. То ли он не успел переговорить с Матвеем Ивановичем, то ли думал о будущих историках, только из-под его пера в тот же день вышел документ, не нуждающийся в комментариях.

Г. А. Потемкин — М. И. Платову,

9 мая 1788 года:

«С немалым удовольствием видел я полки казацкие левой стороны Днепра; совершенство их вооружения и поспешность приносят Вам должную честь, что я в полной мере не оставлю представить Ее Императорскому Величеству. Скорое понятие оборотов казацких и видимая в них добрая воля столь меня обязывают доброхотствовать им, что я не упущу всячески стараться о выгодах их. Сколько мне было приятно видеть скорые плоды сего вновь учрежденного войска, и сие умножилось видом бодрых воинов, какой они имеют; не похожи на новобранцев, кои сидят, как клуши, и прежде смерти каменеют; они уже приобрели осанку, приличную рыцарям. Объявите всем сие, да даст им Бог храбрость противу неприятеля, которому нанося удар, получают они наследственную славу и тем прославят имя однодворческое».

Потемкин слов на ветер не бросал. Уже на следующий день он сообщил Екатерине, что смотрел новые полки и с «крайним удовольствием» обнаружил в них «проворство» опытных казаков, «превосходную охоту и усердие к службе», и тут же попросил императрицу о награждении Платова, который «столь преуспел в порученном ему деле», орденом Владимира 4-й степени.

Платов был назначен атаманом Екатеринославского войска, в состав которого вошли также греки, армяне, сербы и хорваты, проживавшие на его территории. Скоро его казаки приняли боевое крещение.

Формируя и обучая новые казачьи полки, Матвей Иванович на несколько дней сумел вырваться в Черкасск. После его отъезда Марфа Дмитриевна снова понесла...

Очаков

Зима прошла относительно спокойно. Войска простояли на зимних квартирах. Обе стороны готовились к летней кампании. Было очевидно, что основные события развернутся там же, где и осенью минувшего года, — в районе Днепро-Бугского лимана: либо турки еще раз попытаются взять

Кинбурн, либо русские, опередив неприятеля, соберутся с силами и завоюют Очаков, чтобы не только обезопасить, но и расширить владения империи на юге. В целом, события так и развивались. С известными отклонениями, конечно.

А. В. Суворов предложил Г. А. Потемкину штурмом взять Очаков. Но великому администратору пришла мысль создать о себе мнение как о великом полководце. И он отказал герою Кинбурна, решив оставить эту крепость для себя.

25 мая 1788 года князь Таврический, подняв без малого 50 тысяч солдат и казаков Екатеринославской армии, оставил Ольвиополь и двумя колоннами двинулся вниз по течению Южного Буга. Пять недель потребовалось ему, чтобы преодолеть расстояние, которое не спеша можно было пройти за десять дней.

Впереди шел конный отряд генерал-майора П. А. Палена, который почти на три недели опередил армию и достиг Очакова. Турки, обнаружив авангард, выслали против него значительные силы. Русские стали отходить, пытаясь увлечь за собой неприятеля и отвести его как можно дальше от крепости. Хитрость удалась. Когда до двух тысяч всадников бросились за отступающими, казаки полковников М. И. Платова и И. И. Исаева остановились, развернулись, атаковали противника и гнали его до самых редутов, после чего вернулись назад.

28 июня командующий привел свою армию к Очакову, завоеванием которого он надеялся приобрести славу героя. Но князь был баловнем судьбы и потому, быть может, не стал великим полководцем.

Очаков, стоявший на скате западного побережья лимана, представлял собой неправильный вытянутый четырехугольник с бастионами. Со стороны воды он был защищен каменной стеной, а с трех других — высоким валом и глубоким рвом, одетым в камень.

Кроме того, перед цитаделью располагались полукружьем десять мощных люнетов, обширное пространство за которыми могло служить лагерем для целой армии.

Внутри крепости было много каменных зданий и две мечети, а на острие Очаковского мыса стоял мощный Гассанпашинский замок, обнесенный земляным валом с рогатками. Со стороны Черного моря подступы к крепости находились под прицельным огнем системы фортификаций небольшого острова Березань.

— Не штурмом хочу взять крепость, — говорил князь. — Она добровольно должна мне сдаться.

Нет, не мог светлейший князь Таврический стать великим полководцем, поскольку слишком ценил жизни своих солдат. Он долго занимался почти бесполезными рекогносцировками, составлением планов штурма Очакова и подготовкой к нему. Но пойти на штурм никак не решался.

При главной квартире Екатеринославской армии собралось блестящее общество. Многие дамы приехали навестить своих мужей или любовников. Жизнь была веселая и роскошная. Адьютанты скакали по соседним губерниям в поисках редкостей к столу князя. Проходили дни, недели, месяцы...

Гости разъехались. Дожди сменились метелями. Наступила «очаковская зима», более суровая, чем обыкновенно. Не осталось ни полена дров. Истопились запасы продовольствия. Вокруг лагеря на несколько переходов — степь, покрытая снегом и льдом. Солдаты страдали от холода и голода. А крепость добровольно не сдавалась. Князь с каждым днем становился все мрачнее и угрюмее.

В ту «очаковскую зиму» день штурма крепости оказался самым холодным. Лишь южане могут представить, что такое 23 градуса мороза при повышенной влажности и сильном ветре. Люди гибли. Похоронные команды ежедневно подбирали от тридцати до сорока окоченевших трупов. Только решительный приступ мог разом избавить от нестерпимых страданий. Солдаты понимали это и рвались в бой.

5 декабря 1788 года собрали армию и объявили:

— Идти назад нельзя. Ни дров, ни хлеба нет. Нам остается взять Очаков или умереть. Завтра день святого Николая, заступника России. А потому завтра — штурм!

Над бескрайней заснеженной пустыней из тысяч простуженных глоток вырвалось хриплое солдатское «ура!».

Атака была назначена на 7 часов утра. Согласно диспозиции, данной фельдмаршалом Потемкиным, на приступ должны были идти шесть колонн одновременно: на замок паши Гассана, Нагорный ретраншемент и собственно Очаковскую крепость.

Успех штурма во многом зависел от действий первой колонны под командованием генерал-майора П. А. Палена. В состав ее вошли Тамбовский пехотный полк, один батальон егерей, армянские волонтеры, тысяча пеших и двести конных казаков полковника М. И. Платова. Еще затемно колонна вышла на исходные позиции и разделилась на три отряда: один устремился к воротам крепости; другой бросился на штурм замка; донцы и екатеринославцы ринулись вдоль ретраншемента и очистили его от неприятеля. Спротивление было сломлено. Теперь надлежало помочь соратникам.

Успешно для русских развивались события и на других участках штурма. Очаков пал. Наградой Платову стал орден Святого Георгия 4-го класса.

Кампания 1789 года

Кампания 1789 года оказалась не просто успешной — триумфальной: войска под командованием А. В. Суворова разгромили неприятеля у Фокшан и под Рымником. Это позволило князю Н. В. Репнину, подкрепленному казаками В. П. Орлова, без особого труда нанести поражение врагу на реке Салче и отбросить его измаильскую группировку к стенам крепости.

13 сентября М. И. Платов с отрядом казаков и конных егерей напал на турок при Каушанах и совершил это с таким искусством и столь стремительно, что разбил их наголову, взяв в плен самого трехбунчужного пашу Зайнал Гасана, чудом унесшего ноги после сражения у Рябой Могилы. За этот подвиг Матвей Иванович получил чин бригадира и звание походного атамана. Скоро сюда же прибыл с основными силами светлейший князь Таврический.

Фельдмаршал расположил войска на отдых, а Платову приказал немедленно выступить и занять Паланку. Всего за один переход тот достиг цели, беспрепятственно вошел в покинутый турками замок и пленил его коменданта, не успевшего бежать вместе со всеми. Здесь казаки нашли восемь медных пушек, много пороху, ядер и прочих припасов. Естественно, удачливый бригадир тут же отправил курьера в Каушаны, чтобы порадовать светлейшего успехом, добытым без малейшего приложения сил и без потерь.

Командующий, получив рапорт походного атамана, предписал ему следовать к Аккерману и предъявить тамошнему коменданту ультиматум — сдать крепость в обмен на полную свободу всем осажденным после капитуляции. Трехбунчужный паша Тайфур Салоникский попросил дать ему ночь на размышление. И получил согласие бригадира. Утром следующего дня турки выслали парламентаря, который потребовал отправить его к русскому фельдмаршалу, находившемуся уже в Паланке. Матвей Иванович и на этот раз уступил. Однако Григорий Александрович лишь подтвердил условия, изложенные Платовым. С тем турок и вернулся назад. Несколько часов гарнизон выиграл, но положение его не изменилось, ибо никто не пришел ему на помощь. Это явилось следствием рымникской победы А. В. Суворова.

Понятно, что турки и не думали сдаваться. Как только казаки подошли к стенам крепости, они открыли жесточайший огонь из всех орудий с крепостного вала и военных кораблей, стоявших на Днестре. Платов не стал испытывать судьбу и не бросил своих бесстрашных конников под картечь врага.

Г. А. Потемкин, узнав об этом, сразу же перебросил под стены Аккермана все наличные сухопутные войска и корабли флотилии, стоявшие у Гаджибея. Столь внушительная демонстрация силы произвела впечатление на защитников крепости, и они выслали к командующему двух своих представителей с извинениями, что не смогли сразу уразуметь русского письма бригадира М. И. Платова. Адьютанты светлейшего доходчиво объяснили посланцам паши, что от них требуется одно — капитуляция.

29 сентября 1789 года Аккерман был сдан. На четвертый день паша Тайфур Салоникский вывел из крепости трехтысячный гарнизон. Победителям достались десятки знамен и около сотни пушек.

«Поздравляю с завоеванием Аккермана и Паланки, — писал А. В. Суворов Г. А. Потемкину. — Боже, благослови далее высокие подвиги Вашей светлости».

Пока Матвей Иванович очищал от турок крепости в Приднестровье, Марфа Дмитриевна благополучно разрешилась от бремени и подарила мужу третью дочь Марию, ставшую любимицей отца.

«Гордый Измаил пал»

В конце 1790 года русские войска, овладев Тульчей, Килией и Исакчей, вышли к Дунаю и остановились у Измаила, обороняемого почти 40-тысячным гарнизоном во главе с трехбунчужным пашой Айдос Мехметом. Твердыня, основанная еще генуэзцами, перестроенная и укрепленная французскими и немецкими инженерами, представляла собой прямоугольный треугольник, обращенный гипотенузой к воде. Вдоль его катетов тянулся высокий оборонительный вал, а перед ним — глубокий и широкий ров, наполненный водой, местами доходившей до пояса и даже до плеч. На штурм такой крепости, по мнению А. В. Суворова, можно было отважиться лишь один раз в жизни.

В начале октября светлейший князь Таврический приказал стягивать войска к Измаилу. Подошли корпуса П. С. Потемкина и И. В. Гудовича. Флотилия Осипа де Рибаса вошла в устье Килийского рукава Дуная, овладела островом Чатал напротив крепости и возвела на нем ряд бата-

рей. Общая численность армии, собравшейся под стенами цитадели, достигла 30 тысяч человек, в том числе 8 тысяч казаков.

Все попытки убедить турок сдать крепость без кровопролития не имели успеха. Время шло. Скоро стал чувствоваться недостаток в продовольствии. Солдаты устали, поникли духом. А Иван Васильевич Гудович, старший среди «равночинных генералов», все не решался на активные действия. Он собрал военный совет, который признал за лучшее отказаться от штурма и предложил отвести войска на зимние квартиры.

Терпение главнокомандующего лопнуло. Императрица требовала от него скорейшего окончания войны, а генералы отказались идти на приступ крепости и тем отодвинули на неопределенный срок подписание мира. 25 ноября светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический отправил курьера с ордером и личным посланцем к сиятельному графу А. В. Суворову-Рымникскому. Приказав великому полководцу поспешить под стены Измаила, чтобы принять командование над всеми стоявшими там войсками, он писал, поясняя, убеждая и уговаривая:

«Измаил остается гнездом неприятеля. И хотя сообщение прервано через флотилию, но все он вяжет руки для предприятий дальних. Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость. Поспеши, мой милостивый друг! По моему ордеру к тебе присутствие там личное твое соединит все части... Рибас будет во всем на подмогу и по предприимчивости, и усердию; будешь доволен и Кутузовым. Огляди все и распоряди, и, помоляся Богу, предпринимай. Есть слабые места, лишь бы дружно шли. Князю Голицыну дай наставление. Когда Бог поможет, пойдем выше».

Утром 2 декабря 1790 года в расположение русских войск под Измаилом прибыл новоиспеченный граф А. В. Суворов-Рымникский в сопровождении казака, державшего в руке небольшой узелок с имуществом знаменитого генерала. Маленького, тщедушного старика встретили приветственной пальбой из ружей и пушек.

Уже на следующий день он доносил главнокомандующему о подготовке к штурму и всеобщей ревности к службе.

На военном совете Суворов сказал так:

— Дважды уже осаждала русская армия Измаил и два раза отступала. В третий раз нам остается победить или умереть. Правда, трудности большие, крепость сильная, гарнизон ее — армия. Но ничто не может противиться силе оружия российского. Отступление произвело бы сильный упадок духа в войсках, отозвалось бы во всей Европе и придало бы еще более высокомерия туркам.

Наконец Суворов объявил о своей решимости водрузить русские знамена на стенах Измаила и предложил собравшимся высказать свое мнение по этому вопросу:

— Пусть каждый из вас подаст свой голос, не сносясь ни с кем, кроме Бога и совести.

Бригадир М. И. Платов, как самый младший по возрасту и чину, должен был высказаться первым. Александр Васильевич взял у него записку и с нескрываемым восхищением прочел:

— Штурмовать!

«Штурмовать!» — написали все генералы.

Полководец кинулся на шею Платову и, обнимая его, приговаривал:

— Матвей Иванович, голубчик, казак, герой! Не сомневался, ей-богу, не сомневался, благодарю, душевно благодарю.

И довольный рассмеялся.

Наградив каждого звучным поцелуем, Суворов закрыл заседание совета:

— Сегодня — молиться, завтра — учиться, послезавтра — победа или славная смерть.

Штурм крепости был назначен на 11 декабря 1790 года.

7 декабря А. В. Суворов послал коменданту крепости и командующему армией, укрывшейся за ее стенами, паше Айдос Мехмету письмо фельдмаршала Г. А. Потемкина с предложением сдать Измаил, чтобы избежать напрасного кровопролития. К нему он приложил свою записку: «Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю на ваше рассмотрение».

Один из помощников храброго паши, принявший тогда пакет от русского парламентаря, сказал:

— Скорее Дунай остановится в своем течении, скорее небо упадет на землю, нежели сдастся Измаил.

Между тем русские готовились к штурму: плели фашины, сколачивали длинные лестницы, возводили редуты. Суворов составил обстоятельную диспозицию, в которой определил место каждого полка, роты, эскадрона, сотни. Он планировал бросить на приступ три группы войск под командованием генералов Павла Потемкина, Александра Самойлова и Осипа де Рибаса.

Донские казаки, объединенные в две колонны, 4-ю и 5-ю, под командой бригадиров В. П. Орлова и М. И. Платова, должны были действовать в пешем строю на левом крыле атаки в составе группы генерал-поручика А. Н. Самойлова.

За сутки до штурма на Измаил обрушился удар из 600 ору-

дий флотилии, острова Чатал и батарей правого и левого флангов. Турки мужественно выдержали первый шквал огня, потом ответили непрерывной пальбой из пушек, которая постепенно стала слабеть, а к ночи прекратилась совсем.

11 декабря 1790 года. Темная ночь и густой туман опустились на землю. Никто не спал. Солдаты и казаки грелись вокруг костров, переговаривались. Суворов ходил по бивакам, шутил, ободрял людей. Они прониклись его уверенностью и ожидали сигнала к атаке.

Войска заранее вышли на исходные позиции и затихли. В 5 часов утра в небо взвилась последняя сигнальная ракета, возвестившая о начале штурма. Увлекая егерей и гренадеров, пошли на приступ колонны Львова, Ласси, Мекноба и Кутузова. Осип де Рибас высадил на берег со стороны Дуная десантные отряды Арсеньева, Чепеги и Маркова.

Василий Орлов повел свою колонну в 2 тысячи человек на приступ Толгаларского укрепления восточнее Бендерских ворот с целью последующего движения влево для поддержки казаков Матвея Платова. Вал здесь был очень высок, крут и защищен пушками. А перед валом — глубокий ров, местами наполненный водой.

Матвеем Платову, возглавлявшему пятитысячную колонну казаков, предписывалось штурмовать крепостной вал по лощине между Бендерскими и Килийскими воротами, а затем, оказав содействие высадке десантного отряда Николая Арсеньева с флотилии речных судов, овладеть Новой крепостью.

Непосредственным начальником бригадиров В. П. Орлова и М. И. Платова генерал-аншеф А. В. Суворов назначил графа И. А. Безбородко, а последнего подчинил командующему группой войск левого фланга А. Н. Самойлову.

В первых рядах обеих колонн шли охотники, вооруженные двенадцатиметровыми штурмовыми лестницами, и стрелки, призванные прикрывать своим огнем отважных добровольцев.

Туман уже не мог скрыть наступающих. Молчавшая до того крепость разом ожила, огласилась громом и треском выстрелов со всех трех фасов.

Везувий пламень изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит...

На подступах ко рву казаков осыпал град свинцовой картечи и пуль, выбивая из рядов десятки убитых и раненых. Казаки заколебались, но быстро оправились, достигли рва. Полетели вниз фашины, мгновенно были установлены лест-

ницы. Офицеры, увлекая своим примером рядовых, решительно устремились наверх.

Молодой есаул Петр Грузинов, как свидетельствует его формулярный список, «находился с охотниками все это время впереди» и одним из первых, если не первым, «влез на батарею» по штурмовой лестнице, которую принес вместе с другими добровольцами. Вслед за ними, отбиваясь саблями и пиками, вскарабкались Андриан Денисов, Иван Греков, другие полковые начальники, многие казаки. Но прорваться через туры они не смогли.

Завязалась страшная рукопашная схватка. Вот уже сброшен оглушенный ударом банника по голове Андриан Денисов; пущенным из рук ядром «получил от неприятеля контузию в груди» Петр Грузинов; избитые и раненые падают вниз другие смельчаки. А помощи нет. Попытка штурмом взять измаильские укрепления на левом фланге атаки оказалась неудачной.

Неудача эта объясняется тем, что турки сделали вылазку через Бендерские ворота и большими силами устремились во фланг и тыл штурмующим. Начался отчаянный бой. Пики казаков разлетались под ударами турецких сабель. Ров наполнялся телами спешенных станичников. Растерянность охватила даже бывшего командира колонны Василия Орлова. Видя гибель своих людей, он, по свидетельству очевидца, воскликнул:

— Жаль, пропала слава донских казаков!

Столь же неудачно развивались события на направлении атаки 5-й колонны. Несмотря на жесточайший обстрел, казаки преодолели ров, взобрались на вал и готовы были утвердиться на его куртине. Но именно в это время турки отворили Бендерские ворота... Казаки бригадира Матвея Платова тоже были сброшены с вала.

В общем, пропала бы слава донцов, если бы А. В. Суворов не заметил их отчаянного положения и не отрядил на помощь им воронежских гусар и тысячу казаков из резерва 3-й колонны генерал-майора Федора Мекноба, а также карабинеров и пехотинцев. Все турки, вышедшие из крепости, были перебиты во рву и у Бендерских ворот.

Когда опасность миновала, бригадиры снова повели свои сильно поредевшие колонны на приступ. Среди казаков было много необстрелянной молодежи. Горы тел погибших товарищей испугали их. Тогда Платов бросился вперед, схватил лестницу и громко воззвал:

— С нами Бог и Екатерина! Товарищи, братья, русские — за мной!

И сам первым полез наверх. До чего же прекрасен, должно быть, был он в ту минуту. Жаль, не нашлось художника, вдохновленного этим эпизодом из боевой биографии донского героя.

Казачьи обеих колонн снова поднялись на вал и держались на нем, несмотря на настойчивые контратаки неприятеля. В ожесточенном бою на куртине был тяжело ранен в руку генерал-майор Илья Андреевич Безбородко. Теряя силы, он передал командование войсками бригадире Матвею Ивановичу Платову. В это время подоспел батальон бугских егерей, присланных с левого фланга Михаилом Илларионовичем Кутузовым на помощь терпевшим бедствие соратникам. Это подкрепление, кажется, и склонило чашу весов. Неприятель был повержен, бастион у Бендерских ворот взят. Донцы устремились по ложине, разделявшей Измаил на две части, достигли берега и вошли в связь с десантом Николая Дмитриевича Арсеньева, который атаковал крепость со стороны Дуная.

Сам Платов в рапорте начальству не указал, что после ранения Безбородко принял на себя командование колоннами, входившими в состав группы войск левого фланга. Это, однако, не дает оснований ставить под сомнение столь важный факт в его биографии. Другие-то военачальники обратили на это внимание.

Получившие ранения во время первого приступа Андриан Денисов, Иван Греков, Петр Грузинов, другие офицеры не вышли из сражения. Они были в рядах штурмующих.

Успешно, хотя и с потерями, развивался штурм и на самом краю левого фланга, которым командовал Михаил Кутузов, и на всем правом крыле атаки, где действовали три колонны под общим командованием Павла Потемкина, и с судов флотилии под началом сухопутного генерала Осипа де Рибаса, будущего основателя славного в нашей истории города Одессы.

К восьми часам утра русские заняли все внешние укрепления Измаила и после непродолжительной передышки двинулись к центру города, где паша Айдос Мехмет укрылся за стенами каменных строений и под защитой нескольких тысяч самых надежных солдат. Каждый дом, каждую улицу приходилось очищать штыками. Никто не просил пощады, ибо знал — не получит. Потому-то и стояли до последнего мужчины, женщины, старики.

И все-таки «гордый Измаил пал» и был отдан А. В. Суворовым на поживу солдатам. Защищать имущество было некому. Горы трупов венчали эту победу: турки потеряли поч-

ти 31 тысячу человек убитыми; русские оставили на подступах к крепости, на ее валах, бастионах и улицах до четырех тысяч своих сынов.

Особенно велик был урон в офицерском корпусе русской армии — до двух третьих состава. У казаков были ранены Петр Денисов, Дмитрий Кутейников, Алексей Иловайский, Иван Платов, многие полковые начальники, есаулы, сотники, хорунжие.

Князь Г. А. Потемкин, уведомляя императрицу о том, что Измаил «взят штурмом с неописанною храбростью войск вообще», отметил, что «казаки разного звания не уступали регулярным». О своих заслугах фельдмаршал ничего не писал. Зато энергично хлопотал о награждении других, прежде всего графа А. В. Суворова.

Наградными его величества были отмечены бригадиры Василий Орлов и Матвей Платов, командиры полков Петр и Иван Денисовы, Николай Иловайский и Яким Машлыкин, уцелевшие после штурма охотники Емельян Астахов, Федор Мелентьев, Тимофей Попов, Андрей Харитонов, Никита Сидоров, Кирей Варламов, Алексей Греков, Антон Коньков, Петр Грузинов и еще десятка два сотников и хорунжих.

Золотого знака Военного ордена удостоился раненый во время штурма девятнадцатилетний есаул Иван Матвеевич Платов. 15 февраля 1791 года он был произведен в чин поручика.

Падением Измаила закончилась кампания 1790 года. Войска ушли на зимние квартиры. Под началом бригадира М. И. Платова в это время числилось одиннадцать казачьих полков. Секретарь Екатерины и ее докладчик по важнейшим вопросам Александр Андреевич Безбородко, посетивший тогда армию, писал о донцах:

«Легкие войска казачьи, надобно отдать справедливость, в весьма хорошем состоянии. Начальники их — люди предостойные: бригадиры Орлов и Платов и полковник Исаев, люди знающие, скромные и такие, что их нигде показать не стыдно. Как их равнять с [Федором] Денисовым, который прямо ничто перед ними».

К последнему сравнению мы еще вернемся...

Стареющий князь Григорий Александрович Потемкин укатил в столицу, где ему готовилась триумфальная встреча, призванная утешить фаворита, уступившего в соперничестве за место в сердце императрицы молодому Платону Зубову. Вслед за ним поехали в Петербург другие высокие начальники — герои измаильского штурма. Отправился туда и Матвей Иванович Платов.

Глава третья

НА ИСХОДЕ ВЕКА

В столицу

По пути в Петербург завернул герой Измаила в Черкасск. Въехал во двор, поводья привязал за перила крыльца и быстро — в хату. Дородная Марфа Дмитриевна, вывалив из халата грудь, кормила малютку Машеньку. Девятилетняя дочь ее, Екатерина, занималась с младшими сестрами, пичкая их кашей. Сыновей дома не было: Кирсан с утра ушел в канцелярию, где начал службу казаком-рассыльным; Иван лечился после ранения в госпитале.

— Матвей, сокол мой, жив, слава Богу, — засуетилась Марфа Дмитриевна, укладывая ребенка в люльку, подвешенную на крюке, — отвоевался наконец. Заждалась я, — и кинулась к мужу.

Месяц пролетел как один день. Матвей Иванович был ласков с женой, играл с девочками, беседовал с сыновьями. В начале марта укатил в столицу. Марфа Дмитриевна снова забрюхатила.

25 марта 1791 года для героев измаильского штурма был устроен прием в Зимнем. Присутствовал на нем и Платов, удостоенный особого внимания императрицы Екатерины Алексеевны. По преданию, записанному Смирным, «сия великая государыня, похвалив службу» отважного бригадира, заверила его в своем расположении и наградила «правом во время приездов останавливаться в самом дворце, в коем на этот случай повелено было выделять для него комнаты». Думаю, что поведал Николаю Федоровичу об этом сам Матвей Иванович, а он, случалось, преувеличивал.

Но в тот раз Платов сказал правду. Камер-фурьерские журналы снимают все сомнения. Еще до того, как Матвей Иванович стал атаманом, он едва ли не каждый год приезжал в Петербург и чуть ли не каждый день обедал вместе с

членами царской семьи и их гостями. Конечно, сначала испытывал неловкость, но со временем освоился.

Поток наград, обрушившихся на участников приема, был обильным. Суворова императрица пожаловала чином подполковника лейб-гвардии Преображенского полка и похвальной грамотой с описанием всех его заслуг перед Отечеством. Поскольку знаменитый полководец имел уже весь набор российских орденов, то было приказано выбить золотую медаль с его изображением в виде античного героя согласно господствовавшим тогда в искусстве канонам классицизма. Такую же получил только Потемкин за штурм Очакова. Бригадир Платов удостоился Святого Георгия 3-го класса.

29 декабря 1791 года в Яссах был подписан мирный договор. Империя Екатерины Великой утвердилась на берегах Черного моря. Заслуженные военачальники и даже полковые командиры получили там земли. Бригадиру Платову выпали 12 тысяч десятин в Херсонской губернии. Не сумел, однако, герой Измаила их освоить. Пришлось вернуть награду ее величества в казенное ведомство. Правда, не даром — за деньги, в которых имел он такую нужду, «что с трудом мог в прожитии своем изворачиваться».

Да, Платов оказался без средств и вынужден был сдать в казенное ведомство за бесценок пожалованные ему земли — по рублю за десятину. Но его отнюдь нельзя назвать бедным. Он имел табун, из которого в один прием мог поставить 200 лошадей в полки Екатеринославского войска. У него были деревни, а в них по последней переписи числилось 1640 душ. Правда, все беглые, укрывшиеся на Дону еще до запрета принимать таковых. Матвей Иванович приказал управляющему своими имениями Ивану Бугаевскому «оним пришлым людям выстроить дома для жительства» и освободить их на семь лет от «барщинных работ и оброка». Потому и испытывал он крайнюю нужду в деньгах и впал в долги. Впрочем, мы еще вернемся к этому...

Будни и праздники

Торжества по случаю взятия Измаила продолжались долго, но и они кончились. Начались будни жизни и службы. Платов вернулся в Черкасск. Почти все свое время он посвятил семье, а также рыбной ловле, которой очень увлекался. Иногда выезжал в Петербург. Так, в самом конце 1791 года он прибыл в столицу с отчетом о состоянии Екатеринославского войска. Но как долго там оставался, неизвестно.

но. Новому президенту Военной коллегии графу Николаю Ивановичу Салтыкову, сменившему покойного князя Григория Александровича Потемкина, Матвей Иванович понравился.

Последние дни отпуска прошли в сборах в дорогу. Путь предстоял не дальний. Но и не близкий — в Чугуев, центр Екатеринославского войска. Настроение было скверное. Не хотелось оставлять жену и детей, которым в силу обстоятельств так мало уделял внимания. Но долг требовал, и он уехал, пообещав быть в декабре, когда Марфа Дмитриевна должна была родить. Перед Новым годом она разрешилась девочкой. Отец-то ждал сына и хотел назвать его Александром — в честь любимого внука императрицы Екатерины. Великий князь Александр Павлович был красив и умен. Матвей Иванович видел его и 25 марта на приеме в Царском Селе, и 28 апреля на балу в Таврическом дворце. Будущий монарх понравился герою Измаила, и он боготворил его до конца дней своих. Пройдет еще несколько лет, и эта симпатия станет взаимной.

В конце апреля 1792 года Матвей Иванович снова отправился в Петербург, куда прибыл накануне дня святого Николая Чудотворца. 9 мая он поздравил императрицу с праздником, и она протянула ему руку для поцелуя, на что обратил внимание камер-фурьер Андрей Волков. Потом вместе с другими гостями ее величества был зван к столу; правда, в списке приглашенных он — в самом конце, после него — лишь безмянные офицеры гвардии и дежурные фрейлины. Здесь наш герой, кажется, впервые так близко увидел цесаревича Павла Петровича и великую княгиню Марию Федоровну, сыгравших заметную роль в его жизни. Вечером состоялся бал. Только вряд ли «казацкого войска бригадир» присутствовал на нем, ибо получил приказ срочно возвращаться в Чугуев.

В это время на Дону взбунтовались казаки, не пожелавшие служить в Таврии. На Платова с полками Екатеринославского войска была возложена задача усмирить мятежников и отправить их в Крым. Обычно полицейские функции, возлагаемые на военных, вызывали негодование в офицерской среде. Матвей Иванович — не из таких. Он выполнил поручение с видимым удовольствием и извлек из него немалую выгоду.

Из Петербурга Платов на несколько дней заехал в Черкасск и снова отбыл в Чугуев. Так и курсировал между этими городами. В конце 1792 года он снова принимал поздравления: Бог дал ему сына Матвея.

1 января 1793 года бригадиру Платову был пожалован чин генерал-майора. А вскоре из уцелевших после войны с Турцией казаков регулярного Екатеринославского войска были сформированы три полка, названных Чугуевскими. Их шефом остался Матвей Иванович, хотя его всесильный покровитель князь Григорий Александрович Потемкин уже умер. Нашлись другие, столь же влиятельные: Николай Иванович Салтыков и новый фаворит императрицы Платон Александрович Зубов.

С бунтом на Дону было покончено. Наказание мятежников происходило в станице Нижнечирской, куда прибыли князь А. Н. Щербатов с командой регулярных войск, Д. М. Мартынов с зятем М. И. Платовым и его чугуевцами. Казаков собрали на площади, окружили егерями, прочитали какую-то бумагу, но из-за общего гомона никто не расслышал, о чем в ней шла речь. Началась расправа.

Из толпы обреченных вырывали человек по пять. По приказу Платова на каждого набрасывались по шесть чугуевцев, срывали с них одежду и распластывали на земле. Четверо удерживали жертву за ноги и за руки, а двое орудовали плетями. Остальные кричали:

— Сильнее! Сильнее! Прибавь! Прибавь!

Ударов никто не считал. Если после наказания кто-то скоро вставал на ноги, его возвращали и продолжали бить.

Платов проявил инициативу, устроив расправу над бунтовщиками пяти станиц без ведома президента Военной коллегии графа Салтыкова.

Похоже, цель была достигнута: Платову удалось нагнать страху «на весь Дон», сделать казаков «умнее и покорнее» и решить проблему с их переселением в Крым.

Бунт был усмирен без участия А. И. Иловайского. Это вызвало раздражение атамана, и он отправил рапорт Н. И. Салтыкову с жалобой на чугуевцев, причинивших «различные обиды» жителям Дона. В свою очередь и М. И. Платов написал президенту Военной коллегии о «недоброхотстве» и «злобе» представителей местной власти, что в сущности следовало понимать как поощрение мятежников. Санкций не последовало.

В этих двух жалобах отразилась политическая ситуация на Дону, определявшаяся борьбой за власть между различными кланами, каждый из которых имел своих сторонников.

Атаманство А. И. Иловайского подходило к концу. Его непримиримый противник Д. М. Мартынов находился в весьма почтенном возрасте, чтобы рассчитывать на булаву и насеку. Но у него был молодой зять М. И. Платов, а тот,

по характеристике секретаря императрицы П. В. Завадовского, «досуж и здесь — в Петербурге — знаком; неудивительно, когда превозможет над простым и уже ослабевшим стариком».

Таким образом, еще за несколько лет до смерти А. И. Иловайского в Петербурге видели в М. И. Платове его возможного преемника. Но атаман пока жив. А наш герой снова отправляется в столицу.

Когда Матвей Иванович прибыл в Петербург, неизвестно, но 15 мая 1793 года он уже присутствовал за столом ее величества. Среди знатных гостей императрицы — графы Платон Александрович Зубов, Николай Иванович Салтыков, Александр Сергеевич Строганов, Никита Петрович Шереметев, Сергей Петрович Румянцев, Николай Александрович Самойлов, князь Федор Сергеевич Барятинский, поэт Гаврила Романович Державин, генералы Павел Сергеевич Потемкин, Аркадий Иванович Марков и многие другие. В списке приглашенных «сверх свиты» «генерал-майор Платов» назван последним. Без имени и отчества. Пока.

2 июня, в праздник Вознесения Господня, к М. И. Платову за столом у ее величества присоединился тесть, генерал-майор Д. М. Мартынов, приведший делегацию донских старшин и чиновников в Царское Село для получения из рук императрицы Жалованной грамоты Войску. Вручение грамоты было назначено на следующий день.

В начале шестого пополудни 3 июня Екатерина Алексеевна приняла своего сына Павла Петровича с супругой Марией Федоровной и их детьми. В половине седьмого она вышла с ними в бильярдную комнату, где дежурный камергер Петр Степанович Валуев представил им делегацию донских старшин и офицеров. Старшины — генерал-майоры Платов и Мартынов, бригадир Иловайский и полковник Янов — приняли от ее величества хлеб с солью на «позолоченном чеканном блюде» и грамоту, после чего императрица всех «всемилоостивейше жаловала к руке и потчевала водкою». Думаю, казаки не отделались молчанием, но какие слова благодарности прозвучали в ответ, неизвестно — камер-фурьер Волков их не записал. А жаль.

Получив грамоту и отобедав 5 июня за царским столом, Мартынов с делегатами уехал на Дон. Платов остался в Царском Селе. Праздники продолжались. Матвей Иванович был щедро награжден. За участие в последней войне с Турцией он получил саблю, украшенную серебром, золотом и драгоценными камнями, с надписью «За храбрость» и орден Святого Владимира 2-й степени. В рескрипте на его имя можно прочесть:

«Усердная ваша служба, отличная храбрость, которую вы оказали в продолжении минувшей войны в многократных с неприятелем сражениях, как и ревностные труды, понесенные вами в формировании Екатеринославских казацких войск, обращают на себя наше монаршее благоволение и милость...»

28 июня 1793 года, вторник. Очередная годовщина вступления на престол Екатерины Великой. В этот день было все: торжественная литургия в придворной церкви, пальба из пушек, поздравления, марши полковых оркестров, праздничный стол, сервированный большим царскосельским сервизом. Среди приглашенных — люди знатные: члены царской семьи и императорской свиты, князья, графы, высокие военные чины. Среди прочих и генерал-майор Платов.

В последующие дни, праздничные и воскресные, в списке гостей мы по-прежнему видим Платова. К сожалению, сухие строки Камер-фурьерского журнала не позволяют проследить за эмоциональным состоянием и поведением Матвея Ивановича. Ясно одно: здесь он устанавливал связи с влиятельными людьми, чрезвычайно важные для человека, возмечтавшего стать атаманом.

Дмитрий Мартынович Мартынов с высочайше пожалованной казакам грамотой вернулся на Дон. Делегаты, среди которых были откровенные недоброжелатели Матвея Ивановича и его тестя, сообщили своим сторонникам о том, как щедро императрица наградила генерал-майора Платова за участие в минувшей войне с Турцией. Это подогрело зависть к нему.

Василий Петрович Орлов, штурмовавший Измаил вместе с Платовым, воевал еще и в Польше против конфедератов, а наград получил меньше. Орлов обиделся и обиду излил в прошении на имя Платона Александровича Зубова, но тот не был расположен к просителю ордена Анны. Естественно, Матвей Иванович, находившийся в Петербурге и довольно часто встречавшийся с фаворитом, узнал об этом, возможно даже от него самого или от Николая Ивановича Салтыкова.

И Матвей Иванович решил тоже обратиться к Платону Александровичу с прошением — не исключено, что по его же совету или по совету того же Николая Ивановича, расположением которых пользовался. Вот о чем писал Платов всесильному фавориту:

«Употребляем я был гораздо более против неприятеля (чем Орлов. — *В. Л.*), одичал в седле и сам был командиром в других местах, как то при овладении Паланкой и под Аккерманом, за что должного награждения не получил...»

А в конце просьба: в случае награждения Орлова орденом Святой Анны пожаловать и ему таковой же.

Орлов, не получив ответа от Зубова, обратился непосредственно к Екатерине, вновь посетовав на то, что Платов «ущастливился» получить наград больше, чем он. Прошение Василия Петровича не дошло до императрицы — его перехватил Платон Зубов и оставил без последствий, как и первое.

В ноябре 1793 года М. И. Платов принимал участие в заседании Думы ордена Святого Георгия в составе кавалеров, находившихся тогда в Петербурге. Вместе с ним прошения о награждении претендентов рассматривали адмирал П. В. Чичагов и генералы О. М. де Рибас, А. Н. Самойлов, И. И. Марков, И. Е. Ферзен, Ф. Ф. Буксгевден и А. В. Тучков — все те, с кем он не раз сиживал за столом в Царскосельском и Зимнем дворцах.

Создается впечатление, что Платов почти весь 1793 год прожил в столице. Но это не так. Бывало, он надолго выпадал из поля зрения камер-фурьера. Остается предположить, что в это время Матвей Иванович отъезжал в Чугуев и занимался своими полками. Вот как отозвался о них незадолго до Персидского похода А. В. Суворов:

«Генерал-майор Платов молодец... Два Чугуевских полка хороши, о третьем ничего не знаю».

Все были хороши. Но главная провиантская канцелярия Военной коллегии задолжала первому из них почти 23 тысячи рублей. Матвей Иванович отправился в Петербург выбивать деньги. Естественно, получил. И побывал на всех торжествах в царской семье.

Пока командир был в столице, Чугуевский полк, оставшийся под началом князя Кирилла Багратиона, получил приказ следовать в Персию. Платов нагнал его, но полученные в столице деньги оставил при себе — на случай, если возникнет необходимость в «исправлении казаков во время этого дальнего похода».

Персидский поход

В 1795 году иранский хан Ага-Мухаммед Каджар вторгся в пределы Грузии, разграбил и разрушил Тифлис, перебил жителей, а остальных увел в рабство. В ответ на это Россия объявила войну Персии. В Закавказье были отправлены войска во главе с 25-летним генерал-аншефом Валерьяном Александровичем Зубовым, младшим братом последнего фаворита Екатерины Великой.

Граф Зубов покинул Петербург и 26 марта 1796 года при-

был в Кизляр, где уже собрались войска, назначенные для похода в Персию. Командующий подчинил Платову его 1-й Чугуевский и все иррегулярные полки своего корпуса.

18 апреля войска двинулись в путь. На следующий день подошли к Сулаку. Обоз и артиллерию переправили на пароме, оружие, седла и одежду — на татарских каюках. Солдаты и казаки форсировали реку вплавь. Тут же начался торг. Кумыки из окрестных селений привезли в лагерь свежую красную рыбу и продали ее русским по самым низким ценам.

Погода была теплая, солнечная. Вынужденное купание в водах Сулака, уха и чарка водки сняли усталость от длинного перехода. Казаки и солдаты, сидя у костров, пели, вспоминали былые сражения, свои станицы и деревни, в которых остались матери, жены и дети.

20 апреля, в день Святой Пасхи, бригадные и полковые начальники явились к командующему с поздравлениями. Валерьян Александрович благодарил всех и со всеми христосовался.

В понедельник праздновали день рождения императрицы. После церкви собрались за столом у хлебосольного генерал-майора Булгакова. За здоровье ее величества пили под грохот корпусной артиллерии.

Праздник кончился. Солдаты свернули лагерь и двинулись в путь. Скоро открылось Каспийское море. 2 мая подошли к Дербенту и обложили его со всех сторон. Юный хан Ших-Али не стал испытывать судьбу. Через неделю он сдал крепость на милость победителей. Ключи от города графу Зубову вручил 120-летний старец, тот самый персиянин, который поднес их когда-то самому Петру Великому.

12 мая в Дербент прибыл Платов. Он, как и все русские, не нашел в городе ничего, что могло бы вызвать удивление. Правда, воздух был отменно здоров из-за обилия садов, в которых уже отцвели каштаны, гранаты, инжир, миндаль, персики, груши, яблони.

Наступило затишье. И был отдых, и была охота. В течение двух дней казаки завалили до двенадцати кабанов, убили много лисиц, шакалов, диких котов. Пернатых не стреляли, хотя всюду видели стаи лебедей и разных других птиц. Полковник Андриан Денисов взял даже барса, за что по шуточной иерархии охотников был произведен из «пятидесятников» в «есаулы». Какой трофей достался Матвею Платову, неизвестно. Но известно, что за взятие Дербента он был награжден золотой саблей, украшенной бриллиантами.

Странно? Пожалуй. И штурма не было, и прибыл после того, как жители сдали оружие, а награду получил. Впрочем,

Матвей Иванович умел поддерживать добрые отношения с высокими начальниками. Вот и с Валерьяном Александровичем, кажется, нашел общий язык. Да и с другими тоже. Вот что писала о нем В. И. Бакунина, жена русского офицера, принимавшая участие в походе:

«Платов — казак, но его происхождение сказывается только в некоторой простоте обращения и в недостаточности образования; впрочем, это не бросается особенно в глаза, так как он человек совершенно беспритязательный и крайне добродушный; своим кротким характером и честностью он снискал всеобщую любовь; я редко встречала людей, которые были бы столь же услужливы, как он. Он присоединился к нам... несколько дней спустя после взятия Дербента».

Через две недели войска оставили Дербент и тремя колоннами двинулись на юг вдоль западного побережья Каспия. По пути приняли ключи от города Кубы, где находилась летняя резиденция хана, дом его матери, жены и наложниц. На отдых расположились у развалин Ширванской крепости, неведомо когда покинутой жителями. Платов с казаками ушел вперед и разбил лагерь у развилки дорог на Баку и Шемаху.

13 июня Матвей Иванович принимал гостей: главнокомандующего, бригадных и полковых начальников. Открывая обед, хлебосольный хозяин представил графу Зубову бакинского хана, который и поднес ему ключи от своей столицы. Валерьян Александрович был доволен. Торжества по случаю этой бескровной победы продолжались сутки.

Слухи о взятии Баку долетели даже до захолустного Тульчина, в котором пребывал забытый всеми Суворов, ревниво следивший за успехами бездарного генерал-аншефа Зубова.

Александр Васильевич довольствовался слухами, не всегда заслуживавшими доверия. Наследник престола Павел Петрович, не терпевший фаворитов матери, получал информацию из первых рук — от своих агентов, командированных им волонтерами в Персидский поход за четыре месяца до того, как корпус двинулся в путь. Среди них было шесть казаков, из которых особым доверием великого князя пользовался Афанасий Осипович Грузинов. Он сразу понравился командующему, и тот произвел юного сотника «за усердие в службе в есаулы».

Первое донесение в Гатчину Афанасий Осипович отправил в начале января 1796 года, когда армия Зубова находилась еще в Польше. Получив его, Павел Петрович писал Аракчееву:

«Возвращаю вам Грузинова рапорт. Прошу узнать, что слышно о сих движениях войск, даже что и врут, а при том где и как долго стоять будут».

Грузинов, по-видимому, узнал все, что интересовало великого князя, если не больше, и послал пространный отчет Аракчееву. Прочитав его, Павел Петрович выразил к нему свое отношение:

«Здесь приобщаю обратно письмо Грузинова. Я весьма доволен точностью и расторопностью его и его донесениями. Пошлите сию записку к нему в оригинале, чтобы он ее прочел и видел мое удовольствие».

Очень вероятно, что Грузинов не ограничился двумя донесениями. Но об этом позднее.

По-видимому, победители потеряли бдительность. Пока они охотились и устраивали дружеские обеды, из лагеря у развалин Ширванской крепости бежал дербентский хан Ших-Али. Вслед за ним устремились мать, жены, наложницы, жители горных аулов. Русские пустились в погоню, но всякий раз опаздывали на сутки и более. А время шло.

24 декабря 1796 года в армию пришло известие о смерти Екатерины II. Трон занял Павел I. Он приказал Зубову возвращаться в Россию. Валерьян Александрович послал в столицу прошение об отставке, а генералам посоветовал решать самим, как поступить. Просьба главнокомандующего была удовлетворена: он был уволен «без жалования, по его просьбе», о чем получил уведомление.

Но прежде чем покинуть армию, Зубов отправил рапорт президенту Военной коллегии Салтыкову с описанием заслуг Платова в походе:

«Генерал-майор и кавалер Платов с начала вступления с вверенными мне войсками в Ширван, командуя передовым отрядом, охранял целостность и спокойствие оных, занимая... с особливим искусством такие пункты, из которых наималейшее покушение неприязненно расположенных к нам народов могло быть открыто...»

Далее главнокомандующий отметил «отличнейшее его рачение» о сохранении «Первого Чугуевского регулярного казачьего полка, коего он шеф», ставшего опорой армии, и обратился к Салтыкову с ходатайством о представлении генерал-майора Платова к награждению.

Естественно, награду Платов не получил, но его чугуевцам государь выразил свое «высочайшее благоволение».

17 февраля 1797 года войска свернули лагерь на берегу Куры и двинулись в обратный путь. Тягостное предчувствие овладело всеми. Шли медленно, делая большие привалы. От

голода и холода теряли людей и лошадей. Через месяц от коменданта Дербента генерала И. Д. Савельева получили сообщение, что русские полки по высочайшему повелению уже покинули цитадель, и он с батальоном солдат не сможет ее отстоять.

19 марта на очередном военном совете решили послать на помощь гарнизону Дербента Углицкий пехотный и Нижегородский драгунский полки, но командир первого из них полковник Стоянов не подчинился приказу. Больше того, двумя днями раньше он покинул лагерь и повел своих солдат в Россию. В погоню за ним пустились Платов, Булгаков, Раевский и Мансуров.

Полковник Стоянов, отстраненный от командования, отправил жалобу императору, в которой поименно назвал своих обидчиков, не позволивших ему выполнить высочайшее повеление о немедленном возвращении в Россию. Приказом царя все названные командиры были исключены из службы 10 мая, когда войска находились еще в Дербенте.

9 июня войска вышли на границу империи. В тот же день генерал-майоры Платов и Булгаков и полковники Раевский и Мансуров узнали, что они уже месяц как исключены из службы.

Командующий Персидским походом граф Зубов попал в опалу. Сначала ему разрешили уехать для лечения за границу, но затем выслали в деревню брата Платона во Владимирскую губернию, а все его имения секвестировали.

Не миновала беда и Матвея Ивановича...

Перед военным судом

Матвей Иванович нутром чувствовал опасность, подступившую к нему после смерти Екатерины. По пути в Чугуев он заехал в Черкасск и одолжил 25 тысяч рублей у тестя Дмитрия Мартыновича Мартынова. Наскоро простившись с женой, хлопотавшей над недавно родившимся сыном Иваном 2-м, он пустился догонять свой полк.

24 июня 1797 года Платов собрал офицеров полка и, обращаясь к ним, сказал:

— Господа, деньги, полученные мною в Петербурге, во все время похода в Персию хранились у меня. Теперь же, когда мы вступили в пределы России, надобность в исправлении казаков лошадьми и мундирами уже не предвидится, поэтому прошу раздать их военнослужителям, вам подчиненным.

Передачу денег генерал-майор Платов оформил прика-

зом по полку, чем отчасти застраховал себя от лишних обвинений.

А все-таки, куда исчезли деньги, полученные полтора года назад? Вернул бы их Платов тем, кому они предназначались, не умри так неожиданно императрица, сквозь пальцы смотревшая на откровенный грабеж солдат полковыми командирами? Вряд ли. А вот с Павлом Петровичем шутить было опасно. Об этом знали все. И Матвей Иванович тоже.

Прошел еще один месяц. 23 июля 1-й Чугуевский полк остановился на ночлег у Вонючего Егорлыка, где и встретил его фельдъегерь. Он вручил Платову высочайший приказ, извещавший об исключении его из службы еще 10 мая и требующий немедленно следовать в Петербург. Платов передал командование полком К. А. Багратиону и в сопровождении фельдъегеря покатил в Петербург.

Князь Багратион принял командование и приказом по полку объявил лишь об отъезде Платова в Петербург и о расчете его с казаками, но об исключении шефа из службы тактично промолчал.

В начале августа фельдъегерская тройка примчала Платова в столицу, где он стал одним из первых «клиентов» генерал-аудиториата, нового военно-судебного ведомства, учрежденного Павлом I. Ему предъявили обвинение «в неудовлетворении казаков деньгами» и взяли под стражу. Правда, содержали на дворцовой гауптвахте и в одной компании с будущим сенатором Н. Я. Трегубовым и будущим военным министром А. И. Горчаковым. Николай Яковлевич первым из современников назвал Матвея Ивановича «плутом». Однако представленные документы и показания свидетелей убедили членов следственной комиссии в невиновности начальника всех Чугуевских полков.

7 декабря 1797 года состоялся суд. Сначала докладывал председатель следственной комиссии. Потом слово дали Платову. Заметно волнуясь, он сказал:

— Высокочтимые господа судьи! Как начальник я получал и хранил полковые суммы, но ни единого рубля из них не употребил в свою пользу. Не раздал же деньги казакам перед походом из опасения, что они, растратив их, останутся неисправными к службе, за что спрос был бы с меня... Казачьих сумм часто не хватало, поэтому мне приходилось употреблять и собственные деньги, так как я старался содержать полки в хорошем состоянии. Доказательством тому служит высочайшее благоволение, выраженное его императорским величеством моим чугуевцам, вернувшимся в Россию без потерь. А они дрались в авангарде...

По заключению следствия Платов вроде бы и не виноват: с казаками рассчитался и объяснил, что придержал полковые деньги как «экстраординарную сумму на случай, если возникнет необходимость в исправлении людей лошадьми, оружием и мундирами». Однако по закону он не имел на это права. Потому и был наказан. И очень сурово. Суд приговорил его «лишить чину без обшиду», то есть исключить из службы без пенсионера.

Таким образом, Платов дважды был исключен из службы: 10 мая — по высочайшему повелению и 7 декабря — по решению суда.

Генерал-аудитор Алексей Иванович Шаховской согласился с приговором, но передал его на высочайшую конфирмацию. Уже 9 декабря Павел Петрович утвердил решение суда, собственноручно начертав:

«За все значущиеся по сему делу преступления, как и за консилиум, держанный в Персии, исключить Платова из службы и отправить к Орлову на Дон, дабы держал его под присмотром в Черкасске безотлучно».

Как видно, Павел ужесточил приговор. И не последнюю роль в этом сыграл какой-то «консилиум, держанный в Персии». Что имел в виду царь? Ответить на этот вопрос вполне определенно не представляется возможным, ибо обвинение по нему не предъявлялось. Очень вероятно, что под консилиумом государь разумел первый военный совет, состоявшийся после получения известия о смерти Екатерины Великой, на котором Платов мог сказать нечто крамольное. В книге Николая Федоровича Смирного, написанной, как уже отмечалось, на основе не только документов, но и воспоминаний автора и рассказов самого Матвея Ивановича, есть несколько загадочных строк, заслуживающих внимания...

После вступления на престол Павла I завистники Платова «представили его — новому императору — готовым вероломно отпасть от... властительства России и сделаться опасным изменником... Кого бы не поколебало открытие подобной важности, — пишет Смирный, — когда главным лицом в этом был единокоренный, облеченный высокою доверенностью монарха. Государь поверил...».

Николай Федорович, конечно, знал земляка Матвея Ивановича, но не назвал его имени по этическим соображениям, ибо были еще живы ближайшие родственники недавно усопшего доносчика. Да и сам покойный был человеком необычайно популярным не только на Дону, но и в России.

Денис Васильевич Давыдов не был связан такими условностями. Он и раскрыл имя этого человека, озабоченного не

столько думами о единстве империи, сколько желанием убрать с дороги опасного соперника. Им был генерал Федор Петрович Денисов, которого, по убеждению Александра Андреевича Безбородко, никак нельзя было «равнять» с Матвеем Ивановичем Платовым.

Не исключено также, что роковую роль в судьбе некоторых участников Персидского похода сыграл уже упомянутый А. О. Грузинов, донесениями и расторопностью которого был так доволен Павел Петрович. Возможно, молодой человек информировал его не только о движении войск, но и о разговорах и вполне реальных финансовых злоупотреблениях высоких начальников.

После окончания войны с Персией А. О. Грузинов по повелению императора был вызван А. А. Аракчеевым в столицу, произведен в корнеты и определен в лейб-гвардии казачий полк, командиром которого Павел назначил генерала Ф. П. Денисова. Тот вполне мог разговорить юношу.

Но и сам Афанасий Осипович не укрылся от гнева императора. Через два года тот отправил его в ссылку в Нарву.

13 декабря Матвей Иванович выехал на Дон — под надзор войскового атамана Орлова, зятя Денисова. Два часа спустя вслед за ним был послан сенатский курьер с приказом генерал-прокурора князя Куракина догнать Платова и отвезти его на жительство в Кострому.

Что случилось? Почему император так спешно изменил решение?

Сохранилось предание, записанное со слов Матвея Ивановича Денисом Васильевичем Давыдовым...

В последнюю ночь пребывания Платова на дворцовой гауптвахте приснился ему сон: будто бы он, закинув невод в Неву, вытащил тяжелый груз — как оказалось, это была его собственная сабля, покрытая ржавчиной.

Сон оказался вещим. Утром явился к Платову генерал-адъютант Авраам Петрович Ратьков. Он вернул ему саблю, отобранную при аресте, и передал высочайшее распоряжение отправляться на Дон.

Матвей Иванович вынул саблю из ножен, отер ее о рукав и воскликнул:

— Не заржавела! Теперь она меня оправдает!

«Ратьков, видя в этом намерение бунтовать казаков против правительства, воспользовался первым встретившимся случаем, чтобы донести о том государю».

Второго предупреждения о сепаратистских намерениях Платова было достаточно, чтобы Павел вернул его с дороги на Дон и отправил в ссылку в Кострому.

Сам Платов был уверен в том, что причиной его ссылки в Кострому был донос Ратькова. Но имелось еще одно очень важное обстоятельство, о котором, кажется, он так и не узнал никогда.

Дело в том, что в день отъезда Матвея Ивановича на Дон император получил не только донос Ратькова, но и рапорт генерала Ивана Петровича Дунина-Борковского с изложением результатов проведенной им ревизии 1-го Чугуевского полка.

После выводов следственной комиссии этот рапорт вызывает недоумение. Генерал выяснил, что Платов не только не рассчитался с казаками своего полка, присвоив большую часть окладных и фуражных денег, но и продал им казенных лошадей, а полученную сумму израсходовал по собственному разумению.

Рапорт Дунина-Борковского государь приказал приобщить к делу, уже решенному, а Платова отправить в Кострому.

16 декабря сенатский курьер нашел Платова в Москве и в тот же день намерен был отправить его в Кострому, но не смог сделать этого, ибо Матвей Иванович сильно заболел. Над ним хлопотал лекарь, решивший пустить ему кровь. Лишь через неделю Платов прибыл на место и предстал пред очи гражданского губернатора Бориса Петровича Островского.

Платов в ссылке

Кучер, осадив лошадей, остановил возок перед домом губернатора. Пассажиры вышли. Сенатский курьер позвонил. Дверь приоткрылась — слуга спросил:

— Кто такие?

— Сенатский курьер Николев из Петербурга.

Скоро появился губернатор Островский. Николев протянул ему конверт с письмом от генерал-прокурора Куракина.

А. Б. Куракин — Б. П. Островскому,

13 декабря 1797 года:

«Милостивый государь мой Борис Петрович!

С сим письмом явится к Вам посланный от меня курьер и с ним вместе генерал-майор Платов, которому государь император повелеть соизволил жить в Костроме. Уведомляя о сем, ничего особенного Вам... сказать и поручить не имею, кроме наблюдения; о невыездном его пребывании и образе жизни прошу меня уведомлять».

24 декабря, канун Рождества. Многочисленная челядь губернатора завершала приготовления к празднику. Горели лампы и свечи. Серебром и позолотой сияли оклады икон,

с которых смотрели суровые лики святых. По дому распространялся пряный аромат кухни. Матвей Иванович, размевший после бани, лежал на диване, вперив взгляд в потолок. От тяжелых дум отвлек его стук в дверь. Вошел слуга.

— Барин, Борис Петрович просит вас к столу, — сказал тот и, поклонившись, стал пятиться к выходу.

— Спаси Бог, сейчас приду.

Платов вошел в столовую. За большим овальным столом сидели члены семьи и близкие родственники губернатора. Островский предложил Матвею Ивановичу сесть рядом. Часы пробили двенадцать. Борис Петрович встал, поднял бокал и заговорил:

— Господа, поздравляю всех с великим праздником Рождества Христова. Пусть минуют вас беды и не покинут надежды. С нами Бог, — и, перекрестившись, пригубил искрящееся шампанское.

Матвей Иванович испытывал неловкость в компании незнакомых людей. Однако под присмотром заботливого хозяина поужинал довольно плотно и даже выпил с ним несколько рюмок водки.

Борис Петрович пригласил Платова в кабинет, усадил в кресло и сам сел напротив.

— Чувствую я, Матвей Иванович, — начал Островский, — камень у вас на душе. Понимаю, в наше время и без вины можно оказаться виноватым. И все-таки, за что известного в России воина определили в нашу глухомань на жительство?

То ли Платов проникся доверием к этому образованному человеку, то ли была потребность высказаться, только он, не хитря, выложил все, как на исповеди:

— Давняя это история, Борис Петрович, тянется аж с семьдесят восьмого года, когда светлейший князь Потемкин, царствие ему небесное, поручил мне создать регулярное казачье Екатеринославское войско. За дело я взялся ретиво, очень хотелось содержать полки в хорошем состоянии. А отпускаемых сумм постоянно не хватало. Крутился, как мог. Вкладывал свои. Брал у кредиторов. Когда получал из кассы провиантской канцелярии, возвращал. Задерживал выдачу окладных и фуражных денег. Переводил с одного счета на другой. И в конце запутался окончательно, задолжал. Все можно было бы поправить, но из-за долгой отлучки не смог этого сделать. А больше страдаю от недоброхотов, наплели на меня три короба...

Матвей Иванович помолчал немного, а потом добавил:

— Я вам, Борис Петрович, всю истину сказал; ежели это неправда, пусть накажет меня Бог на сем и на том свете.

А Платов, хочю заметить, был искренне верующим человеком.

— Да, скверное положение, — протянул губернатор. — Вот что я вам, Матвей Иванович, посоветую: напишите князю Куракину, не откладывая, через него просите у государя всемилостивейшего прощения; расскажите все, о чем поведали мне. Авань...

— Какой из меня писака, коль я, почитай, с детства одной саблей привык махать. Счастлив был бы, если бы его величеству была известна моя усердная служба, которую по долгу и присяге уже тридцать лет с гаком несу...

— Об этом не думайте, я помогу. Ну а теперь спать. Утро вечера мудренее. Спокойной ночи.

— Спаси вас Бог, Борис Петрович. Вот поговорил с вами, и легче стало.

Островский поселил Платова в доме губернского прокурора Новикова, человека доброго и благородного, по характеристике Алексея Петровича Ермолова.

Матвей Иванович внял совету Островского: написал князю Куракину, попросил «помочь несчастному испросить у всемилостивейшего государя прощения», удостоить его «жительством с престарелой матерью, женой и детьми».

Просьба Платова осталась без ответа.

Б. П. Островский — А. Б. Куракину,

20 января 1798 года:

«Во исполнение секретного Вашего Сиятельства предписания от 13 минувшего декабря долгом поставляю всепокорнейше донести, что генерал-майор Платов, пребывая в здешнем городе, имеет весьма добропорядочный образ своей жизни, и ничего, кроме истинного сокрушения его, в нем не примечается...»

Письмо костромского губернатора было принято «к сведению». Между тем наступила весна. На Волге начался ледоход. Матвей Иванович каждое утро приходил на берег, смотрел на пробуждение великой реки, вспоминал родной Тихий Дон и произвольно вздыхал — тяжело, со стоном.

В середине мая зацвела черемуха.

Борис Петрович не успокоился. Он пытался хоть как-то облегчить участь своего подопечного.

Б. П. Островский — А. Б. Куракину,

5 мая 1798 года:

«Ведаю, колико Вы сострадательны к несчастным, то осмеливаюсь сим испросить у Вашего Сиятельства милостивого, буде возможно, позволения во утешение скорбной души Матвея Ивановича Платова, чтоб позволено было ему в не-

котором расстоянии от города, в селения к дворянам, известным по званию их, выезжать, ибо его всякий желает у себя видеть за его хорошее, тихое и отменно вежливое обращение; ему же сие послужит к разгнанию чувствительной его унылости...»

Возможно, генерал-прокурор и сам сочувствовал попавшему в опалу герою, но обратиться к императору не посмел, опасаясь навлечь на себя гнев. Потому-то князь Алексей Борисович и начертал на письме костромского губернатора: «Сколько бы ни желал сие сделать, но невозможно, ибо это не от меня зависит».

Это как размышление. Для кого оно? Может быть, для потомков?

А. Б. Куракин — Б. П. Островскому,

25 мая 1798 года:

«Милостивый государь Борис Петрович!

По письму от 5 сего мая, касательно позволения Матвею Ивановичу Платову выезжать из города, сколько бы охотно ни желал я сие сделать, но не могу, потому что таковое дозволение от меня не зависит...»

Минул год со дня приезда Платова в Кострому. Как прошли лето и часть новой зимы, неизвестно. Возможно, Матвей Иванович писал на Дон, только вряд ли пользовался обычной почтой. В противном случае хоть что-то отложилось бы в делах канцелярии генерал-прокурора. Но в них никаких документов, кроме уже приведенных, не обнаружено.

В начале 1799 года в Кострому прибыл на жительство соратник Платова по Персидскому походу и товарищ по несчастью Алексей Петрович Ермолов...

* * *

В разгар лета 1797 года в Смоленске был раскрыт подпольный политический кружок, в состав которого входили армейские офицеры и гражданские чиновники — всего около тридцати человек. Их деятельность была направлена «к перемене правления». Обсуждалась даже идея царевубийства. Во главе заговора стоял А. М. Каховский, родной брат А. П. Ермолова по матери.

Павел I, ознакомившись с материалами следствия и содержанием захваченной переписки между братьями, приказал арестовать Ермолова и доставить его в столицу. На допросе он топал ногами и кричал:

— Ты брат Каховского! Вы оба из одного гнезда и одного духа!

И отправил Ермолова в Кострому.

Между тем на сцену нашей истории вышли новые герои. Костромским губернатором стал «почтенный и добрый Николай Иванович Кочетов». Алексей Борисович Куракин, посланный в свою деревню, уступил должность генерал-прокурора Петру Васильевичу Лопухину.

Вообще-то Ермолову предстояло ехать еще дальше — в лесную глухомань, на берега Унжи. К счастью, в городе он встретил товарища по Московскому университетскому пансиону, как оказалось, сына губернатора. «Благородный Кочетов представил в Петербург, что в видах лучшего наблюдения за присланным государственным преступником он предпочел оставить его в Костроме», что было одобрено столичным начальством.

Губернатор Кочетов поселил Ермолова вместе с Платовым на квартире Новикова. Несмотря на разницу в возрасте, чинах и образовании, между ними установились приятельские отношения. Алексей Петрович, хотя и не нашел места в своих записках для костромских воспоминаний, однако же в устных рассказах иногда возвращался к дням своей «революционной» юности, а двоюродный брат его, Денис Васильевич Давыдов, заносил услышанное на бумагу. В результате на страницах его прозы появились «Анекдоты о разных лицах», в том числе и о Матвее Ивановиче. Вот один из них:

«Однажды Платов, гуляя вместе с Ермоловым в этом городе, предложил ему, после освобождения своего, жениться на одной из его дочерей; он, в случае согласия, обещал назначить его командиром Атаманского полка».

Да, Матвей Иванович имел четырех дочерей, но лишь старшая из них, падчерица Екатерина, была на выданье. Впрочем, пока двадцатилетний жених созревал до семейной жизни в условиях костромской ссылки, девочки могли заневеститься. Так что возможность такого разговора не вызывает сомнений. Сомнительно другое: обещание Платова назначить Ермолова командиром Атаманского полка. Пока что у Платова не было никаких шансов возглавить Войско Донское. Кстати, это подтверждается вторым анекдотом, пересказанным тем же Денисом Васильевичем:

«Платов, изумлявший всех своими практическими сведениями в астрономии, указывая Ермолову на различные звезды небосклона, говорил:

— Вот эта звезда находится над поворотом Волги к югу; эта — над Кавказом, куда бы мы с тобой бежали, если бы у

меня не было столько детей; вот эта над местом, откуда я еще мальчишкою гонял свиней на ярмарку».

Человек, четверть века ночевавший под открытым небом в степи и в горах, конечно же, мог изумлять окружающих своими познаниями в «практической астрономии». В этом нет ничего необычного. Интересно, что, оказывается, только дети удерживали его от побега на Кавказ. Значит, не верил тогда Матвей Иванович в свое высокое предназначение.

Ермолов всегда отличался высокомерием породистого аристократа. А с годами все больше и больше. Правда, основания имелись: умница был необыкновенный и генералом стал блистательным. Думаю, рассказ про звезду, под которой будущий граф Российской империи, почетный доктор Оксфордского университета и герой Европы гонял свиней на ярмарку, был придуман им значительно позднее. Что ж, всякий человек имеет слабости. Не был лишен их и Алексей Петрович.

* * *

Минул 1798 год. Матвей Иванович по-прежнему жил в Костроме. Письма из дома он все-таки получал, но они не утешали. Под угрозой продажи с молотка за долги, «нажитые в службе», оказались его дом и вся недвижимость. Попытался получить кредит во Вспомогательном банке — отказали. Тяжелые думы «от воображения будущего» изнурили «дух и тело» несгибаемого воина. Он нажил болезнь желудка, не давали покоя старые раны...

М. И. Платов — П. В. Лопухину,
июнь 1799 года:

«Светлейший князь!

Милостивый государь Петр Васильевич!

Было время, когда обращающийся ныне во прах Платов славился и гордился ревностью, усердием и верностью к Монарху и Отечеству... Моя всепокорнейшая просьба к Вам умеренна — я всем доволен буду и приму за милость небес самих: на службу ли повелено будет мне идти куда бы то ни было, или возвращен я буду к семейству моему. Тогда останется мне посвятить дни мои Богу, Великому Государю и Вам, благодетелю, даровавшему мне оные.

Имею честь быть по век мой с достодолжным к особе Вашей высокопочитанием и преданностью, Светлейший Князь, Милостивый Государь, всепокорнейший

Матвей Платов».

Хорошо написано! Но не Платовым. Только подпись его. Подозреваю, что красноречивый и остроумный Алексей Петрович проникся чувствами старого товарища.

Красноречие, однако, не подействовало: ни на службу не взяли, ни к семье не отпустили. Светлейший князь Петр Васильевич одним росчерком пера похоронил все надежды Матвея Ивановича: «Оставить без ответа как дело, в которое я вмешиваться не смею».

Менялись губернаторы, но чаще — генерал-прокуроры, стоявшие поближе к неуравновешенному императору. Вот и князь Петр Васильевич Лопухин уступил свое место гатчинцу Петру Хрисанфовичу Оболяянинову. А Матвей Иванович Платов все сидел в Костроме, болезненно переживая изгнание. До него дошли слухи, что казаки под знаменами графа Александра Васильевича Суворова творят чудеса в Италии.

«В это время проживал в Костроме некто Авель, — записывал Д. В. Давыдов со слов А. П. Ермолова, — который был одарен способностью верно предсказывать будущее». О нем ходили легенды, будто он предсказал с необыкновенной точностью день и час кончины императрицы Екатерины Великой. Платов встретился с ним за столом у губернатора Кочетова.

— Скажи, отец, — обратился к нему Матвей Иванович, — долго ли мне гнить на чужбине?

Старик посмотрел на него внимательно, потом закрыл глаза и с минуту молчал. Со стороны казалось, что он уснул.

— Нет, здесь недолго, но впереди тебя ожидают и испытания великие, и слава немалая... При новом государе.

— При новом?

Уверен, что в ответе старца это больше всего заинтересовало Платова.

Платов перед гражданским судом

Бурлил Тихий Дон и тем привлек внимание правительства. Весной 1800 года Павел I направил туда генерала Карла Кноринга для «исследования беспорядков» и изучения настроений казачества. Проехав по станицам, тот «всюду нашел тишину и спокойствие». Вывод инспектора подтвердил уже известный читателю сенатский курьер Юрий Николев. Это, однако, не успокоило подозрительного самодержца. Находясь в Петербурге, он знал о положении на юге империи больше, чем они. Новороссийские дворяне, военный и

гражданский губернаторы края засыпали его жалобами на донских офицеров, укрывавших их беглых крестьян. В ответ на это государь подчинил войсковую канцелярию Сенату и определил в нее прокурором Антона Миклашевича, переселив его из Архангельска в Черкасск.

Принятые меры не остановили приток новороссийских крестьян на Дон. Павел предупредил атамана Василия Орлова, что тот будет лишен «чинов и места». Пока же государь назначил в войсковую канцелярию «присутствующим по старшинству» генерала Репина, предписав ему «раз и навсегда положить преграду приему беглых» донскими чиновниками. В помощь ему он отправил в Черкасск своего адъютанта Сергея Кожина.

С. А. Кожин — Павлу I,
9 августа 1800 года:

«Всеподданнейше доношу, что по приезде моем сюда 5-го сего месяца на другой же день учредил я в самом Черкасске, яко главном городе, гауптвахтенный и на въездах караулы из казаков полка войскового атамана Орлова под предлогом поимки беглых и праздношатающихся людей, а на самом деле главное мое намерение было соблюдение благоустройства и тишины...

За долг также поставляю всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству, что до сих пор в движении регулярных войск в донские пределы нет нужды...»

Выходит, вопрос стоял даже о том, посылать или не посылать на Дон регулярные войска. Решили не посылать. Ограничились репрессиями: одних определили в Петропавловскую и Шлиссельбургскую крепости, других наказали кнутом «за дерзкие слова и речи об императоре», третьих сослали в Сибирь. Тысячу беглых крестьян вернули новороссийским и другим помещикам. В Войске Донском создалась обстановка подозрительности и всеобщего страха. По свидетельству современника, все должны были «смотреть один за другим и открывать вину каждого». Даже атаман Василий Орлов, по словам Алексея Кожина, «ежеминутно» ожидал «тяжелого наказания».

Среди обвиняемых в укрывательстве беглых и подмене ревизских сказок оказался и Матвей Иванович Платов, находившийся в костромской ссылке.

Утром 4 сентября в Черкасск пришло повеление Павла о прекращении следствия и суда по делу о донских чиновниках, обвиняемых в укрывательстве беглых. В тот же день в войсковой канцелярии состоялось многолюдное собрание. «Слезы неллицемерной признательности были на очах боль-

шей части предстоящих». Атаман Орлов, «присягнув перед Богом», сказал присутствующим:

— Господа, если и после сей беспримерной высочайшей милости кто-либо из вас окажется неблагодарным, того уже без всякой пощады предам всей строгости законов и донесу о том Его Императорскому Величеству.

«Мгновенно все в один голос воскликнули:

— Атаман! Клянемся, что сами донесем тебе о таком непризнательном изверге!

В тот же час поскакали во все края донских пределов нарочные с радостными известиями и наистрожайшими предписаниями».

С. А. Кожин — Павлу I,

4 сентября 1800 года:

«Всеподданнейше доношу, что все сие многочисленное собрание пошло, толпясь, в собор петь молебен Всевышнему за здоровье и многолетие Вашего Императорского Величества. Израненные, престарелые, жены, матери — все молились, радовались и благодарили всемилостивейшего государя и властелина.

Позорище чувствительное и превышающее мои бранные силы всеподданнейше описать, сколь великое впечатление произвел на людей сей новый опыт отеческого милосердия Вашего Императорского Величества. Благодарность и усердие горит в сердцах их...»

После молебна в доме Орлова собралось избранное атаманом общество. Много пили и ели немало, спорили до хрипоты и снова пили. Захмелевший Кожин пустился в рассуждения «о гнусности корыстолюбия, сильномглушении здесь гражданских законов и протчих злоупотреблениях». Тесть Платова, семидесятилетний отставной генерал-майор Дмитрий Мартынов, возвративший в результате последнего пересмотра людей 266 душ чужих крестьян, не проливал вместе со всеми «слез нелицемерной признательности» монарху. Он молча потягивал искристое красное вино, слушал, хмурился, мрачнел. Потом тяжело поднялся, уперся могучими руками в край стола, подался вперед, уставился осоловелыми глазами на утопающего в самодовольстве царского адъютанта, начал ехидно и зло:

— В жадности нас упрекаешь, забвении законов и прочих пороках! Тогда ответь, ангел мой златокрылый, почему из России ваши люди к нам бегут?

— Сей бессовестный вопрос... — попытался было говорить опешивший Кожин.

Но старик не слушал его, продолжал:

— Сам посуди, голубь мой залетный, пришел ко мне твой мужик, просит приюта, а у меня беда — свой человек представился. Где мне взять деньги платить за него возложенные казенные подати до новой ревизии? Вот и принимаем ваших беглецов.

— Сей бессовестный вопрос в столь торжественный день неуместен, отец, — закончил наконец царский адъютант.

«Негодование на него, Мартынова, — отметил потом Кожин в донесении императору, — было общее и явное».

Высочайшая милость на Платова не распространялась. И на его тестя тоже. Генерал-майор Мартынов был отправлен в Петербург и заключен в крепость.

16 сентября к атаману В. П. Орлову явился пасынок Матвея Ивановича, двадцатилетний старшина Кирсанов, и заявил, что ревизские сказки на крестьян генерал-майора Платова подменены: из них исключены мертвые души, а вместо них внесены живые, пришедшие на Дон якобы еще до последней переписи. Чиновники войсковой канцелярии, уличенные в получении взятки за подтасовку, были отданы под суд. В тот же день Василий Петрович отправил в столицу рапорт.

Что подвигло молодого человека на такое признание? Проще всего было бы обвинить его в предательстве отчима, заживо погребенного в костромской глуши. Но не будем спешить с выводами. Проследим за развитием событий.

Через две недели рапорт войскового атамана, отправленный обычной почтой, достиг адресата. И пошло-поехало, заработала бюрократическая машина: генерал-прокурор доложил императору, император повелел генерал-прокурору, генерал-прокурор приказал костромскому губернатору немедленно отправить Платова в Петербург в Тайную канцелярию, а оттуда — в крепость.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Четко расписанную операцию сорвал сам исключенный из службы генерал-майор «по причине болезни, коею чрезвычайно одержим был». Так что фельдъегерю пришлось задержаться в Костроме аж на три дня. Только 9 октября Матвей Иванович смог двинуться в путь.

— Прощай, Алексей Петрович, — сказал Платов Ермолову, — даст Бог, свидимся, — обнял товарища по изгнанию, сел в карету и покатыл на север.

«С горестью простился я с Платовым, но завидовать счастьем не мог, — вспоминал Ермолов, — ибо оно обращалось к человеку, известному отличною храбростью и способностями».

Итак, Платов оставил Кострому, в которой прожил под надзором полиции три года, девять месяцев и четырнадцать дней. Он поехал в неизвестность, а попал в известный могильной сыростью Алексеевский равелин...

Во сырой тюрьме Петропавловской
На реке Неве, в граде Питере,
Страдал-мучился млад донской казак,
Атаман Матвей сын-Иванович;
Так томился он в безызвестности...
Побелела там его головушка,
Очи ясные помутилися,
Богатырский стан, поступь гордая
В злой кручинушке налломилися...

И не атаман еще, и не молод уже. Но народ славил своего героя значительно позднее...

На сопроводительном письме костромского губернатора Кочетова генерал-прокурор Оболянинов начертал: «По высочайшему повелению судить Платова гражданским судом».

24 октября от Матвея Ивановича потребовали письменных показаний по делу о «пристанодержательстве» чужих крестьян. Он откровенно признался, что, как и все донские помещики, принимал в свои деревни беглых из соседних губерний «по собственному их желанию, ибо запрещения тогда не было», и даже велел управляющему Бугаевскому «оным пришлым людям выстроить дома для жительства» и освободить их на семь лет от барщины и оброка.

При скудости материалов о годах мирной жизни знаменитого донского героя этот документ, составленный со слов самого узника, представляется бесценным источником для его биографа. Из него следует, что Платов, в течение десяти последних лет то воевавший с турками, то бывший в Персии и костромской ссылке, совсем не занимался своим хозяйством, всецело доверившись управляющему.

Платов показал, а судебный писарь записал за ним:

«Ежели в деревнях моих и есть беглые люди, принятые после ревизии, то никому другому не дано знать о той самовольности, как управляющему Бугаевскому, ибо он был за всеми смотрителем. Жена моя по болезни никогда и прежде в сие не входила; никто другой, кроме него, не вмешивался; семеро детей моих за молодыми летами на то неспособны — старшей дочери только пятнадцать лет».

Далее Матвей Иванович показал, что во время пребывания в Костроме в переписке с управляющим не состоял и указаний ему относительно приема беглых не давал. А если бы тот испросил разрешение, то мало того, что запретил бы

ему «делать такое гнусное беззаконие», но и отстранил от должности и сообщил о том в войсковую канцелярию.

В общем, Платов сдал Бугаевского. Трудно даже представить, что управляющий не советовался с хозяйкой. Возможно, Марфа Дмитриевна действительно была больна. Она избежала ответственности, но у чиновников войсковой канцелярии не осталось сомнений относительно ее виновности.

В хозяйстве Платова был конный завод. Заботу о нем, как и сбор доходов со своих деревень для расчета с кредиторами, Матвей Иванович поручил своему шурину, генерал-лейтенанту в отставке Андрею Дмитриевичу Мартынову.

Платова отвели в камеру и больше не докучали допросами. Прошло Рождество, наступил Новый год, а с ним и новое столетие. А в Петропавловской крепости часы словно остановились...

Вот как описал А. П. Ермолов свои впечатления от Алексеевского рavelина, где провел два месяца перед костромской ссылкой:

«В рavelине ничего не происходит подобного описываемым ужасам инквизиции, но, конечно, многое заимствовано из сего благодетельного и человеколюбивого установления. Спокойствие ограждается могильною тишиною, совершенным безмолвием двух недремлющих сторожей, почти неразлучных. Охранение здоровья заключается в постоянной заботливости не обременять желудка ни лакомством пищи, ни излишним ее количеством. Жилища освещаются неугасимую сальною свечою, опущенною в жестяную с водою трубку. Различный бой барабана при утренней и вечерней заре служит исчислением времени; но когда бывает он не довольно внятным, проверка производится в коридоре, который освещен дневным светом и солнцем, неизвестными в преисподней».

11 января 1801 года. Лязгнул засов — дверь камеры отворилась. Павел Иглин, смотревший за секретным узником Алексеевского рavelина, приказал выходить. Лошади мерно зацокали по замороженным булыжникам столичных улиц и скоро остановились у подъезда Сената. Матвея Ивановича ввели в зал. Какой-то сухой старик начал читать. До сознания дошли только слова:

«Сенат не нашел таких дел, по коим генерал-майор Платов подлежал бы суду».

Голова закружилась. К горлу подступил комок. Глаза наполнились слезами.

Решение Сената было передано на «благоусмотрение» императора. Павел повелел: «Освободить, из рavelина выпустить, об известной экспедиции объявить».

Матвей Иванович получил свободу. И, думаю, благодаря пасынку Кирсану Павловичу, который был уверен в непричастности отчима к подмене «ревизских сказок». Своим заявлением атаману он заставил представителей власти вспомнить о забытом в костромской глуши ссыльном.

Но четыре года были вычеркнуты из жизни.

После оправдания и освобождения Матвея Ивановича пригласили в Зимний дворец, о чем предупредили накануне. Николай Федорович Смирный по рассказам своего знаменитого начальника так описал последующую сцену:

«Здесь представилось особенное затруднение, которое отворотилось странным и достойным внимания образом. Мундир Платова не соответствовал образцу... Предстать в нем перед государем было бы непристойно, ожидать новый не позволяло время; решили послать к известным портным и спросить, нет ли у них по случаю кем-либо заказанного готового для генерала Донского войска. По счастливому стечению обстоятельств... нашелся. И что всего удивительнее, принадлежал он тому самому преследователю Матвея Ивановича, который более прочих искал его погибели...»

С мундира Федора Петровича Денисова, взятого у столичного портного, «спорили две звезды», и генерал-майор Платов был готов к визиту в Зимний дворец.

В то же самое время и государь готовился встретить гостя.

«Император, узнав, что Платов страдает глазами, сам озаботился устроить все так, чтобы яркий свет не отягощал его зрения. Собственною рукою задернул он занавесы и надел на подсвечники зонтики. Едва гость появился, как Павел I устремился к нему с распростертыми объятиями и воскликнул:

— Матвей Иванович! Что сделать с твоими врагами?

— Прости их, государь! — ответил Платов.

У Павла навернулись на глазах слезы, и он сказал императрице:

— Мария Федоровна! Слышишь ли? Матвей Иванович простил своих врагов. Какой он великий человек! Какой он великий христианин!»

Едва у Павла Петровича высохли слезы умиления, вызванные христианским милосердием Матвея Ивановича, как он отправил графа Денисова в Кегсгольмскую крепость, отпустив ему от щедрот монарших на содержание по пятьдесят копеек в сутки и лишив права переписки.

«Пример истинно поучительный», — заметил Н. Ф. Смирный.

Так ли все было на самом деле? Кто знает. Но Денисова Павел действительно отправил в крепость.

После обеда император начал разговор, ради которого, собственно, и пригласил Платова во дворец:

— Матвей Иванович, за последние четыре года мир переменялся, союзники меня предали: завистливые австрийцы оставили в Швейцарии корпус Римского-Корсакова на истребление французов, англичане захватили Мальту, принадлежащую моим рыцарям.

Платов не представлял, где находится этот остров и кто такие мальтийские рыцари, доверившиеся могуществу российского императора, но понимающе кивал головой. А Павел Петрович продолжал свой рассказ:

— Теперь англичане готовят нападение флотом и войском на меня и моих союзников датчан и шведов. Я готов принять вызов. Но, полагаю, нам нужно атаковать их самих и там, где они меньше всего ожидать могут: их владения в Индии — самое лучшее для сего место. Своим рескриптом я приказал атаману Орлову поднять всех казаков, могущих держать оружие, и идти с ними через Бухару и Хиву на реку Индус. Надеюсь, Матвей Иванович, вы будете ему деятельным помощником...

— Ваше Величество, я готов выполнить волю моего государя.

— Все богатства Индии будут наградою казакам за сию экспедицию. Это предприятие увенчает всех вас славою и моим благоволением. Оно позволит нам поразить неприятеля в самое сердце... Цель сей экспедиции — освободить угнетенных владельцев Индии, а их землю подвести под ту же зависимость от России, в какой она была у англичан, а торг с нею обратить нам на пользу. Мимоходом вы утвердите за Россией Бухарию, чтобы китайцам не досталась. В Хиве освободите несколько тысяч наших подданных, томящихся в плену. Если потребуется пехота, отправлю вслед за вами. Но лучше, чтобы всё одни казаки сделали.

Павел замолчал. В мыслях он был где-то на реке Индус, о которой знал едва ли больше Платова.

Прощаясь, император сказал:

— Жалую вас, генерал-майор, большим Мальтийским крестом. Спешно отправляйтесь на Дон и помогите атаману Орлову собрать казаков в поголовный поход. Помните: цель экспедиции должна быть тайной для всех!

— Благодарю вас, великий государь, все исполню. Прощайте.

Естественно, Павел не сказал Платову, что идею покорения

ния Индии ему подбросил Наполеон, к которому он проникся симпатией после государственного переворота 9 ноября 1799 года, когда республика во Франции фактически была ликвидирована и угроза распространения революционной заразы на Россию миновала.

С той январской встречи Павлу Петровичу оставалось жить менее двух месяцев. А Мария Федоровна еще поживет и испытает и томление ожиданий, и радость встреч, и горечь расставаний, и беспокойство за жизнь друга, если не сказать больше...

В 20-х числах января Платов покинул заснеженный Петербург и помчался на Дон. 4 февраля он был на месте. Какой была встреча в доме тестя Мартынова, где жила вся его большая семья, неизвестно. Ни одного свидетельства об этом не сохранилось.

Секретная экспедиция

М. И. Платов — Павлу I,
10 февраля 1801 года:

«С высочайшим Вашего Императорского Величества повелением к генералу от кавалерии Орлову явился я 4-го сего февраля. Предписания о выступлении в поход всему Войску Донскому даны через нарочных. Из отдаленных станиц казаки уже на сборные места последовали и должны быть там к 20-му числу...»

Еще до возвращения Платова Орлов отправил вперед своих людей, поручив им заготовить провиант и фураж в пунктах остановки войск по пути следования по территории России. Есаулу Денежкину он приказал разведать наиболее удобные дороги от Оренбурга через «степи киргис-кайсаков, земли каракалпаков и узбеков до Хивы, а оттоль до Бухарии и далее до Индии».

В. П. Орлов — Павлу I,
15 февраля 1801 года:

«Всемиловнейший Государь!

Высочайший Вашего Императорского Величества рескрипт от 7-го сего месяца с приложением маршрута я имел счастье получить как залог монаршего руководства и со всеподданнейшим долгом не премину по возможности следовать, сообразуясь с оным. Да благословит Всевышний Бог совершить сию монаршую доверенность... к прославлению оружия Вашего...»

20 февраля в назначенных пунктах собралось 22 тысячи человек, о чем атаман сообщил императору. Накануне вы-

ступления был получен рескрипт с изъявлением высочайшего «благovolения за исправность и готовность» к походу.

1 марта войска, сведенные в четыре колонны под командованием генерал-майоров М. И. Платова, А. К. Денисова, Г. А. Бокова и И. Н. Бузина, выступили из своих сборных пунктов и двинулись на восток, ежедневно оставляя за спиной 30—40 верст.

В тот год зима была снежная. В середине марта резко потеплело, пошли дожди. Поля и дороги покрылись водой, небольшие низины превратились в «изрядные речки». Люди и лошади выбились из сил. Наконец подошли к Волге. Переправа была трудной. Для страховки призвали местных мужиков с веревками.

23 марта передовые полки экспедиционного корпуса остановились на отдых в селе Мечетном, что в Саратовской губернии. Была суббота, канун светлого праздника Христова Воскресенья...

* * *

Оставим казаков на время в верховьях Иргиза, а сами обратимся к воспоминаниям Дарьи Христофоровны Ливен, урожденной графини Бенкендорф, молодой жены тогдашнего начальника Военно-походной канцелярии. Вот что она сообщает:

«Три месяца назад император Павел в гневной вспышке решил предать уничтожению все донское казачество.

Под предлогом поддержки политики Бонапарта, первого консула, к которому он вдруг воспытал фанатическим расположением, Павел решил послать казаков тревожить с тыла индийские владения англичан. На самом же деле император рассчитывал, что при продолжительном зимнем походе болезни и военные случайности избавят его окончательно от казачества. Предлог и истинная цель экспедиции должны были храниться в великой тайне. Никто в России не должен был ничего знать о маршруте экспедиции, и только Ливен из кабинета государя под царскую диктовку отдавал для беспрекословного выполнения подобные приказы. Об истинных побуждениях императора стали догадываться — известна была его ненависть к независимым формам внутреннего управления казачества, но представлялось совершенно невозможным проникнуть в тайну действительного следования донских полков, и уже несколько недель были потеряны последние следы снаряженной экспедиции. Это обстоятельство и было, между

прочим, одною из причин, ускоривших трагическую кончину императора».

Возможно, Дарья Христофоровна преувеличивала, как считали публикаторы ее мемуаров. Но полностью отрицать свидетельство жены «военного министра» нельзя, она все-таки многое знала. Такая идея вполне могла зародиться «три месяца назад». Казаки были отправлены во «всеобщий поход к стороне Оренбурга», но успели дойти только до Волги...

В ночь на 12 марта закончилось царствование Павла I. Днем полковник Николай Александрович Саблуков, стоявший у Михайловского замка со своим эскадром, начал приводить его к присяге. Раньше других он обратился к рядовому Григорию Иванову, которого в числе прочих пустили во дворец, чтобы убедить солдат в смерти императора:

— Ну что же, братец, видел ли ты государя Павла Петровича? Действительно он умер?

— Так точно, ваше высокоблагородие, крепко умер!

— Присягаешь ли ты теперь Александру?

— Точно так, хотя лучше покойного ему не быть... А впрочем, все одно: кто ни поп, тот и батька.

На престол вступил Александр Павлович. По свидетельству той же княгини Ливен, первым вопросом нового императора к ее мужу был:

— Где казаки?

* * *

Курьер с рескриптом нового императора нашел атамана Орлова и генерал-майора Платова в селе Мечетном. Здесь и передал им Манифест о восшествии на престол Александра I и приказ о возвращении донских полков домой.

24 марта 1801 года, в самый день Пасхи, атаман собрал казаков и объявил:

— Жалует вас, детушки, Бог и Государь родительскими домами. Ура!

— Ура! Ура! Ура! — прокатилось под солнечным небом Заволжья.

Тут же была принята присяга Александру. Начался новый век, новая эпоха — «дней Александровых прекрасное начало»!

25 марта казаки двинулись в обратный путь. Весна вступила в свои права. И на душе было легко и весело. Шли споро, с песнями. Первые полки вернулись на Дон 9 апреля, остальные — через неделю.

Глава четвертая

АТАМАН ВОЙСКА ДОНСКОГО

Назначение

Вернувшись из похода, Орлов отправил в Петербург депутацию от Войска, чтобы поздравить Александра с восшествием на всероссийский императорский престол. Сам же остался дома, ибо сильно занедужил.

В июле нещадно палило солнце. Было душно. Орлов, терзаемый мучительными приступами головной боли, уехал на дачу в Аксай. Там его хватил апоплексический удар. Василий Петрович умер в ночь на 30-е. Он олицетворял собою павловскую эпоху на Дону. Она ушла в могилу вместе с ним. В столицу помчался курьер с донесением о кончине атамана.

12 августа 1801 года Александр назначил Платова войсковым атаманом. Свой выбор император мотивировал известными ему достоинствами и долговременной беспорочной службой Матвея Ивановича. Выразив уверенность, что он «усердным и порядочным исполнением должности» оправдает его доверие, государь приказал ему немедленно вступить в дела, сделать необходимые распоряжения и ехать в Москву на коронацию для личной встречи.

Конечно, Александр знал Платова, слышал о его подвигах в войнах России с Турцией и о печальной судьбе в годы царствования Павла I.

26 августа царский рескрипт доставили в Черкасск. На следующий день его прочитали на собрании войскового круга, после чего Платов пошел в собор и принял присягу. Домой возвращался с булавой и наскокой по дороге, вдоль которой были расставлены казаки со знаменами, пожалованными российскими монархами.

Платов прибыл в Москву до начала коронационных торжеств. «Царь молодой, прекрасный» въезжал в древнюю сто-

лицу со стороны Петровского замка. Ликование толпы, встречавшей императора, походило на массовое безумие: люди падали перед ним на колени, целовали его сапоги и даже лошадь, неистово кричали. Государь приветствовал народ, как-то натуженно улыбался. В окружении убийц отца он чувствовал себя неловко, терзался угрызениями совести.

Из воспоминаний князя А. А. Чарторыйского:

«Коронационные торжества были для него источником сильнейшей грусти... У него были минуты такого страшного уныния, что боялись за его рассудок... Я старался изо всех сил смягчить горечь упреков, которыми он беспрестанно мучил себя... старался примирить его с самим собой, с той великой задачей, которая стала перед ним... Мои увещания оказывали далеко не полное действие, хотя все же побуждали его владеть собой, чтобы люди не могли слишком ясно читать в его душе. Но грызущий червь не оставлял его в покое».

Государь принял Матвея Ивановича и имел с ним продолжительную беседу. По свидетельству военного инженера Антонио де Романо, речь шла о благоустройстве и защите Черкаска от наводнений. Возможно, говорили о реорганизации войсковой канцелярии, о необходимости распространения просвещения среди казаков и о развитии коневодства на Дону. Во всяком случае, именно эти вопросы оказались в центре внимания нового атамана в самом начале его административной деятельности.

В Черкасск Матвей Иванович вернулся генерал-лейтенантом. В этот чин он был произведен в дни коронации. А спустя месяц Платов стал кавалером ордена Святой Анны 1-й степени.

Дела спорные и бесспорные

...Отгремел гром сражений под Аустерлицем и Прейсиш-Эйлау. Отзвучали в захолустном Тильзите тосты во славу дружбы между Россией и Францией. В Европе установился мир.

Офицер штаба французского императора Антонио де Романо оказался не у дел. Отогреваясь под ласковым солнцем Италии, он вспоминал день за днем, месяц за месяцем год жизни среди донских казаков...

В начале 1802 года его, тридцатилетнего инженера, подполковника свиты императора Александра, скорая почтовая тройка увозила на юг. Позади остались холодный Петербург, Новгород, Москва, Воронеж... Перед ним расстилалась бескрайняя заснеженная степь. Редкие среди этого безбрежного пространства хутора не вносили заметного оживления в

унылый пейзаж. На исходе второй недели безостановочной скачки впереди показались купола войскового Воскресенского собора и черкасских церквей.

Военный инженер Антонио де Романо приехал на Дон, чтобы оградить Черкасск от наводнений.

Еще в начале XVIII века Черкасск был серьезным укреплением. Соседство с турками заставляло казаков строить его с расчетом на длительную оборону. Со всех сторон он был прикрыт водными преградами — Доном и Протокой. Последняя разделяла город на две части — нижнюю и верхнюю.

В половодье, продолжавшееся с начала марта до конца июля, Дон превращался в безбрежное море, а Черкасск становился островом и неприступной крепостью. В условиях постоянной угрозы нападения со стороны татар и турок такое положение главного города казаков почти на полгода гарантировало ему относительную безопасность. Однако население испытывало немало неудобств, создаваемых наводнениями.

На те же полгода Черкасск оказывался в изоляции от внешнего мира. Связь с ним становилась возможной лишь на лодках, да и то с большими трудностями из-за постоянных штормов, быстрых течений и водоворотов. В половодье почтовое движение прекращалось. Курьеры и путешественники неделями сидели на берегу и ожидали погоды.

Дома в это время года заливало водой по окна второго этажа. Сообщение между соседями, знакомыми и родственниками осуществлялось по высоким деревянным мосткам, тянувшимся по улицам и переулкам. По ним же распространялся и огонь, нередко выжигавший город почти полностью.

В центре Черкаска — два озера: Гнилое и Петропавловское. В них сливали нечистоты и выбрасывали бытовые отходы. Здесь искало пристанище бесчисленное множество обывательских уток, свиней и собак. Большая часть жителей города, пишет Антонио де Романо, «не находила другого средства предохранить себя от гнилостных испарений, как напиваться с раннего утра. А те, кто не пил, неизбежно страдали лихорадкою».

После присоединения к России Азова и завоевания Северного Кавказа Черкасск утратил стратегическое значение. К концу века от бастиона и раскатов остались только следы. Постепенно растащили по дворам и дубовые бревна от крепостной стены.

Пока вешние воды защищали Черкасск от вероломных нападений внешних врагов, с наводнениями приходилось мириться как с неизбежным злом. Теперь же атаман Василий Орлов задумался над тем, как оградить свою столицу от

разорительных последствий весенних и летних разливов Дона. Он решил поднять уровень города на высоту самого большого паводка — 5 метров с гаком. При этом предполагалось разобрать и снова поставить на устроенную насыпь значительную часть жилых домов и общественных зданий. Расходы по производству работ, которые могли затянуться Бог знает на сколько, государство брало на себя.

Но Орлов умер. На его место был назначен Платов. Приехав в Москву на коронацию, он испросил высочайшее разрешение произвести работы по защите Черкаска от наводнений за счет войсковых средств, коих всегда не хватало даже на снаряжение неимущих казаков. Естественно, император согласился.

Чем можно объяснить такой поступок Платова? Во всяком случае, не желанием избавить вконец истощенную государственную казну от дополнительных расходов. Скорее, здесь проявилось стремление укрепить свои позиции при дворе. Матвей Иванович понимал, что только добившись расположения царя, он будет неуязвим на Дону, где с давних пор развернулась напряженная межклановая борьба, участники которой не брезговали никакими средствами. Жертвами ее становились то Ефремовы, то Денисовы, то Мартыновы, то Иловайские... Наш же герой сумел не только удержаться на плаву, но и завоевать непререкаемый авторитет у казаков и даже у тайных завистников из старшины. В то же время на него писали доносы. И право же, повод для этого атаман давал не раз.

Антонио де Романо составил свой проект, который был одобрен инженерным ведомством и утвержден царем. Он рассчитывал завершить работы в течение двух лет, на что испрашивал у казны всего 130 тысяч рублей.

Что предстало бы перед глазами потомков на месте нынешнего Старочеркаска, если бы заграничному инженеру удалось осуществить свой замысел? Город лачуг в грядущем столетии мог стать донской Венецией, окруженной плотинной и огражденной со стороны реки дамбой, одетой камнем. С сетью каналов и множеством мостов и мостиков, перекинутых через них, с тремя обширными площадями и прямыми мощеными улицами с красивыми особняками известных казаков-героев, общественными зданиями, соборами и церквями. Однако древней столице казачества была уготована иная судьба. Виною тому — Платов.

Когда пришло время приступить к работам, оказалось, что у Войска нет денег для приобретения необходимых материалов и орудий. Те скудные средства, какими располага-

до донское правительство, Платов израсходовал на закупку племенных жеребцов для станичных табунов. Правда, кое-что удалось собрать, вывернув карманы у торговцев вином. Но сумма была слишком мала.

Из-за недостатка средств смогли выполнить лишь часть работ по расчистке главного рукава в дельте Дона, чтобы открыть путь вешним водам в Азовское море и тем самым если не предотвратить совершенно, то хотя бы уменьшить разлив в районе Черкаска. В самом городе началось строительство плотин, а вдоль реки — дамбы; были засыпаны Гнилое и Петропавловское озера.

Тем дело и кончилось. Указом Александра Антонио де Романо был отозван из Черкаска. Проведя восемь лет на службе двум российским императорам, военный инженер и член многих академий покинул Петербург и поступил в штаб Наполеона. Впоследствии он писал:

«Целый год я ревностно трудился в стране сарматов, имея в виду благо народа, который благословлял бы Бога за избавление его от многих бедствий; трудился над предприятием, которое составило бы эпоху в жизни донского казачества. И вот после стольких трудов я должен покинуть дело, оставив его в руках человека, по личным соображениям ему не сочувствующего. И возможно, он, Платов, ловко воспользуется благоприятным моментом и настоит на своем».

Воспользуется! Но об этом позднее.

Платов действительно противился превращению Черкаска в донскую Венецию. Однако в еще большей степени его занимало другое — упрочение своего положения. Каким способом он добивался этого? Очень неожиданным.

«Расказачивание», начатое в годы оформления империи, было естественно-историческим процессом. К концу XVIII столетия произошли существенные изменения в менталитете донцов: в массе своей они уже осознавали себя подданными российской короны, что, между прочим, выразилось в готовности их служить государю и умереть за Отечество. То ли Матвей Иванович понял это раньше других, то ли интуитивно пришел к мысли о том, что он сумеет удержать атаманскую булаву в руках лишь при помощи верховной власти. Во всяком случае, именно Платов по собственной инициативе и без оглядки назад стал сдавать монархии жалкие остатки былой вольности, за сохранение которых с разной степенью настойчивости боролись его предшественники.

Так, уже во время коронации Платов предложил Александру преобразовать войсковую канцелярию, вернув ей функции недавно распущенного гражданского правительст-

ва. Естественно, император согласился, и воссозданная канцелярия перешла в двойное подчинение: Сената и Военного министерства.

Кроме председательствующего атамана в канцелярии заседали два непременных члена, четыре ассессора и прокурор. Почти все они были людьми Платова. Не случайно современники называли его правление «самовластным».

По предложению Платова в том же 1802 году было принято первое положение о военной службе казаков, по которому атаман получал широкие властные полномочия.

В комплекте Войска числилось 60 пятисотенных полков. В составе каждого было по пять есаулов, сотников и хорунжих. Исключительно от атамана зависело назначение полковых командиров. Он же представлял офицеров к производству в очередной чин. Этим же правом в военное время пользовались также командующие армиями и корпусами, под началом которых находились донские полки.

У атамана был еще один мощный рычаг власти: от него зависела раздача в собственность свободных угодий. Платов предлагал закрепить эту практику законодательно, но Сенат отказал ему. Атаман мог отобрать землю у неугодного чиновника и обвинить его в неблагонамеренности, что Матвей Иванович и делал не раз, правда лишь в крайних случаях. Обычно же он старался не обострять отношений с донцами.

Прошел первый год атаманства Платова. Укрепив свои позиции на Дону, Матвей Иванович отправился в Северную столицу, где добился увеличения вдвое численности Атаманского полка — основы своей власти.

22 июля — день именин вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великой княжны Марии Павловны, один из самых почитаемых праздников в царской семье. Может быть, ради участия в нем Матвей Иванович и приезжал к этому дню в Петербург.

С утра в Петергоф стали съезжаться гости — знатные особы обоего пола, гвардейские и армейские офицеры. Из Стрельни прибыл цесаревич Константин Павлович. После Божественной литургии все поздравляли виновниц торжества и остальных членов царской семьи. Потом был обед. За столом Матвей Иванович сидел рядом с Алексеем Андреевичем Аракчеевым. Знакомство с ним оказалось не бесполезным для Платова.

В половине восьмого вечера начался маскарад, на который собралось более четырех тысяч масок. Государь и все члены высочайшей семьи, встречаемые восторженными возгласами отдыхающих, вышли из дворца. Через час в Петер-

гоф прибыл наследный принц Карл Саксен-Веймарский, жених Марии Павловны.

Веселье продолжалось. Звучала музыка. «С набережной был пущен воздушный шар, который, поднявшись вверх на довольно большое расстояние, испустил разных цветов огни и осветил оными весь горизонт и Нижний сад». Торжества окончились за полночь.

12 декабря Матвей Иванович присутствовал на торжествах по случаю дня рождения императора Александра. За столом сидел вместе с генерал-лейтенантами Петром Александровичем Толстым, Алексеем Андреевичем Аракчеевым, Дмитрием Петровичем Волконским и вице-адмиралом Павлом Васильевичем Чичаговым.

Когда Матвей Иванович вернулся на Дон, он, как и следовало ожидать, воспользовался негативным отношением жителей Черкаска к весьма обременительному проекту инженера Антонио де Романо. Взамен Платов предложил совершенно новый.

29 июня 1804 года атаман подал императору рапорт с просьбой разрешить ему перенести казачью столицу на новое место, избранное старшинами, а пуще того облюбованное им самим. Государь согласился.

Осенью на Дон прибыл инженер Ф. П. де Волан с поручением Александра I составить план новой столицы казаков. Он завершил работу в течение каких-то трех месяцев, предусмотрев строительство регулярного города с собором на главной площади и приходскими церквями, общественными и административными зданиями, рынком, кварталами обывательских домов, мостами через овраги и балки...

31 декабря император Александр утвердил план инженера. Он отклонил предложение Платова назвать донскую столицу Александр-Черкасск и повелел назвать ее Новочеркасском.

18 мая 1805 года состоялась торжественная церемония закладки Новочеркаска, на которую собралось «неисчислимое множество» народа, более пятидесяти священников, весь генералитет, штаб- и обер-офицеры, казаки из тридцати ближайших станиц. Сперва отслужили литургию, по окончании которой духовенство двинулось к месту, отведенному под строительство соборной церкви Вознесения Господня. Светскую процессию возглавлял войсковой атаман. «А копий было, яко лесу густого», — отметил в дневнике современник протоиерей Василий Рубашкин.

В основание Вознесенского храма епископ Арсений и войсковой атаман Платов заложили серебряную доску с над-

писью: «Город Войска Донского, именуемый Новым Черкасском, основан в царствование Государя Императора и Самодержца Всероссийского Александра Первого лета от Рождества Христова 1805-го мая 18 дня, который до сего существовал 235 лет при берегу Дона на острове... под названием Черкаска».

В тот же день были заложены Александро-Невская церковь, гостиный двор, войсковая канцелярия и гимназия.

После окончания официальной церемонии войсковая канцелярия устроила пир, описание которого оставил нам тот же Василий Рубашкин.

«Поблагодарив Господа Бога, все начали кушать водку с поставленною разною заедкою». Гремела музыка, палили из пушек. Донские молодцы состязались в ловкости, пытаясь забраться на гладко оструганные и навошенные мачты, на вершинах которых победителя ожидал денежный приз. «Деточки господ» рассуждали «о бедствии Старого и пользе Нового Черкаска». Торжество закончилось «великолепным балом». «То была картина чудес и давно невиданное дело, совершающееся во днях нашего вождя атамана Платова... Да будет ему честь и слава».

От имени всего Войска Платов обратился к Александру I за разрешением изготовить памятную медаль. Государь согласился, выразив желание, чтобы на одной стороне ее был изображен герб города, а на другой сделана надпись: «Новый Черкасск заложен в 1805 году мая 18 дня».

Заложив новый город, Матвей Иванович, сам едва владевший пером, принялся сеять на Дону семена просвещения. В это время в Черкасске уже пятнадцать лет существовало народное училище, в котором числилось без малого 300 учеников. 11 июля 1805 года атаман преобразовал его в гимназию. После литургии протоиерей Алексей Оридовский произнес приличную для момента речь, обращенную к казачьим отрокам:

«Науки полезны, коль учиться им не для пышности, не для суетной славы, дабы блеснуть перед светом, но для образования сердца, для возвышения духа и руководства в жизни... Без наук, без обращения с просвещенными людьми, без чтения книг человек сам собою бывает и мал, и груб...

Сие училище открывается для возведения вас на степень совершенства. Вы — надежда России. Монарх видит в вас храбрых воинов, Отечество — добрых сограждан, общество — верных членов, а вера — истинных чад. Лестная утеха для всех! Юные дни ваши посвятите наукам. Начиная дело,

не озирайтесь, проявите прилежание. Время употребите на приобретение знаний...

Уверен, из сего благословенного храма изойдут люди достойные, сограждане мудрые, воины крепкие, начальники непостыдные. Скажу наконец, что на сем основании зиждется общее благоденствие...»

Атаман обещал «отличать» выпускников гимназии «от других как людей ученых».

Между тем место, выбранное для строительства Новочеркаска, оказалось не из лучших. Овраги и балки не пересекали лишь две-три улицы, но и они после дождей покрывались непролазной грязью. Трудно было с питьевой водой. Попытка изменить русло Дона, пустив его в реку Аксай, съедала скудные средства, отпущенные на возведение города, и отвлекала рабочую силу. Еще современники, а вслед за ними и потомки обвиняли Платова в том, что затеял он дело с переносом столицы ради собственной корысти — чтоб была она поближе к его хутору Мишкину. Возможно, и те, и другие были правы. Но только отчасти.

Относительно недавно, в 1995 году, молодой историк А. И. Сапожников, ссылаясь на неопубликованный дневник князя Д. М. Волконского, привел еще одну возможную причину переноса столицы донских казаков из заливаемого внешними водами старого города на безводный бугор — военно-стратегическую. Вот что писал он в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук:

«Возможно, Платову удалось обмануть правительство: он укрепил столицу Войска не за счет высоких стен — как это пытался сделать атаман Ефремов, за что и попал под следствие, — а путем переноса ее на новое место, где штурм был невозможен из-за рельефа местности».

Я уже отмечал, что после присоединения к России Азова и завоевания Северного Кавказа Черкасск утратил стратегическое значение. От кого в таком случае предполагал Платов защищать новый город, используя рельеф местности? Турки и татары не могли ему угрожать. А в оппозиции к правительству он никогда не находился. Напротив, в нем атаман видел надежную опору для своей власти на Дону. Думаю, дело здесь совсем в другом...

Был в русской истории случай переноса столицы, когда Петр Великий покинул Москву с противниками его реформ и уехал в Петербург. Может быть, сравнение это и не вполне корректное, но Платов в первые годы атаманства оказался в аналогичной ситуации. Едва успев построить здание войсковой канцелярии, он со всеми ее членами переселил-

ся в новый город, оставив в старом влиятельных старшин, на многое претендовавших. Если он и взял кого из недоброхотов, то лишь для того, чтобы погубить их карьеру и, если удастся, пустить по миру...

На исходе 1805 года началась русско-австро-французская война, завершившаяся через три месяца сокрушительным разгромом союзников под Аустерлицем. Вину за это поражение император Александр возложил на главнокомандующего армиями М. И. Кутузова.

Платов не успел принять участия в этой войне. В начале ноября Матвей Иванович с казаками двинулся на театр военных действий, а вместо себя оставил генерал-майора Андриана Карповича Денисова, на которого его противники делали ставку. Присматривать за ним он приказал верному человеку из войсковой канцелярии.

Денисов, не искушенный в делах, но чрезвычайно ответственный и честный, долго постигал искусство управления. И все это — за просто так: атаман не провел его на жалование. Андриан Карпович вполне натешился властью. За пять месяцев он запустил свое хозяйство близ Пятиизбянской станицы и впал в долги.

Между тем 25 марта 1806 года Платов вернулся из Киева, в котором провел около трех месяцев, занимаясь распределением казачьих полков вдоль западной границы от Палангена до Видиополя. Денисов отпросился домой, где занялся устройством судьбы дочери и приведением в порядок запущенного хозяйства.

Матвей Иванович снова погрузился в заботы о строительстве нового города. Несмотря на трудности и долгое отсутствие атамана, работы продолжались. Уже через год представилась возможность «перевести из Старого города Черкаска в Новый войсковую канцелярию с войсковыми регалиями, знаменами и прочим». Платов сделал все, чтобы придать событию характер праздника — не зря так часто ездил в столицу, научился. И в этот раз палили из пушек — аж из ста одной — и кушали водку. Ближе к вечеру начались скачки. В забеге участвовало не менее трехсот всадников, не считая желающих. Победителю досталась позолоченная серебряная кружка с надписью. «Другой и третьей лошадям было выдано вознаграждение и всем предложено угощение». Когда стемнело, зажгли иллюминацию.

Зрителей на празднике было много, но впереди всех — дети, собранные из разных станиц Земли Донской, «чтобы лучше видели и дольше помнили».

В августе 1806 года атаман, страдавший болезнью желуд-

ка, уехал лечиться на Кавказские Минеральные Воды. Вскоре после возвращения он пережил страшный удар: 3 октября умер его старший сын от первой жены — майор Иван Матвеевич Платов, подававший большие надежды как человек образованный. Службу начал рано, участвовал в штурме Очакова, под Измаилом был ранен. Вместе с отцом ходил в Персию...

Иван Матвеевич ушел из жизни тридцати пяти лет от роду, оставив молодую жену Марию Степановну — урожденную Кутейникову — с младенцем Матвеем на руках — Матёшей, как называл его дед.

А жизнь продолжалась. Началась война с Францией. В конце октября атаман Платов получил предписание отправить 15 казачьих полков к Пинску, а самому явиться в Петербург.

Глава пятая

ОТ ПРЕЙСИШ-ЭЙЛАУ ДО ТИЛЬЗИТА

По вызову царя

Платов часто бывал в Петербурге. Иногда по делу, порой без дела — по зову сердца. Обычно останавливался в Царскосельском или Зимнем дворцах. Вот и теперь, получив рескрипт Александра с предписанием немедленно явиться в столицу, он передал 20 декабря 1806 года Войско под управление наказного атамана Андриана Карповича Денисова и поехал на север. Десять дней безостановочной скачки по заснеженным дорогам России, и Матвей Иванович — на берегах Невы. Прибыл накануне Нового года и сразу попал, как говорится, с корабля на бал.

Утром 1 января Платов явился ко двору. Здесь уже собрались знатные придворные особы, чужестранные министры, дамы в богатых русских платьях, генералы в парадных мундирах, кавалеры во фраках. В три четверти одиннадцатого все проследовали в Большую церковь к литургии, которую отслужил духовник его величества Сергей Федоров.

В половине четвертого пополудни состоялся обед в Желтой комнате у императрицы-матери Марии Федоровны. Присутствовали их величества Александр Павлович и Елизавета Алексеевна, великие княжны Екатерина и Елена, юный герцог Евгений Вюртембергский, только что принятый на русскую службу, принцесса Амалия Баденская, митрополит Амвросий, статс-дамы, генералы, тайные советники — всего 57 человек. Среди гостей — атаман Матвей Иванович Платов.

Так прошел первый день нового 1807 года. Какие чувства владели сыном донских степей в собрании сверкающих бриллиантами светских дам, генералов, министров, придворных, неведомо. По-видимому, он смущался. Некоторые

наблюдательные современники отмечали удивительную застенчивость атамана.

Чем был занят Матвей Иванович шесть последующих дней? Во всяком случае, на обедах во дворце он не появлялся. Есть основание полагать, что болел...

В первой половине дня 8 января «при дворе ничего особенного не происходило». Единственным важным событием, отмеченным камер-фурьером, был прием высочайшей четой приехавшего «в здешнюю столицу генерал-лейтенанта Платова». О чем шел разговор? Думаю, Елизавета Алексеевна интересовалась здоровьем гостя; Александр Павлович мог расспрашивать Матвея Ивановича о ходе строительства Новочеркасска, но самое главное — поставил его перед фактом назначения командующим всеми казачьими полками в Восточной Пруссии, куда приказал отправляться не позже чем через неделю.

Расстались до встречи за столом у императрицы-матери Марии Федоровны.

В это время Мария Федоровна совершала прогулку по городу. Естественно, не пешком — в карете. А когда вернулась, приняла в своем кабинете «господина генерал-лейтенанта Платова, который притом от ее величества и жалован к руке». Как долго продолжалась аудиенция и о чем говорили давние друзья, неизвестно. Глухие отзвуки таких редких свиданий вдовствующей императрицы и атамана можно найти в их переписке. Но о ней позднее.

После беседы Мария Федоровна провела Матвея Ивановича в ковровую комнату, где состоялся обед в достаточно узком кругу близких ко двору людей. Стол был сервирован на шестнадцать персон. С правой стороны от императрицы-матери сидела великая княжна Екатерина Павловна, с левой — Александр Павлович с женой Елизаветой Алексеевной. Атаман Платов оказался напротив высочайших особ, между шталмейстером Сергеем Ильичем Мухановым и обергофмейстером Ардалионом Александровичем Тарусковым.

Во все последующие дни до отъезда в армию Платов присутствовал на обедах в Зимнем дворце, общался с членами царской семьи, придворными, министрами, военными. За одним столом с ним сживали Андрей Яковлевич Будберг, Александр Николаевич Голицын, Дмитрий Александрович Гурьев, Виктор Павлович Кочубей, Христофор Андреевич Ливен, Михаил Никитич Муравьев, Николай Николаевич Новосильцев, Сергей Петрович Румянцев, Александр Сергеевич Строганов, Николай Александрович Толстой, Адам Адамович Чарторыйский... Какие фамилии! Прямо-таки

олицетворенная российская история. Со многими из них у Матвея Ивановича сложились добрые отношения, с некоторыми он состоял в переписке. Эти связи ограждали атамана от посягательств на его власть представителей различных донских кланов и высокомерных генералов, с которыми ему порой приходилось сталкиваться.

13 января в Зимнем дворце праздновали день рождения ее величества Елизаветы Алексеевны. Были поздравления, звучали тосты и музыка. Вечером все члены царской семьи и гости присутствовали в Эрмитажном театре на представлении оперы и балета.

14 января Платов в последний раз навестил Марию Федоровну и на следующий день покатыл на запад. Позднее он написал ее величеству:

«Всемиловнейшая Государыня!

Благословением Твоим, которым... удостоили меня при отъезде моем в 15 день генваря, поехал я за границу к армии в рассуждении нездоровья моего поспешно, прибыл накануне Прейсиш-Эйлауского достопамятного сражения...»

Выходит, Платов во время двухнедельного пребывания в столице действительно был болен и не оправился от хвори до самого отъезда. 26 января он прибыл в армию. А уже на следующий день принял участие в генеральной баталии, которая оказалась самой кровопролитной во всей тогдашней мировой истории войн. «Это была резня, а не битва», — скажет впоследствии о сражении при Прейсиш-Эйлау Наполеон.

В сражении при Прейсиш-Эйлау

В тот день, когда Платов прибыл в армию, на позицию предстоящего сражения пришла дивизия Д. С. Дохтурова, в Азовском мушкетерском полку которой служил некий прусский офицер, с немецкой педантичностью заносивший на страницы своего «журнала» события походной жизни. Вот что написал он 26 января:

«Начиная с Ионкендорфа, это первая свободная минута, которая дает мне возможность привести в порядок мой журнал. Тело и мысли от голода, холода и напряжения притупились так, что я едва располагаю силою и желанием все это написать. Армия не может перенести больших страданий, как те, которые испытала наша в последние дни.

Без преувеличения могу сказать, что каждая пройденная миля стоила армии тысячу человек, которые не видели неприятеля, а что испытывает арьергард в непрерывных боях!

Неслыханно и непростительно, как идут дела. Наши генералы, по-видимому, стараются друг перед другом методически вести армию к уничтожению. Беспорядок и неустройство превосходят человеческое понятие. Беннигсен обыкновенно едет в своей карете впереди, и начальники дивизий следуют примеру своего главнокомандующего. Офицеры Генерального штаба и колонновожатые редко находятся на указанных местах... Последствием этого бывает то, что солдаты остаются с пустыми желудками и с промокшими сапогами должны выстаивать в снегу. Таким способом мы оставили по дороге много больных и умерших. Нужно обладать русским здоровьем и терпением, чтобы все это переносить...

Бедный солдат ползет, как привидение, и, опираясь на своего соседа, засыпает на ходу... Он обладает терпением, достойным подражания, которое превосходит всякую философию... Разве это не беспримерно, что такую армию, какую была наша, могли привести в такое состояние?..

Армия стоит в боевом порядке, завтра решающий день. Ночь будет ужасна, жестоко холодно, невозможно согреться у огня».

В такое состояние русскую армию привели за четыре месяца войны впавший в маразм фельдмаршал М. Ф. Каменский и сменивший его генерал Л. Л. Беннигсен.

В ночь на 27 января 1807 года русские войска расположились на позиции предстоящего сражения. Главнокомандующий располагал армией в 70 тысяч человек.

Какими силами располагал Наполеон? По французским данным, он имел 70 тысяч штыков и сабель, по немецким — от 80 до 90 тысяч. Беннигсен довел счет до 100 тысяч. Преувеличил, конечно. Невелика корысть побить слабого противника.

Платов прибыл в армию за сутки до генерального сражения, когда войска уже были распределены между разными генералами. Это помешало Беннигсену верить ему «команду, соответствующую его чину и военным дарованиям». Поэтому Матвей Иванович принял пока начальство над казаками, численность которых не превышала двух с половиной тысяч человек. Вместе с ними Платов активно участвовал в сражении 27 января 1807 года под прусским городом Прейсиш-Эйлау, что ныне называется Багратионовск.

Сражение продолжалось 12 часов. Опустившаяся на землю «очень темная ночь» прекратила кровопролитие. Пылали окрестные селения, освещая утомленные бойней войска. Горели костры по всей линии фронта. К ним шли, ковыляли, ползли толпы раненых...

Русские потеряли 12 тысяч убитыми и почти 8 тысяч ранеными; в числе последних было 70 офицеров и 9 генералов.

Еще бóльшие потери понесла французская армия: 30 тысяч убитыми, 12 тысяч ранеными и 916 пленными. Кроме того, Наполеон лишился 18 генералов; 6 из них нашли вечный покой в Восточной Пруссии.

В тот же вечер Л. Л. Беннигсен, не успев еще подсчитать потери, написал Александру I:

«Ваше Императорское Величество! Почитаю себя чрезвычайно счастливым, имея возможность донести... что армия, которую Вам благоугодно было вверить моему начальствованию, явилась снова победительницею...»

Таким образом, Беннигсен считал, что победу одержал он. Да и Наполеон поначалу не готов был отстаивать свой приоритет.

Казалось, военное счастье отвернулось от Наполеона. Впервые за многие годы он не сумел одержать безоговорочной победы над противником. В два часа ночи великий полководец был готов вступить в переговоры с Россией и Пруссией и даже уйти за Вислу — правда, якобы для отдыха «на спокойных зимних квартирах... в безопасности от казаков и партизанских отрядов».

Армия союзников, которая «явилась снова победительницею», в тот же вечер снялась с позиции и ушла в Кенигсберг. Леонтий Леонтьевич, сообщая об этом Александру I, просил прислать подкрепления. Император, хотя и выразил сожаление по поводу отступления русских войск, однако всецело доверился «опыту и познаниям» главнокомандующего и позволил ему самому решать, когда лучше «двинуться вперед, чтобы воспользоваться плодами» достигнутого успеха.

Возникает вопрос: почему Беннигсен, одержавший победу в сражении, казалось, вопреки всякой логике принял решение отвести армию к Кенигсбергу?

Русские потеряли значительно меньше, чем французы. Однако Наполеон мог полностью компенсировать убыль в людях за счет корпусов маршалов Нея и Бернадота, не принимавших участия в сражении, и довести численность своей армии до 70 тысяч человек.

Леонтий Леонтьевич, не желая рисковать, отступил к Кенигсбергу, где мог найти все необходимое для приведения в порядок войск, лечения раненых, ремонта артиллерии, пополнения боеприпасов. Там имелась позиция, которая надежно прикрывала оба фланга русской армии; ее можно было усилить посредством сооружения искусственных ук-

реплений. Обширная равнина перед городом открывала простор для действий кавалерии. Все это позволяло рассчитывать на успех даже в сражении с численно более сильным противником во главе с таким полководцем, как Наполеон.

Французский император не перешел на правый берег Вислы, чтобы укрыться от назойливых казаков. Узнав об отступлении Беннигсена, он воспрял духом, остался на месте сражения, отказался от мысли о переговорах с Россией и Пруссией.

Таким образом, поле сражения осталось за французами, что дало Наполеону формальное основание назвать себя победителем.

Выступив из Прейсиш-Эйлау, Беннигсен «приказал генерал-лейтенанту Платову днем и ночью тревожить неприятельские посты везде, где только представится возможность. И казаки исполнили эту обязанность так хорошо, что в первые три дня сняли с французских пикетов двух офицеров и до двухсот рядовых, не потеряв при этом сами ни одного человека».

«Малая война» Платова

Беннигсен чувствовал себя настолько уверенно на новой позиции, что приказал Багратиону и Платову отойти за Фришинг, не разрушая и не защищая переправ через реку. Он надеялся, что неприятель воспользуется этим и атакует его армию под Кенигсбергом, где «уже были сооружены почти все полевые батареи».

Багратион и Платов отступили за Фришинг и устроили главную квартиру авангарда в Людвигсвальде. Однако Наполеон с основными силами армии не двинулся с места. Оставаясь на позиции минувшего сражения при Прейсиш-Эйлау, он ограничивался действиями отдельных отрядов. Похоже, император не рвался в бой...

1 февраля Платов, получив донесение о движении большого французского отряда из-за Фришинга, приказал усилить пост, стоявший у Боршерсдорфа, восемью эскадронами сумских гусар под командованием Николая Александровича Ушакова и двумя полками казаков Даниила Андреевича Андропова и Василия Алексеевича Сысоева. Чрезвычайно пересеченная местность серьезно затруднила бы действия кавалерии. Поэтому русские офицеры сочли необходимым отступить за деревню в открытое поле.

Скоро показались колонны французской кавалерии. Русские атаковали их с такой стремительностью и неустраши-

мостью, что не только опрокинули, но и обратили в бегство. Казаки и гусары преследовали неприятеля до переправы через Фришинг.

Эта стычка стоила французам около 600 человек убитыми, ранеными и пленными.

4 февраля Платов приказал всем своим полкам выслать отдельные команды и на рассвете атаковать цепь неприятельских аванпостов на всем ее протяжении от Людвигсвальда до Виттенберга. Вместе с казаками атаман отправился сам, чтобы оценить обстановку и познакомиться с характером местности, на которой предстояло действовать его войнам.

При приближении русских французские стрелки, поддерживаемые тремя эскадронами кавалерии, открыли ружейный огонь. Матвей Иванович приказал атаковать их силами бывших при нем казачьих команд из полков Тимофея Дмитриевича Грекова и Василия Ивановича Ефремова. Неприятель был опрокинут. Преследование продолжалось до Виттенберга.

А что же французы? Они оставались на прежних позициях, однако Наполеон уже отдал необходимые распоряжения об изменении в размещении войск. Они пока не предусматривали активных военных действий.

Рано утром 5 февраля команды казаков, высланные, как и накануне, тревожить цепь неприятельских аванпостов, взяли в плен в разных местах 112 человек. Однако, обнаружив на левом берегу Фришинга значительные силы пехоты, выдвинутой на пикеты вместо кавалерии, основательно потрепанной в сражении под Прейсиш-Эйлау, вернулись назад.

Столь необычную перемену в организации аванпостной службы неприятеля ни казаки, ни их атаман в тот день объяснить не смогли. Маршал Ней, командовавший арьергардом французской армии, подготовил для русских сюрприз...

В связи с отъездом князя Багратиона в Петербург с донесением его величеству о положении русской армии командование всеми войсками авангарда принял на себя атаман Платов.

Утром 6 февраля на основных пунктах французской аванпостной линии не произошло заметных перемен. Все пикеты, как и накануне, подкреплялись большими силами пехоты. Это и ввело казаков в заблуждение. Отсутствие кавалерии они приняли за меру предосторожности неприятеля, стремление сохранить лошадей, оставшихся после недавнего сражения.

Казачи ошиблись. Французская армия вот уже несколько часов как снялась с позиции и начала отступление на Ландсберг и далее за Пасаргу. Ее отход остался прикрывать сильный арьергард под командованием маршала Нея.

Хитрость удалась. Наполеон выиграл целый день, в течение которого его армия отступала, не испытывая давления даже со стороны авангарда Платова, не говоря уже об основных силах генерала Беннигсена, которые продолжали наслаждаться отдыхом.

Нею удалось ввести казаков в заблуждение. А Бернадота они обнаружили и вступили в перестрелку с его корпусом, идущим по дороге на Оршен и Лишен. Стало ясно: французы отступают.

Отступление было трудным. Сильная оттепель сделала дороги трудно проходимыми, а в низинах на обширной равнине и вовсе непроходимыми, особенно для артиллерии. Уже в первый день пути от недостатка корма пало более пятидесяти лошадей. Многие повозки развалились или совершенно увязли в грязи, поэтому французы вынуждены были бросать ящики со снарядами и оставлять раненых.

Как видно, дороги в то время были проблемой не только в России. В Пруссии они оказались преградой столь же трудной для французской армии, как и для русской.

Арьергард Нея ушел за отступающей армией. Вечером казаки заняли Прейсиш-Эйлау, где нашли тяжело раненных русских, взятых в плен в сражении 27 января: семь офицеров и несколько сотен рядовых, оставленных французами из-за невозможности увезти их с собой. Французы и со своими-то не знали, что делать. Потому и бросали в пути на снегу не только мертвых, но и умирающих соратников.

Начался очередной этап войны. Его по праву можно назвать по преимуществу «казачьим». Французы отступали — донцы их преследовали.

Авангард Платова, переправившись через Фришинг, разделился на два отряда: первый пустился в погоню за корпусом Бернадота, второй, под командованием самого атамана, двинулся за арьергардом Нея.

Непролазная грязь заставила Матвея Ивановича оставить пехоту и артиллерию авангарда и броситься за неприятелем лишь с полками легкой кавалерии. В эти дни маршал Ней отправлял не менее двух донесений на имя военного министра Бертье, приписывая себе победы над казаками, грозил извести их вовсе, если они осмелятся напасть на него, выражал готовность выполнить любое повеление своего императора.

9 февраля Платов с частью своего авангарда двинулся на Ландсберг, куда и прибыл около двух часов дня, когда последние отряды неприятеля покидали это местечко, расположенное в двух милях на юго-запад от Прейсиш-Эйлау. Казаки стремительно обрушились на французский драгунский полк, 167 человек взяли в плен и еще больше положили убитыми и ранеными. Кроме того, победителям досталось много повозок и зарядных ящиков, брошенных в самом городке и по пути бегства.

Казаки в тот день вышли из боя, не потеряв ни одного человека не только убитыми, но даже ранеными.

А вот как расценил события того дня маршал Ней в донесении военному министру Бертье: «Неприятель после понесенной им неудачи... более не показывается и, вероятно, не отважится что-либо предпринять против моей пехоты, которая совершенно не боится, а только презирает казаков».

Что это? Заблуждение или сознательная ложь? Не знаю. Скажу лишь, что в то время не только французские маршалы, но и русские полководцы позволяли себе вольную трактовку исхода отдельных боев и даже сражений. А историки нередко относятся к их донесениям с полным доверием...

Дороги с каждым днем становились все более непроходимыми. Артиллерия и обозы с провиантом и фуражом отстали. Армия не могла преследовать неприятеля: голодный солдат — плохой воин. Поэтому 10 февраля главнокомандующий остановил свои дивизии на отдых. В то же время он приказал Платову продолжать тревожить французов, но соблюдать осторожность, ибо ни пехота, ни регулярная кавалерия не смогут поддержать его в случае необходимости.

Матвея Ивановича не надо было предупреждать. Отличаясь смелостью с молодых лет, он, как никто другой из военачальников, берег своих казаков. В этом отношении его можно было сравнить, пожалуй, лишь с покойным князем Григорием Александровичем Потемкиным. Правда, в отличие от светлейшего, атаман всегда готов был идти на оправданный риск.

Армия отдыхала. Казаки воевали. Атаман Платов день за днем описывал их подвиги в рапортах на имя главнокомандующего Беннигсена, обычно кратко, иногда подробно...

Минула всего неделя с начала отступления, а французы уже испытывали острый недостаток в продуктах питания. Они переправились через Пасаргу и сожгли за собой мосты.

Беннигсен не спешил догонять французов. 13 февраля главная квартира его армии была в Ландсберге, а ее авангарда — в Аренсдорфе, где русские расположились надолго. Обе

воюющие стороны уклонялись от активных действий с участием больших сил. Отдельные столкновения при этом практически не прекращались и иногда завершались не в пользу русских.

15 февраля атаман соединился с пятью казачьими полками, пришедшими с Дона под командованием генерал-майоров Василия Тимофеевича Денисова и Николая Васильевича Иловайского. Имея теперь под своим началом не менее шести с половиной тысяч всадников, он вынудил маршала Нея оставить Гутштадт, небольшой городок в Старой Пруссии на берегу реки Алле. Неприятель отступил по дороге к Алленштейну, потеряв 55 человек пленными и до 400 убитыми.

Во время командования авангардом Матвею Ивановичу приходилось не только рапортовать начальству об успехах, но и давать объяснения по поводу событий весьма щекотливых, способных повлиять на репутацию казаков.

Утром 15 февраля по армии разнесся слух: генерал-майор Федор Карлович Корф, стоявший с егерями в деревне Петерсвальд, несколько часов тому назад взят французами и увезен в неизвестном направлении. Из рапорта маршала Нея военному министру, перехваченного в тот же день, стало известно, что ответственность за свое пленение и потерю двухсот человек убитыми и ранеными барон Корф возложил на Матвея Ивановича Платова, который якобы в ту ночь не выставил пикеты и не отправил в сторону противника казачьи разъезды. Главнокомандующий потребовал объяснений. Атаман ответил:

«...Пикеты и разъезды были впереди, и хорунжий Лютенсков двоекратно в ночь и третий раз на заре извещал его, генерал-майора Корфа, о приближении неприятеля, но, по видимому, он не хотел принимать донесений, отчего и последовала такая опасность...»

Трудно представить, что Матвей Иванович не знал истинной причины пленения Федора Карловича. Конечно, знал, как и служивший под его началом артиллерийский полковник Алексей Петрович Ермолов и сам главнокомандующий Леонтий Леонтьевич Беннигсен. Последние оставили после себя «Записки», в которых есть строки, позволяющие восстановить общую картину того «весьма неприятного происшествия».

Вся команда Корфа расположилась на одном конце Петерсвальда, а сам он занял лучший дом священника на другом его конце и сразу же «принялся за пунш, обыкновенное свое упражнение», не позаботившись о безопасности. Каза-

ки один за другим приезжали к нему, чтобы предупредить о приближении неприятеля. Предупреждение, однако, не дошло до сознания пьяного генерала.

В этой части оба мемуариста расходятся лишь в деталях: Ермолов пишет, что казаки застали Корфа за употреблением пунша, а Беннигсен сообщает, что они нашли его уже в постели. Никакого противоречия в этом нет: сначала мог быть ужин с привычными возлияниями, а после него — богатырский сон на мягкой перине в доме сельского пастора.

«Несколько человек вольтижеров, выбранных французами, вошли в темную ночь через сад в дом, провожаемые хозяином, и схватили генерала, — продолжал Алексей Петрович. — Сделался в селении шум... произошла ничтожная перестрелка, и неприятель удалился с добычею...»

Небольшая перестрелка произошла, по-видимому, у самого дома пастора, а «на другом конце» Петерсвальда развернулся настоящий бой, описанный Беннигсеном с использованием рапортов.

«Неприятель, поощренный таким началом — захватом русского генерала, — прошел с значительными силами через деревню и напал на наших егерей, уже стоявших, однако, под ружьем, так как казаки успели предупредить их о приближении французов, покинув свои аванпосты. Вместо ожидаемого появления командира батальоны подверглись стремительному нападению противника. Отряд оборонялся с большою храбростью, но не мог устоять... и вынужден был отступить по дороге на Зекрен». Здесь находилась значительная часть авангарда Платова.

В этом ночном бою русские потеряли 200 человек, в том числе двух офицеров и 43 солдата убитыми.

Естественно, Наполеон не упустил возможность «представить в бюллетене выигранное сражение и взятого в плен корпусного начальника, а дабы придать более важности победе, превознесены высокие качества и самое даже геройство барона Корфа, — иронизировал А. П. Ермолов. — Но усомниться можно, чтобы до другого дня могли знать французы, кого они в руках имели, ибо у господина генерала язык не обращался», то бишь не ворочался от чрезмерного употребления пунша.

Беннигсен не только отверг обвинение Корфа в адрес казаков и Платова, но и признал его поведение в плену «неслыханным».

Арьергард Нея отступил за Алле, истребив за собою мосты. Но это не остановило казаков. Переправившись через реку, они продолжали преследовать французов по дороге на Алленштейн.

Французы нуждались в отдыхе. Впрочем, непролазная грязь измотала и русскую армию. Лишь Платов не жаловался, хотя его казаки устали не меньше других, если не больше. Со времени вступления в Восточную Пруссию каждый из начальников непременно стремился прикрыться хотя бы одним донским полком. И до прибытия атамана многим это удавалось. Не случайно появление знаменитого героя накануне генерального сражения под Прейсиш-Эйлау поставило Беннигсена в затруднительное положение: он не смог дать генерал-лейтенанту «команду, соответствующую его чину и военным дарованиям».

Рассредоточенность казачьих полков, доходившая порой до раздробления их на сотни с подчинением командирам самых разных рангов, размывала славу донских воинов. Платов решил покончить с таким положением, поставить всех на место, невзирая на чины и титулы.

Сложившаяся ситуация столь прочно утвердилась в Заграничной армии, что некоторые генералы позволяли себе отдавать приказы командирам казачьих полков, даже не сносясь с Платовым. Этого атаман допустить не мог. Имея прочную опору при дворе, он не церемонился со своими высокомерными соратниками.

15 февраля командующий 5-й пехотной дивизией Н. А. Тучков приказал генерал-майору Н. В. Иловайскому выдвинуть семь казачьих полков в район Лихтенау, чтобы оградить войска правого фланга русской армии от неожиданных набегов неприятеля. При этом он не считал необходимым согласовать свое решение с Платовым. Узнав об этом, атаман тут же отправил рапорт Л. Л. Беннигсену:

«Ваше высокопревосходительство, покорнейше прошу приказать, дабы частные по армии начальники не касались своими распоряжениями донских полков; ему же, господину Тучкову, я сообщил сего числа, что прописанное им повеление остается без исполнения».

Главнокомандующий согласился с атаманом: частные начальники не должны распоряжаться донскими полками!

А чтобы у полковых командиров не было сомнений относительно того, кому они должны подчиняться и рапортовать, Матвей Иванович запретил им исполнять чьи-либо повеления и «доносить обо всем» только ему, войсковому атаману Платову.

Восстановлением армейской субординации проблемы Платова не ограничились. В тот же день, 15 февраля, казаки преподнесли ему по меньшей мере два сюрприза, что заставило атамана заняться укреплением дисциплины в своем корпусе.

Дежурный генерал Фок сообщил Платову, что его герои перехватили транспорт с овсом, следовавший в прусский корпус Лестока, мешки изрубили, а большую часть зерна рассыпали. Командующий приказал провести тщательное расследование и о результатах доложить.

Чем кончилось расследование? Кажется, лишь приказом атамана по корпусу, содержащим угрозы в адрес нарушителей воинской дисциплины.

Транспорт, отбитый у союзников, не был «доставлен к войскам нашим». Выходит, остался в казачьих полках? Скорее всего, именно так. Известно, что в корпусе Платова овса не хватало, и атаман выражал опасение, как бы лошади не пришли «в слабость и неспособность к службе».

Не успел Матвей Иванович успокоиться, как принесли донесение, еще более неприятное по своим последствиям...

Генерал-майор Василий Тимофеевич Денисов, только что прибывший на театр военных действий во главе бригады пополнения, выделил из своего полка команду и отправил ее для разезда и открытия неприятеля по дороге к Гутштадту. Казаки проявили неосторожность, попали в засаду, многие лишились лошадей и спаслись бегством.

У страха глаза велики. Есаул Ясногородский, стоявший во главе команды, путано доложил, что «будто бы многочисленные неприятельские колонны пехоты и кавалерии» идут на Гейльсберг. Была объявлена тревога. Вся русская армия пришла в движение. Как оказалось, напрасно. Беннигсен поручил Платову «сделать оному генерал-майору строгий выговор».

Атаман выполнил поручение главнокомандующего, выговор В. Т. Денисову сделал и рекомендовал ему «стараться загладить свою вину отличною службою», а есаула Ясногородского приказал «арестовать и содержать на хлебе и воде впредь до рассмотрения, ибо он, быть может, и большего наказания достоин».

«Сей гнусный поступок Ясногородского» Платов прописал со всеми подробностями в приказе по полкам Войска Донского и распорядился «вычесть» его в назидание другим «при собрании офицеров, урядников и казаков». Атаман требовал от подчиненных, чтобы они донесения свои к нему и «другим частным господам начальникам или же полковым командирам делали бы со всякою обстоятельностью, то есть в каком именно месте открыт неприятель, в каком, хотя примерно, числе» и что намерен предпринять.

Тем временем оттепель сменилась похолоданием. Дороги окрепли. Русская армия, поднятая по тревоге, не остановилась. 17 февраля она заняла новые позиции. Беннигсен со своим штабом перебрался в Гейльсберг.

Беннигсен решил во что бы то ни стало удержать занимаемые позиции, поэтому приказал выдвинуть вперед до 20 тысяч человек, подчинив их генерал-лейтенанту Фабиану Вильгельмовичу Остен-Сакену. Они должны были остановить наступление противника в направлении на Зекерн и Петерсвальде.

Ней имел здесь 4 тысячи человек, которые к тому же не были сосредоточены. Однако этого оказалось достаточно, чтобы дважды в один день отразить Остен-Сакена, располагавшего в пять раз большими силами. Русские потеряли в этот день 500 своих воинов — в два раза больше, чем противник.

Французы предложили Платову на короткое время прекратить военные действия для того, чтобы похоронить погибших. Атаман ответил, что число покойников у них может возрасти, если они еще раз обратятся к нему с подобной просьбой и пришлют своих парламентариев...

Усталость одолела всех: и французов, и русских. В ожидании подкреплений обе армии в конце февраля разошлись по зимним квартирам. Казакам же покой только снился.

За месяц, истекший после сражения под Прейсиш-Эйлау, казаки потеряли 59 человек убитыми и 135 ранеными. Какой урон они нанесли неприятелю? Большой, очень большой — «многих положили на месте». В плен же взяли 37 офицеров и 2254 рядовых французской армии.

Воспользовавшись затишьем, Платов снова взялся наводить дисциплину в своих войсках. Основания у Матвея Ивановича были: казаков обвиняли в воровстве, грабежах, самовольных отлучках из полков. Все это побудило атамана обратиться с приказом к донцам.

Атаман призвал казаков «служить усердно, повиноваться начальникам... особенно в нынешней Заграничной армии», приумножать славу, добытую «знаменитыми делами прародителей», пригрозил наказанием кнутом и ссылкой в Сибирь всем ослушникам, судом и разжалованием в рядовые «сотенным начальникам» и взысканием полковым командирам, если они не оправдают его «чаяний».

В этом походе по дорогам Восточной Пруссии своеобразным шиком среди казаков стало ношение дротиков за плечами на привязанных к ним темляках. По мнению Платова, это делало «вид казака мерзким». «Отныне дротиков на темляках не возить, — распорядился атаман, — ...держат прямо на правом плече или, наклонивши, на бедре, как того служба и порядок, издревле заведенные, требуют».

Похоже, Платов верил в воспитательное воздействие пле-

ти, коль и на этот раз пообещал отодрать ею всякого, кто осмелится нарушить правило, установленное предками. Правда, мне так и не удалось обнаружить документов, свидетельствующих о наказании донских щеголей.

Войска обеих воюющих армий бездействовали. Даже на аванпостах, находившихся на расстоянии пистолетного выстрела от неприятеля, было тихо. Французы покинули позиции у Зекерна и Петерсвальда, где девять дней назад нанесли поражение Остен-Сакену, и отступили через Гронау до Альткирха.

В это время почти весь край между Вартенбургом и Остроленкой был занят французами. Наполеон, желая отвлечь внимание Беннигсена от Данцига, осажденного его войсками, приказал генералу Зайончеку, стоявшему близ Пассенгейма, различными передвижениями демонстрировать намерение прервать сообщение главных сил русской армии с корпусом И. Н. Эссена.

Поляков генерала Зайончека слева и справа подкрепляли войска маршалов Даву и Массены.

Между тем в армию вернулся и вступил в командование авангардом князь Петр Иванович Багратион. Под началом Платова остались казачьи полки, которые Беннигсен бросил против поляков Зайончека, чтобы восстановить прерванное было сообщение с корпусом Эссена.

1 марта Платов с девятью казачьими полками выступил на Гронау, на пятые сутки пришел в селение Рушинг, где разделил свои войска на два отряда, передал их под команду Н. В. Иловайского и И. А. Карпова и отправил на поиски неприятеля. При себе же оставил атаманцев во главе с С. Ф. Балабиным.

6 марта отряд генерал-майора Н. В. Иловайского вошел в Ортельсбург, а казаки И. А. Карпова заняли Пассенгейм — важные пункты, позволявшие восстановить связь русской армии с корпусом И. Н. Эссена.

7 марта войсковой старшина Осип Васильевич Иловайский, шедший в авангарде первого отряда, напал на неприятеля в селении Клейн-Шиманен, «совершенно разбил» его, «положив на месте... более двухсот человек и взяв в плен офицера и шестьдесят восемь рядовых».

В тот же день у селения Кото, что в трех милях от Пассенгейма, казаки Ивана Акимовича Карпова налетели на польскую бригаду генерала Зайончека, охватили ее лавою, отрезали от основных сил корпуса, ударили во фланги, смешали боковые эскадроны, рассеяли и, преследуя, нещадно рубили их саблями и кололи пиками.

Этот бой, по свидетельству очевидца и автора хроники подвигов казаков в Пруссии П. А. Чуйкевича, был «крайне гибельным для неприятеля; донцы, одушевленные примером мужественного начальника, сразившего многих собственной рукою, произвели страшное кровопролитие». Лишь отдельным солдатам польской пехоты и кавалерии, раньше других побросавшим оружие, удалось укрыться в лесу.

Генерал Зайончек избежал смерти, но его потери были велики: более 700 человек убитыми и 227 пленными, в том числе 9 офицеров.

8 марта майор Степан Филиппович Балабин с половиной Атаманского полка, встретив отряд кавалерии из корпуса маршала Даву, вышедший из Алленштейна на рекогносцировку, опрокинул его, гнал несколько миль и уничтожил по пути преследования «знатное число» французов. Пленных было немного — один офицер и 25 рядовых.

На следующий день Тимофей Дмитриевич Греков, получив приказ командира первого отряда, выступил со своим полком из Ортельсбурга, близ которого встретил значительные силы французской пехоты и кавалерии и стремительно ударил в дротики. Подоспевшие к нему на помощь казаки Осипа Васильевича Иловайского и Ивана Акимовича Карпова атаковали неприятеля во фланг, расстроили и обратили в беспорядочное бегство, «во время коего побили более двухсот человек»; в плен же взяли всего двух офицеров и 30 рядовых.

Продолжение «малой войны»

Французы испытывали неодолимое чувство голода. Ежедневно солдаты получали лишь половину нормы хлеба и продовольствия. Положение с фуражом было и того хуже. По признанию маршала Нея, в течение последнего месяца лошадей кормили только «мхом и гнилою соломой». Учитывая это, Наполеон попытался склонить Пруссию к сепаратному миру, пообещав Фридриху Вильгельму III вернуть его владения до Эльбы, что неизбежно усилило бы колебания Австрии, которая никак не решалась вступить в войну на стороне союзников. Письмом от 9 марта 1807 года главнокомандующий Беннигсен обратился к императору Александру I с просьбой приехать в армию:

«Я полагаю, что прибытие Вашего Величества сильно побудит венский кабинет высказаться положительно о том, какой стороны он намерен держаться...

Если Австрия не решится принять участие в этой войне,

то, кажется, настает момент к заключению почетного и выгодного мира с Бонапартом.

Хочу еще присовокупить: продолжение войны с Францией я считаю опасным для России...»

Похоже, Беннигсен готов был отказаться от роли «спасителя России и всей Европы», отведенной ему императором Александром после сражения при Прейсиш-Эйлау. Предчувствие грядущей беды не обманули Леонтия Леонтьевича...

Впрочем, курьеру с письмом главнокомандующего скакать до Петербурга почти неделю. Мы же останемся на берегах Омудева и Алле, где скоро развернутся славные события с участием казаков и их атамана Матвея Ивановича Платова.

Русская армия по-прежнему бездействовала. Солдаты отдыхали от прошлых ратных трудов, излечивались от ран и болезней. И только донские казаки не знали покоя, днем и ночью вели «малую войну» на левом фланге своей позиции, центр которой находился в Гейльсберге.

10 марта Степан Филиппович Балабин с частью казаков Атаманского полка серьезно потрепал три роты французской пехоты, выведя из строя 56 человек.

М. И. Платов перевел атаманскую квартиру в город Пассенгейм, куда и вернулся после налета на французскую пехоту С. Ф. Балабин.

Два следующих дня прошли относительно спокойно. Казаки отдыхали. Лишь небольшие партии, отправленные в разведку, рыскали по лесам в поисках неприятеля. Вечером 12 марта они донесли о скоплении значительных сил польской пехоты и кавалерии в окрестностях Мальги и Омудев-Офен. Атаман решил выступить в полночь, чтобы «на самой утренней заре» обрушить на ляхов удар восьми своих полков.

Юный адъютант генерал-лейтенанта М. И. Платова, войсковой есаул Тимофей Дмитриевич Иловайский, без малого сутки оставался в седле, развозя приказы атамана по полкам и отрядам, «неустрасимо вдаваясь во все опасности».

М. И. Платов приказал Н. В. Иловайскому идти к Мальге, а И. А. Карпову — в Омудев-Офен. Чтобы обезопасить себя с флангов, он оставил слева, в Ортельсбурге, полк А. И. Исаева, а справа, в Козно, казаков Г. А. Селиванова. Сам же с атаманцами пошел на стоявшую между ними деревню Дембовец, откуда в случае необходимости мог подкрепить и того, и другого.

13 марта, как и приказал Платов, отряды выступили в полночь и на рассвете подошли к реке Омудев, за которой

был неприятель, ожидавший нападения. Застать поляков врасплох не удалось — казаки приучили к осторожности.

В атаку на Мальгу командир первого отряда бросил казаков войсковых старшин Осипа Васильевича Иловайского и Тимофея Дмитриевича Грекова, приказав им ударить в дротики. Защитники селения противопоставили нападающим уланский полк Яна Генриха Домбровского, имевший богатый боевой опыт, накопленный в сражениях с пруссаками на Рейне и русскими в Италии, а также 15 эскадронов, собранных из остатков польской кавалерии.

Несмотря на численное превосходство противника, отважные старшины устремились в отчаянную атаку, немало смутив его своей дерзостью. В это время два других полка отряда — Николая Васильевича и Степана Дмитриевича Иловайских — врубилась полякам во фланг, разъединили их войска, «привели в совершенный беспорядок» и обратили в бегство. Неожиданно часть отступающих свернула в сторону, пытаясь укрыться в лесу. Но сотник Константин Иванович Харитонов, заметив это, пустился с партией казаков в погоню. Никому из беглецов не удалось уйти, всех побили.

Преследование продолжалось не менее восьми верст. Донцы безжалостно истребляли врагов, рубили их саблями, кололи пиками, топтали копытами взмыленных лошадей. Остановились лишь у Валендорфа, где отступающие соединились со своей пехотой, состоявшей из пяти полков, подкрепленных восемью пушками. Численное превосходство поляков стало подавляющим. Этим, однако, дело не кончилось.

Генерал-майор Н. В. Иловайский, «видя превосходство неприятельской силы», приказал полковым командирам создать видимость беспорядочного отступления, оставив для прикрытия лишь охотников. Хитрость удалась: польская конница отделилась от пехоты и артиллерии и «бросилась с жаром преследовать казаков», а они увлекали ее все дальше и дальше.

Наконец на равнине между Валендорфом и Мальгой Н. В. Иловайский остановил полки, в мгновение развернул их в лаву и, охватив ею фронт и фланги неприятеля, ударил в дротики. Храбрые казаки, увлекаемые примером своих отважных начальников, врубилась в самую гущу врагов, сметая все на своем пути. Поле покрылось низверженными всадниками и бегающими лошадьми. Кровавое пролитие продолжалось более часа.

Неприятель, опрокинутый второй раз, гнал лошадей верст пять до соединения с пехотой, спешившей с пушками на помощь терпящим бедствие соратникам. Но было уже поздно.

«Разбитая конница бежала в Валендорф скрыть за окопами стыд свой и поражение», — свидетельствует профессиональный наблюдатель капитан Петр Андреевич Чуйкевич, служивший во время войны в штабе донского атамана и опубликовавший позднее свои записки «Подвиги казаков в Пруссии в 1807 году». Полк Домбровского перестал существовать, был «истреблен в прах». Польские эскадроны потеряли не менее половины своего состава. Казаки взяли в плен 231 человека, в том числе полковника Стаковского, командовавшего уланами Домбровского.

Ужас пленных был столь велик, что полковник Стаковский, представленный генерал-майору Иловайскому, рухнул перед ним на колени и стал просить пощады. Поляка успокоили, заверив, что у русских нет обычая жестоко обращаться с побежденными, в доказательство чего офицеры сами перевязали раненого. А атаман Платов в тот же день за обедом посадил его подле себя. Матвей Иванович был доволен, хвалил своих героев, много шутил, не зная еще об итогах атаки казаков Карпова под Омудев-Офен.

В тот же день, 13 марта, отряд Ивана Акимовича Карпова в составе трех полков, не доходя до места назначения, обнаружил в лесу неприятельскую пехоту. Казаки спешились, выгнали егерей из укрытия и преследовали их до Омудев-Офен — деревни на берегу реки с тем же названием.

На рассвете И. А. Карпов повел свои полки в атаку, выбил егерей из деревни и заставил отступить по льду за Омудев. Ружейный огонь не остановил казаков. Они переправились на правый берег реки, с ходу ударили в дротики, рассыпали неприятеля и преследовали его до Валендорфского леса, на опушке которого стояли еще три колонны польской пехоты с двумя или тремя пушками.

— Станичники, ура! Бей инсургентов! — кричал полковник Карпов, врубаясь в переднюю колонну. Развалил одного, другого... С ожесточением занес саблю за плечо и вдруг обмяк, медленно сполз с седла и упал на припорошенную снегом землю. Вот и все...

Сорокалетний герой минувших сражений с турками и поляками погиб, пробитый пулей навывлет.

Вокруг сраженного развернулось «страшное побоище». Поляки, «видя ордена на мундире его, — писал П. А. Чуйкевич, передавая рассказы свидетелей этой трагедии, — силились овладеть им, но казаки готовы были умереть около тела своего любимого начальника... Ударив дротиками с яростью, они рассеяли толпу и вынесли» полковника, чтобы предать его земле по православному обряду.

Гибель командира заставила отряд отступить. Отход совершился организованно, и неприятель не продвинулся вперед ни на шаг. Поляки потеряли убитыми более ста человек и не сумели отбить у казаков 14 человек, взятых в плен.

В тот же день атаман Платов вернулся в Пассенгейм.

14 марта французы предприняли попытку отбить у русских Ортельсбург, двинув на него отряды пехоты и кавалерии общей численностью в 3200 человек при четырех орудиях. Гарнизон, защищавший город, насчитывал всего две сотни казаков во главе с есаулом Шульгиным. Узнав о наступлении неприятеля, тот послал курьеров с донесениями: в Пассенгейм — атаману Платову и в Менсгут — шефу павлоградских гусар генерал-майору Чаплицу. А сам выступил навстречу противнику.

Авангард французов казаки опрокинули и преследовали его до соединения с основными силами отряда. Несоразмерное численное превосходство противника заставило есаула Шульгина оставить город и отступить. Лишь с помощью подоспевших эскадронов павлоградских гусар под командованием майора Игельстрома, «офицера блистательной храбрости», неприятель был не только остановлен, но и загнан в Ортельсбург. Наступившая ночь прекратила противостояние.

М. И. Платов, понимая значение Ортельсбурга, соединявшего армию с корпусом И. Н. Эссена, приказал Е. И. Чаплицу выбить французов из города. Павлоградские гусары были усилены донскими полками В. И. Ефремова и Е. Н. Астахова, принявшего командование над казаками погибшего накануне И. А. Карпова.

Полки прибыли в назначенное время. В ночь на 15 марта генерал-майор Чаплиц скрытно от неприятеля разместил наличные войска, поставив своих гусар с орудиями на возвышениях близ города, а казаков на правом фланге между Бишофсбургской дорогой и Ортельсбургским озером. Условились, что сигналом к атаке будет выстрел из пушки.

Наступило утро 15 марта. Густой туман, опустившийся на землю ночью, стал рассеиваться, французы пробудились ото сна, «господа начальствующие, как приметить можно было», собрались все на рекогносцировку. В это время и прозвучал выстрел из пушки. Русские в разных местах пришли в движение, немало озадачив неприятеля своим неожиданным появлением. «Все было употреблено, чтобы воспользоваться начальным их потрясением. Войска наши друг перед другом старались доказать свое рвение», — рапортовал генерал-майор Чаплиц атаману Платову.

Действительно старались. Охотники, собранные из разных полков, мгновенно ворвались в форштадт и выгнали из него французов. Одно из двух орудий, бывших в распоряжении Ефима Игнатьевича Чаплица, удачно выстрелило по отступающим, чем усилило смятение в стане неприятеля, «особливо, когда еще и казаки пошли в атаку» прямо по льду через озеро, что казалось невозможным. Французы, опасаясь быть отрезанными от Вилленберга, откуда они явились накануне, стали поспешно покидать Ортельсбург. Артиллеристы осыпали их градом картечи. Началась паника, поскольку бежать пришлось по узкой плотине, соединявшей одну часть города с другой. Иного пути не было.

Французская пехота прорывалась к лесу по Вилленбергской дороге. Кавалерия прикрывала ее отход. Донские казаки атаковали неприятельскую конницу в левый фланг, в то время как павлоградские гусары неоднократно врубались в правый.

«Я обязан признаться Вашему превосходительству, — писал четыре дня спустя генерал-майор Чаплиц атаману Платову, — что в сем действии имел больше забот удерживать жадность офицеров и нижних чинов к поражению, чем к изгнанию неприятеля. Гусары и казаки так были озлоблены, что никого не хотели брать в плен...»

Между тем французская пехота достигла леса и ружейным огнем прикрыла отступление своей кавалерии.

Всего за десять дней рейда по тылам противника казаки истребили, по данным главнокомандующего Л. Л. Беннигсена, «не менее четырех тысяч человек». Сами же потеряли убитыми двух офицеров, в том числе полковника И. А. Карпова, и 15 казаков. Раненых было в два раза больше.

Матвей Иванович выполнил приказ главнокомандующего, казаки изгнали неприятеля за Омудев и Алле, восстановили связь армии с корпусом И. Н. Эссена. Донской атаман утвердился с большей частью своих полков в районе Пассенгейма, а его передовые партии продвинулись так далеко, что оказались в 35 верстах от Стероде, где находилась главная квартира императора Наполеона.

Многие герои этого рейда по тылам французской армии были представлены атаманом к наградам. Возглавил список командир отряда генерал-майор Николай Васильевич Иловайский — ему выпал орден Святого Георгия 3-го класса.

Полковые командиры Степан Филиппович Балабин, Тимофей Дмитриевич Греков, Василий Иванович Ефремов, Василий Алексеевич Сысоев, Степан Дмитриевич и Осип Васильевич Иловайские удостоились ордена Святого Геор-

гия 4-го класса; Александр Иванович Исаев и Емельян Никитич Астахов — Святого Владимира 3-й степени.

Были представлены к различным наградам многие есаулы, сотники, хорунжие.

Награду для М. И. Платова испрашивал у царя Л. Л. Беннигсен.

Из письма Л. Л. Беннигсена — Александру I,
3 апреля 1807 года:

«...Непременным долгом считаю отдать ему, генерал-лейтенанту Платову, всю справедливость... С самого сражения при Прейсиш-Эйлау, предводительствуя казачьими полками, он денно и ночью беспокоил неприятеля, находился повсюду сам и с благоразумною предприимчивостью делал на него нападения, истреблял в большом количестве и брал в плен...

Неприятельская кавалерия частью им уничтожена, а остаток изнурен до такой степени, что едва уже видно ее употребление. Пехота также обессилена внезапными его нападениями...

Неприятель потерял не менее четырех тысяч человек только убитыми... и доведен до такой степени изнеможения, до какой могла бы довести его еще раз проигранная баталия...

Я осмеливаюсь всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество в воздаяние заслуг сего достойного ревностного генерала всемилостивейше наградить орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 2-го класса, которого он совершенно заслуживает...»

Александр I «всемилостивейше» согласился наградить атамана, но резолюцию — «исполнить по сему» — начертал лишь 1 августа 1807 года, когда война уже кончилась. Почему с таким опозданием? Сомневался в заслугах Платова и его казаков? Нет, сомнений не было. Помешали обстоятельства.

Курьер с представлением Беннигсена о награждении Платова прикатил в Петербург, но Александра там не застал. Предложение главнокомандующего прибыть в армию император получил 15 марта. Оно доставило ему «отменное удовольствие». Государь «не долго собирался в путь» — на следующий день покинул столицу, через неделю приехал в Мемель «для переговоров о делах с прусским королем», дал ему «указания... относительно перемены его министерства» и, вполне удовлетворенный итогами визита, 5 апреля вместе с союзным монархом Фридрихом Вильгельмом был уже в Бартенштейне, где устроил свою квартиру. Последующие события задержали его величество на театре военных действий еще на три месяца.

После же тильзитского примирения с Наполеоном царь пребывал далеко не в лучшем расположении духа, как, впрочем, и вся Россия. Требовалось время, чтобы прийти в себя и приступить к раздаче орденов за подвиги, которые не принесли победы...

В армию Александр прибыл с большой свитой, представлявшей собой созвездие баронов, графов, князей. «Трудно передать впечатление, произведенное на армию прибытием государя императора. Его встречали радостными криками, столь же искренними, как и восторженными», — вспоминал Беннигсен. Вероятно, все так и было. Молодой, высокий, изящный, красивый, умный, образованный царь умел нравиться людям. Он блистательно играл роль «очарователя».

8 апреля в подкрепление к русским пришла 1-я гвардейская дивизия. Численность Заграничной армии увеличилась на 17 тысяч человек и 92 пушки.

В тот же день Л. Л. Беннигсен усилил корпус М. И. Платова, прислав из главной армии под его начало казаков генерал-майора В. Т. Денисова, 1-й егерский полк полковника Г. В. Розена и две роты «застрельщиков» для поддержания передовых постов, которые особенно нуждались в пехоте.

Авангард князя Багратиона пополнился десятью эскадронами гродненских гусар и двумя полками донских казаков, взятыми из корпуса атамана Платова.

Этим перераспределением войск пока и ограничился главнокомандующий накануне открытия летней кампании 1807 года.

Конечно, Бартенштейн — не Петербург, но и здесь собралось вполне приличное общество. Из столицы приехало много дам. Было весело. Пир следовал за пиром. Платову очень хотелось явиться в главную квартиру — не вредно лишний раз попасть на глаза императору. Через дежурного генерала Фока обратился к главнокомандующему за разрешением. Беннигсен, полагая, что государь, может быть, сам надумает приехать к казакам, посоветовал атаману «поездку свою отложить». В общем, отказал.

Интенданты воровали. Солдаты обносились, пухли и умирали от голода. Лошади от бескормицы падали даже на смотрах, не имея сил держать своих всадников. Беннигсену доложили о бедственном положении армии. По свидетельству графа Михаила Семеновича Воронцова, Леонтий Леонтьевич отвечал:

— Надобно уметь терпеть. И за моим обедом подают только три блюда.

Казаки тоже голодали, ибо на руки получали лишь поло-

вину нормы. Овса не хватало. И все-таки по-прежнему воевали, не давая противнику покоя ни днем ни ночью. За счет французов и кормились кое-как.

Впрочем, французы сами голодали.

Наступила весна. А армии противников по-прежнему бездействовали. Это позволило Наполеону перебросить большой корпус на помощь войскам, осаждавшим Данциг. Чтобы поддержать союзников, Александр приказал отправить в крепость семь полков под командованием графа Николая Михайловича Каменского.

Переброска войск в осажденный Данциг ослабила силы Платова на три полка. Но казаки не прекратили «малую войну», продолжали тревожить неприятеля днем и ночью. Неотвратимо надвигалось время решающих событий. А незадолго до них в Заграничную армию прибыл донской генерал-майор Андриан Карпович Денисов, ветеран минувших сражений с французами в Италии и Швейцарии, имевший репутацию соратника великого Суворова.

21 апреля неприятель, не утративший надежды взять реванш за мартовские неудачи, предпринял попытку отбить у казаков Ортельсбург и Пассенгейм.

Французский отряд числом до трех тысяч человек, двигаясь по дороге со стороны Вилленберга, сломил сопротивление передовых казачьих постов и в 8 часов утра показался на подступах к Ортельсбургу. Генерал-майор Н. В. Иловайский, получив донесение об этом, встретил неприятеля стремительным ударом четырех донских полков, опрокинул его и гнал до селения Едвабно, положив по пути преследования не менее сотни солдат и одного офицера. Пленных фактически не было.

Основные же события в этот день происходили на пространстве между Виллендорфом и Пассенгеймом, где генерал Зайончек имел более трех тысяч солдат пехоты и кавалерии при шести орудиях полевой артиллерии. На встречу полякам М. И. Платов двинул Атаманский полк под командованием С. Ф. Балабина, казаков С. Д. Иловайского и три эскадрона павлоградских гусар во главе с бароном А. В. Розеном. На случай, если бы этих сил оказалось недостаточно, сам остался готовиться к отражению неприятеля на подступах к городу.

На правом фланге, примыкавшем к болоту и лесу, атаман укрыл небольшую партию казаков; на левом — три эскадрона павлоградских гусар, а в центре, на высоте, господствовавшей над дорогой, ведущей к Пассенгейму, поставил две пушки.

Чтобы обезопасить себя от неожиданного удара со стороны Алленштейна, М. И. Платов отправил по дороге к этому городу казачьи полки В. И. Ефремова и Г. А. Селиванова.

Принятые меры предосторожности оказались напрасными. Казаки С. Ф. Балабина и С. Д. Иловайского с помощью гусаров А. В. Розена сумели выполнить приказ атамана.

Поляки подходили к Ваплицу, за которым в весенней зелени садов краснели крыши Пассенгейма. Увидев русских, кавалерия неприятеля растянулась в цепь; шедшая за нею пехота развернула фронт из батальонных колонн.

Казаки и гусары дважды бросались в атаку, но лишь в третий раз опрокинули польскую кавалерию и с ужасающим гиканьем погнали ее через интервалы батальонных колонн; расстроили пехоту, после чего стремительно повернули одни вправо, другие влево, обрушились на фланги и обратили их вспять.

Неприятель пытался найти спасение в лесу у Большого Мальшевенского озера. Однако майор С. Ф. Балабин, спешив половину атаманцев с ружьями, выбил его из укрытия и гнал до селения Едвабно.

Поляки потеряли в этом бою до 200 человек. Двойное численное превосходство противника позволяло ему если и не одержать победу над казаками и гусарами, то хотя бы с достоинством выйти из боя. Однако этого не произошло. Смятение и беспорядок в его войсках были полными. Этому способствовала нелепая ошибка.

Во время третьей атаки русских поляки увидели на дороге от Пассенгейма к Ваплицу клубы пыли, поднятой несколькими десятками всадников, отставших от своих полков. Решив, что на помощь казакам идет сильное подкрепление, они растерялись, «стали отступать, защищаясь весьма худо». Этим и воспользовались герои Платова.

Конечно, Пассенгейм был важным в тактическом отношении пунктом, и понять осторожность Матвея Ивановича можно. Но не перестрашуйся он, пошли казачьи полки Ефремова и Селиванова не в сторону Алленштейна, а по дороге к Ваплицу, судьба отряда генерала Зайончека была бы решена. Увы, атаман Платов допустил ошибку. Впрочем, победителей не судят.

Жители Пассенгейма приветствовали победителей песнями и восторженными криками. Особенно радовались дети, наблюдавшие за ходом боя с высоты холма. С казачьим гиканьем они атаквали женщин из соседних деревень, отобрали у них молоко, предназначенное для продажи в городе,

и передали его казакам, «которые после сражения, бывшего в жаркий день, имели нужду освежиться».

Установилось затишье. Даже казаки отдыхали. Лишь в Бартенштейне продолжались «разводы, щегольство» и пиры.

30 апреля государь решил устроить смотр войскам, стоявшим в районе Гейльсберга, куда Беннигсен приказал подтянуть ближайшие дивизии. Высочайший инспектор одобрил выбранную позицию и возведенные укрепления, выразил удовлетворение общим состоянием войск и настроением солдат, после чего вернулся в город, где провел ночь.

Казаки в день царского смотра «отвлекали» внимание неприятеля на его левый фланг. Генерал-майор Н. В. Иловайский все с теми же четырьмя полками «учинил нападение на французские посты» близ Вилленберга и положил на месте до ста человек. Сам же атаман М. И. Платов с казачьими полками С. Ф. Балабина, С. Д. Иловайского и Г. И. Селиванова, тремя эскадронами павлоградских гусар и батальоном егерей не менее успешно «отвлекал» четырехтысячный отряд польской кавалерии и пехоты при шести орудиях под командованием самого генерала И. Зайончека на берегу реки Омулв.

Маневрируя, казаки стремились заманить неприятеля под удар из засады, устроенной у селения Едвабно, где укрылись егеря и гусары с артиллерией. Одновременно они атаковали его кавалерию на флангах. Поляки отступили, понеся большие потери: до 500 убитыми и 50 человек пленными.

Закончился последний день апреля. Подводя итоги, атаман сообщил главнокомандующему о своих потерях: 20 человек убитыми и 39 ранеными; среди последних — два павлоградских гусара.

1 мая перед императором предстали полки авангарда. Как именно герои князя П. И. Багратиона готовились к царскому смотру, поведал нам начальник артиллерии передовых войск А. П. Ермолов:

«Перестроив единообразно шалаши, дали мы им опрятную наружность и лагерю вид стройности. Выбрав в полках людей менее голых, пополнили с других одежду и показали их под ружьем. Обнаженных спрятали в лесу...»

Войска авангарда его величеству понравились. В свою очередь «все были восхищены вниманием и благосклонностью государя».

Казачьи полки государь не смотрел. Они в этот день рано ушли «отвлекать» неприятеля.

День 1 мая оказался примечательным не только императорским смотром войск авангарда. Из оперативных данных,

поступивших от казаков в штаб главнокомандующего, выяснилось, что корпус Нея оказался в районе Гутштадта в значительном отдалении от основных сил Наполеона. Александр I предложил атаковать его со стороны Лаунау и Бюргерсвальда. В то же время полкам Платова предписывалось «сделать фальшивое нападение на город Алленштейн», где размещался один из отрядов французского маршала.

Под покровом майской ночи скрытно от неприятеля в места сосредоточения были переброшены шесть дивизий и вся кавалерия левого и правого крыла русской армии. Солнечное утро и громадное численное преимущество над французами обещали верный успех. Войска замерли в ожидании приказа к атаке.

«Фальшивое нападение» на город Алленштейн планировалось осуществить силами трех отрядов под командованием атамана Матвея Ивановича Платова и генерал-майоров Павла Дмитриевича Иловайского и Богдана Федоровича Кноринга.

М. И. Платов выступил из Пассенгейма сразу после полуночи. В составе его отряда были казачьи полки С. Ф. Балабина, С. Д. Иловайского и В. И. Ефремова, три эскадрона павлоградских гусар, батальон егерей и два орудия донской артиллерии. В 5 часов утра атаман достиг Алленштейна.

В 7 часов утра из района Вартенбурга к Алленштейну подошел отряд генерал-майора П. Д. Иловайского в составе трех казачьих полков, батальона белозерских мушкетеров и двух орудий конной артиллерии.

Алленштейн — небольшой городок (299 домов и 2005 жителей) в Восточной Пруссии на берегу реки Алле, обнесенный крепостной стеной, укрепленный со стороны Вартенбурга флешью и двумя редутами, соединенными между собою траншеями, и обороняемый «превосходным числом» пехоты и кавалерии. Взять его казаки, естественно, не могли, да и задачу такую перед ними никто не ставил. Своей демонстрацией подготовки к штурму они должны были отвлечь внимание неприятеля от Гутштадта, где действительно планировалось нападение русских на корпус маршала Нея.

На ближних подступах к Алленштейну неприятель встретил корпус М. И. Платова пальбой из ружей и пушек. Однако ответный огонь егерей, спешившихся гусар и казаков, четырех орудий донской конной артиллерии, бывшей под командой флигель-адъютанта князя Е. А. Голицына, заставил французов отступить с потерями под защиту городских стен, что позволило русским занять господствующие высоты со стороны Пассенгейма и возвести на них две батареи.

Чтобы неприятель принял «фальшивое нападение» на город за действительно опасное, атаман сформировал несколько казачьих команд, которые должны были создать видимость наведения переправы через Алле. Французы поверили в серьезность намерений русских. Угроза окружения и уничтожения заставила их вызвать подкрепления.

На помощь защитникам Алленштейна пришли пехота и кавалерия из корпуса маршала Даву общей численностью до 5 тысяч человек, как определил силы французского сикурса атаман Платов. Началась артиллерийская дуэль. Русские пушкири действовали более сноровисто. Удачными выстрелами они выбивали из колонны неприятеля на правом фланге целые ряды.

В 10 часов утра с корпусом М. И. Платова соединился отряд Б. Ф. Кноринга в составе двух батальонов пехоты и восьми орудий конной артиллерии. Атаман приказал на высотах к югу и востоку от города установить батареи и открыть огонь по шанцам и ложементам противника, куда на смену убитым и раненым поступали свежие силы. В свою очередь французы подвергли обстрелу ядрами и картечью русских егерей и спешившихся казаков.

Бой продолжался двенадцать часов, французские укрепления перед городом были «разбиты совершенно». Жители Алленштейна уверяли, что маршал Даву потерял в тот день одного полковника, 10 офицеров и до 500 рядовых убитыми и ранеными.

Атаман, «похваляя неустрашимость и мужество» героев боя под стенами Алленштейна, представил к разным наградам командира отряда генерал-майора Павла Дмитриевича Иловайского, шефа 1-го егерского полка полковника барона Григория Владимировича Розена, конной артиллерии полковника Алексея Петровича Никитина, Войска Донского подполковников Григория Дмитриевича Иловайского и Николая Семеновича Сулина, флигель-адъютанта императора подполковника князя Егора Алексеевича Голицына, штабс-капитана по квартирмейстерской части Петра Андреевича Чуйкевича и многих других.

Платов решил поставленную задачу: отвлек корпус под началом самого маршала Даву от Гутштадта, в районе которого Александр I предполагал разгромить арьергард французской армии. При известной согласованности действий и решительности главнокомандующего Беннигсена этот замысел императора вполне мог быть осуществлен. Но, увы. Командиры шести русских дивизий и кавалерии левого и правого крыла так и не получили приказа к атаке.

Удовлетворенный смотром полков авангарда, Александр I в сопровождении свиты приехал в войска, собранные у Лаунау для нападения на корпус маршала Нея.

— Государь, — обратился Беннигсен к императору, — сейчас я получил известие, что Наполеон со всеми силами на марше, уже близко, надобно отменить атаку на Нея.

— Генерал, я вверил вам армию и не хочу вмешиваться в ваши распоряжения. Поступайте по усмотрению, — ответил Александр и поскакал в Бартенштейн.

После отъезда императора Беннигсен приказал войскам возвращаться на прежние квартиры.

Сообщение о подходе Наполеона со всеми силами, если оно и было получено главнокомандующим, оказалось неосновательным. Думаю, Беннигсен просто не верил в успех предстоящего сражения. Иначе говоря, испугался. Не случайно день 1 мая вообще выпал из его воспоминаний о войне 1807 года, героем которой он считал себя до конца жизни.

Этими бесполезными передвижениями войск, язвительно названными участниками кампании «прогулкой первого мая», закончились приготовления русского командования к атаке на корпус маршала Нея.

А атаман Платов всерьез воспринял замысел командования: до пяти часов вечера обстреливал позиции французов, пока не иссяк запас «ядерных и гранатных снарядов», и потом, «презирая гордость» неприятеля, до ночи оставался под стенами Алленштейна — «отвлекал» силы маршала Даву от Гутштадта.

Похоже, маршал Ней родился под счастливой звездой. Уже дважды за последние три месяца он оказывался на краю пропасти. Но судьба словно хранила его для дел более славных и более трагических, до которых, правда, было еще далеко: минимум — пять и максимум — десять лет...

Беннигсен утверждал, что Александр I прибыл в Бартенштейн с твердым «намерением стать во главе армии и лично ею предводительствовать, разделяя все ее труды и опасности». Если это так, то почему он сам не приказал войскам атаковать корпус Нея?

В свите Александра состоял князь Адам Чарторыйский, в прошлом один из «молодых друзей» императора. Совсем недавно, всего за год до описываемых событий, он направил ему памятную записку, в которой с достойной восхищения откровенностью указал на допущенные им ошибки:

«Ваше присутствие во время Аустерлицкого сражения не принесло никакой пользы даже в той именно части, где Вы

находились, войска были тотчас же совершенно разбиты, и Вы сами, Ваше Величество, должны были поспешно бежать с поля битвы...»

Можно согласиться с мнением Беннигсена, что император Александр прибыл в армию, чтобы возглавить ее, только вряд ли присутствие в свите князя Чарторыйского позволило ему забыть о позоре Аустерлица и отдать приказ войскам атаковать корпус маршала Нея.

9 мая Александр I покинул Бартенштейн. Жизнь скоро вошла в свою колею. Пирры и щегольство прекратились. Армия по-прежнему отдыхала. Матвей Иванович нашел время, чтобы продиктовать письмо вдовствующей императрице, с которой простился четыре месяца назад перед отъездом в Восточную Пруссию. Выразив ее величеству Марии Федоровне и ее высочеству великой княжне Екатерине Павловне «душевную и всенижайшую благодарность» за добрую память о нем и всяческие пожелания, переданные через Петра Ивановича Багратиона и Сергея Кузмича Вязмитинова, Матвей Иванович рассказал, как «щастливо и удачно» он участвовал в сражении при Прейсиш-Эйлау, как потом «шпиговал» французов, как «брал в плен их дерзких офицеров», да так много, что и «счет потерял». В общем, если и приврал, то разве что самую малость. Не без того.

Далее «верноподданнейший Матвей Платов» сообщил «всемиловитвейшей государыне» Марии Федоровне, что перевязочные материалы, отправленные по ее «императорскому приказанию», он «получил от лейб-хирурга» Якова Васильевича Виллие, и теперь донские офицеры и казаки ими пользуются и, зная, из чьих рук сия милость поступила, «много и много в ранах своих имеют облегчение».

Любопытное сие письмецо: по содержанию и настроению оно ничем не отличается от посланий Матвея Ивановича к жене Марфе Дмитриевне, родственникам или приятелям, за исключением, пожалуй, часто повторяющегося официального обращения — «Всемиловитвейшая Государыня!». В нем непринужденность необыкновенная, даже бахвальство. Впрочем, и адресовано письмо человеку близкому, заботливому, участливому.

А время шло. Казаки генерал-лейтенанта Платова снова активизировали свои действия, стали нападать не только на сторожевые посты неприятеля, но и на его биваки и большие отряды, как правило, по ночам или на рассвете.

Отряд генерал-майора Н. М. Каменского, посланный на помощь Данцигу, не дошел до цели, был отбит с большими

потерями. Изнуренный долгой осадой гарнизон сдал крепость. Главнокомандующий узнал об этом 18 мая 1807 года.

Падение Данцига позволило Наполеону приступить к сосредоточению всех своих сил за Пасаргой.

Гутштадтское сражение

Выше уже упоминалось, что в начале апреля в русскую Заграничную армию прибыл генерал-майор Андриан Карпович Денисов, исполнявший должность наказного атамана после отъезда Платова в Петербург. Этот факт заслуживает комментария.

Известно, что у Платова не сложились отношения с кланом Денисовых, наиболее авторитетный представитель которого, граф Федор Петрович, посодействовал тому, что Матвей Иванович угодил в костромскую ссылку. В таком случае возникает вопрос: почему атаман, уезжая в столицу, а потом в Заграничную армию, оставил вместо себя на Дону его племянника Андриана Карповича? Может, не таил зла на человека, совсем не причастного к недостойному поступку своего дядюшки? Думаю, что нет. На словах-то он как будто простил всех, кто оклеветал его, чем до слез расстрогал императора Павла I, а на деле изощренно мстил.

В то время, когда Матвей Иванович, заживо погребенный в костромской глуши, терял здоровье от сокрушения в уже не лучшие свои годы, многие сослуживцы обошли его в чинах, а Андриан Карпович догнал, навесил на мундир генерал-майора несколько орденов, с боями прошел под знаменами графа Суворова-Рымникского по дорогам Италии, взял Милан, преодолел Сен-Готард, отличился в Швейцарии и в ореоле славы героя вернулся на Дон.

Между прочим, Платов тоже когда-то воевал под началом великого полководца — штурмовал Измаил. Однако не ему, а Денисову молва приписала славу если не друга, то близкого соратника Суворова. Прежние подвиги атамана стали забываться. Было обидно. Вот и решил Матвей Иванович оставить вместо себя Андриана Карповича: чины и награды добываются на поле брани, а не в засиженной мухами канцелярии.

Андриан Карпович недолго исправлял должность наказного атамана — всего 40 дней. Все это время он засыпал императора письмами, просил отправить в действующую армию. Наконец государь уважил желание опытного воина содействовать победе над супостатом Европы. Сдав дела генерал-лейтенанту Андрею Дмитриевичу Мартынову, Денисов двинулся в путь и в начале апреля прибыл в главную

квартиру Беннигсена, который принял его, если верить ме-
муаристу, «весьма милостиво». Впрочем, Леонтий Леонтье-
вич вообще «известен был как человек самый добродушный
и кроткий».

Беннигсен, знавший об отношении Платова «к Денисо-
вой фамилии», готов был дать генерал-майору казачьи пол-
ки, находившиеся в одном из корпусов. Но Андриан Карпо-
вич, не чувствуя за собой вины, решил поехать к атаману,
«дабы не дать ему повода для еще большей ненависти». Главнокомандующий одобрил это намерение, пообещав
свое покровительство, если в нем возникнет необходимость.

Платов принял Денисова «с довольным уважением», из ко-
его тот усмотрел, однако, что ему «должно быть осторожным». Матвей Иванович посулил генерал-майору хороший полк не-
давно погибшего храброго полковника Карпова. Но от обеща-
ния до исполнения — «дистанция огромного размера». Казаки
воевали. Андриан Карпович, оставаясь без дела, стал приме-
чать, что атаман не упускает случая подшутить над ним.

— Вот возьму и назначу вас, господин генерал-майор, сво-
им помощником, — сказал однажды Платов и рассмеялся.

— Ваше превосходительство, если вы разумеете, что я
приехал в армию, чтобы стать вашей правою рукою, то глу-
боко ошибаетесь. Моя цель — служить с усердием государю
и Отечеству, — ответил Денисов «без грубости», с присущей
«благородному человеку стойкостью».

— Я в том уверен и дам вам три полка.

— Ежели вы хотите видеть во всем блеске славу донских
казаков, — не унимался Андриан Карпович, — то подчините
мне тридцать полков.

Денисову показалось, что атаман остался доволен его
словами.

— Я столько полков не имею, к тому же есть и другие ге-
нералы.

Вроде бы договорились. Но, увы. Денисов по-прежнему
оставался без всякой команды.

Прошел месяц, начался другой. Потеряв надежду получить
хотя бы один полк, Денисов заявил Платову, что отправляет-
ся в Литву просить государя об увольнении из армии.

— Вероятно, потому что не имеете под своим началом
команды? — продолжал Платов. — Но я в этом не виноват:
сколько ни требовал вернуть казаков из других корпу-
сов — никакого ответа, — и тут же приказал вызвать полки
войсковых старшин Василия Ивановича Ефремова, Степана
Семеновича Сулина и подполковника Степана Дмитриевича
Иловайского.

22 мая А. К. Денисов вступил в командование отрядом, а вечером следующего дня вместе с другими полками корпуса атамана М. И. Платова и всей армией двинулся по направлению к Гутштадту, где Л. Л. Беннигсен решил-таки разгромить арьергард маршала Нея.

* * *

Даже участники той войны не могли понять, почему Беннигсен, отказавшись атаковать арьергард Нея 1 мая, когда были все условия разгромить его, решил сделать это три недели спустя. За прошедшее время русская армия никакими войсками не пополнилась, да и продовольственное снабжение ее не стало лучше. Зато Наполеон сумел усилить свою, перебросив на Пасаргу 30 тысяч человек, принимавших участие в осаде Данцига, а также корпус Мортье из Померании и всю резервную кавалерию великого герцога Бергского из района Страсбурга. На театре летней кампании он собрал 170 тысяч штыков и сабель.

Русский главнокомандующий имел 117 тысяч солдат пехоты и кавалерии и 8 тысяч казаков.

Генерал Беннигсен предполагал отрезать корпус маршала Нея, стоявший в районе Гутштадта, от основных сил французской армии, расположенной на левом берегу Пасарги, и разгромить его одновременным ударом чуть ли не всех русских дивизий и казаков атамана Платова. Атака намечалась на утро 24 мая.

Был разработан план. При известной согласованности действий и решительности всех главных начальников он должен был принести успех. Корпус маршала Нея ожидал разгром, если не истребление. Однако...

Согласованности действий добиться не удалось, а генералы не проявили необходимой решительности. Лишь П. И. Багратион и Д. С. Дохтуров в точности исполнили предписание главнокомандующего. Другие же либо опоздали, либо вообще бездействовали.

Казакам Матвея Ивановича Платова, подкрепленным небольшим отрядом пехоты во главе с генерал-майором Богданом Федоровичем Кнорингом, предстояло действовать в тылу у неприятеля, чтобы «прервать всякое сообщение между корпусами маршалов Даву и Нея».

Атаман выступил из Старого Вартенбурга в ночь на 24 мая с расчетом в 3 часа утра быть на берегу реки Алле, форсировать ее и приступить к выполнению приказа главноко-

мандующего — прервать сообщение между корпусами Даву и Нея и «обратиться на путь отступления неприятеля».

Платов разделил свой летучий корпус на четыре части. Авангард, состоявший из казаков-атаманцев, он передал под начало графа Павла Александровича Строганова. Два отряда по три полка каждый возглавили Николай Васильевич Иловайский и Андриан Карпович Денисов. При себе же Матвей Иванович оставил батальоны егерей Богдана Федоровича Кноринга, павлоградских гусар Ефима Игнатьевича Чаплица и 12 орудий донской конной артиллерии.

Н. В. Иловайский уже давно командовал отрядами казаков в прошлых и в этой кампании, не раз отличался и получал награды его величества. А. К. Денисов хотя и прибыл в армию вопреки желанию атамана, однако по праву заслуженного воина возглавил три полка. Непонятно, почему накануне важных событий М. И. Платов передал авангард под начало человека штатского, весьма далекого от ратных дел — сенатора П. А. Строганова?

Родившийся в сказочной роскоши граф Павел Строганов прибыл в армию в свите его величества. После отъезда Александра из Бартенштейна он остался при главной квартире и добился разрешения отправиться волонтером в корпус Платова. Желание посмотреть, как воюют казаки, изъявили также представители союзной Англии Вильсон и Гутчинсон. Атаман принял всех «соответствующим их достоинствам образом».

Платов знал Строганова. Приезжая в столицу, он часто сживал с ним за одним столом на званых обедах в Зимнем дворце. Павел Александрович был близким другом императора, а значит, человеком более чем влиятельным. К таким людям Матвей Иванович относился с особым уважением. Потому-то атаман и предложил графу возглавить авангард своего корпуса накануне общей атаки на аррьергард маршала Нея.

Граф Строганов с детства хотел быть военным. Его воспитатель француз Жильбер Ромм, готовя его к суровым испытаниям, включил в программу обучения верховую езду, плавание, бег, прыжки, переноску тяжестей, закаливание и прочее. Детская мечта осуществилась в 35 лет. Человек гражданский по судьбе, но не по духу, граф получил в команду донской Атаманский полк.

В 3 часа утра 24 мая Н. В. Иловайский с тремя донскими полками под прикрытием ружейного огня спешенных казаков вплавь форсировал Алле у деревни Кейнен, обошел селение Диштен и, атакуя с тыла передовые посты корпуса маршала Даву, устремился вниз по левому берегу реки, чем

обеспечил переправу у Бергфрида войск авангарда Строганова и центрального отряда самого Платова. Противник потерял здесь не менее 150 человек убитыми и 58 пленными, в том числе двух офицеров.

Граф П. А. Строганов не стал ожидать наведения понтонного моста у Бергфрида. С атаманцами авангарда он переправился вплавь на левый берег Алле, где по распоряжению М. И. Платова генерал-майор Н. В. Иловайский усилил его своим полком под командованием капитана И. Г. Мельникова. Следуя по дороге, ведущей из Гутштадта к Кветцу, чтобы зайти в тыл корпусу маршала Нея, авангард встретил большой неприятельский обоз, охраняемый спереди, по флангам и сзади отрядом пехоты и кавалерии общим числом до тысячи человек.

Гряда холмов, за которыми шли донцы, позволила им незаметно приблизиться к обозу и неожиданно напасть на войска сопровождения с разных сторон. Французы защищались с отчаянием обреченных. Казаки рубили их, как капусту, кололи, как скот на бойне, расстреливали из пистолетов и ружей, давили раненых копытами своих лошадей. Место боя покрылось трупами сраженных врагов. В плен было взято 538 человек, среди которых оказались комендант Гутштадта полковник Мурье и 46 офицеров разных чинов. Очень немногим удалось спастись бегством.

В руки победителей попали все повозки и экипажи обоза, в том числе карета маршала Нея, а также его походная канцелярия и ее чиновники, скот, продовольствие и другая добыча.

Этим, однако, дебют графа Строганова в роли командира передового отряда корпуса Платова не завершился.

Пока атаманцы сортировали трофеи, казаки Ивана Григорьевича Мельникова, выполняя приказ П. А. Строганова, настигли отряд французской пехоты, вступивший в Бухвальд, и ворвались с разных сторон в деревню, не дав противнику закрепиться и воспользоваться превосходством своих сил. В этом скоротечном бою неприятель потерял 200 человек убитыми и 83 пленными, в том числе 5 офицеров.

Тем временем М. И. Платов, переправив свой отряд по понтонному мосту на левый берег Алле, занял позицию у деревни Полеркен, чтобы наблюдать за окрестностями Алленштейна и не позволить войскам Даву явиться на помощь корпусу Нея. Слева от атамана остановился Н. В. Иловайский с двумя полками. Как оказалось, меры, предусмотренные диспозицией главнокомандующего, были оправданы. В тот же вечер французы, надеясь застать русских врасплох,

напали на них со стороны города, но, понеся большие потери, отступили. С наступлением ночи столкновения здесь прекратились.

А как действовали в тот день казаки генерал-майора Андриана Карповича Денисова, столь настойчиво добивавшегося командования отрядом?

А. К. Денисов получил приказ форсировать Алле ниже Бергфрида у деревни Питскейн, оттеснить французов, продвинуться к городу Гутштадту и установить связь с корпусом А. И. Горчакова. Но берега реки здесь оказались столь болотистыми, что переправиться не представлялось возможным. Правда, командир отряда и полковые начальники, казалось, нашли более или менее подходящее место, но оно было прикрыто шанцами, а подступы к ним просматривались — незаметно для неприятеля не подойти.

Андриан Карпович решил взять шанцы штурмом. Отобрав из всех полков около 150 казаков, имевших ружья, он приказал им подползти к берегу и открыть огонь по французским укреплениям. В то же время другая партия смельчаков из 60 человек, сняв с себя одежду, должна была переплыть реку с одними дротиками, обойти шанцы и атаковать неприятеля с тыла.

Когда первая партия начала стрелять, а вторая кинулась в воду, Василий Иванович Ефремов без всякого приказа «из одной храбрости и усердия... пустился за ними на своем добром коне», который, хотя и с большим трудом, прорвался через болото к реке, переплыл ее, но при выходе на берег по самое брюхо увяз в трясине. Войсковой старшина оставил животное, а сам устремился за казаками. Атака голых героев, вооруженных одними дротиками, во главе с перепачканным грязью полковым начальником была страшной. Французы бежали.

Казаки вытянули из болота лошадь Ефремова. Опыт старшины убедил генерал-майора Денисова, что ему не переправить свою конницу через Алле даже на очищенный от французов берег — неизбежно увязнет в непролазной топи болота. В это время к реке подошел А. И. Горчаков со своим корпусом и приступил к наведению понтонного моста. А. К. Денисов обратился к нему с просьбой разрешить ему сначала переправить казаков, а уже потом регулярные войска. На это князь благосклонно согласился.

По наведенному мосту Андриан Карпович перешел реку и, взяв несколько влево, чтобы выйти на Гутштадтскую дорогу, увидел голых казаков В. И. Ефремова, конвоирующих своих пленников. Дальше двинулись вместе. В авангарде ка-

заки войскового старшины Ефремова, за ними по узкой тропе два других полка генерал-майора Денисова. Справа гремела артиллерия. Это князь Петр Иванович Багратион вступил в бой.

Вышли на довольно обширную поляну, на краю которой живописно разместилась небольшая деревушка, а за нею поднималась стена леса. Остановились. В. И. Ефремов донес, что впереди обнаружен неприятель в больших силах пехоты и кавалерии. А. К. Денисов приказал войсковому старшине возвращаться и наблюдать за французами, а сам с полками С. С. Сулина и О. В. Иловайского последовал за ними. По пути встретил атаманцев П. А. Строганова, сопровождавших отбитый у противника обоз. Граф готов был оказать генерал-майору помощь, но, отягощенный громадными трофеями и сотнями пленных, не смог этого сделать.

Пройдя через лес, Денисов увидел того неприятеля, о котором только что донес Ефремов. На расстоянии пушечного выстрела от деревни с красивым названием Розенгартен (Розовый Сад) и в самой деревне стояли отряды французской пехоты: в первом было примерно до полутора тысяч или более штыков, во втором — значительно меньше. А между ними — две колонны конницы общим числом до тысячи сабель. Андриан Карпович решил атаковать их по очереди всеми тремя полками.

Французы явно заранее готовились к отражению атаки.

Сразу за лесом, из которого вышли казаки, начинался кустарник, скрывавший широкий и довольно глубокий ров, весьма опасный в случае форсирования его конницей с ходу. Денисов решил проверить, возможно ли без риска преодолеть это препятствие рысью, бросив через него нескольких офицеров и казаков на лучших лошадях.

Оказалось, что возможно, хотя и не без труда. Полки Денисова преодолели ров и тут же развернулись в лаву. В то же время и французская кавалерия, желая предупредить их атаку, значительно продвинулась вперед, чем только облегчила казакам решение поставленной задачи — нанести поражение численно более сильному противнику.

Казаки пустились в атаку на ближайшую к ним колонну, охватили ее лавой, однако остановились, не ударили, как следовало бы храбрым воинам. Генерал-майор Денисов, видя нерешительность подчиненных, крикнул: «Ребята-молодцы, в дротики!»

После сражений в Италии и Швейцарии это был первый бой Денисова. За минувшие семь лет выросло новое поколение донцов, многие из них плохо или вовсе не знали сво-

его командира. Увидев его впереди с обнаженной саблей, они храбро врезались в неприятельскую колонну, пятую часть ее упокоили на веки, а остальных обратили в беспорядочное бегство. Казаки будто состязались между собой в стремлении перебить как можно больше врагов.

Все это время вторая колонна стояла на месте. Денисов, заметив, что и «оная струсила», обогнал казаков, преследовавших неприятеля, и большую часть их увлек на оцепеневших французов, которые даже не попытались оказать сопротивление.

Казаки бросились преследовать французов, смешались с ними и рубили их налево и направо. Храбрый войсковой старшина Василий Иванович Ефремов, находясь впереди и подавая пример подчиненным, разил неприятеля без пощады.

К счастью, французская кавалерия отступала между двумя отрядами своей пехоты, стоявшими примерно на равном удалении от убегающих и преследующих. Поэтому потери казаков оказались значительно меньше, чем могли быть. И все-таки многие получили огнестрельные ранения, в том числе отважный полковой командир Степан Семенович Сулин. Через несколько недель он умер.

Генерал-майор Денисов устал настолько, что вынужден был сойти с лошади и лечь на землю. Преследование возглавил войсковой старшина Ефремов. Он продолжал гнаться за неприятелем, пока не истребил обе колонны. Спаслось не более 20 человек. Пленных было немного: генерал, тут же умерший от ран, полковник, два майора и 80 рядовых. Совсем неплохой результат для отряда, имевшего в своем составе максимум 900 казаков.

Денисов обращался к атаману и командующим регулярными корпусами с просьбой прислать подкрепления, чтобы разгромить французскую пехоту, стоявшую в районе деревни Розенгартен, но тщетно, никто не отозвался. Свидетелем всего происходившего был «полковник аглицкой службы Вильсон», изъявивший желание посмотреть на казаков в деле. Донцы понравились сразу Роберту Томасу.

Отряд Денисова, серьезно ослабленный выделением казаков для конвоирования пленных и присмотра за ранеными, не мог вступить в единоборство с французской пехотой, численно превосходившей его почти в три раза. К тому же с ней соединились другие войска, отступившие от Гутштадта. Преимущество неприятеля стало несоизмеримым.

Наступил вечер. А. К. Денисов снялся с места и двинулся к Полеркену, где М. И. Платов с егерями Б. Ф. Кнорринга, павлоградскими гусарами Е. И. Чаплица и двумя

полками Н. В. Иловайского в течение всего дня 24 мая «наблюдал» за окрестностями Алленштейна, опасаясь пропустить войска Даву к Гутштадту. Однако маршал так и не попытался прорваться на соединение с корпусом Нея. Правда, ближе к ночи французы напали на казаков, но были отбиты. А вот возможность похоронить многотысячную неприятельскую пехоту возле Розового Сада была упущена.

Денисов нашел Платова в небольшом домике в Полеркене. Горела свеча. Атаман, склонившись над столом, что-то писал. Генерал-майор поздоровался, кратко рассказал о событиях минувшего дня. В ответ на рапорт командира отряда Матвей Иванович не проронил ни единого слова. Андриан Карпович как человек воспитанный, уважающий начальника (впрочем, он всегда играл эту роль неубедительно), отошел в сторону, взял стул и в молчании просидел у стены более получаса. А атаман все работал, не обращая внимания на присутствующего.

В дверь постучали — вошел тайный советник Строганов. Платова словно подменили. Отодвинув «весьма важную бумагу», над которой так долго и мучительно корпел, он встал, радушно предложил Павлу Александровичу стул, стал слушать. Граф «зачал докладывать войсковому атаману» о действиях своего авангарда и между прочим, повернувшись к Денисову, сказал:

— Андриан Карпович, пленные французские офицеры с чрезвычайною похвалою говорят о храбрости ваших казаков, имевших с ними дело у деревни Розенгартен.

Не исключено, что слова эти были адресованы скорее Платову, не обращавшему внимания на Денисова. Матвей Иванович, кажется, осознал нелепость ситуации, в которую сам себя загнал в присутствии проницательного графа. Он «слабым голосом», как бы нехотя, стал благодарить Андриана Карповича за хорошую службу, предложил пуншу.

— Спасибо, господин атаман, я весьма слаб здоровьем. Прошу вас указать, где мне с отрядом разместиться на ночлег?

— Располагайтесь рядом с остальными полками донского корпуса, — сказал Платов.

Андриан Карпович, «засвидетельствовавши ему нижайшее почтение», вышел.

За дело при Гутштадте Андриан Карпович Денисов был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. Представить его к награде мог только атаман. Выходит, все же по достоинству оценил героя?

Разгромить арьергард французской армии под Гутштад-

том не удалось. Генералы Горчаков и Остен-Сакен не выполнили приказ Беннигсена: первый не оказал «должного содействия» Багратиону, а второй, хотя и выступил по предписанному маршруту, к началу атаки опоздал. Да и сам главнокомандующий не проявил необходимой решительности, слишком долго прояснял обстановку, упустил время, не обрушился всеми силами на неприятеля, с отважным пренебрежением расположившегося на ночлег на виду у русских.

На рассвете 25 мая под натиском русского авангарда маршал Ней отступил за Пасаргу, пожертвовав частью своих войск и оставив раненых. За два дня боев он потерял только пленными 1500 человек. Убитых никто не считал, но их было «много».

В арьергарде армии

Отступив за Пасаргу, Ней расположил свои войска на обширной равнине на левом берегу реки, куда Наполеон уже стягивал корпуса Бессьера, Даву, Ланна, Мортье, Сульта, Удино, резервную кавалерию Мюрата — без малого 200 тысяч человек...

Русские войска после событий 24 мая занимали позицию на правом берегу Пасарги от Деппена до Гутштадта. Общая численность их по-прежнему не превышала 125 тысяч, поскольку резервы все еще не подошли.

Беннигсен, не сумев разбить корпус Нея у Гутштадта, решил еще раз помериться силами со всей армией Наполеона на заранее подготовленной позиции у Гейльсберга, куда и приказал отступать своим войскам. Прикрывать отход должен был арьергард князя Багратиона, подкрепленный казаками Платова и частью регулярной кавалерии правого крыла под командованием Уварова.

25 мая, приказав отряду Денисова наблюдать за неприятелем, стоявшим в Алленштейне, Платов с остальными полками своего корпуса двинулся на соединение с арьергардом Багратиона.

Между тем наступила ночь — лучшее время для дерзких налетов на неприятеля, расположившегося на отдых после изнурительного марша к месту сосредоточения. Собрав полковых командиров, Платов приказал им выбрать из полков самых «доброконных» и отважных казаков и отправить их за Пасаргу для нападения на цепь передовых постов вокруг французского лагеря. Донцы справились с поставленной задачей: многих часовых перебили, прочих разогнали, подняли на ноги всю наполеоновскую армию и благополучно вер-

нулись назад, приведя с собой десятка два пленных. Но прежде, чем возвращаться, они заложили в кострище заряженную гранату...

На востоке уже занималась заря. Начинаясь новый день, не отмеченный мемуаристами ни победами, ни поражениями. Главнокомандующему Беннигсену «осторожность и благоразумие предписали воздержаться от решительного столкновения с превосходными силами неприятеля». По воспоминаниям артиллериста Ермолова, день «кончился без важных происшествий». А как у наших казаков?

26 мая французы вернулись на берег и развели костер как раз на том месте, где казаки заложили гранату. Прогремел взрыв. Погибло 11 человек. Один солдат, оставшийся в живых, прокричал через реку:

— Черт возьми, господа казаки, это довольно скверная шутка!

Атаман М. И. Платов, рассказывая об этом генералу А. Ф. Ланжерону, покатывался со смеху. Александр же Федорович не оценил «шутку» и назвал происшедшее «адским поступком, достойным лишь варваров».

Если не считать тревоги и фейерверка, устроенных казаками на левом берегу Пасарги, то в тот день, 26 мая 1807 года, действительно ничего существенного не происходило. Армии противников оставались на своих позициях: французская отдыхала после бессонной ночи и сосредоточивалась перед наступлением; русская готовилась к отходу на Гейльсберг, где Беннигсен решил дать Наполеону сражение.

В районе переправы против Деппена Наполеон сосредоточил большую часть своей армии: корпуса Ланна, Нея, Даву, Удино, гвардию Бессьера, кавалерию Мюрата; за ними следовал Мортье. Сульт должен был форсировать Пасаргу с выходом на Эльдитен. Виктор, сменивший раненого Бернадота, остался стоять еще севернее — против войск Лестока и соединившегося с ним после падения Данцига графа Каменского.

Весь день 27 мая русская армия отступала по дороге к Гутштадту. От возможного нападения главных сил Наполеона с тыла ее прикрывал арьергард князя Багратиона, а от удара войск маршала Сульта с севера — корпус атамана Платова, подкрепленный отрядами генералов Кноринга и Чаплица.

28 мая неприятель занял Гутштадт. Когда арьергард Багратиона переправился через Алле, казачий корпус Платова еще два часа сдерживал неприятеля. Потом, уничтожив все мосты и изрубив понтоны, двинулся вверх по реке к Гейльсбергу. Утром следующего дня предстояло сражение на по-

зиции, которая представлялась Беннигсену исключительно «выгодной» для русских. Он и мысли не допускал, что Наполеон осмелится атаковать ее с фронта.

На позиции при Гейльсберге было много естественных преград — оврагов и высот с возведенными на них «весьма сильными фортификационными сооружениями»: редутами, батареями и флешами. Кроме того, еще в марте были построены «два плавучих моста на лодках», позволявших поддерживать связь между войсками, расположенными на обоих берегах реки Алле.

Выбор этой позиции Беннигсен мотивировал стремлением «обеспечить сообщение с рекою Прегель и иметь возможность защитить и прикрыть, насколько возможно, Кенигсберг». Иначе говоря, почти за три месяца до неизбежного сражения главнокомандующий больше думал о путях отступления, чем о развитии успеха. К этому побуждало его мнение о «чрезвычайной предприимчивости противника». Боялся Леонтий Леонтьевич Наполеона. Очень боялся. Оставалось надеяться на русских солдат. В них он все-таки верил, надо отдать ему должное.

Наступил день 29 мая. Полагая, что Наполеон не решится атаковать его позицию с фронта, Беннигсен ожидал нападения на один из флангов. Но на какой? Возможно, конечно, на левый, если форсировать Алле, но это сопряжено с большими потерями еще до начала сражения. С тактической точки зрения противник должен предпочесть правый, ибо здесь открывается перспектива нанести удар корпусами Мюрата, Сульта, Ланна, Нея и гвардией Бессьера, а войсками Даву и Мортье, наступающими севернее, отрезать русскую армию от Кенигсберга и разгромить ее всеми силами в прах.

Так рассуждал Беннигсен, как бы поставив себя на место французского императора. Но Наполеон, как известно, был непредсказуем. Поэтому главнокомандующего терзали сомнения...

Неприятель наступал по дороге от Лаунау к Гейльсбергу. Бой русского арьергарда с французским авангардом продолжался часов шесть, а на правом фланге, где дрались казаки, и того больше.

Арьергард князя Багратиона был настолько ослаблен потерями и изнурен боями в последние майские дни, что его пришлось отправить на правый берег Алле. Зато на левый перешли три дивизии, подчиненные великому князю Константину Павловичу, и казачьи полки атамана Платова.

Дорога из Лаунау к Гейльсбергу тянется вдоль левого берега Алле. По ней и наступали войска маршалов Мюрата и

Сульта, преследуя арьергард князя Багратиона. Атаман Платов, стоявший с частью своего корпуса на правой стороне реки, решил воспользоваться удобным случаем, чтобы нанести неприятелю чувствительный удар. Возведя в скрытом месте против деревни Воседен батарею из двенадцати орудий донской артиллерии, он обрушил на фланги французских колонн град картечи. Потери в людях от этого обстрела не поддаются учету. По утверждению капитана П. А. Чуйкевича, они были «велики».

Едва французские колонны прошли мимо батареи Платова, как Беннигсен перебросил его полки на самый край правого фланга гейльсбергской позиции, поставив их у деревни Гроссендорф.

К четырем часам пополудни все русские войска стояли на местах, предписанных диспозицией и последующими приказами главнокомандующего. У французов готовы были вступить в сражение лишь корпуса маршалов Мюрата и Сульта; остальные еще находились в пути. Беннигсен получил возможность воспользоваться неожиданно сложившимся численным превосходством своей армии...

Французы начали сражение атакой на центр гейльсбергской позиции, но она была отбита. Не увенчалось успехом и их наступление против русского правого фланга, где действовали казаки Платова. Наполеон остановил войска, ограничившись канонадой.

После десяти часов вечера, когда на поле сражения пришла одна из дивизий маршала Нея, Наполеон возобновил атаку в центре, но все его усилия оказались тщетными. Завалив подступы к русским редутам трупами своих солдат, он отступил за речку Спихах.

«Сражение под Гейльсбергом не было столь кровопролитным и не могло доставить таких же результатов, иметь подобных последствий, как сражение при Прейсиш-Эйлау и даже при Пултуске, — писал Беннигсен. — Тем не менее оно было столь же блестящим, как по искусству, проявленному французами, так и по их численному превосходству... более, нежели в два раза».

Это сражение действительно было менее кровопролитным, чем предыдущие. Но страшно даже представить его исход, если бы Наполеон имел двойное численное преимущество над русскими. Здесь Леонтий Леонтьевич явно хватил через край. А почему, увидим.

Потери Наполеона оцениваются по-разному. По подсчетам французских историков, они составили 8 тысяч человек убитыми и ранеными. Беннигсен поднял эту цифру до 13

тысяч, сославшись для убедительности на маршала Бертье, который ему о том якобы «сказывал» в Тильзите.

Русские потеряли до 6 тысяч человек. Но опять-таки цифра эта явилась на свет под пером того же Леонтия Леонтьевича в его отношении к графу Александру Ивановичу Остерману-Толстому от 1 июня 1807 года, то есть через сутки после сражения. Скорее всего, она имеет «потолочное» происхождение. Но другой нет, потому и оперируют ею историки.

«Мы победили не наступательно, а оборонительно, но победили, — писал Денис Васильевич Давыдов, — и, следовательно, могли на другой день воспользоваться победой — атаковать неприятеля».

Однако «другой день» пока не наступил. Поэтому самое время ответить на вопрос: почему Беннигсен, имея несоизмеримое численное превосходство над Наполеоном, действовал нерешительно, всячески оттягивал начало сражения, поставив под угрозу истребления арьергард Багратиона, а потом ни разу не воспользовался успехом и не атаковал неприятеля?

Александр Иванович Михайловский-Данилевский считал, что причиной такого поведения главнокомандующего были приступы мучившей его «каменной болезни». В день генерального сражения (ни раньше и ни позже) Леонтий Леонтьевич «несколько раз» сходил с лошади, «прислонялся к дереву», падал «в продолжительный обморок», «отдавал приказы изнемогающим голосом».

Возможно, Леонтий Леонтьевич действительно страдал желчно-каменной болезнью. Но обострение болезни — от неуверенности и страха за исход сражения. Уж очень он боялся Наполеона.

После достаточно спокойной ночи наступил «другой день», когда следовало «воспользоваться победой — атаковать неприятеля». Но Беннигсен и не думал об этом. Он готовился отразить нападение французов: усилил войска первой линии за счет резервов, а на их место поставил гвардию, переведенную на левый берег Алле.

В 6 часов утра 30 мая армия стала в ружье. Но атака не последовала. Почему, неизвестно: за пеленой дождя невозможно было увидеть, что творится в войсках противника.

А в ту дождливую ночь к Наполеону пришли гвардия Бессьера и остальные дивизии корпуса Нея. Несмотря на это, он отказался от прежнего намерения выбить русских с гейльсбергской позиции, решив сняться с места и двинуться к Ландсбергу и далее на Кенигсбергскую дорогу. Каза-

лось, делал рискованный шаг. Однако французский император был уверен, что Беннигсен не отважится атаковать его с тыла. И не ошибся.

Отказ Наполеона продолжить сражение застал Беннигсена врасплох. Ради чего он три месяца возводил укрепления и зарывался в землю? Выходит, напрасно. Что предпринять? Двинуться за противником и атаковать его с тыла — наверняка потерпеть поражение. Следовать параллельно, не допуская его до Кенигсберга, — еще опаснее. Уйти за Прегель, дожидаться подкреплений и потом начать наступление — неизбежно потерять все побережье Балтики и столицу Восточной Пруссии с провиантскими магазинами. Решение надо было принимать «скорое, но вместе с тем и обдуманное, чтобы не подвергнуть опасности армию... может быть, даже и государство».

Тем временем казаки Платова оставались на самом краю правого фланга позиции русских войск у селения Гроссендорф. Здесь они и встретили первые колонны корпуса Ланна, шедшие под прикрытием примерно 300 всадников и 1500 человек пехоты с десятью орудиями.

Атаман М. И. Платов бросил на неприятеля отряд А. К. Денисова. Увидев казаков, французская пехота разделилась на две неравные части: меньшая осталась в открытом поле с артиллерией и кавалерией и приготовилась к бою; большая укрылась в лесу.

Андриан Карпович не кинулся сломя голову со всеми силами на стоявших в поле французов, опасаясь удара по своему флангу из укрытия. Казаками Емельяна Никитича Астахова, развернутыми в лаву, он блокировал засевших в лесу, а героев Василия Ивановича Ефремова пустил в атаку. Сам же с третьим полком остался в резерве.

Полковник Ефремов атаковал французскую кавалерию, «смял ее, опрокинул и гнал за пехоту. Казаки так увлеклись храбростью, что принуждены были разными дорожками и поодиночке возвращаться» в обход.

В то же время пехота развернутым фронтом выходила из леса. Казаки полковника Астахова с ужасающим гиканьем ринулись в атаку на нее. Французы тут же отступили, не сделав даже единого выстрела.

По убеждению самого Андриана Карповича, победы донцов были достигнуты исключительно по «благости Всевышнего Творца». Соскочив с коня и упав на колени, Денисов стал благодарить и молить Бога вести его «к дальнейшим добрым деяниям».

И дошла-таки молитва Андриана Карповича до Бога: в

самый критический момент боя Матвей Иванович приказал казакам Павла Дмитриевича Иловайского и добровольцам из других полков обойти французов слева и нанести им удар во фланг.

Французские колонны миновали деревню Реч. За ними ушел и их авангард, потеряв 23 человека пленными.

Наступила ночь. К Денисову прискакал Константин Иванович Харитонов. От имени атамана он поблагодарил Андриана Карповича и передал ему приказ оставаться на месте и наблюдать за движениями неприятеля впредь до дальнейшего повеления.

За участие в боях в последнюю неделю мая А. К. Денисов удостоился золотой сабли с надписью «За храбрость!». А представил его к награде атаман.

Беннигсен сделал выбор. В ночь на 31 мая он переправил армию на правый берег реки Алле и повел ее в Бартенштейн, где предполагал провести день в надежде получить от казаков точные сведения о движении Наполеона. Князь Багратион и атаман Платов составляли арьергард.

Узнав об отступлении русских, Наполеон в ту же ночь послал вслед за ними драгунскую дивизию и две легкоконные бригады под общим командованием генерала В. Н. Латур-Мобура.

Последние бои в арьергарде

Беннигсен остановился в Бартенштейне. Весь день 31 мая его терзали сомнения: правильно ли он поступил, перейдя через Алле? Может быть, следовало атаковать французскую армию с тыла, если она действительно обратится на Кенигсберг? Размышления главнокомандующего прервал курьер, доставивший сообщение, что сильная неприятельская колонна с маршалом Ланном во главе форсированным маршем идет на Домнау, где пересекались пути на столицу Восточной Пруссии и Фридланд.

Леонтий Леонтьевич понял, что над его армией нависла страшная опасность. Теперь многое зависело от того, кто первый придет в Фридланд. Многое, но не все...

Беннигсен спешно поднял армию, выступил из Бартенштейна и двинулся вниз по течению Алле, послав вперед князя Д. В. Голицына с двумя полками и А. С. Кологривова со всей гвардейской кавалерией. Им было приказано занять Фридланд и овладеть переправами через Алле у этого города. Сам же с остальными войсками остановился на отдых в Шиппенбейле.

Латур-Мобур следовал за русской армией до Шиппенбейля. Здесь он переправился через Алле и соединился с корпусом Ланна.

Платов, оставленный на левом берегу Алле, покинул Гейльсберг лишь после того, как уничтожил мосты и вывез из города небольшой провиантский магазин. Вместе с ним он двинулся вниз по течению реки и остановился на ночлег близ селения Минтен, не доходя Бартенштейна.

Так закончился последний день мая. За этот месяц казаки взяли в плен 66 офицеров и 976 рядовых французской армии.

1 июня Беннигсен двинул свою армию двумя колоннами к Фридланду, куда прибыл в 8 часов вечера.

Платов, с корпусом которого соединился отряд Денисова, следовал за армией. Ни одного столкновения с французами не произошло и не могло произойти, ибо противники шли к одной цели по разным берегам реки Алле.

В 11 часов вечера Беннигсен узнал от пленных французов, взятых казачьими разъездами, о соединении корпусов маршалов Ланна и Удино перед Фридландом. Это заставило его переправить на левый берег Алле почти всю гвардейскую пехоту и поставить ее у Сортлакского леса.

На исходе этого дня атаман М. И. Платов получил предписание главнокомандующего: с большей частью казаков, бывших в составе армии, и с полками Преображенским, Кавалергардским, Финляндским драгунским и Ольвиопольским гусарским идти вниз по течению Алле и занять переправы у Алленбурга и далее на реке Прегель у Велау, где на следующий день Л. Л. Беннигсен предполагал «атаковать Наполеона во фланг и в тыл, если он пойдет на Кенигсберг». Во всяком случае, так он писал в донесении императору Александру I и в приказе генерал-майору графу А. И. Остерману-Толстому от 1 июня.

Эта командировка к Велау освободила Платова и его казаков от участия в трагедии, разыгравшейся на следующий день на левом берегу Алле у прусского города Фридланда.

Позиция при Фридланде была выбрана неудачно. Но Беннигсен и не думал принимать сражение. Он хотел только дать однодневный отдых войскам, изнуренным почти двухнедельным маршем. Сражение развернулось помимо желания главнокомандующего. В этом ключ к пониманию его катастрофического исхода.

Едва забрезжил рассвет, как началась вялая перестрелка между передовыми цепями противников. А когда взошло солнце, Ланн и Удино обнаружили, что русские войска значительно превосходят их по численности, и запросили под-

креплений. Действительно Беннигсен имел на тот час 46 тысяч человек против 33 тысяч у французов.

Но русский главнокомандующий не воспользовался своим превосходством, поскольку не знал реального соотношения сил. Он продолжал стоять на занятой позиции, представлявшей собой дугу, упирающуюся концами в левый берег Алле. Тем временем Наполеон усилил Ланна и Удино ближайшими к Фридланду войсками — корпусом Виктора, двумя кавалерийскими дивизиями Нансути и Груши и отрядом Латур-Мобура.

Началась артиллерийская дуэль. Канонада то нарастала, то затихала. На флангах отчаянно бросались в атаку гвардейская пехота и регулярная кавалерия русских. Французы пока не рвались в бой, ограничиваясь отражением противника.

В полдень на поле сражения прибыл Наполеон. Обозревая русскую позицию, французский император мучительно пытался понять замыслы Беннигсена. Но тщетно. Решил, что у него где-то скрытно стоят «другие войска». Поэтому спешно вызвал корпуса Даву и Мюрата, следовавшие к Кеннигсбергу.

«Если я замечу, что русская армия многочисленна, — писал император маршалам, — то, может быть, в ожидании вас ограничусь канонадою».

Даву и Мюрат ушли далеко. Ближе были корпуса Нея и Мортье. Они и прибыли раньше. Наполеон довел численность своей армии до 85 тысяч человек. С этими силами он решил начать сражение.

Беннигсен бездействовал, хотя ему доносили о скоплении французских войск. Прозорливый князь Багратион предсказывал даже, что атака начнется прежде всего против него на левом фланге, и просил подкреплений.

Был уже пятый час пополудни. Леонтий Леонтьевич со вчерашнего вечера отсиживался в городе. Наконец отдал приказ отступить на правый берег Алле.

Князь Александр Иванович Горчаков ответил главнокомандующему, что ему легче сдерживать более сильного противника до сумерек, нежели на виду у него идти назад. Багратион, напротив, подчиняясь приказу, стал отступать. В это время раздался залп из двадцати французских орудий, потом еще два. То был сигнал Нею к атаке.

Вялая перестрелка перерастала в кровопролитное сражение. Русские батареи правого берега ударили картечью во фланг неприятелю. «Под сим убийственным огнем, — вспоминал герой этого дня французский генерал Сенарсон, — наши люди начали терять бодрость».

Замешательством в войсках неприятеля воспользовалась русская кавалерия. Она врубилась в расстроенные полки маршала Нея, смяла их и, увлеченная успехом, бросилась на конную батарею, но, встреченная картечью, была опрокинута.

Продвинулся вперед и князь Багратион, но попал под огонь тридцати шести орудий уже упомянутого генерала Сенарсона. Сначала тот накрыл артиллеристов русского арьергарда, а потом почти в упор стал расстреливать его колонны. «Пример начальников не мог остановить беспорядочного отступления», — писал современник.

Войска отступали через Фридланд, уже занятый французами. Под градом картечи они ворвались в предместье и после страшной резни очистили пылающий город от неприятеля.

Прикрывал отступление отряд А. И. Горчакова. Мосты сгорели. Порядок рушился. Люди кидались в реку. Удивительно, что при таком хаосе русские потеряли не более десяти орудий. Все остальные были увезены либо через броды, либо левым берегом Алле под защитой Александрийского гусарского полка.

Под Фридландом русская армия потеряла 15 тысяч человек. Беннигсен в донесении на высочайшее имя от 4 июня сократил урон в людях до 10 тысяч. Позднее, когда оправдывался в «Записках» перед потомками, — еще в два раза, почти до 5 тысяч.

По данным французских историков, Наполеон после сражения не досчитался четырех с половиной тысяч человек.

Английский посол лорд Гутчисон доносил своему правительству: «Мне не достаёт слов описать храбрость русских войск. Они победили бы, если бы только одно мужество могло доставить победу. Офицеры и солдаты исполнили свой долг самым благородным образом. В полной мере заслужили они и удивление каждого, кто видел Фридландское сражение».

Мужество предков в неудачном сражении может, конечно, вызвать чувство восхищения и гордости у потомков и через сто, и через двести лет. А каково было им пережить горечь поражения?

Думаю, трудно — привычка к тому не выработалась. Целое столетие Россия не знала поражений. Ее военная история со времен Петра Великого отмечена одними триумфами. И вот посыпались удары: сначала Аустерлиц, а теперь Фридланд.

«Если уже судьба определила восторжествовать Наполеону под Фридландом, — писал немецкий свидетель этого сражения, — то зачем должна была там пострадать русская армия без всякой вины своей?»

Матвей Иванович Платов. Портрет Д. Ромбауэра. 1810-е гг.

Иван Федорович Платов, войсковой старшина Войска Донского, отец М. И. Платова.

Степан Данилович Ефремов,
войсковой атаман Войска Донского
в 1753—1772 годах, тесть М. И. Платова
по первой жене — Надежде Степановне.

Меланья Карповна Ефремова,
жена С. Д. Ефремова.

Въезд на Ефремовское подворье в Старочеркасске. *Фото Л. Фогрина.*

Дмитрий
Мартынович
Мартынов,
тесть
М. И. Платова
по второй жене —
Марфе
Дмитрисвне.

Казак в походной
одежде.
Казак в домашней
одежде.
Казак в одежде
для внутренней
службы.
*Рисунок
неизвестного
художника.
1830-е гг.*

Андрей Дмитриевич
Мартынов, шурина
М. И. Платова.

Девушка и женщина
Войска Донского
в зимней одежде.
Рисунок
к «Статистическому
описанию
Войска Донского»
И. Ф. Богдановича.
1830-е гг.

Князь Григорий Александрович
Потемкин-Таврический.

Граф Александр Васильевич
Суворов-Рымникский,
князь Итальянский.

Штурм Очакова. *Гравюра XVIII в.*

Императрица
Екатерина Великая.

Аллегория на состояние Европы в 1791 году. Авторские подписи:
«1. Русской: хоть один да грузен. 2. Римской (австриец): я писать горазд.
3. Турок: помогите! 4. Данчанин: не знаю, что делать. 5. Поляк: слуга
покорной. 6. Голландец: довольно ли? 7. Пруссак: дополнить городами.
8. Аглицин (англичанин): я натяну. 9. Швед: кто больше даст?»

Императрица Мария Федоровна.

Император Павел I.

Копия именной медали:
«За ревностную и усердную службу
Донского войска Полковнику
Матвею Платову», 1770-е гг.

Сабля атамана Платова,
пожалованная ему за Персидский
поход. 1796 г.

Атаман Матвей Иванович Платов. *Неизвестный художник.*

Император Александр I.

Михаил Богданович
Барклай де Толли.

Князь Михаил Илларионович
Кутузов-Смоленский.

Князь Петр Иванович Багратион.

Граф Леонтий Леонтьевич
Беннигсен.

Маршал Удиño.

Маршал Ней.

Маршал Даву.

Иоахим Мюрат,
король Неаполитанский.

Наполеон. С портрета В. В. Верещагина.

Атаман Платов. *Английская раскрашенная гравюра начала XIX в.*

Александр I представляет Наполеону калмыков, казаков и башкир.
9 июля 1807 года. *П. Н. Бержере.*

Атаман Платов в сопровождении казаков, калмыков и татар.
Раскрашенная гравюра А. Грегориуса по оригиналу Г. Шадова. 1813 г.

Казак-грабитель.

Донской казак. *Раскрашенные гравюры
конца XVIII — начала XIX в.*

Знамя Войска
Донского. 1811 г.

Конные казаки.
Гравюра начала XIX в.

Если армия не виновата в поражении, то кто? Естественно, главнокомандующий, скованный страхом перед «чрезвычайной предприимчивостью» Наполеона. Впрочем, нельзя снимать ответственности и с военного министра, и с императора, которые не прислали подкреплений. Без них Беннигсен вообще не считал возможным дать французам генеральное сражение, почему и избрал вариант с отступлением за Прегель.

* * *

3 июня побитая русская армия вошла в Велау, небольшой городок, расположенный на левом берегу Прегеля при впадении в него реки Алле, где уже сутки пребывал в бездействии Платов с казаками, преображенцами, кавалергардами, финляндцами и ольвиопольскими гусарами.

Проведя несколько часов в Велау, Беннигсен переправил армию через Прегель и усиленным маршем двинулся по дороге на Тильзит, предполагая соединиться в пути с Лестоком и Каменским, отозванными из Кенигсберга. На левом берегу остались арьергард князя Багратиона и казаки Платова.

Выполняя повеление главнокомандующего, атаман послал в Топиау три казачьих полка под командованием братьев Павла, Степана и Григория Иловайских для соединения с дивизией графа Николая Каменского и уничтожения мостов, паромов и судов на реке Прегель.

Под вечер французский авангард показался на левом берегу Алле против Велау. Платов сжег мост и, переправив через реку вплавь часть Атаманского полка во главе с майором С. Ф. Балабиным, приказал ему атаковать передовой отряд неприятеля. Конные егеря были опрокинуты столь стремительно, что шедшие за ними соратники не успели даже прийти им на помощь. Казаки благополучно вернулись назад, приведя нескольких пленных.

В ночь на 4 июня корпус атамана Платова выступил из Велау и занял позицию перед городом на правом берегу Прегеля.

4 июня генерал-лейтенант Платов, усиленный башкирами и калмыками, получил предписание главнокомандующего задержать неприятеля у переправы. Легко сказать — труднее выполнить, располагая одиннадцатью полками, укомплектованными едва ли наполовину, когда на тебя движется авангард огромной армии, воодушевленной недавней победой над русскими. Поэтому атаман решил дать бой, отступив несколько от берега.

В полдень французский авангард, наведя в нескольких местах понтонные мосты, под мощным прикрытием артиллерии начал переправу через Прегель. Кавалерия под командованием дивизионного генерала Груши двумя колоннами двинулась вверх по реке, чтобы атаковать левый фланг казаков. Платов, «уступая рвению начальников башкирских команд», приказал атаковать неприятеля, чем немало польстил их самолюбию.

Несколько добровольцев вступили в перестрелку с противником и, отходя, увлекли его за собой. Один башкирский полк, подпустив французов на близкое расстояние, осыпал их сотнями стрел, в то время как другой, стоявший в укрытии, обрушился на их фланг с пиками. Неприятель, пораженный внешним видом и необычностью оружия «злых купидонов», обратился вспять. Преследование продолжалось до переправы, где кавалерия генерала Груши получила поддержку своей пехоты и артиллерии.

В то же время густые колонны французского авангарда под командованием В. Н. Латур-Мобура энергично надвигались на правый фланг казаков. Причем особенно увлеклись эскадроны его кавалерии, опередившие свою пехоту. Как только они пустились в атаку на отряд Н. В. Иловайского, М. И. Платов обрушил на их фланги из-за Грюнвальдского леса атаманцев С. Ф. Балабина. Неприятель, поражаемый с трех сторон, потерял на месте боя «множество убитых». Пленных оказалось всего 22 человека, среди них старший адъютант генерала Э. Груши.

Первый натиск французов был «укрошен». Однако громадное численное превосходство противника заставило Платова отступить верст на семь к местечку Таплакен, от которого предстояло идти по узкой плотине, а за ней по большой дороге на возвышенность.

Атаман принял необходимые меры предосторожности. Под прикрытием арьергарда, созданного из полков Т. Д. Грекова и О. В. Иловайского, он перевел свой корпус по плотине через болотистую речку Нена и, поднявшись на возвышенность, приказал установить шесть орудий артиллерии.

Колонна конных егерей бросилась за арьергардом атамана Платова, но была отбита огнем донской артиллерии и стрелков. Последние казаки беспрепятственно прошли по плотине, уничтожив за собою мосты в ее проемах.

«Вечером было много рассказов о приключениях башкирцев в течение этого дня». Очевидцем одного случая оказался балагур и весельчак, поэт, а позднее знаменитый партизан Д. В. Давыдов. Не могу отказать себе в удоволь-

ствии привести отрывок из воспоминаний Дениса Васильевича.

Некоего пленного французского подполковника «природа одарила носом чрезвычайного размера, а случайности войны пронзили этот нос стрелой насквозь, но не навывлет; стрела остановилась ровно на половине длины своей. Подполковника сняли с лошади и посадили на землю, чтобы освободить его от этого украшения. Много любопытных, между коими и несколько башкирцев, обступили страдальца. Но в то время как лекарь, взяв пилку, готовился пилить надвое стрелу возле самого пронзенного носа... что почти не причинило бы боли и еще менее ущерба этой громадной выпуклости, один из башкирцев узнаёт оружие, ему принадлежащее, и хватает лекаря за обе руки.

— Нет, — говорит он, — нет, бачка, не дам стрелу мою; не обижай, бачка, не обижай! Это моя стрела, я сам ее выну...

— Ну как ты вынешь ее?

— Да, бачка, возьму за один конец и вырву вон; стрела цела будет.

— А нос? — спросили мы.

— А нос? — отвечал он. — Черт возьми нос!..»

Понятно, что русские офицеры предпочли спасти выдающийся нос француза, а не стрелу «башкирца».

Очередной трудный день войны кончился. Вряд ли атаман вспомнил тогда, что совсем рядом с Таплакеном, правда, на левом берегу Прегеля, стоит большая деревня Гросс-Егерсдорф, при которой ровно 50 лет назад сражался в составе русской армии его отец Иван Федорович Платов.

5 июня прусский корпус А. В. Лестока и отряд Н. М. Каменского соединились с армией и остановились у деревни Гекстен, оставив свой арьергард у Мильлаукена, где находился также и генерал-майор И. Д. Иловайский с тремя полками: своим, А. И. Исаева и Д. М. Киселева.

А казаки М. И. Платова с утра в поте лица махали топорами, делая засеки на дороге через Кугелакский лес. К полудню работа была окончена. Когда конные егеря французского авангарда подступили к завалу, они попали под сильный огонь команды донских стрелков, составленной из разных полков. Положив на месте первых, герои-казаки на четыре часа задержали всех остальных и отступили лишь под градом картечи, выпущенной из подвезенных орудий.

Преодолев засеки, неприятельская кавалерия пустилась в погону за отступающим корпусом Платова, но он уже скрылся в Есчерникенском лесу. А арьергард, не ожидая нападения численно более сильного противника, сам решил

атаковать его. Возможность быть окруженными на открытой местности исключалась полностью, поэтому казаки, развернутые в лаву, накинулись на ближайшие французские эскадроны, опрокинули их и, преследуя, поражали дротиками и саблями, после чего спокойно соединились со своими соратниками, приведя 20 пленных. Пленные показали, что за Платовым следует вся армия Наполеона, включая корпуса маршалов Даву и Мюрата.

На дороге посреди Есчерникенского леса также были сделаны засеки, и казачьи стрелки еще раз получили возможность нанести «великий вред неприятелю». Корпус атамана Платова продолжал следовать к Тильзиту, прикрывая малыми силами и арьергард князя Багратиона, и идущую впереди него русскую армию...

Выйдя из леса, корпус Платова занял позицию у селения Битенен. Скоро показалась французская кавалерия. Построясь в колонны, она двинулась на казаков. Воспользовавшись открытым пространством, атаман развернул свои полки в лаву и охватил ею фланги неприятеля. С воплем, гиканьем и свистом понеслись донские воины вперед, наводя «ужас и смятение» на врагов. Многие эскадроны были отрезаны и истреблены, а «прочие опрокинуты, рассеяны и прогнаны» до пехоты и артиллерии.

Приведя в порядок расстроенную конницу и усилив ее пехотой и артиллерией, Виктор Латур-Мобур снова пошел в атаку на казаков. Атаман не стал испытывать судьбу и отступил к селению Ланкеникен. Естественно, «при упорном сопротивлении».

Рано утром 6 июня русская армия достигла Тильзита, второго после Кенигсберга города в Восточной Пруссии, и сразу же начала переправу на правый берег Немана по единственному мосту. Переправа неизбежно должна была затянуться. А это значило, что казакам предстоял трудный день.

Чтобы обезопасить переправу войск на случай прорыва противника через линию заграждения казаков и следовавший параллельно с ними арьергард Багратиона, Беннигсен поставил свободные дивизии в боевой порядок перед Тильзитом и на флангах.

Однако арьергард никто в этот день не беспокоил. Шедший за ним корпус маршала Нея уклонился в сторону и двинулся на Гумбиннен. Князь Петр Иванович, решив сообщить Леонтию Леонтьевичу, что видит себя в безопасности, послал в главную квартиру своего юного адъютанта ротмистра Давыдова. По пути в Тильзит Денис Васильевич встретил остроумного майора Эрнеста Шепинга.

— Что нового, Шепинг? — спросил ротмистр.

— Новое то, — ответил майор, — что я везу письмо от Беннигсена к Багратиону. Главнокомандующий предписывает ему войти в сношение с французами и предложить им перемирие, пока приступим к переговорам о мире. Вот тебе все новое. Прощай! — и поскакал.

В тот же день Давыдов примчался в Олиту, где разместились штаб главнокомандующего, пребывавший в состоянии паники.

«Я прискакал в главную квартиру, — вспоминал Давыдов. — Толпы разного рода людей составляли ее. Тут были англичане, шведы, пруссаки, французы-роялисты, русские военные и гражданские чиновники, разночинцы, чуждые службы и военной, и гражданской, тунеядцы и интриганы — словом, это был рынок политических и военных спекулянтов, обанкротившихся в своих надеждах, планах и замыслах... Все были в тревоге, как за полчаса до светопредставления. Один Беннигсен был неизменен. Он страдал, это было видно, но страдал скорбью безмолвную».

Наполеон двинул свои войска по большой Тильзитской дороге и слева и справа от нее. Учитывая это, Платов растянул казаков по фронту на расстояние, которое могли занимать три французские колонны, и поставил 16 донских полков в шахматном порядке. Такое расположение имело важное преимущество: атакуя один из полков, неприятель неминуемо оказывался под угрозой удара с флангов.

Латур-Мобур подкрепил передовые эскадроны авангарда артиллерией. Платов отступил за деревню Гигарн, где нашел достаточно выгодную позицию для обороны.

Деревня Гигарн располагалась на отлогом косогоре, по которому проходила большая Тильзитская дорога. Справа от нее Платов поставил отряды Павла Дмитриевича и Ивана Дмитриевича Иловайских, слева — Николая Васильевича Иловайского и Андриана Карповича Денисова. В центре он указал место атаманцам Степана Филипповича Балабина, а на возвышенности за селением разместил калмыцкий и башкирский полки.

Растянutosть оборонительной линии корпуса Платова свела на нет действие неприятельской артиллерии. Неоднократные атаки колонн французской кавалерии также не имели успеха. Бой продолжался четыре часа. Казаки стояли твердо и не отступили ни на шаг.

Наступил вечер. Атаман приказал развести костры вдоль всей линии обороны и на высотах за деревней, чтобы создать в глазах противника видимость, что армия находится

близко и готова в любой момент усилить казаков. Французы прекратили атаки и стали укреплять свою позицию.

В этот день казаки взяли в плен 94 кавалериста, в том числе 6 офицеров.

Оставив на позиции с полсотни казаков, чтобы поддерживать костры и беспокоить неприятеля ночью, атаман отошел к Тильзиту. Утром он приказал казакам спешно примкнуть к корпусу на правом берегу Немана, уничтожив за собою мост. Тем временем французские конные егеря и драгуны уже вошли в город и устремились в погоню за горсткой донцов. Вот как описал эту сцену свидетель:

«Казаки скакали, не примечая, что передовой из преследователей с саблею наголо был Мюрат; но они успели уже коснуться правого берега Немана, когда он только что вскакал на мост. Мост вспыхнул почти под мордой красивого коня его и вмиг обнялся пламенем. Опрометчивый паладин остановился, круто поворотил коня назад и шагом возвратился в город; Неман разделил сражавшихся».

Французы приняли предложение о перемирии. Война кончилась позорным поражением «победителя непобедимого», как назвал император Александр Л. Л. Беннигсена после сражения при Прейсиш-Эйлау. Причин много: «несоразмерность дарований Беннигсена с гением Наполеона», как выразился Д. В. Давыдов, численное превосходство противника над русской армией, неуверенность, вкраившаяся уже тогда в дух большей части войска, расстройство провиантской службы, недостаток резервов и прочие обстоятельства.

За восемь месяцев войны казачьи полки потеряли 194 человека убитыми и 453 ранеными. Какой урон они нанесли неприятелю, неизвестно: погибших врагов, как всегда, никто не считал. А вот пленных считали. Их оказалось много — 139 офицеров и 4196 рядовых.

Казаки почти во всех ситуациях действовали решительно, с инициативой, порой отчаянно, нападая на несравненно более сильного противника. В периоды затишья они надежно охраняли покой своей армии и не давали покоя неприятелю, перехватывали его курьеров с важными депешами и нередко срывали замыслы французского командования; отбивали обозы с провиантом, фуражом и снаряжением; поддерживали сообщения между дивизиями и корпусами; всегда были впереди во время наступления и столь же храбро дрались в арьергарде. Именно после этой кампании к ним и их атаману пришла европейская слава, что вполне проявилось в дни тильзитских встреч двух императоров — Александра и Наполеона.

Торжества после катастрофы

Государь не мог продолжать войну. И ни один из его советников, кроме министра иностранных дел барона Андрея Яковлевича Будберга, не посмел возразить ему. Армия потеряла треть своего состава, сотни офицеров; генералы, особенно лучшие, излечивались от ран, а те, что остались в строю, в большинстве своем не имели ни боевого опыта, ни военных талантов. Наконец Александр осознал отсутствие способностей у главнокомандующего. Государь мучительно пытался понять, почему в столице сложилось столь высокое мнение о Беннигсене, в то время как здесь, в войсках, он не пользовался авторитетом; все считали его вялым и нерешительным. В самом деле, после каждого сражения «спаситель России и всей Европы» засыпал его величество победными реляциями, но тут же отступал вместо того, чтобы идти вперед.

«Нашими победами при Пултуске и Эйлау мы обязаны не Беннигсену и его мнимым талантам, а исключительно доблести солдат русских», — подвел итог своим грустным размышлениям император Александр.

Перемирие было ратифицировано монархами 10 июня 1807 года. Через два дня состоялась знаменитая встреча Александра и Наполеона. Готовил ее князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский.

По приказу Наполеона, любителя театральных эффектов, посреди Немана на лодках устроили плот, а на нем поставили два павильона, обтянутых белым полотном. Большой из них предназначался для встречи императоров. На его фронтонах, обращенных к русской и французской сторонам, зеленой краской выписали вензеля — начальные буквы имен обоих монархов. Об инициалах короля Пруссии попросту забыли, чем немало огорчили его.

Около 11 часов утра Александр, прусский король Фридрих Вильгельм, цесаревич Константин и члены свиты прибыли на берег Немана и остановились в полуразрушенной корчме, над которой от крыши остались лишь стропила.

До чего же красив и статен был Александр Павлович! Денис Васильевич Давыдов «не спускал глаз с государя». Ему «показалось, что он прикрывал искусственным спокойствием и даже веселостью духа различные чувства, обуревавшие и невольно обнаружившиеся на ангельском взгляде его и на открытом высоком челе». А могло ли быть иначе перед свиданием «с величайшим полководцем, политиком, законодателем, администратором и завоевателем, поразившим в те-

чение только двух лет войска всей Европы и уже дважды нашу армию и ныне стоящим на рубеже России?»?

Конечно, Александр волновался. И все-таки надеялся поладить с Наполеоном. Он понимал, что в конечном счете речь пойдет лишь о разделе сфер влияния на Европейском континенте и использовании России против Англии, которая вела себя так дурно, пообещав выставить вспомогательный корпус, но не сделал этого.

Вбежавший флигель-адъютант выпалил:

— Едет, Ваше Величество, едет!

Александр взял шляпу, перчатки, не торопясь вышел из корчмы. На противоположном берегу увидел всадника, несущегося во весь опор впереди свиты между двух рядов Старой гвардии. Оба императора почти одновременно сели каждый в свою лодку. Король Фридрих Вильгельм не был приглашен. Судьба Пруссии решалась без его участия.

Александра сопровождали цесаревич Константин, главнокомандующий Беннигсен, барон Будберг, генерал-адъютанты Ливен и Уваров. С Наполеоном были Мюрат, Бертье, Бессьер, Дюрок и Коленкур. Наполеон первый вступил на плот, быстро пошел навстречу Александру. Поздоровались. Обнялись.

«Я так же, как и вы, ненавижу англичан и готов вас поддержать во всем, что вы предпримете против них» — вот первые слова, сказанные русским императором.

«В таком случае, — ответил император французов, — мы сможем договориться, и мир между нами будет заключен».

Александр не ошибся: разговор пошел именно в том направлении, в каком он и предполагал, — о разделе сфер влияния. «Мы скорее придем к соглашению, — сказал Наполеон, — если вступим в непосредственные переговоры, отстранив министров, которые нас нередко обманывают или же не понимают; мы вдвоем в один час более подвинем дела, чем наши посредники по прошествии нескольких дней. Между вами и мною никого не должно быть. Я буду вашим секретарем, а вы моим».

Ради удобства переговоров Наполеон предложил Александру переселиться в Тильзит, объявив город нейтральным, на что русский император с удовольствием согласился. Уступив настоятельным просьбам Александра, Наполеон позволил допустить на встречу на плоту Фридриха Вильгельма.

По окончании первой встречи Наполеон принял лиц государевой свиты. Нет необходимости рассказывать обо всех, но главнокомандующий стоит того: это он привел русскую армию в Тильзит. Император французов пожал ему руку и сказал:

— Генерал, вы были злы под Эйлау. Я всегда любовался вашим дарованием, еще более — вашей осторожностью.

Право же, возможно ли было забыть эти слова?! Беннигсен часто повторял их, и «каждый раз с новым удовольствием». По простоте душевной, иронизировал Денис Васильевич Давыдов, Леонтий Леонтьевич принял «эту полуэпиграмму за полный мадригал, ибо во мнении великих полководцев осторожность почитается последней военной добродетелью, а предприимчивость и отважность — первыми». Позднее, вспоминая события этой войны, Беннигсен повторил в «Записках» лишь первую часть фразы Наполеона — о том, каким он был «злым под Эйлау», хотя, по мнению Давыдова, великий полководец выразил «сим изречением» лишь «упорство и ярость, с какими дрались войска наши в этом сражении». Об «осторожности» же, отмеченной гением в действиях главнокомандующего, нет ни слова. А вот о «даровании» говорится на каждой странице. И очень подробно.

Александр I со свитой, батальоном преображенцев, командами кавалергардов, гвардейских гусар и казаков переселился в Тильзит. Официальные переговоры чередовались со встречами за обеденным столом и взаимными визитами, чтобы справиться о состоянии здоровья друг друга или преподнести презент, пригласить на смотр войск или на прогулку верхом. Русского императора почти всегда сопровождал прусский король Фридрих Вильгельм, очень тяготивший Наполеона своим присутствием. Победитель не упускал случая пошутить над ним. Однажды, нарочито внимательно разглядывая его мундир, он спросил гостя:

— Как вы умудряетесь застегивать столько пуговиц?

Русский государь понравился Наполеону. «Друг мой, — сообщал он в письме Жозефине, — я только что виделся с императором Александром; я им очень доволен, он гораздо умнее, чем обычно считают... У него манеры самого любезного из парижан». В то же время проницательный корсиканец видел в нем натуру впечатлительную, изменчивую, падкую на лесть, легко поддающуюся влиянию, руководствующую больше чувствами, чем доводами рассудка. От союза с таким монархом, считал он, можно иметь немало выгод.

Одного не разглядел Наполеон в Александре — двуличия.

В беседах с французами Александр убеждал их, что бывшее у него предубеждение против Наполеона после первой же встречи «рассеялось как сон» и «время заблуждений миновало». Зато в письмах к родным, в частности к матери Марии Федоровне, он раскрывает свое истинное отношение к новому союзнику:

«К счастью, у Бонапарта при всем его гении есть уязвимое место — тщеславие, и я решил пожертвовать моим самолюбием во имя спасения империи».

Еще более откровенно Александр высказался в письме к прусскому королю:

«Наберитесь терпения. Мы вернем то, что утратили. Он сломает себе шею. Несмотря на все мои знаки дружбы и мои внешние поступки, в глубине души я ваш друг, и я надеюсь вам это доказать на деле».

Расточая комплименты, демонстрируя показную сердечность, и Александр, и Наполеон дурачили друг друга и окружающих. То была игра великих актеров на политической сцене Европы. И каждый считал, что заслужил в этом спектакле больших аплодисментов.

Как уже отмечалось, в повседневной жизни «тильзитских друзей» важное место занимали смотры войск. Во время одного из них Платов впервые близко увидел Наполеона. Матвей Иванович, выдававший себя за физиономиста, владеющего искусством судить о характере человека по чертам его лица, уставился на императора французов. Кто-то из маршалов, обратив на это внимание, подъехал и спросил через переводчика:

— Господин атаман, вам, конечно, нравится великий Наполеон, коль вы так пристально рассматриваете его?

Платов «с видом простодушия, но тоном смелым и решительным» ответил:

— Я смотрю вовсе не на вашего императора, в нем нет ничего необыкновенного: такой же, как и прочие люди. Я смотрю на... его лошадь, пытаюсь отгадать, какой она породы — персидской, арабской, а может, египетской, или какой иной национальности...

Трудно сказать, понял ли собеседник своеобразный юмор и намек атамана. Первый биограф-современник Матвея Ивановича умолчал об этом.

В кругу соратников Платов так отозвался об императоре французов: «Быстрый взор и черты лица его показывают великую силу ума, но в то же время являют и необыкновенную жестокость. Этот человек не на благо, а на пагубу человечества рожден».

Позднее Наполеон, наслышанный о том, сколь искусно Платов владеет луком, экзотическим оружием башкир и калмыков, пожелал лично удостовериться в этом. Александр попросил атамана удовлетворить любопытство своего «тильзитского друга», взяв на себя обязанности переводчика.

Во время встречи Наполеон был любезен, с похвалой отзывался об искусстве казаков, их неутомимости и маневренности, расспрашивал об организации Войска. Платов вовсе не собирался посвящать императора в тайны тактики донцов. Тонкости корсиканца он противопоставил «свою хитрость, прикрытую видом простодушия», отвечал двусмысленно и закончил примерно так:

— Ваше величество, можно, конечно, посадить француза на коня и дать ему в руки пику, но казака из него все равно не получится. Казакom надо родиться!

Наконец пришло время являть высокому гостю искусство стрельбы из лука. «Необыкновенная ловкость и проворство» уже немолодого воина «привели Наполеона в изумление. В восторге он несколько раз подбегал к Платову», хлопал его по плечу, поздравлял «и напоследок уговорил принять от него на память табакерку со своим портретом, осыпанную драгоценными камнями». В свою очередь, Платов подарил Наполеону прекрасной работы лук, из которого только что стрелял.

Вернувшись на квартиру, Матвей Иванович вынул камни из табакерки и с «первой оказией отправил дочерям». Портрет же Наполеона пока оставил у себя.

Переговоры о судьбе Пруссии шли особенно трудно, несмотря на усилия Александра защитить интересы союзника. Фридрих Вильгельм решил прибегнуть к чарам своей умной и красивой супруги, вызвав ее в Тильзит. Луиза бросилась к ногам Наполеона с мольбой и надеждой:

— Ваше величество, разве вы не оставите нам Магдебург и Вестфалию?

— Вы много просите, но я обещаю подумать, — ответил он и, поднимая красавицу-королеву, подарил ей комплимент, впрочем, не столь изысканный.

А вообще-то Луиза ему понравилась, в чем он признался в письме к Жозефине: «Прусская королева в самом деле очаровательна; она кокетничает со мною, но не ревнуй; все это скользит по мне, как по клеенке. Ухаживания за ней обошлись бы мне слишком дорого».

Конечно, Наполеон был солдафоном. Но отказать женщине, к тому же очень красивой и на редкость умной, трудно. В разговоре же с Александром Наполеон дал волю своим чувствам:

— Подлый король, подлая нация, держава, которая всех обманывала и которая не заслуживает существования. Тем, что она вообще сохранилась, она обязана только вам.

Александр понимал: все вспышки гнева Бонапарта зара-

нее рассчитаны и предназначены для устрашения собеседников. И он утешал оскорбленную и рыдающую от бессилия Луизу:

— Верьте в будущее. Уповайте на Бога!

Королеву Луизу утешал не только кузен Александр Павлович, но и атаман Матвей Иванович. Однажды он прислал к ней для показа своих казаков, калмыков и башкир, «которые похожи на китайцев».

Текст Тильзитского договора был составлен и согласован. Из уважения к российскому императору и желания «соединить обе нации узами доверия и непоколебимой дружбы» Наполеон возвращал Фридриху Вильгельму часть завоеванных земель — четыре провинции. Остальные объединялись в новое Вестфальское королевство во главе с младшим Бонапартом — Жеромом. Из польских областей, принадлежавших Пруссии, создавалось Великое герцогство Варшавское, переданное временно Саксонии. Данциг объявлялся вольным городом. Россия получала Белостокский округ.

Самым тяжелым условием Тильзитского договора было включение России в континентальную систему; в случае провала возложенной на нее миссии по примирению Англии и Франции это неизбежно влекло за собой подрыв финансов империи. Более существенной уступкой можно признать согласие Наполеона отдать Александру Финляндию. Однако прежде следовало начать войну и победить Швецию.

25 июня состоялось подписание Тильзитского договора «о мире и дружбе». В этот день Александр поручил князю А. Б. Куракину поднести Наполеону пять орденов Святого Андрея Первозванного, предназначавшихся для него самого и лиц из его окружения. В свою очередь император французов передал царю пять знаков ордена Почетного легиона. Для кого? Один, понятно, для монарха. А остальные? Если верить М. И. Платову, рассказы которого записывал Н. Ф. Смирный, в числе кандидатов был и он.

«Как ему угодно, — якобы сказал атаман, будучи уверен, что кто-нибудь непременно передаст услышанное Наполеону, — если он в самом деле прислал мне в награду свой орден, то я его не приму, так и доложу своему государю. За что ему жаловать меня? Я ему не служил и служить никогда не буду. За него ни капли крови не пожертвую, и никто меня к тому не принудит, в том перед Всемогущим Богом клянусь», — и перекрестился.

Возможно, так и было. Думаю только, что эта пламенная тирада адресовалась скорее Александру, чем Наполеону. Уж

очень хитер был Матвей Иванович и, как говорится, всегда держал нос по ветру.

В действительности же ни один из боевых генералов, участников той войны, не удостоился ордена Почетного легиона. Его получили: император Александр, цесаревич Константин Павлович, министр иностранных дел барон Андрей Яковлевич Будберг и уполномоченные вести переговоры о перемирии и мире князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский и Алексей Борисович Куракин.

В назначенное время Александр и Наполеон, надев на себя ленты с пожалованными орденами, двинулись один к другому по улице, по обеим сторонам которой стояли развернутым строем батальоны русской и французской гвардии. На полпути встретились и обменялись ратифицированными договорами. По окончании этой церемонии состоялся парад. Солдаты, чеканя шаг, прошли перед императорами, маршалами и генералами.

Судя по всему, протокол предусматривал представление генералов. Однако в нашем распоряжении имеется лишь одно свидетельство об этом, переданное со слов Матвея Ивановича его секретарем Николаем Федоровичем Смирным.

Когда очередь дошла до атамана донских казаков, Наполеон бросил на него «быстрый взгляд» и с необычайной поспешностью проследовал мимо, не сказав ни одного слова и даже не поприветствовав его. Как пишет Смирный, Матвей Иванович с удовольствием вспоминал об этом, говоря:

— Не знаю, почему таким страшным показался я ему, вроде бы ничем не разнился наружностью от других людей...

Возможно, спустя годы, оказавшись на вершине славы, Платов действительно со смехом вспоминал эту встречу с Наполеоном, но в тот «торжественный день» он был мрачнее тучи. Когда подвыпившие французские генералы попытались вывести его из дурного расположения, он бросил сердито:

— Господа, возможен мир между моим государем и Бонапартом, но невозможны любезности между мною и французскими генералами.

Похоже, Матвей Иванович близко к сердцу принял договор «о мире и дружбе», коль так неучтиво обошелся с новыми союзниками и даже позволил себе нарушить царский запрет называть Наполеона не по имени (как императора), а по фамилии. Покинув торжествующее общество победителей, он поскакал на обед к прусской королевской чете.

По дороге атаман успокоился, за столом много шутил и вообще был в центре внимания. Он понравился королю и королеве, и в этом мы еще убедимся, но особенно по душе

он пришелся обер-гофмейстерине графине Фосс. Вот какую запись сделала она в дневнике 25 июня:

«Платов необыкновенно высокий, смуглый, черноволосый человек с бесконечно добрым выражением лица, весьма обязательный и любезный; в конце концов он обещал прислать мне свой портрет. В четыре часа мы поехали в лагерь к казакам... Казаки нам пели, и очень хорошо. Погода была дурная...»

Если обещал «прислать свой портрет», значит — прислал, а коль «в конце концов» согласился, значит — настаивала. Склонен думать, что «обязательный и любезный» Матвей Иванович сдержал слово, хотя сведений об этом нет...

После отъезда императоров из Тильзита Платов еще несколько дней оставался в Восточной Пруссии, готовя казаков к походу в Молдавию на театр военных действий с Турцией. 3 июля он еще раз навестил королеву Луизу — «единственно для того, чтобы засвидетельствовать почтение» ее величеству, но задержался на обед, а после вместе с переводчиком был у графини Фосс. Расставшись с ним, она заполнила дневник впечатлениями минувшего дня:

«Старый Платов вполне достоин уважения; как и все порядочные русские люди, он страшно убит заключенным унижительным миром. Этим миром царь опозорил себя, но больше всего в нем виноват великий князь...» Имелся в виду брат императора — Константин Павлович.

Не стоит, наверное, безоговорочно соглашаться с графиней Фосс. Действительно, великий князь еще до поражения под Фридландом убеждал своего венценосного брата вступить в переговоры с Наполеоном. Он находился в армии, видел ее состояние и неспособность противостоять «испытанным в боях и по-прежнему непобедимым французским войскам». Александр же судил об обстановке по донесениям главнокомандующего, который все одерживал победы, но после каждой отступал и всякий раз находил объяснение своей тактике. Поэтому государь держался до конца, продолжая войну. А прислушайся он к совету Константина Павловича, может статься, и мир был бы не столь унижительным.

В одном графиня была права: мир оказался унижительным. Так считали и в самой России. Некоторые впечатлительные современники даже заливались слезами, ознакомившись с условиями Тильзитского договора, например, П. Я. Чаадаев. А кто и когда считался с побежденными?

Кампания 1807 года оказалась кампанией неиспользованных возможностей казаков, впрочем, и армии тоже. В русле же реального развития событий казаки действовали весьма активно. За командование корпусом Платов удосто-

ился орденов Георгия 2-го класса, Владимира 2-й степени и Александра Невского. Кроме того, Беннигсен представил его к чину генерала от кавалерии, но император решил по временить с повышением. Атаман очень расстроился.

Его величество Фридрих Вильгельм III подарил Матвею Ивановичу табакерку и пожаловал орденами Красного и Белого орлов, а королева Луиза передала Марфе Дмитриевне Платовой плюмаж из перьев цапли.

Получая ордена, атаман не забывал и о своих подчиненных. При всяком удобном случае он представлял их к наградам. Даже у прусского короля выпросил Красных орлов для генерал-майоров Николая, Ивана и Павла Иловайских и Андриана Денисова, «дабы утешить их, людей, поистине благоволения сего заслуживающих, и побудить тем к вящей отличности».

Уважая просьбу Матвея Ивановича, государь Александр Павлович согласился выслать ему сверх установленной нормы 475 знаков Военного ордена «для награждения отличившихся нижних чинов».

И еще одну награду государь пожаловал казакам — почетное знамя с изображением государственного герба, увитого лаврами, и георгиевской ленты с надписью: «Вернолюбезному Войску Донскому за оказанные заслуги в продолжение кампании против французов 1807 года».

К награде прилагалась царская грамота. Александр писал: «Войско Донское, с давних лет всей Европе известное неустрашимостью своею, неутомимым мужеством и неизменною любовью к Отечеству, превзошло древнюю славу предков своих в походах и битвах 1805 и 1807 годов против французов под предводительством атамана генерала Платова и других своих начальников...»

Далее государь выражал надежду, что признательность Войску, им изъявленная, «обратится ему в священную обязанность стремиться с новою ревностью к новым подвигам по первому воззванию Отечества».

Отечество призвало казаков сразу после завершения тильзитских переговоров. Уже 8 июля 1807 года Платов выступил в поход и «последовал по высочайшей воле с Войском Донским в Молдавскую армию против турок». Накануне он написал императрице Марии Федоровне, поздравил ее величество с окончанием войны с французами и заключением мира; поблагодарил за добрую память о нем и приветы, которые «неоднократно от приезжавших — из Петербурга — имел щастие получать»; выразил «всенижайшее почтение» великой княжне Екатерине Павловне «за милость», объявленную ему через цесаревича Константина Павловича.

Глава шестая
В МОЛДАВСКОЙ АРМИИ

Накануне и в начале войны

В начале XIX века усилилось национально-освободительное движение народов Балканского полуострова, начало которому положило сербское восстание 1804 года. Руководитель повстанцев Кара-Георгий обратился с просьбой о помощи в Петербург. В то время Россия придерживалась политики сохранения целостности Османской империи и не могла активно помогать славянам, но, опасаясь потерять влияние в этом районе и повернуть его в сторону Австрии и Франции, отправила в Галац 24 корабля с пушками и военными припасами. Тайное не сразу стало явным...

В сентябре 1805 года между Россией и Турцией был подписан союзный договор, направленный против Франции. Высокие договаривающиеся стороны признавали его единственным средством «обеспечения взаимной безопасности». Это соглашение оказалось едва ли не самым неустойчивым в истории международных отношений. После Аустерлица влияние Наполеона усилилось не только в Европе, но и на Ближнем Востоке. Султан Селим III отправил письмо французскому императору с изъявлением дружественных чувств и признанием его императорского титула. Проливы были закрыты для прохода русских военных кораблей.

В Константинополь прибыл новый французский посол генерал Ф. Себастиани, на которого Наполеон возложил задачу добиться союза с Турцией. Ради этого он не скупился на обещания, прельщая султана перспективой возвращения Крыма и Черноморского побережья России.

Подстрекаемая Францией, Турция стала готовиться к войне. Она нарушила соглашение не только о проливах, но и о Дунайских княжествах, отстранив от власти их господарей, поддерживаемых Россией. В ответ на это Александр I

приказал формировать 60-тысячную Молдавскую армию. Командование ею он возложил на «бодрого старца» Ивана Ивановича Михельсона, сделавшего карьеру на усмирении пугачевского бунта.

Александр Васильевич Суворов очень лестно отзывался о нем: «...ежели бы все были, как Михельсон...». А Леонтий Иосифович Раковский поставил его в ряд «малодаровитых» военачальников Русско-турецкой войны. Впрочем, одно дело — командовать полком и совсем другое — армией. Возможно, и полководец, и писатель — оба были по-своему правы.

Как бы ни оценивали современники и потомки усмирителя пугачевского бунта, в личной храбрости ему не откажешь: он и в 70 лет ходил в атаки на турок с саблей наголо. Впрочем, может быть, потому и ходил, что был «малодаровитым» главнокомандующим.

В октябре 1806 года русские войска вступили в Дунайские княжества. Едва начались военные действия, как император Александр получил известие о поражении Пруссии под Иеной и Ауэрштедтом. Молдавскую армию пришлось сократить почти вдвое и часть ее сил бросить против Наполеона.

18 декабря Селим III объявил войну России. К этому времени армия Михельсона заняла большую часть территории Молдавии и Валахии. К концу года установилось затишье. Под властью Турции на левом берегу Дуная остались только Измаил, Браилов и Журжа.

Боевые действия возобновились 12 февраля 1807 года, но велись они вяло, ибо Россия продолжала войну с Францией, а в Турции произошел государственный переворот. Султан Селим III отрекся от престола. К власти пришел его двоюродный брат Мустафа, но фактическим правителем Османской империи был руцукский сераскир Мустафа-паша Байрактар — сторонник заключения мира с северным соседом.

Между тем в Молдавскую армию прибыло подкрепление — 14 казачьих полков атамана М. И. Платова, а позднее еще четыре дивизии из Польши и с Ионических островов. Но им не сразу пришлось вступить в военные действия...

12 августа 1807 года между Россией и Турцией при посредничестве Франции было подписано Слободзейское перемирие. Однако Александр I не ратифицировал его, поскольку оно не отвечало интересам империи: соглашение предусматривало вывод Молдавской армии из Дунайских княжеств и не удовлетворяло требований Сербии, добивавшейся независимости.

В это время умер Иван Иванович Михельсон. На его место был назначен князь Александр Александрович Прозоровский, имевший большой опыт командования войсками, накопленный в войнах «времен очаковских и покоренья Крыма». Граф Александр Федорович Ланжерон, французский эмигрант, завистник и интриган, более всего ценивший свои дарования, дал такую характеристику старому полководцу:

«Его умственная деятельность, связанная с неусыпной любовью к работе, входила во все подробности жизни армии; магазины, канцелярия, транспорты, почта — все было устроено им в полном порядке, а служба во всех частях была организована так хорошо, что и при преемниках его, менее сведущих, сохранился его дух. Его ревность к службе, иногда даже чрезмерная, его лета, чин и представительность, которой он себя окружил, — все внушало к нему уважение. Его желание славы своему отечеству и государю, его патриотизм и глубокая честность заставляли относиться к нему с уважением даже тех, кто имел дело с его строгостью».

В сущности, мемуарист отметил лишь мелочность и педантизм Прозоровского и ничего не сказал о военных дарованиях князя. Впрочем, о каких дарованиях восьмидесятилетнего старца могла идти речь, если главнокомандующий был глух и настолько дряхл, что едва мог сидеть в седле, да и то после растирания спиртом и затягивания в корсет. По слабости здоровья он стал просить себе в помощники М. И. Кутузова:

«Буду употреблять Кутузова вместо себя в случае, когда с силами не соберусь что-либо сам осмотреть. Он почти мой ученик и методу мою знает».

Правда, был у Михаила Илларионовича один серьезный недостаток. Если верить Ланжерону, таким недостатком Прозоровский считал молодость Кутузова — всего-то 64 года!

Со вступлением в должность фельдмаршала А. А. Прозоровского начались длительные и сложные переговоры о мире. Новый главнокомандующий, выполняя повеление императора, настаивал на сохранении режима оккупации русскими войсками Молдавии и Валахии и прекращении Турцией военных действий против Сербии, повстанческая армия которой овладела Белградом.

* * *

В конце июля или, может быть, в самом начале августа Платов с донскими полками прибыл в Молдавскую армию. Вот каким запомнился атаман графу Александру Федоровичу Ланжерону:

«Платов, хотя еще по-прежнему храбрый, не был уже так деятелен, как раньше. Состарившийся и утомленный продолжительной опалой... он уже не имел прежнего усердия и свежести ума, но все-таки сохранил еще все склонности казака.

Это был человек корыстолюбивый, не особенно щепетильный в способах приобретения денег, которые он, вместе со скопленными им на Дону богатствами, помещал чуть ли не по всем банкирским конторам в Петербурге. Наконец, будучи без всякого образования, он был совершенно неспособен командовать регулярными войсками, к которым питал глубочайшее презрение; к тому же он был нелюбим и казаками за свою двуличность царедворца, которую особенно явно проявил при князе Потемкине.

Платов и его казаки вошли в моду в Петербурге, где всегда ко всяким событиям относятся уж слишком пристрастно. Правда, казаки хорошо послужили в Прусскую кампанию, но их успехи слишком превозносили...»

Эта характеристика, по замечанию редакции журнала «Русская старина», «далеко не беспристрастна». Для нас она интересна прежде всего тем, что Ланжерон, по-видимому, первым указал на неспособность Платова «командовать регулярными войсками» и его «глубочайшее презрение» к ним. Позднее на этом будут настаивать другие современники и потомки. Ошибочность такого мнения вполне обнаружилась уже на полях сражений в Пруссии. Подтвердится она и в будущем.

Что касается корыстолюбия и богатств Платова, то об этом у нас еще будет возможность поразмышлять. А вот царедворцем атаман, конечно, был. Против этого возражать трудно.

Пользуясь затишьем в военных действиях, М. И. Платов часто покидал армию. Почти весь август он провел на Дону. Накануне нового 1808 года атаман снова приехал в Черкасск, на этот раз «по надобности важной».

Как известно, Матвей Иванович покинул Дон в декабре 1806 года, когда отправился в Петербург, а затем в Пруссию. Он был уверен, что оставил Дон на преданных ему людей. Правда, наказным атаманом государь утвердил Андриана Карповича Денисова, но тот скоро отпросился на фронт, уступив власть Андрею Дмитриевичу Мартынову, шурина Платова. Непременными членами войсковой канцелярии были генерал-майоры Семен Иванович Курнаков и Евтей Иванович Черевков. Первый состоял с ним в родстве, а второго он сам рекомендовал на должность, ибо знал его как исполнительного офицера еще со времени второй войны с Турцией.

Трудно сказать, почему Черевков переметнулся в стан противников Платова, но на заседании войсковой канцелярии он провалил одно из предложений атамана, чем немало удивил его.

Можно, пожалуй, согласиться с мнением апологетов Платова, что Матвей Иванович в общем-то был человеком не злопамятным: даже явных противников всякий раз представлял к наградам, давая им лестную характеристику. А вот посягательства на свою власть атамана не простил — от недругов избавился, назначив очередные выборы в канцелярию.

Сразу после Нового года с ближних и дальних станиц и хуторов в Новочеркасск съехались старшины. Платов всех пригласил к себе на обед, во время которого грубо отчитал неблагодарного Черевкова и пригрозил ему расправой. Сам Евтей Иванович на прием не явился, удалившись в свое имение, откуда демонстративно прислал прошение об отставке. Матвей Иванович отставку принял. Пострадали даже ассесоры, поддержавшие опального генерал-майора. Атаман не допустил их к очередным выборам.

Расправившись с противниками, Платов занялся решением семейных проблем. 26 января он устроил свадьбу дочери Анны Матвеевны с войсковым есаулом Константином Ивановичем Харитоновым. Венчали молодых четыре священника, протоиерей и дьякон в соборной церкви Старочеркаска при большом стечении народа. Вечером город, разжалованный в станицу, осветила иллюминация, загрохотали пушки.

«Я сие от роду впервые вижу — и столько народу, и соборное бракосочетание», — записал в дневнике священник Василий Рубашкин, пораженный зрелищем.

Скоро Платов вернулся в Молдавскую армию, где оставался почти весь 1808 год. Военные действия не велись. Его казаки охраняли границу от Силистрии до Галаца.

После эрфуртского свидания двух императоров Россия избавилась от посредничества Франции в переговорах с Турцией и получила согласие Наполеона на присоединение Молдавии и Валахии.

Переговоры продолжались. Стало ясно, что Турция не согласится на уступку России Дунайских княжеств, не испытывав силу оружия. Император Александр приказал князю Прозоровскому готовиться к решительному наступлению, однако пока не спешить, ожидать, не подадут ли турки повода для возобновления военных действий.

Турки вели себя спокойно. Прозоровский решил уско-

ритель развитие событий, дав Платову секретное предписание спровоцировать их на нарушение перемирия. Атаман справился с поручением и скоро укатил в Петербург, куда прибыл не позднее 13 февраля 1809 года. На следующий день он включился в размеренный ритм придворной жизни.

В воскресенье 14 февраля Матвей Иванович был гостем вдовствующей императрицы Марии Федоровны. За обеденным столом, накрытым на 38 персон в Желтой комнате, собрались члены царской семьи, их родственники из Бадена и Веймара, статс-дамы, флигель-адъютанты, генералы Аракчеев, Строганов, Трубецкой, многие другие влиятельные лица.

В последующие дни Матвей Иванович еще шесть раз навещал Марию Федоровну. Императрица пожаловала его жене, Марфе Дмитриевне, украшения, которые Платов переслал на Дон с нарочным.

13 марта Платов в составе свиты императора отправился в Финляндию на заседание сейма, где пребывал почти две недели. По возвращении в Петербург он попал на торжество по случаю праздника Святой Пасхи.

В том году Пасха пришлось на 28 марта. Праздничная служба состоялась в придворной церкви Зимнего дворца. Началась она сразу после полуночи и закончилась через три часа. Трижды палили пушки. Счастливики христосовались с государем императором Александром Павловичем, прикладывались к рукам императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны. Думаю, среди них был и Матвей Иванович, вызванный из Молдавской армии почти за два месяца до поездки в Финляндию.

Накануне отъезда Платова в Молдавскую армию, в понедельник 29 марта, Мария Федоровна устроила большой прием, заключительный эпизод которого описал Николай Федорович Смирный со слов атамана.

Обед продолжался долго. Звучала камерная духовая музыка. Наступило время прощаться. Платов, поблагодарив хозяйку, начал откланиваться, отступил назад и случайно задел саблей одну из фарфоровых ваз с цветами. Та упала и опрокинула несколько других. Матвей Иванович, желая отскочить, зацепился шпорами и готов был упасть, но его поддержала Мария Федоровна. Атаман, оправаясь, без малейшего смущения сказал:

— Государыня, и падение мое меня возвышает, потому что я имею счастье еще раз поцеловать вашу ручку, — потом, обратясь к присутствующим, на лице коих была заметна улыбка, похожая на насмешку, продолжал: — Вот посло-

вица-то на деле сбылась. Говорят, что если казак чего не укредет, так разобьет; первого я не знаю, а последнее со мною сбылось.

Платов вернулся в Молдавскую армию, когда перемирие было прервано.

Во главе авангарда армии

Мустафа-паша Байрактар отказался уступить Молдавию и Валахию и признать протекторат России над Сербией. Военные действия возобновились. Каждый из противников имел по 80 тысяч человек. Штурм Журжи и Браилова оказался неудачным. Понесся большие потери, «князь Прозоровский предался отчаянию, плакал, падал на колени, рвал на себе волосы. Кутузов стоял подле него, сохраняя обычное хладнокровие», — писал осведомленный современник А. И. Михайловский-Данилевский.

Русские отступили. Неудачи расстроили и без того слабое здоровье Прозоровского. Многие генералы, щадя старика, стали обращаться за советом к Кутузову. Князь обвинил своего помощника в стремлении подорвать доверие к нему и попросил государя отозвать его из армии. Курьер с донесением главнокомандующего на высочайшее имя помчался в Петербург.

«Состояние мое здесь становится мне тяжело при всем терпении моем, — жаловался Михаил Илларионович жене в письме от 16 мая 1809 года. — Фельдмаршал делает все по советам других. Однако же за всякую неудачу сердится... на меня».

Кутузов не назвал ни одного из «других» советников главнокомандующего. А вот И. Ф. Паскевич, воспоминания которого отыскал историк А. И. Сапожников в фондах знаменитой «Салтыковки» — Российской Национальной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, писал:

«Между тем фельдмаршал, не имея доверенности к Кутузову, призвал к совету Платова».

О том, что главнокомандующий «изо всех сил» покровительствовал атаману, хотя терпеть не мог «фаворитов и сторонников Потемкина», упоминает также граф А. Ф. Ланжерон.

Надо признать, что Матвей Иванович умел находить общий язык с высокими начальниками, нередко в ущерб своему авторитету. Похоже, и с князем Александром Александровичем сошелся, нажив немало врагов.

Щадя самолюбие главнокомандующего, просившего об отставке, Александр I перевел Кутузова губернатором в Вильну. Его место в армии занял Платов, за что, по утверждению А. И. Сапожникова, Кутузов позднее якобы «пытался свести счеты» с атаманом.

По свойствам характера Кутузов не сильно отличался от Платова. Оба были хитрецами, опытными интриганам и царедворцами. Но вряд ли есть основания полагать, что знаменитый полководец действительно пытался «сводить счеты» с Матвеем Ивановичем. Впрочем, мы еще вернемся к этому, когда Михаил Илларионович станет главнокомандующим армией.

После неудачного штурма Браилова Платов предложил Прозоровскому выманить турок из укрытия и разбить их в открытом поле. Как следует из его письма к императрице Марии Федоровне, он трижды водил казаков под стены крепости, но безуспешно.

Тем временем, отозвав Кутузова из армии и отправив его в Литву, Александр I прислал Прозоровскому рескрипт под грифом «секретно» о назначении главнокомандующим Багратиона. При этом государь разрешил фельдмаршалу воспользоваться рескриптом по своему усмотрению.

23 июля Багратион прибыл в Галац, где находилась главная квартира Молдавской армии, но Прозоровский не вручил ему царский рескрипт. Больше того, решив перейти Дунай, он оставил Петра Ивановича в Валахии с небольшой частью резервных войск, опасаясь, что энергичный и решительный генерал, подобно Кутузову, возглавит оппозицию.

Багратион был пожалован чином генерала за подвиги в Русско-шведской войне. Тем самым он обошел Платова. Атаман обиделся и подал записку военному министру Аракчееву, напомнив ему о своем старшинстве. Тот ответил, что государь знает об этом и ожидает лишь формального повода, чтобы наградить и его.

Надо сказать, что Матвей Иванович не зря так часто и подолгу жил в Петербурге. Там он заводил полезные знакомства. С Алексеем Андреевичем Аракчеевым он уже лет пять состоял в переписке. С ним у него установились если не дружеские, то приятельские отношения. Военный министр протезировал пасынку атамана полковнику Кирсану Павловичу Кирсанову, назначив его своим адъютантом.

Прозоровский не отказался от командования. Оставив Багратиона с частью армии в Валахии, он другую ее часть в составе авангарда Платова, корпусов Засса и Гартинга решил переправить за Дунай. Платову было приказано развер-

нуть наступление на Мачин, Бабадаг и далее к Черному морю, а Зассу и Гартингу — занять Исакчу и Тульчу.

29 июля все три корпуса переправились по понтонному мосту через Дунай у Галаца и двинулись по предписанным маршрутам. Турки, узнав о намерении русских вступить в Болгарию, очистили Исакчу и Тульчу, уступив их без боя. Вдохновленный этим успехом, генерал Григорий Христофорович Засс решил украсть бесспорную победу у Матвея Ивановича Платова, бросив на Бабадаг единственный казачий полк, бывший под его началом.

Между тем Платов с авангардом не спеша продвигался к Бабадагу, высылая по обе стороны от дороги казачьи полки, которые очищали от турок окрестные селения. За шесть дней наступления, по свидетельству Паскевича, служившего под началом атамана, «вся страна от Галаца до моря» была опустошена так, что «хоть шаром покати».

3 августа авангард вступил в Бабадаг, только что («под носом» у Платова) занятый казачьим полком из корпуса Засса. Матвей Иванович пришел в ярость и, как пишет тот же Паскевич, попросту выгнал не в меру прытких казаков из города, обвинив Григория Христофоровича во лжи. Естественно, главнокомандующий одобрил действия атамана. Все селения некрасовцев в окрестностях Бабадага по приказу Платова были сожжены, а принадлежавший им скот отобран.

До 8 августа атаман стоял лагерем у Бабадага, выслав бригады Андриана Карповича Денисова, Николая Васильевича и Тимофея Дмитриевича Иловайских к Казарлыку, Караарману и Гирсову.

9 августа умер фельдмаршал Прозоровский. Через два дня в командование армией вступил генерал Багратион. Среди бумаг покойного князь Петр Иванович нашел высочайший указ о своем назначении. В нем император ставил задачу спешно перейти Дунай и развернуть наступление:

«По настоящим обстоятельствам каждая минута драгоценна. Я ожидаю и надеюсь в скором времени получить от вас донесение из-за Дуная».

Багратион решил сначала взять Мачин и Гирсов, чтобы обезопасить пути сообщения армии с левым берегом Дуная, где были заготовлены запасы продовольствия и фуража.

Граф Ланжерон, на воспоминания которого я уже ссылался, писал: «Багратион, опередив по службе Платова, смущался и не сумел поставить себя по отношению к нему». Иначе говоря, считался с атаманом, может быть даже слишком. Впрочем, больше всего главнокомандующий считался со здравым смыслом.

Приступив к реализации своего замысла, князь Багратион предоставил атаману Платову честь взятия Гирсова, на что претендовал также и генерал Марков. Иначе и быть не могло.

Еще до вступления Багратиона в командование армией Платов развернул активные действия в окрестностях Гирсова, пресекая вылазки неприятеля из крепости и уничтожая шедшие в нее сикурсы, то есть подкрепления. Так что не случайно именно атаману князь поручил взять этот город. Маркову же приказал обложить Мачин, под стенами которого тот и стоял со своими войсками.

Главкомандующий поставил перед атаманом задачу взять Гирсов до 30 августа, дабы сделать подарок императору ко дню именин. 17 августа авангард Платова расположился вокруг Гирсова. На горе перед городом казаки обнаружили старую батарею Румянцева, возведенную в 1773 году, укрепили ее, установили восемь орудий и подготовились к штурму. На помощь осажденному гарнизону со стороны Троянского вала пытался прорваться трехтысячный турецкий отряд, но он был отражен донскими полками генерал-майора Денисова.

21 августа Платов обрушил на город огонь из орудий Румянцевской батареи. Гарнизон не стал геройствовать — на следующий день капитулировал. Победители взяли два знамени, тысячу пленных, 34 пушки, 250 бомб, почти 6 тысяч ядер, более 20 пудов свинца, много съестных припасов и различных товаров.

Некоторые современники, в том числе уже упомянутый Иван Федорович Паскевич, сочли эту победу достаточно легкой. Однако главнокомандующий отправил в Петербург пространную реляцию с описанием подвига Матвея Ивановича, в которой представил атамана к чину генерала. Как ни странно, государь, ожидавший, по словам Аракчеева, лишь повода, чтобы наградить Платова чином генерала, представление Багратиона не утвердил. Платов был пожалован орденом Святого Владимира 1-й степени, а его жена Марфа Дмитриевна — орденом Святой Екатерины.

По свидетельству графа А. Ф. Ланжерона, завистливый генерал-лейтенант Е. И. Марков «излил свою злобу в проклятиях, мало, однако, смутивших Платова». Комментируя награждение атаманши орденом, Евгений Иванович иронизировал: «Прежде были штатс-дамы, а теперь штатс-бабы».

Остроумно? Я бы признал Евгения Ивановича остроумным человеком, если бы не попал мне в руки дневник некоего иностранного путешественника, опубликованный в

журнале «Северный архив». Следуя на Кавказ и в Астрахань, он остановился в 1809 году в Новочеркасске, познакомился с женой и детьми атамана и под впечатлением от встречи написал, что они «в образе жизни сохраняют те же обыкновения, какие соблюдаются в столицах, и одеваются по-европейски».

Может быть, Марфа Дмитриевна и не имела особо утонченных манер, но, по-видимому, в этом отношении не сильно отличалась от большинства столичных дам. В противном случае, иностранец обратил бы на это внимание. Дети же Матвея Ивановича получали образование дома. Сохранилась переписка атамана с учителем Даниилом Андреевичем, которого он благодарил за «добрые плоды их науки» и просил «преподавать... с прежним усердием», обещая вознаградить его «сверх условия».

Вернемся, однако, в Молдавскую армию, где мы оставили нашего героя после овладения Гирсовом.

25 августа в Гирсов пришли остальные войска действующей за Дунаем армии. Князь П. И. Багратион разделил их на три корпуса. Самый большой — авангардный — он передал под начало атамана М. И. Платова. Два других получили генерал-лейтенанты М. А. Милорадович и Е. И. Марков. На следующий день они выступили по направлению на Силистрию.

29 августа корпус Платова подошел к крепости Кюстенджи, обороняемой гарнизоном до двух тысяч человек, и блокировал ее со стороны суши. Не желая рисковать людьми, атаман приказал обстрелять город из всех орудий с флангов и центра. Огонь продолжался до вечера. Утром турки капитулировали. Взяв с них слово не воевать против русских до конца кампании, Багратион отпустил их в Варну.

2 сентября Багратион вместе с корпусом Платова пришел в Черноводы и соединился с Милорадовичем. Маркова же главнокомандующий оставил наблюдать за турками между Кюстенджи и Расеватом, содержать разъезды по побережью Черного моря и поддерживать связь с войсками, оставшимися в Валахии.

Воспользовавшись уходом Багратиона за Дунай, турки, собрав до 40 тысяч, решили вторгнуться в Валахию, чтобы уничтожить базы снабжения русской армии. Но Ланжерон, имевший всего 6 тысяч, в пух и прах разбил неприятеля, заставив его отступить к Журже.

В ночь на 3 сентября Платов снялся с позиции у Черновод и двинулся к укреплению Расеват, где стоял 15-тысячный турецкий корпус Хозрев-паши, закрывавший русским

путь на Силистрию. В том же направлении по большой дороге, тянувшейся по берегу Дуная, вел свои войска Милорадович.

4 сентября под Расеватом состоялось сражение, в котором атаман в очередной раз доказал, что может командовать не только казаками, но и войсками регулярной кавалерии и пехоты.

На рассвете корпус Платова двинулся на неприятеля: Денисов с шестью казачьими полками пустился в обход турецкого лагеря, чтобы отрезать неприятелю путь отступления к Силистрии; за ним — три пехотных каре под командованием Трубецкого, Репнинского и Бахметьева, а справа и слева от них — фланговые колонны донской конницы и регулярной кавалерии во главе с Паленом и Лисаневичем. В то же время со стороны Дуная наступал на турецкий лагерь корпус Милорадовича.

Первым подошел к неприятелю князь Трубецкой и обрушил на него шквал ядер и картечи из орудий донской артиллерии. Пехотные каре Репнинского и Бахметьева продвинулись вперед, заняли высоты справа и слева от лагеря и обстреляли его из пушек и ружей.

После упорного сопротивления противник покинул свой лагерь и ретраншементы перед городом и стал пробиваться на Силистрийскую дорогу. Кавалерия Платова и Милорадовича пустилась в преследование. С фланга ударили казаки Денисова...

Сражение продолжалось с шести до девяти часов утра. А полки, преследовавшие неприятеля, вернулись назад лишь вечером.

Во время атак русских на турецкий лагерь и по пути бегства неприятель потерял 700 человек пленными и 4 тысячи убитыми. Остальные ушли по дорогам на Кузгун и Силистрию. Трофеями победителей стали 14 пушек и 30 знамен, из коих 27 взяли казаки. Русские потеряли до 160 человек, в основном ранеными. За сражение при Расевате Матвей Иванович Платов и Михаил Андреевич Милорадович удостоились чина генерала.

В ночь на 5 сентября атаман отрядил генерал-майора Павла Дмитриевича Иловайского с тремя казачьими полками на поиск к городу Кузгуну, а «буде найдется возможность — завладеть оным».

Такая возможность нашлась. В городе было всего до 500 пеших турок, пребывавших после вчерашней ретирады «в большом замешательстве». А когда казаки с двух сторон ус-

тремились в атаку, они вообще пришли «в робость» и бежали в лес, оставив немало убитых и раненых.

10 сентября корпуса Платова и Милорадовича продвинулись вперед и расположились лагерем в 15 верстах от Силистрии. Скоро к ним присоединился Марков с войсками. В тот же день Багратион написал царю: «Употреблю все меры для овладения Силистриею и побуждения верховного визиря остановить покушения против Сербии и Валахии».

И действительно, узнав о поражении своих войск под Равсаватом, визирь вернулся обратно за Дунай, в Рушук, и вызвал армию из Сербии. Труднее оказалось взять Силистрию.

Эта крепость находилась в исправном состоянии. Она была окружена глубоким и широким рвом. На ее мощных стенах стояли 130 пушек. 11-тысячный гарнизон Силистрии, имевший большой запас продовольствия, мог продержаться несколько месяцев.

Казаки Платова заняли все дороги, ведущие к городу. Остальные войска авангарда атаман расположил у селения Калипетри для наблюдения за неприятелем со стороны Рушука и Туртукая, откуда верховный визирь Юсуф мог привести 50-тысячную армию на помощь гарнизону крепости.

Осада Силистрии шла вяло. Для плотной блокады крепости людей не хватало, ибо половину Молдавской армии Багратион отправил на черноморское побережье из опасения высадки англо-турецкого десанта у Варны. По какой-то причине главнокомандующий не вызвал корпус генерала Засса, освободившийся 1 сентября после сдачи Измаила.

Сразу по прибытии в лагерь у Калипетри атаман послал записку силистрийскому коменданту с требованием сдать крепость, обещая ему свободный выход при обязательстве не воевать с русскими до заключения мира. Тот попытался затянуть переговоры, но и Платов, и Багратион заявили, что ждать не будут.

12 сентября начался обстрел города с суши и из орудий флотилии, а через несколько дней — и с батареи, возведенной на левом берегу Дуная. Все это время верховный визирь Юсуф стоял в Рушуке. Несмотря на подавляющее численное превосходство, он не решался вступить в единоборство с русскими.

Юсуф колебался еще десять дней. 23 сентября он выступил из Рушука и двинул войска на помощь осажденной крепости. В два часа пополудни Платов, получив известие об этом, поднял свой корпус, вывел его из лагеря на равнину и стал готовиться к бою. В первую линию он отрядил шесть казачьих полков под командованием графа Строганова, за

ними поставил регулярную кавалерию, два батальона егерей и роту донской конной артиллерии.

Неприятель наступал по Туртукайской дороге, которую прикрывали два казачьих полка под командованием подполковника Осипа Васильевича Иловайского. Отступая, они навели 4-тысячный турецкий авангард под удар отряда Павла Александровича Строганова с фланга и регулярной кавалерии Петра Петровича Палена с фронта. Ошеломленный противник был опрокинут и, преследуемый казаками, бежал шесть верст до соединения с подкреплением, спешившим ему на помощь.

Теперь турецкий авангард увеличился до семи тысяч человек. Закрепившись в выгодной позиции, он обстрелял наступающих из ружей в надежде продержаться до подхода основных сил.

Чтобы не дать неприятелю опомниться, Платов еще раз бросил в атаку героев Строганова и Палена. Несмотря на упорное сопротивление, враг был опрокинут, обращен в бегство и преследуем не менее 15 верст. При этом турки потеряли более тысячи человек убитыми, десять офицеров и 90 рядовых ранеными.

Потери были и у русских. Самой ощутимой для атамана оказалась гибель известного своей храбростью героя минувшей войны в Пруссии подполковника Василия Ивановича Ефремова. Сложили свои головы 13 казаков и два улана.

В последующие дни установилось затишье. Обе армии бездействовали, и лишь на аванпостах казаки время от времени вступали в перестрелку с неприятелем. Но 9 октября на подступах авангарда к лагерю произошел бой, который на следующий день перерос в настоящее сражение...

В два часа пополудни 9 октября Платов получил сообщение от казачьих разъездов, что в семи верстах от Силистрии, близ деревни Татарицы, расположились на отдых турецкие войска — не менее 10 тысяч человек. Отправив донесение главнокомандующему и увеличив в нем численность неприятеля вдвое, атаман поднял свой корпус, вывел его из лагеря и стал готовиться к бою.

Выслав вперед небольшую партию казаков, Платов приказал ей обстрелять неприятеля, ночевавшего в одной версте от кургана у дороги из Туртукая в Силистрию, всполошить его и, отступая, навести на засаду. Замысел атамана вполне удался.

Турки устремились за отступающими казаками и попали под удар атаманцев С. Ф. Балабина с фронта и полков

Т. Д. Иловайского и В. А. Сысоева с флангов. Они одновременно накнулись на неприятеля с дротиками, обратили его в бегство и преследовали до самых батарей, после чего вернулись к кургану, где уже собрались остальные войска авангарда М. И. Платова.

В то же время до трех тысяч турок сделали вылазку из Силистрии и двинулись по дороге в Туртукай, намереваясь соединиться с войсками, стоявшими у деревни Татарницы. Они напали на заставу авангарда, расположенную в устье балки, впадающей в Дунай. Платов бросил в атаку три казачьих полка, три эскадрона чугуевских улан и команду атаманцев-добровольцев, «отличной храбростью которых неприятель был опрокинут и преследован до батареи, расположенной скрытно у подошвы горы». Канониры противника обрушили на бегущих шквал картечи и... уложили на месте многих своих соратников. Платов же потерял одного казака, сраженного картечью.

Ближе к вечеру главнокомандующий усилил атамана пехотными отрядами уже известных генералов Александра Бахметьева, Сергея Репнинского и Василия Трубецкого. Они построились в каре и простояли в ордер-баталии, то есть в готовности к бою, всю ночь.

Рано утром развернулось упорное сражение, продолжавшееся 15 часов. Атаман ввел в дело все силы своего авангарда — 9 казачьих полков, 15 эскадронов кавалерии, 6 батальонов пехоты и 12 орудий донской конной артиллерии. Неприятель понес большие потери — до 200 человек пленными и более 2 тысяч убитыми. Трофеями победителей стали 17 знамен и ящики с артиллерийскими снарядами. Потери русского авангарда были значительно меньше — 111 человек убитыми и 400 ранеными. 13 октября Платов вернулся в лагерь при Калипетри.

Где бы ни находился Матвей Иванович, он никогда не забывал поздравить с очередным праздником свою высочайшую благодетельницу Марию Федоровну. Послал ей записочку и из лагеря близ Силистрии:

«Всемиловитейшая Государыня!

С днем Высочайшего Вашего Императорского Величества рождения верноподданнейшим долгом моим поставляю принести всенижайшее поздравление. Прошу Бога, чтобы он всегда сопровождал Высочайшую жизнь Твою... во всяком благоденствии.

Я с походным войском... хотя в поле и в виду неприятеля, но неся на себе Матернее Вашего Императорского Величества благословение... из душевных чувствований моих в

онный знаменитый день с наличным генералитетом, штаб- и обер-офицерами за полевым столом выпили за здоровье и долголетие Твое, Всемиловитивейшая Государыня, по рюмке вина...»

Вряд ли по рюмке. И скорее всего, не вина, а горчичной.

Конечно, турки понесли большие потери, но разбить их под Татарицей не удалось. К тому же из Рушук подтягивалось еще не менее 20 тысяч пехоты и кавалерии. Багратион понял, что в кампанию 1809 года Силистрию ему не взять.

Надвигалась зима. Дороги развезло. Ручьи превратились в реки. На всем пространстве от Тульчи и Исаки до Силистрии и Базарджика — ничего, кроме раскисшей земли и неба. Обозы с фуражом и продовольствием увязли в грязи. Солдатские шинели, мундиры и обувь изнашивались. Палатки обветшали настолько, что не могли укрыть даже от ветра. Не было ни полена дров, чтобы развести костер и согреться или приготовить пищу. Багратион стал просить императора о позволении вернуться в Валахию.

Отвечая на донесение главнокомандующего о состоянии русской армии, Александр писал, что все плоды предыдущих побед и понесенных жертв окажутся напрасными, если тот уйдет из Болгарии, не овладев Силистрией.

Император разрешил Багратиону вернуться в Валахию только 24 декабря. Переправа через Дунай началась 3 января 1810 года. Корпус Платова расположился на зимние квартиры в Рымнике. Блестяще начатая летняя кампания закончилась безрезультатно. Князь Петр Иванович, ссылаясь на нездоровье, попросил об отставке. Государь ее принял и назначил главнокомандующим Молдавской армией 33-летнего пехотного генерала графа Николая Михайловича Каменского, недавно отличившегося в войне со Швецией.

Назначение Каменского совпало по времени с вызовом Платова в Петербург. С какой целью? Возможно, государь не хотел ставить старого воина перед необходимостью подчиниться слишком молодому главнокомандующему, а может быть, предполагал использовать его на западной границе, где обстановка накалялась с каждым днем. Точно сказать не берусь. Только в столицу атаман не поехал, послав императору рапорт с прошением об увольнении из армии по состоянию здоровья.

Александр просьбу уважил и отменил вызов. Но и после этого Платов продолжал оставаться в армии. Лишь в конце марта он сдал корпус генерал-лейтенанту Евгению Ивановичу Маркову и отправился на Дон, куда прибыл 7 апреля 1810 года.

Думаю, нет оснований подозревать атамана в симуляции из-за обиды на императора, не назначившего его главнокомандующим после отставки Багратиона. Платов слишком обожал своего монарха, чтобы капризничать перед ним.

Нездоров был Матвей Иванович, потому и не смог поехать в Петербург, потому и не отправился сразу на Дон, получив увольнение из армии. И обида на императора здесь ни при чем.

Новый главнокомандующий действовал успешно: русские войска овладели дунайскими крепостями, нанесли ряд чувствительных ударов живой силе противника и вместе с повстанцами Кара-Георгия изгнали турок из Сербии. Однако в начале 1811 года Николай Михайлович расхворался, уехал в Одессу и там умер. Армию принял Михаил Илларионович Кутузов. Он и закончил затянувшуюся войну победой и подписанием Бухарестского мира 1812 года, по которому Россия получила Бессарабию.

Дома и в столице

Еще грохотали пушки, когда Матвей Иванович вернулся домой. Чем занимался? Наверное, какое-то время отдыхал, наслаждался покоем.

«Для меня это лучше всякого бала, — говорил он Н. Ф. Смирному. — Мы не рождены ходить по паркету и нежиться на бархатных подушках; так вовсе можно забыть родное ремесло. Наше дело бродить по полям и болотам и сидеть в шалашах, а еще лучше под открытым небом, чтобы и зной, и непогода не были нам в тягость. Только так и можно быть донским казаком! Всякое дело тогда хорошо, пока ты с ним; а то ты от него на вершок, а оно от тебя на аршин».

Но и дела у атамана накопились. За последние четыре года он бывал на Дону всего дважды: в первый раз по случаю, а в другой «по надобности важной» — чтобы расправиться с оппозицией. Почитай, путь в войсковую канцелярию забыл.

По свидетельству секретаря атамана, Матвей Иванович испытывал «некоторое отвращение» к письменным делам. В порыве откровенности он признавался, что ему легче выдержать сражение, даже два или три, чем заниматься бумагами, от которых у него бывал «вертеш в голове». Однако же когда брался за них, «рассматривал подробнейшим образом».

Исполнилось 40 лет, как юный Платов покинул родительский дом и отправился в Крымскую армию князя Василия Михайловича Долгорукова. Сколько из них он провел

на Дону, трудно сказать. Но очень немного, от силы три-четыре или несколько больше. Все остальное время был в походах, гонялся за недобитыми бандами пугачевцев, воевал с турками, персами и французами, маялся в ссылке и в крепости, жил в Петербурге. Теперь вот мог посидеть за столом с женой и детьми, невестками и зятьями, местными и приезжими гостями, рассказывая «весьма любопытные» истории и анекдоты. Чаше говорил сам, «даже недоволен бывал, когда его перебивали».

В середине мая 1810 года Платова навестил давний знакомец по Петербургу Дмитрий Михайлович Волконский. Атаман угощал князя осетром, поразив его размерами рыбы — в полтора аршина. Обед с перерывом на сон продолжался два дня. Потом всех принимал Семен Иванович Курнаков. Матвей Иванович проводил гостя и его спутников в шляпке до своей дачи, где, выпив на берегу реки и пожелав им счастливого пути, распрощался.

В середине сентября Матвей Иванович сообщил в Петербург, что получил облегчение от болезни и готовится к отъезду в столицу. В ноябре отправился в путь. В Москве, как всегда, остановился в доме некоего А. А. Кирьякова. Побывал в Оружейной палате, где вызвал живейший интерес многих людей, пришедших посмотреть на известного воина.

Весь 1811 год Матвей Иванович провел в Петербурге, вращаясь при дворе и занимаясь войсковыми делами. 15 января он впервые появился за столом в Зимнем дворце, переместившись в списке приглашенных с последних мест на одно из первых. Впереди него — лишь Софья Владимировна Строганова, Николай Петрович Румянцев и Петр Иванович Багратион. И во все последующие дни Платов обедов не пропускает.

В полдень 29 января высочайшая чета — Елизавета Алексеевна и Александр Павлович — вручала «вселюбезному Войску Донскому» знамя и грамоту «за оказанные заслуги в продолжении кампании 1807 года против французов». Вместе с атаманом «счастья» принять награду и «принести всеподданнейше благодарение» их величествам удостоились генерал-майоры Андриан Карпович Денисов и Василий Васильевич Орлов-Денисов, другие герои минувшей войны. Потом был обед, на который пригласили лишь «главного начальника» казаков Матвея Ивановича Платова.

24 февраля Матвей Иванович провожал в Гатчину вдовствующую императрицу Марию Федоровну. Следом за ней уехали все остальные члены царской семьи. В Петербурге остались лишь государь и государыня. Больших приемов

не устраивали, но на обедах в узком кругу атаман в числе первых.

Однообразие великопостных обедов иногда сменялось событиями для атамана очень важными. В марте 1811 года прусский монарх подарил Матвею Ивановичу «отличной работы столовый сервиз с изображением королевского герба и всех блистательных подвигов Платова». Тронутый признательностью иноземного государя, атаман, по рассказу биографа, тот же час «поспешил в храм и, вспоминая, кем он был и кем стал, с умилением сердечным возблагодарил Бога, к нему единому относя и славу свою, и новую знатность».

М. И. Платов — Александру I,
апрель 1811 года:

«Государь, не скрою от Вашего Императорского Величества, коль мало заслужил я милостей короля, сколь много он меня соизволил осчастливить ими... Благовольте же, Государь, излить мне при получении сей милости его величеству всенародно и мою радость, и признательные чувствования; дозвольте мне на сем всемилостивейше пожалованном королевском сервизе угостить великих мужей государственных, министров двора Вашего и чужеземных государств. У Вашего Величества находятся послы всех наций — пускай донесут они своим государям, как верноподданные Ваши ликуют в благословенное, кроткое и мудрое царствование Ваше... дозвольте нам выпить по бокалу и в довершение пиршества сего назначь мне, Государь, кого-либо из вельмож твоих хозяином оного».

Александр просьбу Платова уважил, назначил распорядителем государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева и определил дату «пиршества сего» — 26 апреля. На королевском сервизе угощались прусские дипломаты, российские министры, известные генералы и только что прибывший в Петербург французский посол герцог Арман Коленкур, приглашенный по настоянию царя. Матвей Иванович со всеми был подчеркнуто обходителен, «к каждому обращался с приветствиями».

Да, умел донской герой и славу свою подкрепить, и число завистников приумножить.

Генерал Коленкур встретил в России холодный прием. Немалая заслуга принадлежала в этом императрице-матери Марии Федоровне, объединившей всех влиятельных противников Франции. Естественно, Матвей Иванович знал о настроениях при дворе своей благодетельницы. Он всегда держал нос по ветру.

Коленкур, пытаясь преодолеть предубежденность русско-

го общества, устраивал бесчисленные приемы, расходовал суммы, превышавшие его содержание, влезал в долги. Однажды к ужину по случаю получения портрета Наполеона, написанного в полный рост при всех императорских регалиях, он созвал весь свет петербургского общества. Среди приглашенных был и атаман Платов. Он приехал вместе с военным министром Барклаем де Толли. Когда они вошли в зал, где было выставлено творение парижского художника, Матвей Иванович нарочито громко изрек:

— Эким шутом изображен!

Михаил Богданович взглядом выразил свое недовольство, и атаман замолчал, не высказав до конца своих эмоций.

Отпущенное Платовым словцо тут же распространилось среди гостей. Некоторые подходили к нему и с усмешкой спрашивали:

— Матвей Иванович, так шутом и написан?

Атаман делал вид, что не понимает, о чем идет речь, просил объяснить.

Коленкур пожаловался Александру. И когда император стал пенять Платову за его бестактный поступок, Матвей Иванович откровенно сказал:

— Государь, перед Богом и перед Вами у меня нет ничего скрытого. Что делать? Я в политике не разбираюсь, а слово это у меня с языка сорвалось. Желал бы, чтобы господин Коленкур от меня совсем отвязался и избавил от своих приглашений. Я не привычен к французским кушаньям: щи да каша — солдатская еда наша.

Рассказ этот привел Н. Ф. Смирный. По его словам, французский посол действительно перестал приглашать атамана на свои приемы в посольстве.

22 июля — день именин императрицы Марии Федоровны. Начался он с Божественной литургии в придворной церкви Петергофа. Потом был праздничный обед, во время которого звучала духовая музыка, произносились тосты; с батареи, расположенной перед дворцом, палили из пушек. Матвей Иванович сидел в компании Николая Петровича Румянцева, Алексея Андреевича Аракчеева, Сергея Кузьмича Вязмитинова, Михаила Богдановича Барклая де Толли, многих других известных в России людей. В семь часов вечера начался маскарад с участием почти четырех тысяч масок. Веселье кончилось далеко за полночь.

В последующие четыре месяца были обеды, ужины и приемы в Зимнем дворце. Иногда Матвей Иванович на несколько дней и даже недель выпадал из поля зрения камерфурьера. Чем занимался, неизвестно.

26 ноября — праздник ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. С утра «кавалеры ордена и прочие в рангах и классах состоящие чины» съехались ко двору. Во время следования в церковь к торжественной литургии все кавалеры ордена были в шляпах. Впереди шли самые молодые, за ними — «всего Донского войска главнокомандующий» Матвей Иванович Платов и генерал-лейтенант Федор Петрович Уваров, потом — император Александр Павлович, императрицы Елизавета Алексеевна и Мария Федоровна, другие члены царской семьи. Замыкали шествие остальные гости. Били барабаны. Звучали марши.

По окончании молебна состоялось собрание «кавалерской думы». Председательствовал Платов «как старший сего ордена кавалер». Вечером в Эрмитажном театре была представлена французская опера.

После Рождества и Нового года Матвей Иванович заболел.

М. И. Платов — Марии Федоровне,

3 февраля 1812 года:

«Всемиловитейшая Государыня!

К душевному прискорбию моему здоровье мое от болезни еще не укрепилось, и потому не имею счастья принести лично Вашему Императорскому Величеству всеподданнейшее поздравление с днем тезоименитства государыни великой княжны Анны Павловны. Продли Господи благоденственное здравие Ваше, Всемиловитейшая Государыня, и всего Августейшего Императорского дома на многие лета.

С глубочайшим благоговением имею счастье быть во всю мою жизнь, Всемиловитейшая Государыня, Вашего Императорского Величества всеподданнейший Матвей Платов».

22 марта 1812 года атаман получил предписание срочно отправиться в только что созданную 1-ю Западную армию, чтобы возглавить приписанные к ней казачьи полки, охранявшие границу в районе Белостока и собиравшие сведения о противнике по ту сторону Немана.

До начала войны с Наполеоном осталось два месяца и 20 дней...

Глава седьмая

ОТ НЕМАНА ДО СМОЛЕНСКА

Вторжение неприятеля

Живописны пейзажи Литвы. Среди бесконечных холмов, густых лесов и перелесков, зеленой глади июньских нив и лугов неторопливо несет свои воды в Балтийское море Неман. В нескольких верстах от города Ковно (ныне Каунаса), у деревни Понемонь, река образует излучину, упирающуюся своей вершиной в холм, окаймленный возвышенностями левого берега. Словно сама природа позаботилась, создав условия для вторжения армии Наполеона в Россию: кажется, поставь на высотах артиллерию, наведи под прикрытием губительной картечи мосты, и уже не сыщется сила, способная остановить неудержимое стремление героев Аустерлица к подвигам и славе.

Наступило утро 11 июня 1812 года. Едва первые лучи восходящего солнца озарили золотистым светом склоны прибрежных высот, взмыленные бешеной скачкой лошади, круто осадив почти у самой кромки воды, остановились посреди бивуаков передовых постов Великой армии. Из кареты, услужливо открытой всадником сопровождения, вышли Наполеон и начальник его главного штаба маршал Луи Александр Бертье. Оба сбросили с себя мундиры и, облачившись в форму польских улан, поскакали вдоль берега на север. Остановились за деревней Понемонь, у холма против излучины Немана. Осмотрев местность, император приказал навести мосты с интервалом сто метров один от другого.

В тот же день во всех ротах и эскадронах армии вторжения читалось воззвание Наполеона. Напомнив о победах французского оружия, обвинив Россию в отступлении от условий Тильзита, заявив о долге французов перед союзниками, император пообещал своим солдатам славу и прочный мир. Чтение воззвания прерывалось возгласами восторга и одобре-

ния. На подступах к Неману то здесь, то там раздавалось многоголосое: «Да здравствует император!» Солдаты, опьяненные легкими победами в Европе, верили своему кумиру.

«Ах, отец, идут удивительные приготовления к войне, — писал один молодой француз домой. — Старые солдаты говорят, что они никогда не видели ничего подобного. Это правда, ибо собираются громадные силы. Мы не знаем только, против одной ли это России. Я хотел бы, чтобы мы дошли до самого конца света».

Он, этот восторженный юноша, не мог даже представить себе, что «конец света» находится не так далеко — между двумя русскими реками: Березиной и Москвой.

Первым должен был переправиться на русский берег корпус маршала Луи Никола́ Даву. К вечеру он подошел к реке и затих в приготовленных природой укрытиях. За ним двинулись войска Мишеля Нея, Шарля Удино, Этьена Нансути, Людовика Монбрена и императорская гвардия. Всего на этом направлении было сосредоточено почти 218 тысяч человек и 527 орудий. Строжайше запрещалось разводить огни, нарушать тишину, чтобы дымом бивуачных костров и шумом не привлечь внимание противника.

С наступлением темноты три сотни саперов переправились на восточный берег Немана. Их встретил казачий разъезд. Хорунжий Александр Рубашкин, несколько приблизившись, спросил:

— Что за люди?

— Французы, — последовал ответ.

— Что вы хотите?

— Воевать с вами.

Рубашкин пришпорил коня, круто развернул его и поскакал к командиру лейб-казаков генералу Василию Васильевичу Орлову-Денисову с донесением о вторжении неприятеля. Разъезд скрылся в лесу. Несколько выстрелов с обеих сторон возвестили о начале войны. Вслед за саперами переправились три роты легкой французской пехоты из дивизии генерала Луи Морана. Под прикрытием этого заслона началось сооружение переправ. Чуть забрезжил рассвет, и Великая армия пришла в движение. Сохраняя стройность рядов, по скрипучим настилам понтонных мостов на русский берег устремился нескончаемый живой поток: уланы, драгуны, гусары, кирасиры, карабинеры, гренадеры, вольтижеры, великиты, фланкеры; за ними — артиллерия, обозы...

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —

И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и все стерег
Очами чудными своими...

Лучше Федора Ивановича Тютчева сказать об этом, неверное, невозможно.

Наполеон обозревал величественную картину переправы своих войск. Чуть поодаль расположились генералы свиты. Среди них, однако, царило молчание, едва ли не уныние. Барон Гельдер Антоний де Дем, обративший на это внимание, попытался шуткой снять напряжение. Арман Коленкур театральным жестом остановил его и тихо, почти шепотом, произнес:

— Здесь не смеются, сегодня великий день.

И, указывая на восток, будто хотел добавить: «Там наша могила».

Через некоторое время Наполеон сам переехал на правый берег, погарцевал у мостов, ободряя солдат, и, возбужденный их восторженными приветствиями, поскакал во весь опор туда, где угрожающе молчала Россия. За ним бросились маршалы Бертье, Даву, Мюрат. Верст пять продолжался этот лихорадочный, нервный галоп. Удивленный отсутствием русских, император вернулся назад.

Неожиданно разразилась гроза. Оглушительные раскаты грома, казалось, сотрясали землю, ослепительные вспышки молний полыхали за стеной черного леса, потоки холодного проливного дождя с градом и снегом пронизывали до костей. В этом неистовстве природы адъютант Наполеона Филипп Сегюр спустя годы увидел чуть ли не предостережение свыше.

Спустя годы? А в тот день, 12 июня? В тот день он вряд ли всматривался с суеверным страхом в штормовое небо. Стихия не остановила движение колонн, переправа самой многочисленной группировки французских войск под командованием императора продолжалась. По-видимому, надо было испить чашу до конца, испытать голод и холод, отступая по заснеженным дорогам Смоленщины и Белоруссии, погубить всю армию, чтобы потом связать эту катастрофу с внезапной переменой погоды.

Остальные части перешли границу позднее, 18 июня: вице-король Италии Евгений Богарне форсировал Неман со своими войсками у селения Прены, а генерал Жером Бонапарт — у города Гродно.

Слева и справа действия этих группировок Великой армии обеспечивали два корпуса: прусский Жака Макдональ-

да и австрийский Карла Шварценберга. Во втором эшелоне стояли в полной боевой готовности войска под командованием маршалов Клода Виктора и Пьера Ожеро, а также другие резервные части. Всего для броска на Россию Наполеон развернул 678 тысяч человек и 1372 орудия. Такой концентрации столь больших сил на направлении главного удара еще не знала кровавая история Европы.

Главным содержанием стратегической концепции Наполеона было стремление навязать противнику генеральное сражение, чтобы мощным ударом своей армии уничтожить его живую силу и тем добиться победы в кампании или даже войне в целом. Осуществление этой идеи приносило ему успех в прошлом — под Ульмом и Аустерлицем, Иеной, Ауэрштедтом и Фридрихсфельдом. Он верил в свою звезду и в неизбежном теперь столкновении с Россией.

— Я иду на Москву и в одно или два сражения все кончу. Император Александр на коленях будет просить у меня мира, — говорил Наполеон аббату Доменико Прадту накануне вторжения в Россию.

«Был веселый, блестящий праздник...»

Русское правительство не питало никаких иллюзий насчет намерений Наполеона и принимало соответствующие меры. Было известно буквально все о состоянии, численности и дислокации его армии. Еще в ноябре 1811 года Александр I писал своей сестре Екатерине Павловне в Ярославль: «Мы здесь постоянно настороже: все обстоятельства такие острые, все так натянуто, что военные действия могут начаться с минуты на минуту». Обстановка была действительно напряженной. И все-таки царь ошибался в оценке ситуации. Военные действия не могли начаться «с минуты на минуту»: наступала зима — время отнюдь не самое подходящее для войны, рассчитанной на «одно или два сражения».

Получив известие о концентрации сил противника у границ империи, Александр I в начале апреля оставил Петербург и через несколько дней прибыл в Вильно. Там «с надеждою на Всевышнего и на храбрость российских войск» он готовился отразить нападение коварного врага и... танцевал в окружении свиты блестящих генералов и божественно красивых дам.

Утром 12 июня Александр I уже знал, что «все силы Наполеона сосредоточены между Ковно и Меречем, и сего числа ожидается» вторжение противника. Тут же к Матвею Ивановичу Платову полетел курьер с предписанием Михаи-

ла Богдановича Барклая де Толли собрать все полки корпуса около Гродно и «с первым известием о переправе неприятельской идти решительно ему во фланг, действовать соответственно обстоятельствам и наносить ему всевозможный вред». В то же время князю Петру Ивановичу Багратиону был отправлен приказ «обеспечить тыл» казаков. Этими распоряжениями пока и ограничились. Для всех прочих лиц, находившихся в главной квартире, близость неминуемой войны оставалась тайной; им дела не нашлось, они были спокойны и большей частью скучали.

«В тот самый день, в который Наполеоном был отдан приказ о переходе через русскую границу, Александр I проводил вечер на даче Беннигсена — на балу, даваемом генерал-адъютантами.

Был веселый, блестящий праздник; знатоки дела говорили, что редко собиралось в одном месте столько красавиц». Так, с документальной точностью, Л. Н. Толстой воссоздал атмосферу, царившую в главной квартире русской армии, когда военные действия поистине могли начаться с минуты на минуту.

Ярким светом, разливающимся через распахнутые окна загородного дома Леонтия Леонтьевича Беннигсена, и чарующими звуками музыки встретил ночной Закрете курьера от графа В. В. Орлова-Денисова, прискакавшего с известием о начале войны. Его принял генерал Александр Дмитриевич Балашов, который и сообщил государю важную новость. «Это известие осталось тайной нескольких лиц, облеченных доверием царя, — вспоминал позднее очевидец «веселого, блестящего праздника» декабрист Сергей Григорьевич Волконский, — и танцы и ужин продолжались».

Император покинул бал и уехал в Вильно. Там он призвал к себе военного министра М. Б. Барклая де Толли, чтобы обсудить с ним первые распоряжения, направленные на осуществление разработанного ранее плана военных действий.

Отступление

После разговора с царем М. Б. Барклай де Толли сообщил всем корпусным командирам подчиненной ему 1-й Западной армии, что неприятель переправился через Неман у Ковно, и приказал им сосредоточиться у Свенцяна, где предполагал дать противнику первое серьезное сражение.

Аналогичное сообщение получил и Матвей Иванович Платов. Ему было приказано действовать по предписанию, полученному ранее, — «во фланг и тыл» неприятелю — и от-

ступать по маршруту Лида — Сморгонь — Свенцяны. «Подкреплять» его должен был силами 2-й Западной армии генерал Петр Иванович Багратион. Однако еще в течение двух суток казаки оставались в Гродно, занимаясь эвакуацией «вещей здешнего гарнизонного батальона, оружия, амуниции, больных низших воинских чинов», находившихся на излечении в гродненском госпитале, «главной аптеки, стоящей казне немалозначащей суммы», хлеба, фуража и прочего. Чтобы отправить все это в тыл, потребовалось более тысячи подвод, которые должны были приготовить, но не приготовили местные власти. Атаман, распекая на чем свет стоит гражданского губернатора и его чиновников, посылал команды «по селениям собрать оные». Последние повозки отправляли уже под защитой пушек, расстреливая из них наседающего врага, стремившегося овладеть мостом через Неман.

На исходе дня 16 июня, «спаливши мост», атаман с полками своего корпуса последовал на Щучин и далее по предписанному маршруту. Шли долго, почти всю ночь. Лишь перед рассветом остановились, чтобы немного отдохнуть, накормить и напоить лошадей. Потом снова двинулись в путь. Вскоре зарядил дождь, промочивший всех до нитки. На ночлег остановились в Мильковщизне. В 11 часов вечера по Виленскому тракту со стороны Лиды в село влетела почтовая тройка военного ведомства, впряженная в коляску. Из нее вышел и представился генералу Платову изящный молодой офицер:

— Ваше высокопревосходительство, флигель-адъютант его величества князь Волконский...

— Как же, помню, ваше сиятельство, по тильзитским встречам помню. Сергей Григорьевич, кажется? — сказал Платов и протянул князю руку.

— Правильно, Матвей Иванович... Вот прибыл к вам с пакетом от государя.

Платов принял пакет, распечатал его, развернул вчетверо сложенный лист бумаги. Читал медленно, повторяя шепотом каждое слово. Потом поднял голову и, желая удовлетворить вполне возможный интерес князя, сказал:

— Его величество повелеть соизволил, чтобы тянулся я с моим корпусом на соединение с 1-й армией военного министра, взяв путь на Новогрудок и Вилейку. Что ж, буду трудиться, чтобы исполнить в точности волю государя моего...

Платов немного помолчал, обдумывая что-то, потом продолжил:

— Ну а теперь, князь, расскажите, как удалось вам обратиться к нам на почтовой тройке?

— Удалось, Матвей Иванович. От Вильны до Лиды проселками ехал, а далее — почтовым трактом на Гродно. Вот и нашел вас. Поблизости от Свенцяи встретил корпус графа Павла Андреевича Шувалова, но потом уже наших войск нигде не видел.

Атаман пригласил гостя к себе в палатку, приказал подать ему ужин и накормить его «верного слугу Василия», сопровождавшего князя по трудным дорогам войны еще со времен Прейсиш-Эйлау.

На рассвете корпус продолжил движение. В селе Ишельны Волконский простился с Платовым. Быстрая тройка князя скрылась за пеленой обложного дождя. Казаки же остались здесь на ночлег.

В тот же день, 17 июня, и П. И. Багратион получил через флигель-адъютанта А. Х. Бенкендорфа повеление Александра I двинуться на соединение с 1-й армией тем же путем через Новогрудок и Вилейку, «действуя таким образом в правый фланг неприятеля». Но как действовать против противника, силы которого в несколько раз больше? Нельзя сказать, что царь вообще не думал об этом. В крайнем случае князю разрешалось отводить свои войска на Минск и Борисов.

К 19 июня 1-я армия М. Б. Барклая де Толли сосредоточилась в Свенцянах; П. И. Багратион вывел свои войска к Слониму, а корпус М. И. Платова остановился на ночлег в Лиде. Клином между двумя русскими армиями врезались мощные группировки под командованием самого Наполеона и его приемного сына Евгения Богарне. Брат же императора Жером, занявший Гродно на следующий день после ухода казаков, все еще оставался на месте.

Прошла всего неделя со дня переправы через Неман, но противник уже испытывал серьезные трудности. Обозы отстали. «Авангард еще кормился, а остальная часть армии умирала от голода, — вспоминал позднее Арман Коленкур. — В результате перенапряжения, лишений и очень холодных дождей по ночам погибло 10 тысяч лошадей». Солдаты роптали, требуя отдыха. Учитывая это, Наполеон решил приостановить изнурительную погоню за М. Б. Барклаем де Толли и ограничиться задачей окружения и уничтожения 2-й русской армии. С этой целью он направил сильнейший корпус маршала Л. Даву, насчитывающий 72 тысячи человек, через Ольшаны и Вишнев на Минск, чтобы отрезать П. И. Багратиону путь на соединение с военным министром.

М. Б. Барклай де Толли отказался от генерального сражения и 21 июня начал отводить свои войска к Дрисскому лагерю, который при подавляющем превосходстве сил противника мог оказаться «мышеловкой» для русской армии. Возможность соединения, таким образом, стала проблематичной и отодвинулась на неопределенное время.

М. И. Платов, получив директиву императора следовать на соединение с 1-й армией, ускорил темпы движения. П. И. Багратион выразил беспокойство, что он идет «слишком скоро» и посоветовал ему сбавить ход и «поравняться» с ним. При этом князь в отношении своем от 19 июня резонно заметил: «Чем левее от Немана вы будете держаться и отдаляться от меня вперед, тем труднее будет сделать вам подкрепление и ваше отступление ко мне сделается затруднительнее, ежели по несчастью искать оно вы принуждены будете». Тем не менее атаман шел вперед, имея ближайшей целью местечко Вишнево.

21 июня М. И. Платов получил повеление Александра I «соображать движения свои по направлению Второй армии». Это дало П. И. Багратиону основание уже не советовать атаману, как раньше, «поравняться» с ним, а предложить ему «к непременно исполнению» «вперед не следовать», а остановиться в Вишневе и держаться «сколько возможность позволит». В случае же неудачи князь рекомендовал отступить на Николаев, где намечал на следующий день переправиться через Неман, чтобы вместе пробиваться на соединение с войсками М. Б. Барклая де Толли. Однако команда казаков, отправленная по направлению движения корпуса, обнаружила в Вишневе скопление неприятельской кавалерии, пехоты и артиллерии. Как оказалось, это был авангард маршала Даву под командованием генерала Пажоля. В наступивших уже сумерках произошла довольно жаркая схватка, которая продолжилась и на следующий день. Только убитыми противник потерял около 100 человек. В плен попали один офицер и 20 рядовых.

Это была первая победа в полосе отступления 2-й армии, пусть небольшая, но победа. В ответ на сообщение о ней П. И. Багратион писал атаману: «Весьма порадован я успехами ваших партий; но еще более буду радоваться, если ваше высокопревосходительство удержите их до соединения моего с вами в должном респекте», то есть на почтительном расстоянии.

Рапорт о победе казаков возбудил необычайный прилив энергии у П. И. Багратиона. Обоснованно полагая, что Даву со своим корпусом спешит к Минску, где думает перехватить

тить 2-ю армию, князь решил «неожиданно с 50-ю тысячами храбрых воинов» прийти к М. И. Платову, ударить в тыл противнику, разбить его и, воспользовавшись этим, соединиться с основными силами М. Б. Барклая де Толли. «А по такому выгодным для нас обстоятельствам и того более нужно, — убеждал он атамана, — чтобы ваше высокопревосходительство подождали меня».

Неопределенность повелений Александра I была причиной того, что М. И. Платов хотя как-то и «соображал движения свои по направлению 2-й армии», однако чувствовал себя в сложившейся системе военной субординации вполне самостоятельным. П. И. Багратион мог ему что-то советовать и даже предлагать «к непременному исполнению», атаман же действовал по собственному усмотрению, сообразуясь более с обстоятельствами, чем с идеями князя. И на этот раз, «отразив наступление неприятеля с поражением его» у Вишнева, он решил пробиваться на селение Бакшты, там переправиться на левый берег Березины и идти на Воложин, чтобы встретиться с отрядом генерал-майора И. С. Дорохова, также отрезанного от М. Б. Барклая де Толли.

Уже на марше М. И. Платов получил высочайшее повеление примкнуть к П. И. Багратиону, что заставило его повернуть назад. Это был первый конкретный приказ царя за все десять дней войны, и выполнил его предводитель казаков с видимым удовольствием, «охотно», как сообщил о том командующему 2-й армией.

В течение всего дня 23 июня М. И. Платов стоял с корпусом в Бакштах, ожидая подхода П. И. Багратиона. Но тот долго не мог переправиться с армией, артиллерией и громоздким обозом на правый берег Немана у Николаева. И все-таки переправился, правда, потеряв на постройку моста почти два дня. Возбуждение от победы старого соратника у Вишнева у него прошло. Поразмывив над возможными последствиями сражения с превосходящими силами маршала Даву и идущего по пятам Жерома Бонапарта, полководец пришел к разумному заключению, что даже в случае победы или хотя бы прорыва неизбежные большие потери сведут на нет успех его соединения с 1-й армией. А в случае неудачи вообще может произойти катастрофа. «По сим уважительным причинам» и решил князь Петр «отступить на Несвиж, и если нельзя будет на Минск, тогда на Бобруйск, Борисов и далее кругом» на встречу с воинами М. Б. Барклая де Толли. «Прискорбно такое предложение, — писал он атаману, — но оно столько же необходимо; и потому, решившись на сие, я собираю войска опять на левую сторону Немана и

потом пойду на отступление, ожидая вслед за собою и вашего высокопревосходительства, но не прежде ночи против 25-го числа».

В результате лихих атак казаков у противника сложилось мнение, в то время обоснованное, что русские готовят наступление со стороны Николаева. С отступлением армии на Несвиж надо было еще более утвердить врага в этом заблуждении и таким образом отыграть хотя бы два дня, потерянные при наведении моста, которым в сущности не пришлось воспользоваться. С этой целью П. И. Багратион оставил на один день для демонстрации нападения на Вишнев со стороны переправы три драгунских полка под командованием генерал-майора К. К. Сиверса. Со стороны Бакшт неприятеля должны были беспокоить казаки. Сам же форсированным маршем устремился на Минск, пытаясь наверстать упущенное время и упредить в таком же стремлении маршала Даву.

Уже по пути на Несвиж П. И. Багратион получил через М. И. Платова рапорт И. С. Дорохова с сообщением о том, что неприятель якобы оставил Воложин. Поэтому он приказал обоим генералам взять этот городок и «употребить все силы и старания», чтобы «удержать сей важный пункт по крайней мере» до 26 июня. Это должно было оградить его от флангового удара с севера при движении армии на Минск более коротким путем через Кайданы.

М. И. Платов на Воложин не пошел. Продержав противника в напряжении трехдневной демонстрацией готовящегося наступления на Вишнев, он переправился в ночь на 25 июня через Неман у Николаева, сжег за собой мост и повел свой корпус вслед за отступающей армией. П. И. Багратион выразил «чрезвычайное сожаление» по этому поводу. И не только потому, что атаман не предпринял попытки занять покинутый французами городишко, но и потому, что он, находясь «так близко к господину Дорохову и видя его положение, со всех сторон не столь выгодное», оставил его с небольшим отрядом, «так сказать, жертвою» врагу. Напомнив с нескрываемым раздражением «милостивому государю Матвею Ивановичу» об «усердии к службе государю и любви к отечеству», командующий порекомендовал ему найти способ соединиться с товарищем по оружию и следовать вместе с ним трактом, «прикрывая дороги минские со стороны неприятеля». Это предписание уязвило самолюбие атамана и чуть было не привело к осложнению отношений между двумя полководцами. Но добрый нрав того и другого позволил им сохранить чувства дружбы и признательности.

ти до конца дней. До конца же оставалось чуть более двух месяцев.

Случай этот в силу его частного характера в калейдоскопе тех великих событий на полях России могли, конечно, обойти историки Отечественной войны. Но биографы М. И. Платова не имели на то права, поскольку из таких нерешенных вопросов складывалось искаженное представление о человеке, бесспорно, неординарном.

У читателя может возникнуть вопрос, почему М. И. Платов, знавший цену воинской дисциплине, так охотно, по его же словам, присоединившийся к вверенной его сиятельству армии, не выполнил предписания князя П. И. Багратиона? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вникнуть в обстоятельства, повлекшие за собой невыполнение приказа. Но именно они оказались за пределом внимания исследователей.

23 июня в ожидании подхода П. И. Багратиона, решившего дать французам сражение у Вишнева, М. И. Платов сообщил ему, что накануне «неприятель занял местечко Воложин... авангардом от корпуса Даву». Для наблюдения за ним он отправил в разведку большую партию казаков, пообещав донести о ее результатах. Однако князь, желая сохранить армию, принял решение отступить на Несвиж и уже выступил в поход. На следующий день атаман получил записку И. С. Дорохова и, отправляя копию с нее командующему 2-й армии, высказал предположение, что противник мог создать лишь видимость вывода войск из этого города. «Быть может, — писал он, — это одна только маска».

М. И. Платов получил приказ П. И. Багратиона занять Воложин, когда находился в Бакштах. «Тесная дорожка» между этими населенными пунктами «начиналась в густоте лесов, а потом проходила по топким болотистым местам и испорченным греблям», так что по ней «в одно только зимнее время можно было проехать». Летом же «с великим трудом едва могла бы пройти и пехота», в чем атаман сам лично убедился, пройдя по ней половину пути. Именно здесь «поутру 24 июня был открыт неприятель в довольном числе», ожидавший русских. Судя по всему, это и были войска, оставившие местечко, столь важное для осуществления плана отступления 2-й армии. Нетрудно представить себе, что бы случилось с корпусом, если бы командир его бросил своих казаков в это лесное болото.

«Одна оставалась проходима дорога к соединению моему с Дороховым — мимо местечка Вишнево, — рапортовал Платов князю Багратиону, — но как оное, так и места око-

ло него заняты уже неприятельскою армией маршала Даву, то я отдаю сие на ваше рассмотрение: возможно ли было сие сделать, когда и ваше сиятельство сами не решились туда следовать».

Нет, Матвей Иванович не принес И. С. Дорохова, «так сказать, в жертву» противнику. Отступая вслед за армией, он еще до получения предписания П. И. Багратиона приказал генерал-майору Дмитрию Ефимовичу Кутейникову с бригадой следовать «денно и ношно форсированными маршами» на соединение с ним и далее на Минск.

Первый шаг к примирению сделал М. И. Платов, нашедший оправдание для неприязненного тона письма старого товарища в том, что вроде бы угодливый письмоводитель — «за письмоводителями это водится» — поднес ему, командующему, обремененному «разными военными делами», «под сердитую руку» «для подписания» отношение, составленное в «колких и выговорных» выражениях. Но благородный князь не стал подставлять своих «письмоводителей»: в письме к атаману он откровенно признался, что его резкость была следствием информации И. С. Дорохова.

П. И. Багратион — «господину генералу Платову»,
25 июня 1812 года:

«...Я Вас могу уверить моею честью, что нет на свете человека, который мог бы меня с вами поссорить... Я знаю ваши достоинства. Следовательно, как вам не грешно во мне сомневаться. А дабы доказать вам, что я не имею к вам досады, а благодарность только, вы можете прислать ко мне мое отношение обратно... Я послал к вам вчера бумагу и дал знать, что на Минск не иду...»

В свою очередь и Платов заверяет Багратиона в искреннем расположении к нему, о чем все «знают в Петербурге, также и в Вильне, и при Войске Донском».

Так развивался и благополучно разрешился этот случайный конфликт между двумя русскими генералами, связанными чувством давней привязанности друг к другу.

Ну а что же И. С. Дорохов, чем руководствовался он, вводя в заблуждение П. И. Багратиона?

Отряд И. С. Дорохова, состоявший всего из двух егерских и двух казачьих полков при 12 орудиях, был отрезан и окружен противником. Не имея уже возможности прорваться к своей 1-й армии, он в течение недели шел с боями по лесам и болотам на соединение с войсками П. И. Багратиона. Изнурение пехоты доходило до того, что у многих солдат выступала «кровь под мышками». В таких условиях вполне возможно было допустить ошибку и в оценке размещения

отдельных частей противника, и в оценке действий атамана М. И. Платова и тем ввести в заблуждение и вызвать недовольство командующего последним.

И. С. Дорохов, потеряв 60 человек, 26 июня соединился со 2-й армией П. И. Багратиона. В этих и последующих сражениях войны он покрыл себя немеркнувшей славой героя.

Победа в годовщину Полтавской баталии

Все мысли Багратиона были устремлены к Минску. Он понимал, что, только достигнув его, можно рассчитывать на успешное соединение с 1-й армией. Но туда же спешил со своим корпусом маршал Даву. Да и Жером Бонапарт, засидевшийся в Гродно, после резкого выговора, полученного от брата-императора, неудержимо гнал свои колонны под палящим солнцем по пятам за отступающими русскими. Неотвратимость серьезного столкновения с неприятелем стала очевидной.

Прибыв в Кареличи, что на пути в Несвиж, Багратион приказал корпусным командирам ускорить темпы движения, разрешить полкам идти распашным, то есть свободным, маршем, чаще делать привалы, «словом, употребить все, дабы не изнурить и сохранить» армию. В стиле великого Суворова князь писал:

«Господам начальникам... вселить в солдат, что все войски неприятельские не иначе что как сволочь со всего света, мы же русские единовверные. Они храбро драться не могут, особливо же боятся нашего штыка. Наступай на него. Пуля мимо. Подойди к нему — он побежит. Пехота коли, кавалерия руби и топчи!»

24 июня командующий 2-й армией понял, что ему уже не удастся опередить Даву, и отказался от следования на Минск. Он избрал направление на Слуцк — Бобруйск, предупредив об этом М. И. Платова, прикрывавшего отход армии. На арьергард буквально насадела кавалерия Жерома Бонапарта, а в распоряжении атамана осталось «только три сотни полка Атаманского, один татарский, один башкирский и один калмыцкий, да вторая рота донской конной артиллерии». Собственно же казачьи полки отходили по другим маршрутам или были в разъездах, наблюдая за движением противника. Но и с этими ограниченными силами Платов смело бросился в атаку на передовую бригаду неприятеля, наступавшего на Кареличи. В разгар боя в схватку включились подоспевшие на помощь генерал-майор Николай Васильевич Иловайский и полковник Василий

Алексеевич Сысоев со своими лихими конниками. Враг был опрокинут и обращен в бегство в сторону Новоградка. С наступлением ночи казаки отступили к местечку Мир.

26 июня 2-я армия сосредоточилась в Несвиже. Чрезвычайное утомление войск, вызванное рядом усиленных переходов, желание дать возможность продвинуть вперед тяжелый обоз и артиллерию, заставили Багратиона остановиться здесь на отдых. Получив сообщение Платова о появлении на ближних подступах к Кареличам сильной кавалерии Жерома, командующий предписал атаману удерживать Мир, разрешая отступить лишь в случае значительного превосходства противника. Подкрепив Матвея Ивановича двумя казачьими полками и отрядом генерал-адъютанта Иллариона Васильевича Васильчикова, Багратион выразил уверенность, что казаки доставят ему победу, «ибо в открытых местах и надо драться».

Это предписание Багратиона и привело к известному в истории Отечественной войны бою у местечка Мир, который продолжался два дня; начало же его совпало с годовщиной блистательной Полтавской баталии — 27 июня 1812 года.

Успех и только успех нужен был его светлости князю Петру Ивановичу, «дабы выправить людей», начавших сгибаться под тяжестью изнурительного двухнедельного отступления. Потому-то так настоятельно советовал он атаману действовать осмотрительно, чтобы не оказаться «между двух огней». Беспокойство это было вызвано смутным представлением о силах наступающего противника. А они, как оказалось, были велики.

На арьергард Платова наступал авангард правого крыла французской армии в составе девяти бригад польской, саксонской и вестфальской кавалерии, соединенных в четвертый корпус под командованием дивизионного генерала Виктора Латур-Мобура. Ему было 44 года. Современники считали его «блестящим офицером, обладающим холодным спокойствием под огнем и пылкой храбростью при атаке. Благородный характер его заслужил ему название Баяра — рыцаря без страха и упрека». Но как командир корпуса он, кажется, не оправдал надежд.

Силы арьергарда Платова были значительно меньшими, но в общем-то достаточными, чтобы задержать противника и дать армии необходимый отдых. Однако события развивались так, что атаман достиг большего.

Готовясь встретить неприятеля, Матвей Иванович решил использовать уже не раз испытанный тактический прием казаков — «вентерь», суть которого состояла в заманивании

противника в заранее приготовленную засаду. На пути наступления авангарда корпуса Латур-Мобура со стороны Кареличей он поставил небольшую заставу, по обеим сторонам дороги укрыл по сотне отборных казаков, в самом Мире расположил полк полковника В. А. Сысоева, а в пяти верстах от него, в деревне Симаковка, сосредоточил свои главные силы.

По свидетельству Николая Федоровича Смирного, Матвей Иванович, наставляя воинов арьергарда перед первым серьезным боем, призвал их «драться до изнеможения» даже в случае ранения или потери лошади.

— Мы должны в самом начале показать врагам, — говорил он, — что помышляем не о жизни, но о чести и славе России.

Передовую бригаду Латур-Мобура возглавлял генерал Турно. 27 июня еще до рассвета он двинул вперед 3-й уланский полк под командованием полковника Радзиминского. Не доходя до деревни Пясечно, тот встретил заставу платовского арьергарда, атаковал ее, опрокинул и в запале стал преследовать. Поляки настигли преднамеренно отступающую сотню смельчаков и ворвались в Мир, где их ожидал полк В. А. Сысоева. С ужасным гиканьем казаки бросились на неприятеля. Ошеломленные внезапным нападением, уланы оставили местечко, но тут же снова пошли в атаку. Началась жестокая рубка. Ржание лошадей, злобные ругательства людей, звон клинков, треск пик, разлетающихся под ударами сабель, — все слилось в какой-то невообразимый шум. Противник дрался отчаянно.

В разгар боя из Симаковки подошел Платов и неожиданно обрушился на врага всей мощью своих главных сил. Окруженный со всех сторон полковник Радзиминский начал пробиваться через заслон ожесточенно орудующих саблями и дротиками казаков, теряя десятками своих храбрых кавалеристов. Казалось, ему удалось уже прорваться, но две партии донцов, находившихся в засаде, выскочили вихрем из укрытий и преградили уланам путь. Отступление тех, кто выскользнул из кольца, превратилось в беспорядочное бегство по дороге к Кареличам. Преследователи нагоняли их, мощными ударами плеча разваливали чуть ли не до седла, пронзали насквозь своими страшными пиками. Первый акт скоротечного побоища завершился.

Тем временем Турно, следуя с двумя полками бригады, дошел до Пясечны, где и узнал о трагическом исходе столкновения своего авангарда с казаками у Мира. На пути его движения протекала небольшая речушка Уша с широкой болотистой поймой, пересеченной длинной насыпью. По ней

и ринулся генерал всего с тремя эскадронами полковника Суминского спасать попавших в беду улан Радзиминского, оставив последний полк охранять переправу.

Появление подкреплений на миг смутило казаков; они остановились, осмотрелись и, убедившись в малочисленности неприятеля, решительно кинулись на него. Поляки были повержены. Часть из них успела отступить по насыпи за Ушу. Другая часть влезла в болото. Испуганные лошади, храпя, лихорадочно бросались из стороны в сторону. Пытаясь вырваться из вязкой гнилой жижи, они сбрасывали своих седоков, которые тут же становились легкой добычей донцов, вооруженных длинными пиками.

Предоставим слово самому атаману.

М. И. Платов — П. И. Багратиону,
27 июня 1812 года:

«Извещаю с победою, хотя с небольшою, однако же и не так малою, потому что еще не кончилась, преследую и бью... Пленных много, за скоростью не успел перечесть и донести. Есть штаб-офицеры и обер-офицеры...

А на первый раз имею долг и с сим Ваше Сиятельство поздравить. Благослови, Господи, более и более побеждать. Вот вентерь много способствовал, оттого и начало пошло...

У нас, благодаря Богу, урон до сего часа мал. Избавь, Всевышний, от того и вперед, потому что перестрелки с неприятелем не вели, а бросились дружно в дротики и тем скоро опрокинули, не дав им поддержаться стрельбою».

Переправившись через речку, Турно собрал остатки двух своих побитых полков в Турце. Третий полк бригады, оборонявший переправу, так и не вступил в дело.

М. И. Платов бросил в бой семь полных полков — генерал-майоров И. К. Краснова и Н. В. Иловайского, полковников В. А. Сысоева, О. В. Иловайского и Т. Д. Иловайского, Перекопский татарский, Ставропольский калмыцкий — и часть Атаманского, всего около 3500 сабель против 1300 у противника. Признаться, никак не могу сообразить, что двигало рукой любителей донской старины, писавших о численном превосходстве поляков во время боя у местечка Мир, если действительное соотношение сил было известно еще в 1901 году?

Бригада Турно действительно понесла ощутимые потери. Одних пленных было 6 офицеров и 242 рядовых. На месте боя и по пути отступления противника осталось свыше 300 изувеченных тел. Платов потерял не более 25 казаков убитыми и ранеными.

Латур-Мобур, имея значительное превосходство в силах

над Платовым, не сумел обеспечить своевременной поддержки головной бригаде Турно. Но надо отдать должное мужеству, с которым сражались поляки. Не случайно в плен попали только раненые, многие из них вскоре скончались. Атаман же перед началом боя собрал все ближайшие полки и тем создал численный перевес над противником. И Багратион, стоявший в этот день с армией в Несвиже, держал в полной готовности дивизию генерал-майора Михаила Семеновича Воронцова, которая могла подоспеть на помощь казакам по первой просьбе их начальника.

В течение всего этого дня 27 июня Багратион настойчиво требовал от Платова точных сведений о противнике: месте расположения, численности и особенно о его пехоте. Это должно было определить характер дальнейших распоряжений командующего.

По данным разведки и показаниям пленных, выяснилось, что неприятельская пехота отстала от кавалерии, а отдельные части корпуса Латур-Мобура растянулись на довольно значительном расстоянии. Это означало, что М. И. Платов с наличными силами и подошедшим к нему отрядом генерал-майора Иллариона Васильевича Васильчикова будет в состоянии противостоять натиску неприятеля. Поэтому П. И. Багратион приказал атаману удерживать Мир «до тех пор, пока армия будет находиться в Несвиже». А вывести ее «по дороге к Слуцку на Тимковичи» он собирался лишь в ночь на 30 июня.

28 июня Платов решил провести бой по тому же сценарию, что и накануне, когда его казаки основательно потрепали бригаду Турно, входившую в дивизию генерала Рожнецкого. Большую часть своего корпуса и весь отряд И. В. Васильчикова он расположил в укрытии за перелеском южнее деревни Симаковки, рассчитывая подвести противника под фланговый удар главных сил арьергарда, когда тот бросится преследовать отступающую по большой дороге заставу и втянется в сражение с четырьмя полками, поставленными «впереды Мира». Последний было приказано «удерживать непременно».

Наступила ночь. Рожнецкий, опасаясь внезапного нападения казаков, отправил полки бригады Дзевановского вниз и вверх по течению Уши охранять переправы, приказав вернуться им рано утром. В результате этой предусмотрительности командира дивизии около двух тысяч человек накануне боя несколько часов провело в седле и без сна. Побитые днем уланы Турно отдыхали.

Горя желанием взять реванш за поражение и больше все-

го беспокоясь, как бы победу над казаками Платова в предстоящем бою не похитила у него бригада генерала Тышкевича, принадлежавшая дивизии Каминского, Рожнецкий еще до возвращения полков, отправленных в ночной дозор, выступил с уланами Турно по направлению к Миру, приказав Дзевановскому поспешно следовать за ним.

Местечко Мир уютно расположилось в долине болотистой речки Мирянки, пересеченной длинной широкой насыпью, оканчивающейся плотиной, в конце которой живописно стояла водяная мельница. По обеим сторонам дороги, ведущей на Несвиж, в лучах восходящего солнца поблескивала зеркальная гладь прудов, что исключало возможность неожиданного нападения. На подходе к местечку Рожнецкий разрешил сделать привал, выслав в охранение 15-й уланский полк, который, как было сказано, не принимал участия в событиях 27 июня. Вскоре подошла бригада Дзевановского. От католического священника поляки узнали о засаде Платова, составе и численности его корпуса. Таким образом, внезапность, на которую делал ставку атаман, исключалась.

Дзевановский предложил командиру дать возможность людям поест, накормить лошадей и ожидать подхода дивизии генерала Каминского, под началом которого состояло 2700 кавалеристов и 6 орудий конной артиллерии. Но это предложение было отвергнуто самоуверенным Рожнецким.

— Как, вы хотите позволить опередить нас бригаде Тышкевича, которая находится в нескольких шагах отсюда? — с недоумением спросил он Дзевановского и, ссылаясь на категоричность приказа командира корпуса Латур-Мобура войти в соприкосновение с русскими, распорядился продолжать движение.

В полдень дивизия Рожнецкого с бригадой Турно впереди выступила из Мира и пошла под палящим солнцем по Несвижской дороге, оставляя за собой длинный шлейф пыли. В пяти верстах от местечка 15-й уланский полк обнаружил казачьи пикеты, которые мгновенно укрылись за лесом.

Рожнецкий остановил дивизию и перестроил ее в линию эскадронных колонн. 7-й уланский полк под командованием полковника Завадского он отправил в лес прикрывать расположение войск, приказав остановиться при выходе на опушку. Безуспешно пытались казаки выманить поляков из укрытия и навязать им бой. Пришлось выкатить артиллерию.

Платов, убедившись в том, что противник не испытывает желания вступить в драку в отсутствие поддержки со стороны Мира, решительно двинулся вперед. Конная батарея открыла огонь по 7-му уланскому полку, часть казаков ата-

ковала его, а другая часть в это же время обрушилась на бригаду Турно. Ядра разбивали в щепки деревья, но не причиняли особого вреда противнику, отступившему в глубь лесного массива.

7-й уланский полк поляков выдержал огонь артиллерии и дважды отразил нападение казаков. Атаман пустил в дело два эскадрона ахтырских гусар под командованием майора Д. В. Давыдова. Они пробились «по дороге сквозь лес, где неприятель упорно и сильно защищался, и совершенно оно-го опрокинули». Так описал этот эпизод атаки И. В. Васильчиков, представляя Дениса Васильевича к награде за действия 28 июня.

День был уже на исходе, а неистовая рубка продолжалась.

В девятом часу вечера, поднимая тучи непроницаемой пыли, из-за перелеска показалась голова колонны Кутейникова, вызванного Платовым из Столбцов еще утром. Казаки Кутейникова сразу же обрушились на левый фланг неприятеля мощью двух тысяч сабель и пик.

До их прихода основные события разворачивались в районе расположения бригады Турно, где и находился тогда Дзевановский. Удар казаков явился полной неожиданностью для него. Заметив опасность, он помчался к своей бригаде. Стремительно перемещаясь вдоль линии эскадронов, генерал бросал их один за другим в атаку с места, и тут же сам оказывался в окружении дерущихся.

В то же время Платов снова атаковал бригаду Турно и 7-й уланский полк и привел неприятеля в смятение и беспорядок.

Густая пыль окутывала сражающихся. Звон клинков, звуки выстрелов и предсмертные крики раненых заглушали команды офицеров. Казаки Кутейникова опрокинули и погна-ли к Миру 11-й и 2-й уланские полки Дзевановского. Расстроенная бригада Турно отступала вправо под напором героев Платова и Васильчикова.

Все попытки польских офицеров остановить и перестроить разбитые эскадроны не имели успеха. Едва удавалось им повернуть и привести в некоторый порядок какую-либо часть, как казаки начинали охватывать ее «лавой». Раздавался крик «нас отрезают», и все снова неудержимо неслись в сторону Мира, оставляя за собой убитых и раненых товарищей. Лишь незначительная часть бригады Турно под командованием самого командира дивизии генерала Рожнецкого сумела выйти из боя относительно организованно.

Н. В. Иловайский, раненный саблей в плечо и пулей в ногу, не оставил поля боя. Превозмогая боль, бросался он из

атаки в атаку с казаками, пока не «кончил свое дело». «Удивительно храбро сражался» И. В. Васильчиков. И. К. Краснов «способствовал много сей победе». Все другие офицеры и рядовые в этот день показали примеры отваги и воинской доблести, «дрались грудь в грудь», — отметил в тот же вечер М. И. Платов в рапорте на имя командующего 2-й армией князя П. И. Багратиона.

М. И. Платов — П. И. Багратиону,

28 июня 1812 года:

«Поздравляю Ваше Сиятельство с победою редкою над кавалерией...

Генерал Кутейников подоспел с бригадою его и ударил с правого фланга моего на неприятеля так, что из 6-ти полков неприятельских едва ли останется одна душа или, быть может, несколько спасется.

Я Вашему Сиятельству описать всего не могу, устал и на песке лежащий пишу. Донесу, соображаясь с сим, но уверяю, будьте о моем корпусе покойны. У нас урон невелик по сему ретивому делу...»

Рапорт Платова дышит удовлетворением от победы.

Атаман ввел в дело 13 полков, в том числе 11 казачьих и 2 кавалерийских, да 2-ю роту донской артиллерии — всего 6500 всадников и 12 орудий. Со стороны поляков в бою участвовало 3600 человек и 3 пушки.

Потери обеих сторон неизвестны. Платов слишком неопределенно заявил, что у него «урон невелик по сему ретивому делу». Рожнецкий же, по свидетельству командира корпуса Латур-Мобура, оставил на поле боя и по дороге к Миру примерно 600 человек. Эта цифра представляется заниженной даже в том случае, если атаман под влиянием возбуждения от бесспорной победы переоценил исход схватки, посчитав, что «из шести полков неприятельских» едва ли осталась «одна душа». Пусть не «одна душа», а «несколько спаслось» после такого побоища, но ведь не 3 тысячи! Судя по всему, польский генерал старался скрыть размеры катастрофы.

Здесь есть повод остановиться, чтобы поразмышлять над особенностями рапортов военачальников разных рангов и даже донесений полководцев на высочайшее имя. К любопытному заключению пришел французский эмигрант, состоявший на русской службе, генерал Александр Федорович Ланжерон. Вот о чем поведал он нам в своих «Записках»:

«Во всех армиях начальники малых легких отрядов пользуются привилегией лганья, а потому надо всегда верить только половине того, что они доносят, но казаки в том отношении превосходят всех гусар и стрелков всего света,

нужно всегда сокращать в десять раз число встреченных и убитых ими врагов».

В известном смысле он прав. Однако хочу заметить, что этой привилегией пользовались не только «начальники малых легких отрядов», но и великие полководцы — Суворов и Кутузов, Ней и сам Наполеон, десять лет дурачивший французов своими сообщениями для прессы. Естественно, Платов не составлял исключения. И все-таки его рапорты заслуживают большего доверия, чем считают некоторые, ибо при нем почти всегда были представители регулярных войск, свидетели и участники тех боев, о которых и им приходилось докладывать по команде.

Убитых никто никогда не считал, поэтому преувеличения о потерях противника в рапортах Платова имели чисто эмоциональный характер. А вот пленных сдавали под расписку...

Как могло случиться, что Латур-Мобур, имея возможность создать в ходе боя не только равенство, но и перевес в силах над Платовым, не воспользовался этим и в сущности принес Рожнецкого в жертву казакам? По всей вероятности, объяснение здесь следующее.

Природа наделила Рожнецкого не только незаурядной храбростью, но и чрезмерной самоуверенностью, в чем мы уже убедились. До середины дня он даже не сомневался в успехе предстоящего дела. Однако уже в начале боя спеси у него поубавилось, и он послал в Мир курьера, чтобы ускорить прибытие бригады Тышкевича из дивизии Каминского, без которого, кажется, уже не рассчитывал добиться победы над Платовым. Туда же он отправил и свой обоз.

Сразу же за Миром обозные встретили генерала Тышкевича. Эмоциональный рассказ фурлейтов о будто бы критическом положении дивизии Рожнецкого отнюдь не возбудил у того желания мчаться на помощь товарищу по оружию. Напротив, Тышкевич остановил бригаду и даже отправил назад, к главным силам Каминского, находившуюся при нем конную полубатарю.

Сам Каминский, пройдя Кареличи, остановился у деревни Пясечны, где и узнал о ходе боя под Миром на начальном этапе его развития. Он тот же час повернул полубатарю обратно и предписал Тышкевичу немедленно выступить на поддержку Рожнецкого. Это распоряжение достигло адресата, когда с высот у местечка уже видно было беспорядочное бегство польских улан, истребляемых конниками Платова. Во исполнение повеления командира дивизии Тышкевич послал на помощь отступающим два эскадрона конных егерей. Первый из них, едва миновав мельницу, был атакован каза-

ками. Потеряв одного офицера и 22 рядовых, он вернулся в поселок. Второй даже не тронулся с места.

Артиллерийский огонь из трех орудий полубатарей, вернувшейся к концу боя, остановил казаков, и они быстро отошли за лес, примыкавший к местечку. Ночью бой прекратился совсем. Над Миром установилась тишина.

Первый серьезный исследователь боя казаков с поляками под Миром В. И. Харькевич обратил внимание на отсутствие общего руководства и связи между отдельными частями 4-го кавалерийского корпуса наполеоновской армии. Командир корпуса Латур-Мобур 28 июня 1812 года вообще не управлял подчиненными ему войсками. Генерал Лорж, отчетливо слыша артиллерийскую канонаду, даже не потревожил свою кирасирскую дивизию. Каминский с большей частью вверенной ему конницы бездействовал весь день в каких-то десяти верстах от места сражения. Бригада Тышкевича спокойно наблюдала за истреблением улан Рожнецкого.

В то же время действия Платова, по словам исследователя, «представляют собой образец сочетания благоразумной осторожности и решительности. Он прежде всего старался завлечь врага в расставленную ему ловушку, но затем, когда убеждается, что поляки, наученные горьким опытом предыдущего дня, не даются на обман, не теряет ни минуты и, пользуясь превосходством своих сил и отсутствием у противника близких поддержек, решительно атакует и бьет его.

Самый бой ведется Платовым с большим искусством. Все его атаки направляются сначала против правого фланга Рожнецкого с целью отвлечь туда внимание противника, заставить его израсходовать резервы и тем обеспечить успех главного удара, который должна была нанести бригада Кутейникова».

В заключение — слова признательности атаману князя Петра Ивановича Багратиона.

П. И. Багратион — М. И. Платову,
29 июня 1812 года:

«Душевно Вас благодарю. Адъютант Ваш мною поздравлен. Ради Бога, осмотритесь хорошенько, ежели у них пехоты много, то и не вдавайтесь в дело не верное...

По двум нашим победам, я думаю, кавалерия наша устала; ради Бога, приостерегитесь; я боюсь, чтобы нас не задержали долго, а потом их армия войдет к нам во фланг от Минска. Я уверен, что Вы не упустите ничего из виду в осторожности.

Генерал князь Багратион».

Бой у местечка Романово

Поражение дивизии Рожнецкого в двухдневном бою у Мира приостановило наступление кавалерии Жерома Бонапарта. Разведка, проведенная Латур-Мобуром 29 июня, показала, что М. И. Платов стоит на месте, где накануне гремел бой. Чтобы определить действительные силы русских, надо было их атаковать, но на это противник пока не отважился.

Вечером 29 июня М. И. Платов, выполняя предписание П. И. Багратиона, полученное накануне, повел свой корпус и отряд генерала И. В. Васильчикова вслед за отступающей армией и утром следующего дня был уже в Несвиже. В последующие дни отход атамана прикрывал арьергард под командованием Акима Акимовича Карпова в составе сначала двух, а затем четырех казачьих полков.

В 5 часов утра 1 июля Латур-Мобур во главе авангарда четвертого корпуса подошел к Несвижу. Остановив полки перед городом, он сделал привал и вскоре со своим конвоем из трех эскадронов улан выехал по Бобруйской дороге, приказав Рожнецкому с дивизией следовать за ним. Карпов, оставленный Платовым в арьергарде, заметил неосторожное движение небольшой кавалерийской части, дал ей возможность отойти версты на четыре от своих, стремительно развернулся и «ударил так, что один эскадрон был истреблен, а последние прогнаны с немалым поражением». Только появление дивизии Рожнецкого спасло Латур-Мобура от неминуемой гибели или плена. В этом случайном столкновении с поляками казаки взяли в плен шесть человек.

Пленные показали, что «в Несвиже король Вестфальский (то есть Жером Бонапарт. — *В. Л.*) с частью волтижеров», без пехоты, «следовал всю ночь». Платов резонно предположил, что цель неприятеля — войти в соприкосновение с русскими, чтобы если не разбить их, то хотя бы задержать и тем дать возможность маршалу Даву перехватить 2-ю Западную армию Багратиона у Бобруйска и не дать ей соединиться с войсками Баркляя де Толли.

«Я с Вами согласен, что надо нам спешить, — писал Багратион Платову 1 июля, — но проклятые обозы задерживают меня! Все мои заботы — добраться до Слуцка, там обозы пойдут вправо, по другой дороге. А я поспешу к Бобруйску... Прошу Вас остановиться и не ехать ко мне, чтобы без Вас худа не было...»

Вечером 1 июля Платов с корпусом прибыл в Романово, оставив у Тимковичей свой арьергард под командованием генерал-майора Карпова. В тот же день Багратион достиг

Слуцка. Тревожные известия о наступлении Даву заставили его принять меры для облегчения дальнейшего отступления армии. С этой целью все обозы, кроме самых необходимых, а также транспорт с больными и пленными он отправил к Мозырю.

Получив в Слуцке рапорт Платова о наступлении противника, пополнившего новобранцами свои поредевшие после боя под Миром полки, и желая обеспечить возможность безопасного следования на Мозырь, Багратион предписал атаману «остановиться в Романове со всеми легкими силами» вверенного ему корпуса, «употребив все средства остановить неприятеля» и удерживать его «до глубокой ночи 3-го числа».

Следствием этого распоряжения командующего 2-й армией явился бой у местечка Романово, лежащего на левом берегу речки Морочи.

На рассвете 2 июля Латур-Мобур со своей конницей двинулся в направлении на Тимковичи. С появлением противника А. А. Карпов поднял свой арьергард и начал отходить к Романову. Опасаясь, что казаки уничтожат мост через Морочь и задержат его у самого местечка, французский генерал отправил 1-й конно-егерский полк под командованием полковника Пшепендовского преследовать отступающих. Поддерживать его должны были один эскадрон польских улан и вся дивизия Каминского.

От Несвижа до Романова «вел он, Карпов, неприятеля целые сутки в виду его до самого места сражения», — писал Платов в рапорте Багратиону.

Платов, получив донесение Карпова о наступлении на Романово только одного полка противника, срочно переправил на правый берег Морочи пять казачьих полков, которые укрылись в зарослях прибрежного кустарника. Но они были обнаружены поляками. Удостоверившись в значительном превосходстве сил атамана, Пшепендовский послал офицера доложить Латур-Мобуру, что перед ним стоят до 5 тысяч казаков — у страха глаза велики, минимум в два раза преувеличил численность русских, — и испросил указаний, должен ли он начинать дело. А далее все произошло, как в плохом анекдоте.

То ли из-за рассеянности, то ли в силу недостаточного владения французским языком, прискакавший польский офицер, по свидетельству очевидца этой сцены, доложил, что перед Романовым стоит не 5000, а 500 казаков. Не допуская возможности такой нелепой ошибки, Латур-Мобур резко сказал:

— Удивляюсь, как осмелился полковник Пшепендовский задавать такие вопросы!

— Не могу знать, господин генерал, — смутился курьер и поскакал к своему командиру.

Польские эскадроны располагались в уступном порядке правее дороги Тимковичи — Романово на небольшой песчаной возвышенности, с которой отчетливо были видны казаки, стоявшие перед рекой, и довольно большой лагерь на противоположном берегу, за местечком. Убедившись в несомненном превосходстве сил противника, Пшепендовский решил отступить. Но не успел он построить полк в походную колонну, как возвратился посланный им офицер с повелением Латур-Мобура атаковать неприятеля. Пришлось снова разворачиваться в боевой порядок. В это время на его флангах слышалось знакомое страшное гиканье платовцев.

Первый удар поляки отразили таким огнем из карабинов, какой «можно услышать разве что на учебном плацу». Вторая и третья атаки казаков также оказались неудачными. Но «они снова устремились вперед и бросились на фланги, в то время как клинообразная масса врезалась в центр. Противник был встречен с прежним мужеством, но полк был опрокинут и — трудно найти более подходящее выражение — увлечен».

Так описал эту схватку очевидец событий. Здесь чувствуется, конечно, стремление нарисовать картину с выгодными для конных егерей оттенками, но в целом, по-видимому, автор был прав: казаки имели столь ощутимый перевес, что действительно могли «увлечь» своей массой малочисленного врага.

Разъединенные эскадроны поляков, перемешавшиеся с казаками, неслись, поднимая тучи пыли, в полном беспорядке к Тимковичам. На этом пути их мог поддержать только один эскадрон 12-го уланского полка, но его командир принял неудачное решение. Надеясь остановить преследователей, он развернул своих кавалеристов поперек дороги. Налетевшей толпой они были вовлечены в общий беспорядок неудержимого бегства, которое продолжалось «не менее пяти верст до пехоты и до пушек» бригады генерала Сулковского из дивизии Каминского.

Нешадно палило солнце. Под его лучами буйно колосилась поспевающая рожь. «Дорога и хлебные поля усеяны были трупами», — писал Платов в рапорте Багратиону.

Латур-Мобур, получив донесение о поражении полка Пшепендовского, поднял и двинул вперед всю кавалерию корпуса и приданную ему пехоту. Но было уже поздно. Платов, не принимая боя, стал отходить к Романову «для соединения с отрядом генерал-адъютанта Васильчикова». Перейдя

болотистую Морочь, он сжег за собой мост, разделил «на две части пушки донской конной артиллерии» и поставил их «в выгодных местах» для обстрела наступающего противника. Прикрывал батареи 5-й егерский полк под командованием полковника Николая Федоровича Гегеля. Казаки генерал-майоров И. К. Краснова, И. Д. Иловайского, Д. Е. Кутейникова и А. А. Карпова обеспечивали фланги. Регулярная кавалерия ахтырских гусар, киевских драгун и литовских улан составляла резерв атамана.

Тем временем Латур-Мобур подошел к Романову. На правом фланге его наступала бригада Гаммерштейна, центр составляла дивизия Рожнецкого, на левом фланге развернулась бригада Тышкевича и конная батарея.

Началась оживленная артиллерийская перестрелка. Одна из русских батарей отвечала на огонь польских орудий, а другая действовала «по наступающим неприятельским колоннам». Казаки же непрерывно беспокоили неприятеля с флангов.

М. И. Платов — П. И. Багратиону,

3 июля 1812 года:

«...Последнее дело сие после отражения артиллерийского огня неприятеля продолжалось более часу, и неприятель не выдержал нанесенного ему удара и оставил на месте довольноное число убитых и отретировался назад к местечку Тимковичи. Затем наступила ночь...

В сем счастливом для нас деле... как при разбитии, так и при наступлении неприятеля, участвовали генерал-майоры Васильчиков, граф Воронцов, бывший безотлучно со мною среди сражения и под выстрелами артиллерии, Краснов 1-й, Иловайский 4-й и Карпов 2-й. Но в самой сильной атаке на неприятеля и в поражении его среди огня был генерал-майор Кутейников 2-й, который получил в левую руку саблею рану, и потом, вместе с генерал-майором Иловайским 5-м, тоже раненым 28 июня, находились оба для примера подчиненным и при последнем поражении неприятеля при артиллерии, поощряя тем сражающихся...

О прочих отличившихся в сем деле храбростью офицерах по собрании надлежащих сведений имею долг донести Вашему Сиятельству особым рапортом, равным образом об убитых и раненых с нашей стороны, которых, благодаря Богу, в рассуждении большого и упорного сражения сего, небольшое число...»

«Особого рапорта» атамана найти не удалось. Потому-то нет точных сведений о количестве убитых и раненых казаков, которых, «благодаря Богу», было вроде бы «небольшое

число». А вот противник потерял намного больше. Мало того, что «дорога и хлебные поля усеяны были трупами», донцы взяли в плен 360 человек, в том числе 17 офицеров.

3 июля арьергард 2-й армии оставался на позиции, как и предписывал Багратион, а вечером выступил по дороге на Слуцк. Вскоре войска неприятеля вошли в местечко. Один из польских офицеров 1-го конно-егерского полка, лошадь которого накануне оказалась проворнее казачьих сивок и вынесла своего седока под защиту пушек дивизии Каминского, вспоминая о событиях минувшей войны, писал позднее:

«Мы нашли тяжело раненых — из числа попавших в плен к казакам — в часовне и около нее недалеко от Романова хорошо перевязанными. Атаман Платов, герой дня, отнесся к ним с человеколюбием, приказал их перевязать и снабдить всем необходимым».

В тот день, когда арьергард Платова покинул Романово, 2-я армия выступила из Слуцка. После изнуряющей жары пошли проливные дожди. Обозные повозки и транспорт по самую ступицу проваливались в мокрый песок. Солдаты с трудом переставляли ноги. И все-таки люди не падали духом. 1 июля Багратион писал Барклаю де Толли:

«Должен сказать, наконец, что мое отступление, столь невероятными силами преследуемое, почти 15 дней продолжающееся, благодаря Всевышнему еще не обескуражило вверенных мне воинов. Каждый желает драться, как и я».

Такое желание солдат поддерживалось не только Всевышним, но и победами казаков. Их успех у Мира и Романова обеспечил условия для отдыха и отступления армии на Бобруйск. Теперь, казалось, стоило соединить все русские силы — и враг будет разбит.

Интриги

В самом начале июля Александр I, вопреки неодолимому желанию лично руководить военными действиями, уехал в Москву и далее в Петербург. Уезжая, однако, он не назначил главнокомандующего. Зато приставил к начальникам обеих армий людей, облеченных особым правом писать ему, когда сочтут это необходимым. Этим правом широко пользовались А. П. Ермолов, которого М. Б. Барклай де Толли считал своим недругом, и Э. Ф. Сен-При, откровенно шпионивший за П. И. Багратионом и доносивший о каждом его шаге царю. Князь не раз выражал негодование на этого «дядьку». Кроме того, в армии остались многочисленные генерал-адъютанты императора и «другие не совсем благона-

дежные и совершенно бесполезные люди, осаждавшие главную квартиру», основным занятием которых, казалось, была интрига. Все это создавало атмосферу подозрительности и лишало командующих необходимой самостоятельности. Каждый из них действовал с оглядкой на северную столицу, где находился государь.

Еще до отъезда Александра I в Петербург выявились разногласия между командующими армиями во взглядах на способы ведения войны. Пылкий Багратион был сторонником немедленных наступательных действий. Методичный и холодный Барклай исповедовал осторожность, которую многие современники воспринимали как нерешительность, а то и трусость, и даже измену. А он был геройски храбрым, беспредельно преданным России генералом, правда, с «немецкой» фамилией.

Уже 17 июня 1812 года, то есть через пять дней после вторжения Наполеона, Барклай де Толли жаловался императору:

«Государь! Более чем неприятно видеть, что князь Багратион теряет время в бесполезных рассуждениях и сообщает их Платову, сбивает с толку этого генерала, который и без того уже мало образован и непросвещен».

Как видно, военный министр обвиняет только командующего 2-й армией. Отношение же его к атаману донских казаков пока высокомерно-снисходительное: право, можно ли к нему предъявлять какие-то претензии, ведь он «и без того уже мало образован и непросвещен». Михаил Богданович был прав: Матвей Иванович не был отягощен образованием и на седьмом десятке лет с превеликим трудом справлялся с пером. Впрочем, князь Петр Иванович в этом смысле тоже не был виртуозом. Однако это не мешало им успешно бить противника, а в перерывах между стычками открыто порицать распоряжения Барклая де Толли, не зная того, что они предписывались царем.

По мере отступления отношения между Багратионом и Барклаем принимали крайние формы. Характерно в этом смысле письмо князя начальнику главного штаба 1-й армии генерал-лейтенанту Ермолову, написанное сразу же после блестящих побед арьергарда Платова в кавалерийских боях у Мира и Романова. Вот несколько строк из него:

«...Ей-богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Он боится нас. Войско ропщет и все недовольны. У вас зад был чист и фланги. Зачем побежали? Надобно наступать... А я бы тогда помог... Уже истинно еле дышу от досады, огорчения и смущения. Я, ежели выберусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать армией. Стыдно

носить мундир... Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать... Если бы здесь был он, ног бы своих не выдрал, а я выйду с честью и буду ходить в сюртуке, а служить под игом иноземцев-мошенников — никогда!.. Признаюсь, мне все омерзело так, что с ума схожу».

В свою очередь царь и военный министр были недовольны действиями Багратиона. Они обвиняли его в том, что подчиненные ему войска не приближались, а удалялись от 1-й Западной армии. Военачальника, которого солдаты боготворили как бесстрашного воина и мужественного полководца, упрекали в нерешительности и боязни сразиться с корпусом маршала Даву.

Чем дальше отходила армия от границ, тем нетерпимее становились отношения между двумя командующими. В орбиту этого взаимного неприятия вовлекались все новые и новые люди. Исправить положение могло назначение главного начальника, но царь с этим не спешил.

В то время, когда Багратион под прикрытием отважных казаков Платова отводил 2-ю Западную армию на восток, Барклай де Толли привел свои войска в Дрисский лагерь, невыгодность расположения которого в стратегическом и тактическом отношениях обнаружилась на месте со всей очевидностью. 1 июля состоялся военный совет, единодушно решивший отступить к Витебску.

Туда же, к Витебску, устремился и Наполеон, не терявший надежды разгромить 1-ю армию Барклая де Толли, чтобы затем нанести сокрушительный удар по приближающимся войскам Багратиона и тем закончить войну.

«Император и армия, — писал позднее А. Коленкур, — сильно желали этого сражения и потому тешили себя надеждой, что великий результат близок».

2 июля военный министр переправил свою армию через Двину и, кажется, задумался над вопросом, не дать ли, наконец, сражение французам. Но мысль эта, едва появившись, тут же исчезла. Слишком неравными были силы, чтобы рисковать без надежды на успех. Следствием этих размышлений явилось предписание Барклая де Толли, «в коем изображена была непрременная воля государя императора», чтобы Платов с вверенным ему корпусом следовал форсированным маршем через Могилев и Витебск на соединение с 1-й Западной армией. При этом от атамана ожидали подвигов, подобных тем, что «были при Мире».

Платов, вынужденный исполнять высочайшую волю, обратился к Багратиону с частным письмом, датированным 5 июля:

«Ваше Сиятельство... ей и ей же я Вас люблю душевно и почитаю, но покорнейше прошу, войдите в мои обстоятельства. Получа повеление от военного министра, объявленное мне высочайшим приказанием, что мне иначе делать, как должен исполнить то... Ежели Ваше Сиятельство находит, что я с казачьим корпусом нужен до Бобруйска прикрывать армию Вашу, оправдайте же меня перед государем и дайте мне повеление Ваше, чтобы я не был виновен за неисполнение мне повеленного соединения с 1-ю армиею...»

Нет оснований сомневаться в искренности Матвея Ивановича. Он действительно «душевно любил и почитал» князя Петра и готов был оставаться под его началом и в будущем. Платов прекрасно понимал, в какое трудное положение может попасть Багратион, подпираемый с тыла Жеромом, а с фланга маршалом Даву, после ухода казаков на соединение с 1-й армией. Но не выполнить «высочайшего приказания» атаман не мог. Потому и попросил оправдать его перед государем, если командующий решится задержать донской корпус у себя в арьергарде.

Стоит обратить особое внимание на это предписание Барклая де Толли, поскольку якобы нежелание его выполнить послужит потом для военного министра основанием предложить императору удалить атамана из армии. По счету военного времени неприятности постигнут героя Мира и Романова еще не скоро — примерно через полтора месяца. Это действительно немало, коль калейдоскоп уже описанных событий прокрутился всего за три недели, и главными их участниками были донские казаки во главе со своим прославленным вождем. Пока что Платов не дал повода для упреков в уклонении от службы царю, что по тогдашним представлениям было тождественно служению Отечеству. Без учета этого наше понимание патриотизма русских людей в период войны будет искаженным. Радищевское понимание любви к Родине утвердится в общественном сознании позднее, в эпоху декабристов — «детей 1812 года».

А как сам Багратион отнесся к перспективе лишиться такого верного хранителя спокойствия 2-й армии, каким зарекомендовал себя в условиях отступления казачий корпус Платова? Внешне — спокойно; кажется, даже с пониманием, поскольку государь призывал атамана, по словам Барклая де Толли, «для защиты Отечества».

«Я слишком уверен, что Ваше Высокопревосходительство совершенно видите пользу и непрременные надобности в скором соединении, — писал Багратион Платову 8 июля, —

и потому пожелаете поспешить сколь возможно... и пойдете, конечно, не менее 50-ти верст в каждый переход».

Получив предписание командующего, Платов отмахал за сутки от Слуцка до Бобруйска более 50 верст, намереваясь прибыть в Могилев 10 июля, если не «днем, то ночью». Но и маршал Даву не терял времени даром.

Атаман шел по намеченному графику и прибыл бы в Могилев вовремя, но еще 9 июля в город вошли войска Даву. Багратион, пробиваясь на соединение с 1-й армией, решил дать маршалу генеральное сражение. Потому и задержал здесь корпус Платова на два дня.

Генеральное сражение не состоялось, но произошла битва, и, по мнению М. И. Платова, «довольно порядочная», в которой «с обеих сторон, если не десять, то девять тысяч убитыми и ранеными пало». В ней вместе с корпусом генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского отличилась бригада полковника В. А. Сысоева в составе пяти казачьих полков. Бой у Салтановки, а речь идет именно о нем, был действительно кровопролитным, хотя и скоротечным. Потери атаман несколько преувеличил, но совсем немного.

12 июля корпус Платова переправился вброд через Днепр у монастыря Ворколабова, отделился от Багратиона и стал догонять 1-ю армию. Через два дня атаман получил пакет от Барклая де Толли с сообщением о его решении дать генеральное сражение неприятелю у Витебска. Командующий писал:

«...Собрал я войска свои на сегодняшней день в крепкой позиции у Витебска, где с помощью Всевышнего приму неприятельскую атаку и дам генеральное сражение.

В армии моей, однако, недостает храброго Вашего войска, я с нетерпением ожидаю соединения оногo со мною, отчего единственно зависит ныне совершенное поражение и истребление неприятеля, который намерен по направлению из Толочина и Орши частью своих сил ворваться в Смоленск, по каковому поводу настоятельнейше просил я князя Багратиона действовать на Оршу и занять сей город, а Ваше Высокопревосходительство именем армии и Отечества прошу идти как можно скорее на соединение с моими войсками.

Я надеюсь, что Ваше Высокопревосходительство удовлетворите нетерпение, с коим Вас ожидаю, ибо Вы и войска Ваши никогда, сколько мне известно, не опаздывали случаем к победам и поражению врагов. Я же отсель до тех пор не пойду, пока не дам генерального сражения, от которого совершенно все зависит».

С 13 по 15 июля арьергард 1-й армии под командованием Петра Петровича Коновницына в трудном единоборстве

отражал атаки противника. Избранная у Витебска позиция на деле оказалась вообще непригодной для сражения, особенно в случае его неудачного исхода и необходимости отступления.

«Мы в таком положении, — писал Ермолов Платову, — что и отступить невозможно без ужаснейшей опасности. Если Вы придете, дела наши не только поправятся, но и примут совершенно выгодный вид. Спешите».

Атаман не пришел. Не успел. А с одной надеждой на Всевышнего Барклай де Толли не рискнул вступить в сражение с противником, который имел двойное численное превосходство над его армией, и приказал отступить. В ночь на 16 июля русские войска оставили позицию у Витебска.

В штабе Барклая де Толли, по-видимому, были убеждены, что соединение русских армий сдерживается не только объективными трудностями отступления войск Багратиона, но и сознательно. Во всяком случае, такой вывод напрашивается после чтения письма Ермолова к Александру I. «Государь! — писал он 16 июля. — Необходим начальник обеих армий. Соединение их будет поспешнее и действия согласнее».

Платов, не зная о том, что 1-я армия оставила позицию у Витебска, продолжал пробиваться на соединение с ней по указанному ранее маршруту, теряя драгоценное время. Вскоре он получил послание Ермолова с упреками за проявленную медлительность, датированное тем же 16-м числом.

Платов отправил Ермолову ответ с описанием всех событий, начиная со дня, когда он вышел из Гродно. К письму атаман приложил записку следующего содержания:

«Я письмо к Вам писал на песке, сидя на коленях, как другу. Прошу довести его до сведения главнокомандующего, он увидит, что мне невозможно было успеть скоро соединиться с Первой армией. А теперь уже есть надежда соединиться через два дня, разве он (Барклай де Толли. — *В. Л.*) отретуруется до Москвы, тогда уже не скоро нагоню».

Боже милостивый, что с русскими армиями делается? Не побиты, а бежим! Одна со страхом отступает, а другую отдаленными дорогами отводят без боя. Спасал я ее три недели удачливо. Прошу Бога, чтобы благословил меня и другую защитить».

Соединение казачьего корпуса с 1-й армией произошло действительно «через два дня», то есть 19 июля. Судя по всему, Ермолов не показал записку Платова Барклаю. Командующий выразил атаману свою «наичувствительную благодарность» и уверенность в том, что донские войска «покроют себя новой славой». Вместе с тем он предложил ему предста-

вить список офицеров «с описанием их подвигов» для награждения. Ничто, кажется, не предвещало грозы...

Багратиону благодаря мужеству казаков и военному искусству их полководца удалось вывести свои войска из, казалось бы, неминуемого окружения. 20 июля его полки начали прибывать в район расположения 1-й армии у Смоленска. Соединение завершилось в течение трех дней.

«По духу 2-й армии можно было думать, что она пространство между Неманом и Днепром не отступая оставила, но прошла торжествуя, — вспоминал Ермолов. — Шум немолкавшей музыки, крики неперестававших песней оживляли бодрость воинов; исчез вид претерпенных трудов, видна была гордость преодоленных опасностей, готовность к превозможению новых».

Ученик Суворова Багратион умел поддерживать боевой дух в армии. Оттого-то его солдаты и воспринимали успешные сражения казаков как свои собственные победы.

Соединение двух русских армий было большим успехом их командующих. Превосходство сил Наполеона заметно уменьшилось, и он не получил желаемого и выгодного для него на том этапе войны генерального сражения.

А. П. Ермолов — Александру I,
после соединения русских армий:

«Ваше Величество, мы вместе. Армии наши слабее числом неприятеля, но усердием, желанием сразиться, даже самим озлоблением соделываемые не менее сильными...

Государь! Нужно единоначалие, хотя усерднее к пользам Отечества, к защите его, великодушнее в поступках, склоннее к принятию предложений быть невозможно достойного князя Багратиона, но не весьма часты примеры добровольного подчинения.

Государь! Ты мне прощаешь смелость в изречении правды!»

Как видно, торжество соединения не сгладило остроты противоречий между командующими. Князь Багратион, отличаясь умом «тонким и гибким», по отзыву Ермолова, не проявил этих качеств в отношении к Барклаю де Толли.

Обычно тактичный Михаил Богданович долго терпел, щадя самолюбие авторитетного в армии и первого по времени производства в чин генерала Багратиона, но всему бывает предел. Он не выдержал, и, по свидетельству очевидца, после соединения русских армий у Смоленска имел место крайне неприятный эпизод, произошедший в присутствии подчиненных.

— Ты немец, тебе все русские нипочем, — несправедливо обвинил распалившийся Багратион военного министра.

— А ты дурак, и сам не знаешь, почему себя называешь коренным русским, — ответил на это Барклай де Толли.

В такой обстановке рассчитывать на единство действий не приходилось. Военного министра порицали все: интриганы по свойствам характера и по положению в главной квартире, боевые генералы и люди, близкие к царской фамилии, а значит, и влиятельные при дворе; в солдатском строю за его спиной нередко раздавались мужицкие каламбуры и просто смачные ругательства.

История давно разрешила этот конфликт, оправдав устами А. С. Пушкина Барклая де Толли, обремененного ответственностью за судьбу армии и всей России, и поняв горячего и искреннего патриота Багратиона, в то время выразившего общее мнение. Именно тогда в хрипловатом хоре осуждения Барклая прозвучал зычный голос донского атамана, больно ранивший военного министра.

— Я никогда не надену более русского мундира, потому что он сделался позорным, — бросил Платов в лицо военному министру в присутствии генералов и сэра Роберта Вильсона во время первой встречи после соединения армий под Смоленском.

Обращает на себя внимание поразительное сходство лексики и самого смысла приведенной реплики Платова и процитированного выше письма Багратиона к начальнику штаба 1-й армии Ермолову. И это не удивительно. Несмотря на разницу в возрасте, отношения между ними, как было сказано, освящались боевой дружбой. Их частная переписка содержит выражения душевной любви, почитания и признательности, единодушного осуждения плана ведения войны и т. д. А ведь мы не знаем еще о характере их бесед накануне неизбежного свидания с военным министром.

Чем же была вызвана столь бурная реакция Платова? Думаю, ответ на этот вопрос можно получить из письма Барклая де Толли императору от 22 июля 1812 года:

«...Позволю себе высказать Вам, Государь, мое мнение относительно предмета не менее важного.

Генерал Платов в качестве командующего иррегулярными войсками облечен слишком высоким званием, которому не соответствует по недостатку благородства характера. Он эгоист и сделался крайним сибаритом. Его казаки, будучи действительно храбрыми, под его начальством не отвечают тому, чем они должны были быть. Доказательством служит его движение на присоединение к Первой армии. Были переходы, когда он, не имея против себя неприятеля, делал только от 10 до 15 верст. При этих обстоятельствах было бы

счастьем для армии, если бы Ваше Императорское Величество соблаговолили найти благовидный предлог, чтобы удалить его из нее. Таковым могло бы быть формирование новых войск на Дону или набор полков на Кавказе, с пожалованием ему титула графа, к чему он стремится больше всего на свете. Его бездеятельность такова, что мне приходится постоянно держать одного из моих адъютантов при нем или на его аванпостах, чтобы добиться исполнения предписанного.

Государь, я осмеливаюсь просить Вас о принятии этой меры потому, что она сделалась безусловно необходимой для блага службы...»

В последних строках своего письма военный министр заверял царя о полном согласии между ним и Багратионом, что никак не соответствовало характеру их отношений: только что один побывал в «дураках», а другой в «немцах».

Уже отмечалось, что 19 июля Барклай де Толли выразил атаману свою «наичувствительную благодарность» и, решив наградить донских офицеров, потребовал представить ему списки с описанием их подвигов, совершенных в арьергардных боях при отступлении 2-й армии от Гродно к Смоленску.

На следующий день, обращаясь к Платову с очередным распоряжением, Барклай де Толли писал: «Ваше Высочайшее превосходительство уже столь много одолжили 1-ю армию присоединением к ней, что мне остается только желать исполнения ныне предполагаемого, дабы Отечество совершенно Вам было обязано благодарностью».

В свете такого мнения обвинение Матвея Ивановича в слишком медленном движении на соединение с 1-й армией и стремление избавиться от него как крайнего сибарита, проще говоря, бездельника, кажутся неожиданными. Ведь вроде бы ничего не предвещало такой развязки. И вдруг...

Скорее всего, записка Платова, приложенная к письму Ермолову и ему одному адресованная «как другу», каким-то образом — может быть, не сразу — попала все-таки в руки военному министру, и он, будучи человеком, по характеристике начальника его штаба, «не снисходительным» и «чувствительным к наружным изъявлениям уважения», не оставил без внимания колкий выпад атамана. При встрече с ним, которая могла иметь место 21 июля в доме смоленского губернатора, то есть через два дня после выражения ему «наичувствительной благодарности», командующий, можно предположить, потребовал от него отчета о причинах задержки с выполнением «высочайшего повеления» о необходимости форсированного марша на соединение с 1-й армией. В

результате разыгралась та бурная сцена, свидетелем которой оказался сэр Роберт Вильсон, отиравшийся в главной квартире. На следующий день последовал уже известный рапорт Баркляя де Толли императору с просьбой отстранить атамана «для блага службы» от командования казачьими войсками под каким-нибудь «благовидным предлогом».

Возможно, все обстояло еще проще. Для человека, «чувствительного к наружным изъявлениям уважения», достаточно было и одного выпада Платова, чтобы возбудить желание удалить его из армии. Авторитета полководца наш военный министр не имел. Всего пять лет назад ходил в генерал-майорах и командовал-то самое большое одним из трех отрядов арьергарда. Правда, за сутки до генерального сражения под Прейсиш-Эйлау проявил чудеса храбрости, был ранен, но тот день, 25 января 1807 года, не принес «чести его распорядительности». Пять недель отступления лишь усугубили положение. Вот и решил избавиться от атамана, обладавшего высоким званием, но не обладавшего благородством...

Платов же, наперекор обвинению его в сибаритстве, еще раз продемонстрировал, теперь уже перед обеими армиями, свое полководческое искусство, отвагу и мужество казаков.

25 июля состоялся военный совет, который в сущности единодушно высказался за наступление в направлении на Рудню, где предполагалось прорвать центр французской армии, разъединить ее на части и нанести каждой из них максимально ощутимый урон до того, как они успеют сосредоточиться. Впереди главных сил должны были идти казаки Платова. Еще можно было успеть что-то сделать, хотя три дня оказались потеряны. Действия требовались энергичные и смелые. При всех достоинствах Баркляя де Толли импровизация и благоразумный риск выпадали из сферы его военной практики. Он должен был несколько раз все взвесить, прежде чем на что-то решиться.

Из Витебска к Смоленску вели три дороги: одна через Поречье, другая через Рудню, третья через Красный. По какой из них пойдет неприятель? Вот вопрос, над которым гадали генералы, принимая решение о переходе в наступление.

Багратион считал наиболее вероятным красненское направление, позволявшее Наполеону, совершив обход, отрезать русским путь отступления на Москву, и не ошибся. Барклай де Толли, получивший неверные разведывательные данные о сосредоточении французов у Поречья, сделал вывод, что противник собирается обойти его правый фланг.

Чтобы исключить эту опасность, он выдвинул туда свою 1-ю армию, а 2-ю отправил к Приказ-Выдре на Рудненскую дорогу, рассчитывая, что в случае необходимости она будет его подкреплять.

Платова забыли предупредить об этих перемещениях, и он продолжал идти по дороге на Рудню, но уже не впереди главных сил, как намечалось по диспозиции, а сам по себе, выдвинув в авангард бригаду генерал-майора В. Т. Денисова в составе двух казачьих полков.

Перед рассветом 27 июля в лагерь Платова примчался курьер от В. Т. Денисова с сообщением, что дивизия Себастиани в составе одного пехотного и девяти кавалерийских полков снялась с места и двинулась по Рудненской дороге по направлению к Смоленску. Атаман, ночевавший у деревни Зарубенка, имел в своем распоряжении всего семь казачьих полков и 12 орудий донской артиллерии. Правда, в ходе предстоящего боя силы сторон могли уравниваться, но только в том случае, если на помощь казакам до окончания дела подоспел бы вызванный сразу же после получения известия из авангарда о наступлении неприятеля генерал-майор П. П. Пален со своими гусарами.

Платов, не теряя времени, принял решение дать бой. С тем же курьером он приказал Денисову задержать неприятеля, а сам с пятью полками и артиллерией устремился на рысях к нему на помощь. У деревни Молево Болото он сблизился с Денисовым, усилил его двумя полками под командованием подполковника Т. Д. Грекова и тут же бросил в атаку. Казаки опрокинули равный им по численности авангард генерала Себастиани и преследовали его до соединения с основными силами дивизии.

Теперь французы перешли в наступление и стали теснить авангард В. Т. Денисова. Видя это, М. И. Платов пустил для удара по левому флангу неприятеля полки Атаманский, К. И. Харитонова и Симферопольский татарский под общим командованием генерал-майора Д. Е. Кутейникова, еще не вполне излечившегося от раны, полученной в сражении при Мире. А сам лишь с небольшим конвоем здесь же, у дороги, развернул орудия конной артиллерии и приготовился встретить врага в центре.

«Тут вышло упорное сражение, продолжавшееся более часу». В атаку на батарею бросились полк конных егерей и батальон пехоты неприятеля, которые, несмотря на губительный огонь картечи, упорно пытались овладеть русскими пушками. Уже были сражены ружейным огнем некоторые канониры, металась в построениях обезумевшие от ран ар-

тиллерийские лошади. Орудия, до которых оставалось не более 60 сажень, оказались в опасности. Но тут по флангу наступающих ударили казаки. К. И. Харитонов разбил конных егерей. И. Г. Мельников с двумя полками смял пехоту. Иван Григорьевич, «отличавшийся во многих случаях неустранимостью», в этом бою был убит.

Когда удалось отстоять артиллерию, началась общая атака на неприятеля, который «с Божьей помощью храбростью российских войск совершенно был опрокинут и преследован с большим поражением» сначала казаками, а последние восемь верст — подоспевшими гусарскими полками П. П. Палена, которые тешились над остатками дивизии противника, пока те не укрылись под защитой своей многочисленной пехоты и артиллерии.

Себастиани «потерял большое количество людей, — информировал Платов об итогах этого боя Барклай де Толли, — ежели не больше, то по крайней мере половину кавалерийского корпуса его; из пехотного же полка осталось не более ста человек и те спаслись кустарниками». Кроме того, в плен было взято десять офицеров, в том числе полковник, подполковник и майор, и «полагательно более 300 человек» рядовых.

«Неприятель пардона не просил, а войска российские Его Императорского Величества, быв разъярены, кололи и били его... С нашей стороны, по милости Божеской, убитыми урон невелик, а более ранеными...» Так завершил донской атаман свой рапорт военному министру. Этот рапорт и послужил мне основой для описания боя, данного казаками 27 июля превосходящим по силам французам у небольшой смоленской деревеньки, сиротливо приткнувшей свои кособокие избы к дороге, на которой во второй половине 1812 года вершились судьбы народов всей Европы и, конечно, России.

А где же были и что делали в это время Багратион и Барклай де Толли?

Багратион с самого начала усомнился в достоверности известий о сосредоточении войск Наполеона у Поречья и пытался убедить Барклая продолжать движение на Рудню, но безуспешно. Под предлогом недостатка питьевой воды в районе деревни Приказ-Выдра он отвел 2-ю армию ближе к Смоленску, поскольку его серьезно беспокоила возможность наступления французов по Красненской дороге, чтобы обойти русских с юга, захватить этот важный стратегический пункт и отрезать их от Москвы.

1-я армия простояла трое суток на одном месте. Когда выяснилось, что в Поречье никого нет, Барклай де Толли

снова двинул свои войска к Рудне. На эти бесплодные ночные передвижения с дороги на дорогу было израсходовано слишком много сил и времени, чтобы думать о наступлении. Наполеон уже успел сконцентрировать для удара на Смоленск пять пехотных и три кавалерийских корпуса да еще гвардию, создав группировку общей численностью в 185 тысяч человек.

Успех Платова в бою под Смоленском еще более усилил недовольство нерешительностью Барклая де Толли. Выразителем этого недовольства по-прежнему оставался Багратион.

П. И. Багратион — А. А. Аракчееву,

29 июля 1812 года:

«...Воля Государя моего! Я никак вместе с министром не могу. Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя бы полком командовать, в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу. И вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно и толку нет... Я думал, истинно служу Государю и Отечеству, а на поверку выходит, что служу Барклаю. Признаюсь, не хочу».

Недовольство Багратиона беспорядочным командованием Барклая де Толли русскими армиями после соединения их у Смоленска с искренней заботой о судьбе Отечества умело подогревал генерал-лейтенант Ермолов.

А. П. Ермолов — П. И. Багратиону,

1 августа 1812 года:

«...Пишите, Ваше Сиятельство, Бога ради, ради Отечества пишите Государю. Вы исполните обязанность Вашу по отношению к нему, Вы себя оправдаете перед Россией. Я молод, мне не станут верить. Я не боюсь и от Вас не скрою, что писал, но молчание, слишком продолжающееся, есть уже доказательство, что мнение мое почитается мнением молодого человека... Так, достойнейший начальник! Вы будете виноваты, если не хотите как человек, усматривающий худое дел состояние, разумеющий тягость ответственности, взять на себя командование армией... Уступите другому, но согласитесь на то тогда только, когда назначится человек по обстоятельствам приличный. Пишите, Ваше Сиятельство, или молчание Ваше будет обвинять Вас».

Александр I пока не видел среди своих военачальников «человека приличного по обстоятельствам», которого можно было бы назначить главнокомандующим. О Михаиле Илларионовиче Кутузове после аустерлицкого разгрома он даже не вспоминал. Между тем обстановка в армии накалилась до предела, чему немало способствовал один случай, к которому причастными оказались донские казаки и их атаман.

В бою у деревни Молево Болото они захватили документы, принадлежавшие генералу Себастиани, из которых стало ясно, что французскому командованию известен план наступления русских главных сил к Рудне. Точная осведомленность противника свидетельствовала о том, что он имеет ловких шпионов в штабе армии Барклай де Толли. Подозрения пали на Людвига Адольфа Вольцогена. Был ли он тайным агентом Наполеона, точно не известно, но Ермолов донес до нас содержание любопытного разговора, который состоялся у него с Платовым в это время.

— Казаки мои взяли в плен одного унтера, бывшего ординарца при полковнике, — начал Матвей Иванович, — и тот сказывал, что видел два дня сряду приезжавшего в польский лагерь под Смоленском нашего офицера в больших серебряных эполетах, который говорил о числе наших войск и весьма невыгодно о наших генералах.

Разговорились они «и о других, не совсем благонадежных и совершенно бесполезных людях, осаждавших главную квартиру, и, между прочим, о флигель-адъютанте полковнике Вольцогене, к которому замечена была особенная привязанность главнокомандующего». И Платов, бывший «в веселом расположении ума», посоветовал Ермолову:

— Вот, брат, как надобно поступить. Дай мысль поручить Вольцогену обозрение неприятельской армии и направь его на меня, а там уж мое дело, как разлучить немцев. Я дам полковнику провожатых, которые так покажут ему французов, что в другой раз он их уже не увидит.

Платов рассмеялся довольный, потом продолжил свой рассказ:

— Я, Алексей Петрович, знаю и других, достойных таких же почестей. Не мешало бы, к примеру, и князю Багратиону прислать ко мне господина Жамбара, служившего при графе Сен-При, в распоряжения которого он много вмешивается.

— Что вы, Матвей Иванович, — в тон атаману сказал Ермолов, — есть такие чувствительные люди, которых может оскорбить подобная шутка, и филантропы сии, облакаясь наружностью человеколюбия, сострадания, выставляют себя защитниками прав человека.

В Вольцогене Барклай де Толли, кажется, не усомнился. Зато выслал из армии под наблюдение московского губернатора Федора Васильевича Ростопчина четырех других флигель-адъютантов императора: князя Любомирского, графов Браницкого и Потоцкого и Влодека. Последний приехал в Москву с письмом военного министра от 30 июля.

«Письмо Ваше я имел честь получить, — писал в ответ Ростопчин Барклаю де Толли, — и вручателя оно́го полковника Влодека под предлогом скорого прибытия сюда государя императора удержал, имея за сношениями его крепкий надзор».

В тот же день Ростопчин отправил письмо и Александру I, в котором выразил свое возмущение решением Барклая де Толли. «Они все четверо не могут быть изменниками, — достаточно резонно заметил он, — зачем же наказывать их таким позорным образом? Почему же не Вольцоген или кто-либо другой сообщил известие неприятелю?»

Вслед за флигель-адъютантами командующий 1-й армией очистил главную квартиру от ряда своих адъютантов, подозреваемых им в силу каких-то причин в измене. Так, он выслал в Москву барона Левенштерна и графа Лезера.

Факты, приведенные в «Записках Алексея Петровича Ермолова», как правило, не вызывают сомнений. А вот с их оценкой, с его характеристиками отдельных генералов не всегда и не во всем можно соглашаться, хотя надо отдать должное его наблюдательности, умению все-таки постигнуть психологию сослуживца.

В целом высоко оценивая Барклая де Толли как человека «ума образованного, положительного, терпеливого в трудах», то есть работоспособного, равнодушного к опасности, не подверженного страху и т. д., он в то же время считал его «нетвердым в намерениях», «робким в ответственности», «боязливым перед государем», с чем никак не согласуются многие поступки Михаила Богдановича.

По мнению М. А. Фонвизина, характерной чертой военного министра была независимость. Барклай де Толли не остановился даже перед удалением из армии великого князя Константина Павловича, который без тени смущения обвинял его перед солдатами чуть ли не в предательстве. Отделаться таким же образом от Платова «для блага службы» он не мог без высочайшего на то соизволения. Ответа же на свой рапорт от 22 июля командующий пока не получил.

6 августа русские войска оставили Смоленск. Со сдачей города, считавшегося ключом от Москвы, авторитет Барклая де Толли приблизился к нулю.

П. И. Багратион — А. А. Аракчееву,

7 августа 1812 года:

«...Ваш министр, может, хороший по министерству, но генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего Отечества... Я не виноват, что он нерешим,

трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет совершенно и ругает его насмерть».

Точно так же отзывался о Барклае и генерал Д. С. Дохтуров в письме к жене.

Терялось уважение к военному министру и в обществе. Вот, к примеру, как судили о военачальнике тамбовские женщины. «Не можешь вообразить, — писала одна из них, обращаясь к своему адресату, — как все и везде презирают Баркляя».

Конечно, Барклай де Толли допускал ошибки. В частности, под Смоленском, сразу же после соединения русских армий, он имел возможность нанести хотя бы частичное поражение противнику, пока тот еще не успел сосредоточиться, но потерял немало времени. Ошибся и позже, когда переводил свои войска с Рудненской дороги на Пореченскую и обратно. Но отступление от города, в конечном счете, еще современники признали правильным, — правда, уже после того, как улеглись страсти.

Какая несправедливость! Полководец «с самым благородным, независимым характером, героически храбрый, благодушный и в высшей степени честный и бескорыстный», как характеризовал его Фонвизин, человек, беззаветно служивший родине и, быть может, спасший ее «искусным отступлением», больше других заботившийся о нуждах солдат, не только не был любим ими, но и постоянно обвинялся Бог вест в каких грехах.

Кто виноват в этой вопиющей неблагодарности? Дикость черни, на которую указывал А. С. Пушкин? Или те, кто сознательно или бессознательно внушал ей нелюбовь к спасавшему народ вождю? Знать это чрезвычайно важно, ибо сложившаяся в армии атмосфера отразилась на судьбах многих людей, в том числе и на положении атамана Платова.

На мой взгляд, главным виновником создавшейся обстановки следует признать императора Александра, который слишком долго не мог преодолеть честолюбивого желания лично руководить боевыми действиями. Лишь 8 августа он назначил главнокомандующим всеми российскими армиями фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. Кандидатуру великого полководца настойчиво отстаивала перед царем Москва.

Глава восьмая

ОТ СМОЛЕНСКА ДО БОРОДИНА

В арьергарде

В бою под Смоленском отличилась дивизия генерала Д. П. Неверовского. «Каждый штык ее, — восхищался Д. В. Давыдов, — горел лучом бессмертия!» На следующий день на помощь ему подоспел корпус Н. Н. Раевского. Русские отступили за стены крепости и решили защищать город до подхода главных сил П. И. Багратиона.

Рано утром 4 августа Н. Н. Раевский получил от П. И. Багратиона записку: «Друг мой, я не иду, а бегу. Желал бы иметь крылья, чтобы соединиться с тобою. Держись, Бог тебе помощник!»

Князь П. И. Багратион не пришел на помощь другу. М. Б. Барклай де Толли отправил его армию на Московскую дорогу, чтобы не позволить Наполеону обойти левый фланг русских. Он вывел из города солдат Н. Н. Раевского, оставил в нем уцелевших героев Д. П. Неверовского, подкрепив их корпусом Д. С. Дохтурова и дивизиями П. П. Коновницына и принца Евгения Вюртембергского. Два дня они отражали исступленные атаки французов.

Общий штурм крепости не имел успеха. Наполеон приказал начать обстрел города из 300 орудий. «Тучи бомб, гранат и начиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви, — вспоминал Ф. Н. Глинка, — все, что может гореть, запылало».

6 августа русские войска оставили Смоленск.

П. И. Багратион не выбирал выражений: «Подлец, мерзавец, тварь Барклай отдал даром преславную позицию». Это в письмах к ближайшим сотрудникам царя. Перед подчиненными и самим военным министром Петр Иванович старался сдерживаться.

Других же ничто не смущало. Великий князь Константин

Павлович, которого когда-то отчитал А. В. Суворов за неуважительное отношение к генералу А. Г. Розенбергу, забыл урок великого полководца. Однажды, подъехав к фронту солдат, он позволил себе сказать:

— Что делать, друзья? Мы не виноваты... Не русская кровь течет в том, кто нами командует.

От Смоленска отступали тремя колоннами. «Солдаты очень приуныли. Шли, повесив головы. Каждый думал: что-то будет?»

7 августа у Валутинной Горы, что за речкой Колодной, отряд П. А. Тучкова силами около трех тысяч человек, половину из которых составляли донские казаки А. А. Карпова, и одной роты артиллерии должен был остановить два пехотных и два кавалерийских корпуса противника, чтобы дать возможность войскам 1-й и 2-й армий, отступавших от Смоленска разными дорогами, сойтись на Лубинском перекрестке и продолжать движение к Соловьевой переправе через Днепр.

К полудню неприятель показался перед позицией русского авангарда, который к этому времени получил в подкрепление свыше двух тысяч гренадеров и шесть орудий. Продержавшись с этими силами у Валутинной Горы часа три, П. А. Тучков отступил за реку Страгань, где должен был стоять до последнего, чтобы решить поставленную перед ним задачу. О том, насколько большое значение придавал М. Б. Барклай де Толли удержанию этой позиции, можно судить по воспоминаниям его адъютанта полковника В. И. Левенштерна. Вот о чем поведал он много лет спустя.

Отступив за Страгань, П. А. Тучков лично доложил командующему, что больше не в состоянии противиться неприятелю, напиравшему на его отряд силами четырех корпусов. И услышал в ответ:

— Генерал, возвращайтесь к своим солдатам и умрите вместе с ними, защищая Отечество; если вы еще придете сюда, я прикажу вас расстрелять.

Павел Алексеевич был способен положить свою жизнь на алтарь Отечества. А вот задержать неприятеля теми силами, какими располагал в тот момент, едва ли. Понимая это, начальник штаба 1-й армии А. П. Ермолов срочно направил ему на помощь 1-й кавалерийский корпус, в состав которого входил и лейб-гвардии казачий полк. Кроме того, ему были подчинены четыре гусарских полка, правда один неполный, из отряда Ф. К. Корфа. Теперь численность авангарда достигла 10 тысяч человек, с которыми П. А. Тучков и вступил в бой против 35 тысяч отборных французских войск Нея, Мюрата и Жюно.

Бой начался в центре русской позиции. Французы несколько раз бросались в атаку, но, поражаемые шквалом картечи и пуль, отступили с большими потерями. В это время к месту сражения прибыл М. Б. Барклай де Толли. Убедившись в слабости отряда П. А. Тучкова, он спешно перебросил в район деревни Дубино 3-й пехотный корпус П. П. Коновницына. Численность авангарда 1-й армии возросла до 15 тысяч штыков и сабель.

Потери французов были велики — около 9 тысяч человек. Русские лишились более 5 тысяч своих сынов. Такой была плата за соединение 1-й и 2-й армий. И за бесполезные марши с одной дороги на другую.

* * *

В ночь на 8 августа 1-я армия подошла к Соловьевой переправе и в течение следующего дня под прикрытием казаков М. И. Платова переправилась на левый берег Днепра и двинулась вслед за войсками князя П. И. Багратиона по направлению на Дорогобуж.

На редкость неустойчивой была в то лето погода: в день переправы Наполеона через Неман разразилась гроза, шел дождь со снегом и градом, потом установилась жара, в середине июля — ливни, в начале августа — снова невыносимый зной. Кавалерия, артиллерия, пехота, поднимая тучи непроницаемой пыли, продвигались на восток. Солнце казалось багровым, ни зелени близ дороги, ни краски лафетов, ни цвета мундиров нельзя было различить. Лица солдат лоснились от пота и грязи. Люди дышали пылью, глотали пыль, изнывали от жажды и не находили, чем освежиться. Лошади отфыркивались, брызгали пеной, напрягались под тяжестью орудий, ездовые безбожно ругались.

Войска по-прежнему отступали тремя колоннами. Их отступление прикрывали арьергарды: северный — К. А. Крейца, центральный — М. И. Платова и южный — К. К. Сиверса.

Главные силы Великой армии Наполеона следовали по Большой Московской дороге. Поэтому основная тяжесть оборонительных боев легла на арьергард М. И. Платова, под началом которого у Днепра было всего восемь неуккомплектованных полков: Атаманский С. Ф. Балабина, полки М. Г. Власова, Т. Д. Грекова, В. Т. Денисова, И. И. Жирова, Н. В. Иловайского, К. И. Харитонова и Симферопольский конно-татарский.

9 августа у Соловьевой переправы показались колонны неприятельской пехоты и кавалерии. Арьергард встретил их

огнем двух пушек, удачно поставленных у переправы, и остановил на подступах к реке. Под напором превосходящих сил противника казачьи полки отошли и закрепились на новой позиции у Пневой слободы, куда поздно вечером на помощь донцам прибыли батальоны егерей, эскадроны гусар и уланов со своей артиллерией.

На рассвете 10 августа М. И. Платов приказал генерал-майору Г. В. Розену отойти с регулярными войсками арьберггарда к селу Михайловке, а сам с донскими полками остался удерживать неприятельскую пехоту и кавалерию у переправы. К полудню французы под прикрытием плотного огня стрелков и артиллерии навели мосты. Передовые их части перешли Днепр и стали теснить спешенных казаков.

Между тем барон Г. В. Розен отвел регулярные войска арьберггарда к Михайловке, где наилучшим образом использовал условия местности, готовясь задержать врага: на командной высоте, у подошвы которой протекал ручей, установил батарею в составе 22 орудий; лес и кустарник занял семью батальонами пехоты, за которой на равнине разместил 18 эскадронов кавалерии.

В три часа пополудни прискакал атаман. Он одобрил позицию, выбранную 30-летним генерал-майором, и расположение на ней войск. Спешенные казаки, отступая, навели французскую кавалерию, преследовавшую их, под удар двух орудий донской артиллерии, установленных за разрушенным мостом через небольшую речушку, и ружейных выстрелов передовой цепи егерей. Неприятель остановился, осмотрелся, подкатил несколько пушек и открыл ответный огонь.

Барон Г. В. Розен приказал отвезти орудия на основную позицию, а стрелкам отойти в лес влево и вправо от дороги, чтобы поставить наступающих под пули и штыки солдат егерского полка. Егеря сдерживали натиск до 6 часов вечера, после чего отступили тем же порядком, увлекая за собой французские колонны под шквал картечи и ядер русских батарей.

В центре французы дрогнули. Но на правом фланге русские были потеснены. Г. В. Розен ввел в бой свежий батальон егерей, приказав им, «не занимаясь стрельбою, ударить в штыки». Неприятель не выдержал, попятился, потеряв немало убитыми и до 40 человек пленными.

Потерпев неудачу в центре и на правом фланге, французы решили испытать силы русских на левом крыле их позиции. В 10 часов вечера они ринулись в атаку, но напоролись на штыки егерей. Бой кончился лишь в полночь при вспышках осветительных ядер, выпущенных в сторону врага.

Подводя итоги этого дня, М. И. Платов писал начальнику штаба 1-й Западной армии А. П. Ермолову, что «с самого утра не было и часу свободного... чтобы неприятель не наступал на арьергард самым наглým образом». После полуночи атаман приказал отвести войска к селу Усвятье.

В течение двух следующих суток наступление противника сдерживалось силами одних казачьих полков. Солдаты Г. В. Розена отдыхали и готовились к будущим испытаниям.

Из дневника артиллериста:

«12 августа. Мы сошлись на дороге с несколькими казаками, провожавшими из арьергарда раненых товарищей своих, и вступили с ними в разговор. Они очень жаловались, что даже им стало невмочь стоять против вражеской силы; что именно сего дня они шибко схватились с французами, так, что из-за густой пыли друг друга не узнавали.

И тут-то, батюшка, — промолвил казак, — наших пропало сотни три. Нет уж мочи держаться: так и садится окаянный на шею; а их пушки: только мы приготовимся ударить на гусаров, как пустят треклятые в нас хлопушки и катышки.

Право, уж и Матвей Иванович откажется; воюйте себе сами как хотите».

О напряженности боя 12 августа писал на следующий день и сам М. И. Платов: «Неприятель наступает, но не в таких уже силах, как вчера, когда имел я перед вечером с ним довольно сильное дело, что едва мог... удержать оногo».

13 августа, еще до рассвета, регулярные части арьергарда, снявшись с позиции у села Усвятье и пройдя через город Дорогобуж, остановились за рекою Осьмою. Генерал-майор Г. В. Розен готовился встретить французов, преследующих донские полки: у переправы поставил десять пушек; стрелков как егерских, так и спешенных казаков «раскинул по всему правому берегу»; на флангах расположил конницу.

Отступающие казаки вывели французов под огонь русской артиллерии и стрелков. Те попятились, остановились, устроили три батареи и открыли «сильную канонаду, но наши орудия действовали удачно». Перестрелка продолжалась до самой ночи. Враг был задержан почти на сутки, правда ценой гибели 60 человек.

Кажется, именно в этот день до Матвея Ивановича дошли обвинения в том, что его арьергард недостаточно упорно сдерживает французов. Хотя «некоторые, подобные шакалам, и помышляют, что... я допускаю неприятеля на сближение к нашей армии, — писал атаман в штаб армии, — сего никогда я не делал... доказательно, что и теперь нахожусь не менее 30-ти верст от оной».

В конце этого дня арьергард был усилен двумя егерскими полками и четырьмя орудиями.

14 августа Г. В. Розен отвел регулярные войска арьергарда в село Беломирское, еще не покинутое последним кавалерийским корпусом. Это вызвало серьезное беспокойство М. И. Платова, считавшего, что М. Б. Барклай де Толли за шесть переходов сумел отдалиться от него не меньше чем на 45 верст. В начале четвертого пополудни он написал А. П. Ермолову: «Ежели Вы сего вечера с армиею из Семлева не выступите, то я не отвечаю за завтрашнее утро... Не привести бы к Вам неприятеля близко... Идет он одною большою дорогою с великими силами. И потому я прошу доложить главнокомандующему...»

Матвей Иванович настаивал: утром 15 августа армия должна быть в Вязьме, в противном случае жертвы, принесенные арьергардом за неделю непрерывных боев, могут оказаться напрасными.

Почему М. Б. Барклай де Толли за неделю отступления после переправы через Днепр не сумел отдалиться от арьергарда на безопасное расстояние? От ответа на этот вопрос зависит объяснение ситуации, в которой оказался М. И. Платов. Дело в том, что командующий 1-й армией, а фактически всеми русскими войсками, решил наконец дать Наполеону генеральное сражение и даже поручил офицерам штаба найти подходящую позицию, отправив их к Вязьме и далее. Вряд ли Михаил Богданович верил в свою затею. Тем не менее он писал из Семлева императору:

«Кажется, теперь настала минута, когда война может принять благоприятный вид... Наши войска подкрепляются резервом, который Милорадович ведет к Вязьме. Теперь мое намерение поставить у этого города в позиции 20 или 25 тысяч человек и так ее укрепить, чтобы этот корпус был в состоянии удерживать превосходящего неприятеля, чтобы с большею уверенностью можно было действовать наступательно».

Приведенные выше строки из рапорта М. И. Платова свидетельствуют о том, что он не был информирован о намерениях главнокомандующего.

Нельзя не согласиться с мнением генерал-лейтенанта Бориса Михайловича Колюбакина: «Платов не исполнил возложенной на него задачи, и на него падает ответственность за день 14 августа, но не менее того падает ответственность на Баркляя и штаб 1-й армии... не обеспечивших Платову исполнение им трудной его задачи ни соответственной численностью арьергарда, ни надлежащей организацией и со-

ставом... равно не видим и определенных указаний арьергарду свыше».

15 августа генерал-майор Г. В. Розен с егерями и регулярной кавалерией ночевал у Беломирского и готовился отразить французский авангард, подпираемый войсками Великой армии. Казаки, сдерживая наступление, вели неприятеля на главные силы арьергарда, развернувшиеся на левом берегу реки Осмы. Сражение продолжалось с одиннадцати утра до восьми часов вечера и, по мнению М. И. Платова, по напряжению, может быть, «уступало одной только баталии кровопролитной».

«Все стремительные атаки неприятеля были отражены храбростью егерей и кавалерией, а равно и действием 32-х орудий, — писал М. Б. Барклай де Толли М. И. Кутузову сразу по прибытии его в армию. — Арьергард, видя бездействие неприятеля и имея нужду в отдохновении, отошел к Семлеву, где расположился лагерем, посты же оставил на реке Осме. В сем деле лично находился король Неаполитанский».

В этот день М. И. Платов потерял убитыми и ранеными больше, чем за два месяца отступления от Немана, поскольку шесть раз ходил в атаку на сильную неприятельскую кавалерию. «Участь арьергарда, — признавался атаман, — была на волоске». И все-таки начальник штаба 1-й армии А. П. Ермолов упрекнул его в том, что он сблизается с войсками «от одного авангарда малого» французского. Но все как будто прояснилось, и Платов с облегчением написал:

«Теперь видите, что я прав... А вчерашний выговор чуть было не сразил меня до болезни».

И тем не менее решение относительно его дальнейшего пребывания в армии было принято. 16 августа Матвей Иванович в последний раз воодушевлял своих героев. Вечером он уступил командование арьергардом П. П. Коновницину.

В чем причина?

Почему М. Б. Барклай де Толли столь сурово обошелся с генералом, который в доблести, славе и любви к нему солдат соперничал с лучшими учениками суворовской военной школы? Ответить на этот вопрос совсем не просто, но необходимо...

А. П. Ермолов спустя пятьдесят лет написал в своих воспоминаниях:

«Главкомандующий, справедливо недовольный беспорядочным командованием атамана Платова арьергардом, уволил его от оногo, позволил ему отправиться из армии, и

он находился в Москве, когда князь Кутузов дал ему повеление возвратиться к донским войскам...»

Это ошибка, обусловленная вовсе не памятью ветерана — она у старика была ясной, — а неосведомленностью. М. Б. Барклай де Толли получил наконец ответ на свое послание Александру I от 22 июля 1812 года. Император писал:

«Что касается генерала Платова, то, исполняя Ваше желание, я отзываю его для свидания со мною в Москву под предлогом, что мне необходимо лично переговорить с ним относительно сформирования новых казачьих полков на Дону».

В свою очередь, 14 августа 1812 года М. Б. Барклай де Толли писал Александру I:

«По высочайшей Вашего Императорского Величества воле, атаман Войска Донского генерал от кавалерии Платов отправляется в Петербург. Расставшись с ним, как с одним из благороднейших помощников моих, я не могу умолчать перед Вами, Государь, о тех новых к славе и пользе Отечества подвигах, кои во все продолжение настоящей кампании являл он на каждом шагу. Его примерная храбрость, благоразумные распоряжения и отличное в военных делах искусство обеспечивали все движения наши, удерживая превосходящего силами неприятеля и тем успокаивали целые армии. Я не могу определить цены заслуг его, но приемлю смелость всеподданнейше донести, что они по всей истине достойны тех отличных воздаяний, коими от монарших Вашего Величества щедрот украшаются блестящие доблестями среди верных слуг Ваших и бесстрашных защитников Отечества».

В тот же день, 14 августа, М. Б. Барклай де Толли сообщил М. И. Платову о получении «высочайшего рескрипта», почти дословно повторил ему свой отзыв о нем царю и сверх того написал:

«Я, конечно, решился бы на принятие смелости убеждать Государя Императора о позволении остаться Вам здесь по-прежнему, но, зная важность цели, для коей Вы призываетесь, ограничиваюсь изложением перед Его Императорским Величеством в полной мере признательности моей к заслугам Вашим и ходатайством о достойном воздаянии оным. Уверенный в уважении всемилостивейшего монарха к представлениям моим, я смело предворяю Ваше Высокопревосходительство, что прибытие Ваше в столице встречено будет дарованием Вам того титула, коим отличаются заслуги и достоинства, подобные Вашим».

Так разрешился конфликт между М. И. Платовым и М. Б. Барклаем де Толли, разразившийся в нервной обстановке всеобщего недовольства отступлением. Вряд ли в офи-

циальном документе и в частном письме можно было сказать лучше о заслугах атамана. Освобождение его от должности не имело никакого отношения к так называемому «беспорядочному командованию» им арьергардом, о чем писал в своих воспоминаниях А. П. Ермолов. Уступил он начальство П. П. Коновницину в связи с делом, начавшимся значительно раньше и получившим теперь благополучное окончание.

Этот вывод подтверждается и процитированным выше рапортом Баркляя де Толли Кутузову, только что вступившему в должность главнокомандующего, в котором нет ни слова упрека атаману за отвод войск, имеющих «нужду в отдохновении», к Семлеву. Напротив, говорится, что арьергард 15 августа вполне справился с поставленной перед ним задачей, отразив «все стремительные атаки неприятеля». Похоже, что военный министр сам не верил в возможность генерального сражения близ Вязьмы.

И все же после того, что военный министр писал императору 22 июля, его оценка Платова в письме от 14 августа представляется неожиданной. Выходит, он простил атаману и невыполнение приказа о срочном соединении казачьего корпуса с 1-й армией, и оскорбительную записку, если она каким-то неведомым нам путем попала ему на глаза, и ту бестактную выходку в присутствии генералов и сэра Роберта Вильсона?

Отвечая на этот вопрос, надо иметь в виду, что острота конфликта за минувшие три недели, конечно же, притупилась. Рассудок взял верх над чувствами. Опытный профессионал Барклай де Толли не мог не оценить достоинства Платова-полководца, его «новых к славе и пользе Отечества подвигов», «его примерную храбрость, благоразумные распоряжения и отличное в военных делах искусство», проявленные им в период с 9 по 14 августа при совершенно недостаточных силах.

«В подобных условиях, — полагал генерал-лейтенант Б. М. Колюбакин, — арьергард должен был состоять по меньшей мере из целой дивизии пехоты, не считая егерских полков, при пособии сильной артиллерии... и нескольких драгунских полков. Казачьи же полки не могли быть устойчивы против первоклассной французской пехоты, да еще на подобной закрытой и пересеченной местности».

И все-таки казаки и егеря выстояли. Это и оценил по заслугам командующий войсками Барклай де Толли.

Изменилось ли отношение Баркляя де Толли к Платову-человеку? Думаю, нет оснований сомневаться в искренности «честного и благородного» военного министра. Ведь он

имел возможность ограничиться официальным предписанием атаману — отправиться к «престолу для важного совещания о спасении общем», как и писал ему, и не расточать комплименты человеку, уязвившему его самолюбие. Но неприятный осадок от того столкновения, пожалуй, остался. Впрочем, об этом позднее.

Историк Александр Николаевич Попов, пытаясь объяснить несоответствие первого отзыва военного министра об атамане от 22 июля и его же характеристики от 14 августа, поставил вопрос: «Предполагал ли Барклай эту официально бумагою доставить государю повод, чтобы даровать Платову награду, которую для него испрашивал?»

Предполагал, конечно. Ведь с точки зрения военного министра, его заслуги «по всей истине достойны тех отличных воздаяний, коими от монарших... щедрот украшаются блестящими доблестями среди верных слуг... и бесстрашных защитников Отечества».

Однако Александр I наградами не бросался. Тем более в период отступления русской армии.

Рескрипт Александра I, датированный 28 июля, Барклай де Толли получил примерно 2 августа. Прочитав его, он не сразу сел отвечать своему государю, а, как видно, почти через две недели. Поэтому может возникнуть вопрос: как мог военный министр позволить себе так долго не информировать императора о деле, которое сам же и возбудил? Похоже, ему было известно об отъезде государя из Москвы в Петербург, а затем в Финляндию для переговоров с наследным шведским принцем в Або. Поэтому не было необходимости спешить с ответом, как не имело смысла и отправлять атамана на встречу с царем. Но в то же время он не мог держать его при себе без дела. Военный министр приказал Платову командовать арьергардом. И Матвей Иванович ценой чрезвычайного напряжения сил и больших потерь успешно справился с поставленной задачей.

14 августа Барклай де Толли сообщил императору о поездке Платова в Петербург, но в течение двух последующих дней тот продолжал командовать арьергардом: Платов отправился в путь лишь по прибытии в армию Кутузова. А это значит, что атаман ни одного шага не мог сделать, не согласовав его с новым главнокомандующим.

18 августа Платов в сопровождении многочисленной свиты покатил в легкой коляске на свидание с императором, но не в Петербург, как предписывал Барклай де Толли, а в Москву, где государя не было. Кутузов, только что прибывший из столицы, конечно, не мог не знать об этом. А пото-

му версию официальной цели поездки надо сразу же поставить под сомнение.

Утром 22 августа Платов прибыл в Москву и остановился в доме генерал-губернатора Федора Васильевича Ростопчина. Ф. В. Ростопчин — Александру I, 23 августа 1812 года:

«Платов приехал вчера утром, предполагая, что Вас встретит здесь. Сегодня вечером он уехал обратно к войскам. Народ, узнав, что он остановился у меня, собрался в большом количестве, желая его видеть. Он сообщил известия о состоянии войск, и толпа разошлась, чрезвычайно довольная им...»

Ни о чем другом Ростопчин Александра I не информировал, хотя и знал, что Платов прибыл в Москву якобы для того, «дабы иметь более средств для посылки приказаний казакам, от которых требовалось поголовное вооружение». Осведомленность генерал-губернатора о действительной цели приезда атамана не вызывает сомнений, она подтверждается документами.

22 августа Платов отправил в Новочеркасск «решительное предписание» Андриану Карповичу Денисову, в котором потребовал, «чтобы все снаряженные из Войска служилые отставные чиновники и казаки и, словом, все приуготовленные к ополчению при тех самых господах генералах и полковниках, кои назначены, высланы были по получении сего в 24 часа в поход» и следовали «прямыми дорогами к Москве форсированно, без роздыхов, делая не менее шестидесяти верст в сутки». По мере приближения к старой столице войсковые начальники должны были «разведывать о месте нахождения армии и идти для соединения с оной». Атаман не знал, как развернутся события после предстоящего генерального сражения и где должны искать его «господа генералы, кои назначены будут» командирами отрядов ополчения. Потому-то маршрут и был свободный — «прямыми дорогами к Москве».

Надо сказать, что Платов, хотя и «объяснился обо всем подробно в рассуждении ополчения» с московским генерал-губернатором, но свое «решительное предписание» в донскую столицу отправил все-таки вопреки царскому манифесту 18 июля 1812 года, исключавшему Дон из числа губерний, в которых высочайше разрешалось проявлять «вооруженный патриотизм». Предпринимая этот ответственный шаг, он должен был получить на то согласие Кутузова и условиться с графом Ростопчиным о сохранении в тайне несанкционированных действий.

Надо отдать должное Ростопчину. Он сообщил Александру I только о том, что Платов надеялся встретить его в Москве. В воспоминаниях же граф вообще исключил мысль о предполагавшемся якобы свидании атамана с царем, зато написал о том, как предводитель донских казаков энергично хлопотал об организации войскового ополчения, «принимал и отправил многих курьеров».

Вполне убедительно мнение историка А. Н. Попова, написавшего более столетия назад: «Поездка Платова в Москву с той целью, чтобы сделать распоряжения о донском ополчении, показывает, что князь Кутузов желал сохранить оное в глубокой тайне». Замечу, что эта тайна вполне вписывается в сферу последующих «хитростей» фельдмаршала. Эта секретность и породила представление о том, что ополчение на Дону формировалось по инициативе «снизу». На деле инициаторами его по праву следует признать М. И. Платова и М. И. Кутузова — в равной мере.

В заключение приведу одно любопытное свидетельство весьма осведомленного современника, каким был Сергей Николаевич Глинка, «тогдашний историограф Дона», связанный личной дружбой с Матвеем Ивановичем Платовым. Вот о чем поведал он в своих «Записках о 1812 году»:

«Коленкур и себя, и властелина своего обманывал, когда говорил, что будто бы война турецкая истощила Войско Донское и будто бы Дон опустел и обессилел. Кутузов и Платов знали об этой молве и разыгрывали притворную ссору...»

«Громкая весть» об этой ссоре разнеслась по Москве в тот день, когда донской атаман прискакал на дачу к графу Ф. В. Ростопчину. Может, сам Матвей Иванович и распространил ее по заданию главнокомандующего. Во всяком случае, свидетельство С. Н. Глинки подтверждается целым рядом обстоятельств, не выпадающих из логики последующих событий.

«Ныне много у нас таких, которые любят заниматься донскими историями». Специально для них: версию С. Н. Глинки принимаю лишь как гипотезу, позволяющую поразмышлять над некоторыми эпизодами из боевой биографии М. И. Платова.

Думаю, главной целью поездки Платова со свитой в Москву и было распространение слухов о ссоре атамана с главнокомандующим, чтобы отвлечь внимание неприятеля от Донского ополчения. Весть об этом достигла Петербурга, а еще позднее долетела до Наполеона. Но об этом речь еще впереди...

Вечером 23 августа Платов отправился в армию. Прово-

жал его Глинка. Остановились на Поклонной горе. Кипело в бокалах донское искристое вино. Лил дождь. Атаман был без фуражки.

— Матвей Иванович, дождь холодный, — сказал Глинка.

— Такие ли бури шумели над моей головой, Сергей Николаевич! Поговорим еще. Сердце у меня притомилось, а сердце вешун. Может, видимся в последний раз... Будет Дон счастлив и без меня. Знаю, что и там не все меня жалуют. Я давно служу, многое видел, а Бог знает, каково пробиваться и за себя, и за других. Жизнь — бедовое дело. Завидуют блеску, а что под ним?

Помолчав, Платов добавил:

— Сергей Николаевич, в Москве много бедняков, пишите о них, буду помогать. Но чтобы ведали про то только я и вы... Прощайте.

И покатил.

Вечером 25 августа Платов вернулся в армию и на следующий день принял участие в знаменитом Бородинском сражении. Но об этом через несколько страниц: армия еще не дошла до поля русской славы. Последуем за ней в арьергарде с казаками.

Накануне

11 августа 1812 года северная столица, обеспокоенная двухмесячным отступлением западных армий, провожала Кутузова спасать Россию. Среди провожающих был любимый племянник полководца, который спросил его:

— Неужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона?

— Разбить? Нет, не надеюсь разбить! А обмануть — надеюсь!

Из этих слов не следует вывод о том, что новый главнокомандующий заранее отказывался от активного военного противоборства с Наполеоном. Но стремление перехитрить опасного противника отличает все его действия от вступления в должность до изгнания французов из России. И в осуществлении этой тактики заметную роль Кутузов отводил донским казакам и их атаману Платову.

Скорая русская тройка лишь через неделю докатила Михаила Илларионовича до Царево-Займища, где обвиняемый во всех смертных грехах осторожный Барклай де Толли решил наконец дать Наполеону генеральное сражение. Приветствуя войска почетного караула, старый полководец нарочито бодро и не по возрасту зычно сказал:

— Ну как можно отступать с такими молодцами!

Этого было достаточно, чтобы по армии мгновенно раз-

неслось: «Приехал Кутузов бить французов». Солдаты и офицеры любили старого полководца и верили в него. Он, последний из «стаи славных екатерининских орлов», принял командование, когда ему исполнилось 67 лет.

Осмотрев избранную Барклаем де Толли позицию и взвесив шансы, Кутузов приказал отступать. Уповая на помощь Всевышнего и храбрость русских войск, он вместе с тем настойчиво требовал пополнений, без чего считал невозможным «отдаться на произвол сражения». А резервы надеялся получить по прибытии основных сил к Можайску.

Таким образом, отступление продолжилось, но с иным, нежели прежде, настроением и с верой в ум и находчивость главнокомандующего. «Все сердца воспряли, дух войска поднялся, все ликовали и славили его», — писал будущий декабрист А. Н. Муравьев...

Генералы же встретили это назначение по-разному. 16 августа 1812 года, накануне прибытия Кутузова в армию, и Барклай де Толли, и Багратион высказали свое отношение к выбору Александра I: первый в письме к жене, второй в письме к своему постоянному адресату Ростопчину.

М. Б. Барклай де Толли: «Счастливый ли это выбор, только Богу известно. Что касается меня, то патриотизм исключает чувство оскорбления».

П. И. Багратион: «Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем. Если особенного повеления он не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет (французов. — *В. Л.*) к вам, как и Барклай. Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи».

Впрочем, и царь не был в восторге от своего выбора, считая и Барклая де Толли, и Багратиона, и Кутузова «одинаково мало способными быть главнокомандующими». Он, по своему собственному утверждению, назначил «того, на которого указывал общий голос».

22 августа русские войска, прикрываемые упорным сопротивлением арьергарда, вступили на поле предстоящей битвы. На следующий день Кутузов написал царю:

«Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине, в 12 верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местностях найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею я большую надежду к победе».

Таким образом, избранная позиция представлялась Кутузову достаточно крепкой. Но для инженерной подготовки ее

слабого левого фланга необходимо было выиграть время. А это зависело от арьергарда Коновницына.

Упорное сопротивление арьергарда в период с 22 по 24 августа, многочасовое ожесточенное сражение за Шевардинский редут и село Бородино позволили Кутузову завершить инженерные работы. «Слабое место сей позиции» он успел так исправить «посредством искусства», возведя батарею на центральной Курганной высоте, построив Семеновские и Масловские флешы и другие укрепления. В законченном виде избранная позиция представлялась главнокомандующему настолько «крепкой», что он опасался даже, как бы неприятель не начал «маневрировать... по дорогам, ведущим к Москве», и не отказался от предложенного ему сражения...

Из дневника артиллериста:

«25 августа. Солнце светило ярко и золотыми лучами скользило по смертоносной стали штыков и ружей; оно играло на меди пушек ослепительным блеском. Все устраивалось для кровопролития следующего дня: московские ратники оканчивали насыпи на батареях, артиллерию развозили по местам и приготавливали патроны. Солдаты чистили, остригли штыки, белили портупей и перевязи...

Наступила ночь; биваки враждующих сил запылали бесчисленными огнями кругом верст на двадцать пространства; огни отражались в небосклоне на темных облаках багровым заревом».

Глава девятая

В ДЕНЬ БОРОДИНА

Готовясь к сражению, М. И. Кутузов умело расположил наличные силы на поле предстоящей битвы. Согласно диспозиции, составленной им 24 августа, они делились на войска левого и правого крыльев и центра. За центром и на флангах стояли резервы.

Отдельный казачий отряд А. А. Карпова в составе восьми донских полков входил в резерв левого крыла. Ему было приказано вести наблюдение за Старой Смоленской дорогой с целью предотвратить возможность обхода Бородинской позиции в районе деревни Утицы. Этим, однако, не исчерпывались задачи, поставленные перед казаками накануне сражения.

Еще в ходе Шевардинского боя выяснилось, что сил казачьих полков А. А. Карпова явно недостаточно для надежного прикрытия Старой Смоленской дороги, и это отметил в донесении царю М. Б. Барклай де Толли. Поэтому М. И. Кутузов приказал подыскать подходящее место для скрытного расположения значительных частей из главного резерва левого крыла русской армии. Такое было найдено за Утицким курганом, куда главнокомандующий отправил в ночь с 24 на 25 августа 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова, а также московских и смоленских ополченцев. В результате принятых мер на крайнем левом фланге была сосредоточена группировка до 24 тысяч человек при 18 орудиях.

«Когда неприятель употребит в дело последние свои резервы на левый фланг Багратиона, — говорил при этом Кутузов, — я пушу скрытое войско ему во фланг и тыл».

Таким образом, более чем за сутки до генерального сражения М. И. Кутузов планировал нанести удар в тыл и по

правому флангу наступающей французской армии силами мощной резервной группировки. И в этой операции важную роль должны были сыграть иррегулярные войска А. А. Карпова, заявившие о себе в ходе арьергардных боев при отступлении от Немана до Бородина. К сожалению, этот замысел главнокомандующего был сорван генералом Л. Л. Беннигсеном, который перед самым сражением самовольно переместил корпус Н. А. Тучкова в просвет между Семеновскими флешами и Утицким курганом, поставив его фронтом к противнику.

Оборону южной флешки держала сводно-гренадерская дивизия генерал-майора М. С. Воронцова. К ней была приписана на 24—26 августа 1-я донская конно-артиллерийская рота войскового старшины П. Ф. Тацина.

В резерв правого крыла были определены два конных корпуса — 1-й кавалерийский генерал-лейтенанта Уварова и отдельный казачий атамана Платова, вступившего в командование вечером 25 августа после возвращения из Москвы. Они расположились в районе Масловской роши.

В состав корпуса Ф. П. Уварова входил, кроме прочих, лейб-гвардии казачий полк генерал-майора В. В. Орлова-Денисова, состоявший из трех эскадронов и черноморской сотни.

В исторической литературе утвердилось мнение, что накануне Бородинского сражения корпус Платова состоял из девяти полков. Это неверно. На самом деле, полков было 14. Всего же в отдельный казачий корпус М. И. Платова в день Бородинского сражения входило 50 сотен и 12 конных орудий 2-й артиллерийской роты старшины П. В. Суворова.

По диспозиции Кутузова, составленной 24 августа, корпус Платова не получил строго определенного назначения. Больше того, в этом документе о нем даже не упоминалось. Объяснить это можно лишь с учетом важнейших элементов общего замысла главнокомандующего: его понимания роли и значения резервов, вероятных перспектив планируемого сражения и наиболее эффективного использования сил казачьих полков в последующем.

Наставляя командующих обеими армиями перед сражением, мудрый полководец говорил: «Резервы должны быть оберегаемы как можно долее». По его убеждению, генерал, сохранивший их, не может быть побежден. Благоприятное расположение сил правого крыла, защищенного от прямого удара противника природными преградами, позволяло Кутузову перебрасывать отдельные дивизии и целые корпуса, подчиненные Барклаю де Толли, для усиления слабого ле-

вого фланга Багратиона, не прибегая к использованию казаков Платова и кавалеристов Уварова.

Известно, что уже при первом осмотре позиции Кутузов проникся большой уверенностью в победе, о чем и уведомил императора 23 августа. Не оставила его уверенность и на следующий день. «Возлагая все упование на помощь Всевышнего и на храбрость и неустрашимость русских воинов», он думал при счастливом исходе сражения дать «собственное повеление на преследование» противника. В авангарде наступающей армии казаки должны были сыграть свою историческую роль. Опыт войн против Турции и наполеоновской Франции показал, что им не было замены и в арьергардных боях. Потому-то корпус Платова получил строго определенное назначение уже в ходе Бородинской битвы, да и то под давлением не предусмотренных главнокомандующим обстоятельств.

Вступив в командование корпусом, М. И. Платов в ночь с 25 на 26 августа отрядил пять сотен Атаманского полка под командованием С. Ф. Балабина «вправо верст за пятнадцать» от занимаемой позиции. Недостаток документальных данных не позволил историкам определить цель этой экспедиции. Н. П. Поликарпов считал «наиболее правдоподобным предположение, что они были высланы для связи с отдельным кавалерийским... отрядом» генерал-лейтенанта Ф. Ф. Винценгероде, в составе которого прикрывали направление на Петербург казачьи полки бригады И. Д. Иловайского. Это не так.

М. И. Платов поручил атаманцам вести наблюдение «за неприятельским движением, дабы он не мог зайти за фланг нашей армии». В то же время он приказал М. Г. Власову, оставленному 24 августа с бригадой казаков на левом берегу Колочи, поддерживать связь «с полковником Балабиным и в случае надобности подкреплять» его. Так что войсковой атаман, несмотря на содержание диспозиции, думал о предстоящем сражении, от исхода которого зависела судьба России, и готовился к нему.

Наступила ночь. Сражение должно было начаться перед рассветом. Кутузов проснулся рано, объехал войска, убедился в том, что солдаты, офицеры и генералы горят желанием сразиться с неприятелем, победить или умереть.

Наполеон провел ночь перед сражением в «мучительном беспокойстве», сам не спал и не давал заснуть своим адъютантам. Обращаясь к дежурному генералу Ж. Раппу, он внезапно спросил:

— Верите ли вы в завтрашнюю победу?

— Без сомнения, Ваше Величество, но победа будет кровавая.

Наполеона всю ночь не покидала мысль, что русская армия снова не примет сражения. Когда же на востоке блеснул первый луч нового дня и осветил поле Бородинской брани, император французов воскликнул: «Вот оно, солнце Аустерлица!»

Ошибался баловень фортуны. То было солнце Бородина, и светило оно не ему, а русскому полководцу Кутузову.

Трудно теперь определить, кто первый сказал, что корпус Платова до середины дня 26 августа бездействовал, но это мнение утвердилось в исторической литературе. И виноват в том сам атаман, который в рапорте Кутузову почему-то не счел нужным дать подробного описания событий, а ограничился предельно лаконичной фразой: «Каково происходило действие против неприятельского левого фланга, Вашей светлости по личному присутствию... известно». Вряд ли стоит сомневаться в том, что главнокомандующий действительно знал значительно больше других о ходе сражения. Однако факты, которыми он располагал, не получили отражения в официальных документах, в том числе и в пространной реляции на имя Александра I.

В делах войсковой канцелярии Государственного архива Ростовской области сохранился черновой вариант рапорта атамана о действиях его корпуса 26 августа. Последний раз он был опубликован к 150-летию Отечественной войны 1812 года в сборнике «Бородино». А из него следует, что донские казаки включились в дело уже на начальном этапе сражения. Так, С. Ф. Балабин, отправленный накануне «вправо верст на пятнадцать», в этот день «тревожил неприятеля и поражал его довольно». Сам же М. И. Платов с семьей полками уже в семь часов утра выступил из лагеря и последовал на левый фланг неприятельской армии, где до начала знаменитого рейда действовал наступательно на кавалерию и пехоту противника, «неоднократными ударами в дротики опрокидывал его с поражением и взятием в плен до двухсот конных и пеших стрелков».

Почти одновременно с атакой французов на село Бородино двинулся в наступление 5-й корпус Понятовского. Он имел цель обойти левый фланг русской армии, чтобы отрезать ее от Можайска. Условия лесистой местности сильно затрудняли движение, артиллерия отстала. Поэтому войска Понятовского только около девяти часов утра достигли деревни Утицы, захватили ее, но далее продвинуться не смог-

ли. Поляки неоднократно возобновляли атаки, но всякий раз Утицкий отряд успешно отбивал их.

Однако главные события разворачивались не на флангах, а на левом крыле русской армии, у Семеновских флешей, которые оборонял пехотный корпус генерал-лейтенанта М. М. Бороздина.

В пять утра начался артиллерийский обстрел флешей. Затем последовал штурм. Наполеон бросил в бой пехотные корпуса маршалов Даву, Нея, Жюно, всю кавалерию Мюрата, доведя постепенно число атакующих до 45 тысяч штыков и сабель при 400 орудиях.

Первые попытки неприятеля взять главные оборонительные рубежи 2-й армии были отбиты героями П. И. Багратиона. При этом почти полностью была истреблена дивизия М. С. Воронцова. «Она исчезла не с поля сражения, а на поле сражения» — так оценил ситуацию ее израненный командир. Оставшихся в живых, в том числе и донских артиллеристов П. Ф. Тацина, принял под свое командование генерал-лейтенант Д. П. Неверовский.

Но и французы понесли большие потери. Даву упал, контуженный в голову, лошадь под ним была убита. Погибли многие генералы и командиры полков. Маршалов Наполеона, кажется, стала покидать уверенность. Они запросили у императора подкреплений, но получили отказ.

Семеновские флешы, покрытые тысячами убитых людей и лошадей, несколько раз переходили из рук в руки. Ближе к полудню начался последний отчаянный штурм уже разрушенных укреплений. П. И. Багратион решил предупредить врага контратакой.

«Вот тут-то и последовало важное событие, — вспоминал поручик Апшеронского пехотного полка Ф. Н. Глинка. — Постигнув намерение маршалов и видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше по всей длине своей двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки».

Атака русских была отбита.

Теперь Даву повел своих героев в штыковую атаку. Осыпаемые градом русских пуль, французские гренадеры не отстреливались. Багратион, хорошо знавший цену воинской отваге, восторженно приветствовал врага криками: «Браво, браво!» Это был последний бой князя Петра Ивановича, любимца Суворова и всей армии, смертельно раненного осколком ядра.

«В мгновение пронесся слух о его смерти, и войско не-

возможно удержать от замешательства, — свидетельствует участник сражения А. П. Ермолов. — Около полудня Вторая армия была в таком состоянии, что некоторые части ее, не иначе как отдавая на выстрел, возможно было привести в порядок».

Флешы, вошедшие в историю Отечественной войны под именем Багратиона, оказались в руках французов. Командование 2-й армией временно принял на себя Коновницын. Он отвел войска за Семеновский овраг и стал готовиться к отражению атак противника. Первые попытки сместить русских с новой позиции были отражены.

После падения Багратионовых флешей главным пунктом Бородинского сражения стала Курганная высота, на которой была возведена батарея. Атаки на нее начались еще в 10 часов утра. Теперь же она попала под перекрестный огонь французской артиллерии, который нарастал с каждой минутой. «Ядра с визгом ударялись о землю, выбрасывали вверх кусты и взрывали поля, как плугом, — вспоминали пережившие этот ад солдаты и офицеры лейб-гвардии Московского полка. — Сверкало пламя, гремел оглушительный гром».

Внезапно канонада стихла, в атаку устремились пехота и кавалерия противника. Уже изготовилась к броске королевская гвардия Евгения Богарне. Ее «полки строятся во взводную колонну. Легкие отряды открывают путь, за ними идут гренадеры, стрелки и драгуны. Радость, гордость, надежда сияют на всех лицах... В шуме падающих бомб и гранат, непрерывного свиста железа и свинца раздаются крики:

— Да здравствует император! Да здравствует Италия!»

Таковыми словами передал предчувствие победы скромный офицер Великой армии Цезарь Ложье.

Наполеон сосредоточил на направлении Курганной высоты до 35 тысяч штыков и сабель. Положение защитников батареи оказалось критическим, а судьба сражения представлялась сомнительной. Но неожиданно натиск неприятеля стал слабеть. Что случилось? Почему повернула назад и поспешила вернуться за Колочу королевская гвардия? Начался знаменитый рейд казаков Платова и кавалеристов Уварова.

Как известно, еще 24 августа отряд М. Г. Власова наблюдал за неприятелем в районе нижнего течения Колочи, до впадения ее в реку Москву. На следующий день вечером М. И. Платов послал в том же направлении, только несколько дальше и севернее, пять сотен атаманцев во главе с С. Ф. Балабиным. А вскоре после начала Бородинского сражения подошел к ним и сам с семью полками.

Наполеон был уверен, что его «сообщения, большая дорога со всеми обозами и тылом надежно прикрыты болотистой рекой Войной, а далее еще Колочей». Поэтому в ночь перед сражением он скрытно поставил «всю армию», за исключением 4-го корпуса вице-короля Италии Евгения Богарне, «против левого открытого и необеспеченного фаса русских». Но казачьи разъезды отыскивали броды и обнаружили, что у села Бородино осталось совсем немного французов и донесли о том М. И. Платову. Это и определило все последующие действия атамана. Уже после восьми часов он направил принца Э. Гессен-Филиппстальского, состоявшего при нем волонтером, к М. И. Кутузову с просьбой разрешить его казакам и кавалеристам Ф. П. Уварова «в тыл съездить» к неприятелю. Главнокомандующий отказал, поскольку задумал нанести удар на противоположном фланге, где он должен был быть более эффективным.

Обходной маневр на левом фланге французской армии накануне сражения даже не планировался. М. И. Кутузов, считавший Наполеона «одним из величайших» военачальников своего времени, и подумать не мог, что он не воспользуется шансом, который дарила ему фортуна в случае наступления в направлении на деревню Семеновскую, где действительно было самое «слабое место» Бородинской позиции. Старый полководец, беззаветно веривший в мужество русского солдата, в опыт и отвагу Багратиона, рассчитывал перемолоть здесь главные силы противника, в решающую минуту нанести ему последний, сокрушительный удар из засады мощной утицкой группировкой, основу которой составляла пехота, и прежде всего корпус Н. А. Тучкова. Малочисленный отряд А. А. Карпова в этой тактической операции, извлеченной из арсенала классического военного искусства, мог играть лишь вспомогательную роль.

В 10 часов утра М. И. Кутузов узнал, что начальник его штаба Л. Л. Беннигсен самовольно изменил расположение войск утицкого участка, поставив корпус Н. А. Тучкова фронтом к противнику, и тем самым сорвал запланированный маневр. Надо было срочно принимать решение.

Желая удостовериться в справедливости донесений, Кутузов въехал на возвышенность, осыпаемую пулями и осколками гранат, внимательно осмотрел своим единственным глазом поле сражения, не обращая внимания на опасность. «На волоске была жизнь того, на ком лежала надежда России, — писал свидетель этой сцены А. И. Михайловский-Данилевский. — Адъютанты взяли его лошадь за узду и вывели

из-под выстрелов». В 10 часов 30 минут главнокомандующий лично приказал Уварову и Платову атаковать левый фланг и тыл французов, «чтобы хотя бы несколько оттянуть силы» их от 2-й русской армии и дать ей возможность перестроиться.

Таким образом, инициатива рейда принадлежала атаману Платову. Кутузов поддержал его, но лишь под давлением чрезвычайных обстоятельств.

Около 11 часов 30 минут Уваров и Платов переправились через Колочу в районе деревни Малой. После этого первый повел своих кавалеристов прямо на Беззубово, перед которым стояли французский пехотный полк и итальянская бригада легкой кавалерии дивизионного генерала Орнано, а второй с казаками перешел реку севернее этого пункта.

Уваров бросил в атаку гвардейских лейб-казаков Орлова-Денисова и елисаветградских гусар. Конница Орнано, уклоняясь от столкновения, отступила по мельничной плотине за реку Войну. Пехотный же полк построился в каре и трижды отразил не подготовленное артиллерией наступление русской кавалерии. Командир корпуса приказал развернуть против оборонявшихся несколько конных орудий. Французы отступили вслед за итальянцами, бросив пушку.

Все это произвело такое сильное впечатление, что Е. Богарне приостановил атаку королевской гвардии на Курганную высоту. И оборонявшие ее солдаты Н. Н. Раевского сразу почувствовали облегчение. Но тем пока дело и кончилось. Попытка Ф. П. Уварова организовать преследование неприятеля по той же плотине через Войну была пресечена отступившими.

Тем временем М. И. Платов с полками Н. В. Иловайского, Т. Г. Грекова, К. И. Харитонова, В. Т. Денисова, И. И. Жирова, М. Г. Власова, частью Атаманского и Симферопольским конно-татарским, переправившись через Войну севернее Беззубова, был обстрелян итальянской артиллерией. Ф. П. Уваров своими орудиями заставил ее замолчать. Воспользовавшись затишьем, атаман приказал казакам «принять направление частью во фланг, а частью в тыл» поверженной батареи «и сделать стремительный удар в дротики на неприятеля».

По мнению майора Д. Н. Болговского, составленному на основе личных наблюдений, рассказов участников сражения и показаний пленного французского генерала, М. И. Платов «исполнил это движение с такою точностью и спокойствием, что был замечен неприятелем только при выходе из дефиле в удалении приблизительно одной версты от его крайнего левого фланга».

Свидетелем дальнейшего развития событий оказался Ф. Н. Глинка. «Передовые французские пикеты всполошились и дали тыл, — писал он. — Казаки сели им на плечи. Напрасно отмахивались французы и немцы длинными палашами и шпорили коней своих. Донцы, припав к седлу, на сухопарых лошадках мчались стрелами, подлетали и жалили дротиками, как сердитые осы».

Неприятель, ошеломленный внезапной атакой казаков, не выдержал и отступил, «оставив убитыми на месте немало». Так доносил Кутузову сам Платов. После этого он «хотя и делал наступление, но был прогоняем неоднократно с поражением до самой ночи».

Стремительность атаки, произведенной казаками Платова, обеспечила «неожиданный успех» корпусу Уварова.

«Как ракета с длинным хвостом, — вспоминал несколько лет спустя известный теоретик и военный историк К. Клаузевиц, — понеслись казаки (В. В. Орлова-Денисова. — *В. Л.*) к плотине, молниеносно оказались на другой стороне и присоединились в лесу к своим собратьям».

Вслед за казаками в атаку по плотине устремились другие полки корпуса. «Русские почти уже подступили к итальянским батареям и заставили их замолчать», — свидетельствует уже знакомый нам Ложье. Правда, он умолчал о том, что артиллеристы снялись с позиции и бросились бежать, оставив на месте две пушки. Эту существенную деталь отметил в своем рапорте начальству Уваров. Противник был опрокинут, смят «и преследован с большим уроном» до соединения со стоявшими в каре войсками королевской гвардии. Пехота Дельзона и легкая кавалерия Орнано, подкрепленные драгунами и отрядом почетной стражи, получили возможность взять реванш...

Одновременная атака корпусов Уварова и Платова вызвала панику в стане врага. Сам вице-король подвергся смертельной опасности, под ним была убита лошадь, погиб и один из его адъютантов. Сильное замешательство на левом фланге французской армии встревожило Наполеона. Он не исключал, что вслед за кавалерией Кутузов бросит в бой и крупные силы пехоты. Поэтому император поспешил к Богарне и после выяснения обстановки приказал ему дать отпор русским. С этой целью он «вынужден был подлинно взять часть сил» из числа тех войск, которые штурмовали батарею Раевского на Курганной высоте.

Очевидец налета казачьих полков Д. Н. Болговский утверждал, что «этот маневр Платова решил участь русской армии, потому что Наполеон, извещенный о происшед-

шем на его крайнем левом фланге, приведенный в сильное раздражение этой помехой, направил на его поддержку... колонну в двадцать три тысячи человек — диверсия, которая лишила его на остальную часть дня средств воспользоваться успехами, одержанными его правым крылом».

Такого же мнения придерживались умнейший И. П. Липранди и другие участники Отечественной войны, а также многие русские историки, оценивавшие ход и итоги Бородинского сражения.

Существенный интерес представляет также мнение по этому вопросу французских современников. В обобщенном виде их точка зрения наиболее полно выражена в мемуарах адъютанта Наполеона графа Сегюра, ни на шаг не покидавшего своего повелителя в день «битвы гигантов». Вот что писал генерал Сегюр об этом эпизоде сражения:

«Принц (Евгений Богарне. — *В. Л.*) собрал все свои силы для генерального приступа — батареи Раевского, — как вдруг с левой стороны раздались ужасные крики, которые привлекли к себе его внимание. Уваров с двумя кавалерийскими полками и несколькими тысячами казаков напал на его резерв; там воцарился беспорядок, и он устремился туда, подкрепленный Дельзоном и Орнано, и, быстро отогнав этот отряд, вернулся, чтобы вести своих в решительную атаку... Но уже время было упущено. Нечего было думать о захвате всей русской армии и, быть может, целой России; оставалось лишь удержать за собой поле битвы. Кутузову дали время опомниться, он укрепился на оставшихся у него малодоступных высотах и покрыл всю долину своей кавалерией».

В процитированном отрывке есть, конечно, неточности в деталях, но в главном Сегюр прав: Кутузов действительно выиграл время, и не два часа, а несколько больше, и успел-таки усилить защитников батареи на Курганной высоте, перебросив туда два корпуса с правого крыла русской армии — пехотный и кавалерийский; французскому командованию и впрямь не приходилось уже думать о безоговорочной победе — удержать бы поле сражения.

Советские исследователи Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский высказали мнение, что «историки преувеличивают значение рейда» корпусов М. И. Платова и Ф. П. Уварова с русского правого фланга в тыл Наполеона, поскольку «участники битвы, в том числе видные полководцы, были невысокого мнения о его результатах». Так ли это?

Что касается рядовых участников Бородинского сражения, то я уже ссылался на их оценки этой операции, и они

никак не согласуются с приведенным выше заключением. Обратимся теперь к мнению «видных полководцев».

«Князь Кутузов отрядил первый кавалерийский корпус для нападения на левый фланг неприятеля с помощью казаков генерала Платова, — писал Барклай де Толли Александру I, — и если бы нападение сие исполнилось с большей твердостью, не ограничиваясь одним утомлением неприятеля, то последствие оно было бы блистательно».

Все так. Но оценка эта дана без учета поставленной перед командирами корпусов задачи, их сил и реальных возможностей и, думаю, с пристрастием.

С назначением Кутузова главнокомандующим самолюбие Барклая де Толли было уязвлено. Настолько, что в день Бородинского сражения он, как говорили, упорно искал смерти и не находил ее. И после сражения генерал не успокоился: под предлогом болезни попросил об отпуске, но до того как получил его, и даже позднее, не упускал случая, чтобы навести тень на старого полководца. Переписка военного министра с императором содержит немало тому доказательств. К этому ряду следует отнести и его оценку результатов рейда.

Характерно, что Барклай де Толли вообще не говорит о положительных результатах рейда, но обращает внимание на то, что он мог оказать серьезное влияние на ход сражения, но не оказал. Из трех начальников, имевших непосредственное отношение к осуществлению этой операции, командующий 1-й Западной армии назвал только двух — Кутузова и Платова. От первого зависела постановка задачи, от второго — ее решение. Генерал-адъютанта Уварова Барклай даже не упоминает — очевидно, из уважения к выбору Александра I.

В самом деле, отправь Кутузов в тыл противника конницу числом поболее, придай ей в помощь пехоту, да поставь перед ними задачу пояснее — и «последствие оно нападения» было бы иным. Но главнокомандующий пустил в рейд всего 5 тысяч всадников и с единственной целью — «атаковать неприятельский левый фланг, чтобы хотя несколько оттянуть силы» Наполеона от 2-й русской армии и центра, которые оказались в труднейшем положении.

Поставленная задача была успешно решена в результате умелых действий атамана Платова. Вряд ли опытный и рассудительный Барклай де Толли не понимал того, что другим казалось очевидным.

Нелегко определить отношение к этому делу Кутузова. Документом, дающим хоть какое-то представление о мнении главнокомандующего по этому вопросу, является его

ответ на запрос императора, почему за Бородинское сражение не был представлен к награждению генерал Уваров. Приведу важные для нас строки.

«Говоря о первом кавалерийском корпусе, я имею долг присовокупить... — писал Кутузов императору 12 ноября 1812 года, — что генерал-лейтенант Уваров по усердию своему к службе Вашего Величества сколько ни желал в сражении 26-го августа при Бородине что-либо важное предпринять с порученным ему корпусом, но не мог совершить того, как бы ему желалось, потому что казаки, кои вместе с кавалерийским корпусом должны были действовать и без коих не можно ему было приступить к делу, в сей день, так сказать, не действовали».

Первый исследователь этого документа Н. П. Поликарпов считал, что содержащуюся в нем фразу «казаки... в сей день, так сказать, не действовали» можно объяснить только незнанием главнокомандующим «истинного хода дел в районе боевых действий» корпусов Ф. П. Уварова и М. И. Платова, поскольку это противоречит фактам. Можно ли согласиться с таким объяснением? Думаю, что нельзя.

Я уже отмечал, что более или менее обстоятельный рапорт Платова Кутузову, написанный месяц спустя после знаменитого Бородинского сражения, так и остался в черновом варианте в делах его походной канцелярии. К этому времени был осознан подвиг защитников Семеновских флешей и Курганной высоты. На фоне славы героев Багратиона и Раевского вклад казаков в общее дело мог показаться атаману настолько незначительным, что он не счел даже возможным сколько-нибудь подробно описывать свой рейд в тыл противника и ограничился замечанием: *«Каково происходило действие против неприятельского левого фланга, Вашей Светлости по личному присутствию... известно»*. Так что обвинение главнокомандующего в неосведомленности лишено оснований.

Иначе прокомментировали ответ главнокомандующего на запрос императора историки Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский. Проявив завидную эрудицию, они вместе с тем без серьезного анализа документов заявили:

«Неудавшимся считал рейд и Кутузов, по замыслу которого он проводился. Ответственность за невыполнение поставленной задачи фельдмаршал возлагал на Платова».

По мнению А. И. Сапожникова, увлеченного опытом научной биографии М. И. Платова, «главнокомандующий был недоволен отсутствием конкретных результатов и решил возложить всю вину на атамана, к которому питал непри-

язнь еще с 1809 года», то есть со времени участия его в Русско-турецкой войне.

Любопытно, что А. И. Сапожников, квалифицируя этот рейд «как чисто тактический прием — демонстрацию», приписывает М. И. Кутузову недовольство «отсутствием конкретных результатов», под которыми понимает «захват стратегически важных пунктов, пленных солдат и орудий». Но если бы Михаил Илларионович действительно ожидал от казаков Платова чего-нибудь подобного, то вряд ли современники и потомки зачислили его в разряд великих русских полководцев.

Между прочим, к концу дня 26 августа Кутузов уступил Бородинскую позицию и в плен взял силами всей русской армии всего лишь тысячу солдат противника, половина из которых пришлась на долю казаков Платова. Это, однако, не помешало ему назвать себя победителем «над Бонапартием». Правда, только в письме к жене.

Что же касается неприязни, которую якобы питал Кутузов к Платову аж с 1809 года, то этот тезис доказать сколько-нибудь убедительно невозможно. Оно и понятно: нет источников, кроме разве что более позднего невнятного свидетельства Ермолова о том, что главнокомандующий, не имея «твердости заставить» атамана «исполнять свою должность, не смел решительно взыскать за упущения», а потому мстил ему «самым низким и тайным образом» за какие-то «прежние неудовольствия».

О том, кому принадлежал замысел рейда, я уже сказал. А вот все прочие положения приведенных оценок требуют пояснений.

Кутузов был очень не прост по натуре своей: умен, хитер и даже лукав; он умел играть людьми, когда ему это было нужно, и близкие к нему люди очень хорошо это понимали.

«Можно сказать, что Кутузов не говорил, но играл языком: это был другой Моцарт или Россини, обвораживавший слух разговорным своим смычком... Тех, кого он подозревал в разделении славы его, невидимо подъядал так, как подъядает червь любимое деревце», — так отзывался о нем человек, ежедневно его видевший и имевший с ним постоянные деловые сношения, дежурный генерал С. И. Маевский.

Оставляю пока без комментариев утверждение о нежелании М. И. Кутузова делиться с кем-либо славою, если даже это относилось и к М. И. Платову, чтобы не бросать тень на великого полководца. Впрочем, сыщется ли такая тень, которая могла бы заслонить его заслуги перед спасенной им Россией? Обращу внимание лишь на поразительную способ-

ность фельдмаршала играть «разговорным своим смычком». Однако прежде приведу удивительно тонкое наблюдение академика Е. В. Тарле.

«Исследователь, даже искренно любящий и почитающий этого великого русского человека, — настаивал он, — решительно обязан подвергать самой настойчивой и внимательной критике каждое слово, особенно каждый официальный документ, исходивший от Кутузова, и прежде всего обязан в каждом случае спрашивать себя: кому и зачем он пишет».

Изучаемый документ был адресован императору. Нельзя не согласиться с Н. А. Троицким, утверждающим в своей прекрасной книге о войне 1812 года, что личная неприязнь между Александром I и Кутузовым не была так глубока, как считают некоторые историки; во всяком случае она «никогда не выростала до конфликта». Дело даже не в этом. Их отношения и не могли принять привычную для нас и нынешних представителей высшей власти форму склоки. Ясно, однако, что их отношения не были и искренними.

Известно, что Александр, вопреки своим чувствам, вызванным поражением под Аустерлицем, назначил Михаила Илларионовича главнокомандующим войсками во время войны с турками и пожаловал ему за победу над ними графский титул и княжеское достоинство. А в августе «великого года России» поставил его, хотя и против желания, во главе всех западных армий.

В свою очередь, Кутузов до конца дней своих болезненно переживал несправедливое обвинение его царем в поражении под Аустерлицем. И все-таки с благоговением, пусть внешним, писал Александру: «Вы... изволите меня вызывать именем Отечества, которое я, конечно, люблю всеми чувствами, но где имя Ваше, Государь, там не надобно мне гласа Отечества».

Император своим запросом — почему не представлен к награде за участие в Бородинском сражении генерал-адъютант Уваров — вмешивался в прерогативу главнокомандующего определять вклад корпусных начальников в общую победу. Это могло вызвать протест. И все-таки надо было отвечать.

Современники очень сомневались в способностях Уварова как военачальника. Судя по всему, не пользовался он авторитетом и у главнокомандующего. И не без оснований. Его неумение быстро ориентироваться в обстановке боя вполне обнаружилось и в описываемом здесь рейде, когда он трижды предпринимал атаку на пехоту противника, не подготовив ее артиллерией, пока не получил на то указаний

Платова. В результате время было упущено. Неприятель успел подтянуть сюда значительные силы, хотя и за счет ослабления натиска на русский центр. Но хитрый Кутузов не стал обвинять царского адъютанта и начал играть «разговорным своим смычком», поставив возможный успех 1-го кавалерийского корпуса в зависимость от действий донских казаков. А казаки «в сей день, так сказать, не действовали», то есть вообще-то действовали, но не настолько, чтобы за это представлять к награде.

Но имела ли избранная Кутузовым формула реальное содержание? Или она была призвана только погасить интерес Александра I к личности Уварова?

Имела, конечно. Я уже обращал внимание на малочисленность корпусов Платова и Уварова. Это предопределило не только характер поставленной перед ними задачи («атаковать неприятельский левый фланг, чтобы хотя несколько оттянуть силы» Наполеона от 2-й русской армии и батареи Раевского), но и их тактику.

Корпус Платова состоял из 14 полков и донской конно-артиллерийской роты. За время арьергардных боев некоторые из них потеряли убитыми и ранеными более половины своего личного состава. В рейд же Кутузов отправил только восемь полков, а шесть оставил на позициях, которые они заняли еще вечером 25 августа. В силу неблагоприятных условий местности атаман не взял с собой артиллерию. Выходит, повел в атаку не более 2500 казаков, а может быть, даже меньше.

У Уварова было под началом столько же — 2500 человек. Таким образом, силы обоих корпусов не превышали 5 тысяч сабель, а это в четыре раза меньше, чем у противника. Отсюда следует, что от них никак нельзя было требовать решительных действий, их конницу можно было использовать только для тактической демонстрации. Эту задачу и возложил на них главнокомандующий.

Вернемся теперь в район боевых действий этих корпусов, где мы оставили их, когда пехота Дельзона и легкая кавалерия Орнано, подкрепленные драгунами и отрядом королевской гвардии, получили возможность взять реванш. Под напором превосходящих сил противника русские отступили, укрывшись в «кустарниках и за холмами».

«Платов, дебушируя из дефиле, скрывавшего ничтожество его сил, — писал Д. Н. Болговский, — опасался скомпрометировать себя решительной атакой неприятеля, противопоставившего ему уже батарею. Он счел более полезным угрожать ему положением, которое оставило бы его в сомнении относительно его действительных сил».

Аналогично действовал в это время и Уваров со своим корпусом. Маневрируя, он «делал вид», что намерен атаковать противника еще раз.

Вице-король и сам Наполеон считали, что «в кустарниках и за холмами» находится не только кавалерия, но и пехота русских, которая ожидает лишь «удобного случая», чтобы оттеснить французов с Новой Смоленской дороги. Эта ошибка, писал И. П. Липранди, была «единственной причиной» того, что натиск «с правого неприятельского фланга на наш левый прекратился».

Таким образом, участники рейда, «так сказать, не действуя», сумели все-таки выполнить поставленную Кутузовым задачу и оттянули на себя более 23 тысяч человек. И главнокомандующий отметил это в реляции на имя Александра I. «Хотя положение места было не весьма выгодное, — писал он, — но атака была сделана довольно удачно, неприятель был опрокинут».

А вот что писал об этом адъютант главнокомандующего генерал-лейтенант Александр Иванович Михайловский-Данилевский:

«Действия Платова и Уварова имели чрезвычайно важное влияние на участь сражения и вполне оправдали ожидание князя Кутузова».

Из всего сказанного трудно заключить, что «ответственность за невыполнение поставленной задачи фельдмаршал возлагал на Платова», как писали Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский. Однако нежелание М. И. Кутузова поделиться славой с атаманом, предложившим ему «спасительную мысль» «в тыл съездить» к неприятелю, прослеживается отчетливо. В его реляциях на имя Александра I нет иных слов о рейде, кроме «я приказал». Все правильно, все справедливо: главнокомандующий выслушивал донесения, принимал решения, то есть брал на себя ответственность за судьбу сражения, а следовательно, и России. Он имел право не вдаваться в подробности. Определять же вклад других военачальников в победу — дело историков, которые могут, конечно, ошибаться, но и ошибками своими должны способствовать развитию науки.

И еще одно замечание: если Кутузов и Платов действительно разыграли «притворную ссору», чтобы ввести в заблуждение Наполеона, то представление атамана донских казаков к награде за участие в Бородинском сражении было бы просто нелогичным. Представлять же к награде одного только Уварова Кутузов не мог по этическим соображениям. Такой шаг главнокомандующего был бы откровенно оскор-

бительным по отношению к соратнику по многим баталиям прошлого, несмотря на вероятную договоренность с ним на сей случай. Потому-то и вынужден был он играть «разговорным своим смычком» в ответ на запрос императора. И партию исполнил блестяще.

Здесь никак нельзя обойти еще один весьма деликатный вопрос. Связан он с пристрастием донского героя к алкоголю. Тот же А. И. Михайловский-Данилевский, положительно оценивший значение рейда в официальном труде, процитированном мною выше, в своих воспоминаниях, опубликованных уже после смерти, писал, что М. И. Платов «в оба дня Бородинского сражения, когда дело шло об участи России, был мертвецки пьян», что вызывало крайнее недовольство князя М. И. Кутузова. Причем все это мемуарист якобы «видел своими глазами».

24 августа, когда русские войска под командованием генерал-лейтенанта А. И. Горчакова мужественно отбивали атаки значительно более сильного противника на Шевардинский редут, атаман М. И. Платов находился в пути из Москвы в армию, куда прибыл вечером следующего дня. Поэтому А. И. Михайловский-Данилевский никак не мог видеть его «своими глазами». Хотя, конечно, нельзя исключать того, что атаман позволил себе перебрать «горчишной» или «кизлярки», которые предпочитал всем прочим напиткам.

Что же касается второго дня, когда развернулось Бородинское сражение, то Платов, как отмечалось выше, в семь часов утра выступил «из лагерного расположения» и последовал «на левый фланг неприятельской армии», где «действовал наступательно», а потом долго уговаривал Кутузова разрешить ему с казаками «в тыл съездить» к французам. И добился-таки своего — съездил. Мог ли главнокомандующий отправить в рейд две с половиной тысячи всадников под началом «мертвецки пьяного» генерала? Сильно сомневаюсь.

Если бы Платов в день Бородинского сражения был пьян до бесчувствия, а Кутузов «пытался свести счеты» с атаманом, как писал Сапожников, он без особых проблем расправился бы с ним, сообщив императору о его «распутном поведении». Главнокомандующий же оценил результаты рейда положительно: «Атака была сделана довольно удачно, неприятель был опрокинут».

Похоже, Михайловский-Данилевский писал о пьянстве Платова «в оба дня Бородинского сражения» по слухам. Думаю, он и сам усомнился в их достоверности. Не случайно

же, публикуя к 25-летию победы над Наполеоном свой официальный труд о событиях 26 августа, он ни словом не обмолвился об этом пороке атамана донских казаков.

Нет, я вовсе не выгораживаю донского героя. Очень даже вероятно, что Матвей Иванович включал в свой рацион «горчичную» и «кизлярку». Но в день 26 августа, когда действительно «дело шло об участии России», он не имел времени на то, чтобы расслабиться.

Отразив налет конницы Платова и кавалерии Уварова, Наполеон приказал во что бы то ни стало взять Большой бородинский редут. Последовала атака, встреченная отчаянным сопротивлением защитников батареи Раевского. Ценою огромных потерь французам удалось захватить Курганную высоту. Но это принесло французам лишь некоторый тактический успех.

«Перед глазами ворвавшихся предстала ужасающая картина: редут был похож на настоящий огнедышащий кратер; здесь и там лежали целые горы трупов; на полуразрушенных брустверах были разбиты все бойницы, и при вспышках выстрелов можно было различить только одни жерла пушек; однако большая часть орудий уже была опрокинута или сброшена с разбитых лафетов» — можно прочесть в справке исторической службы французской армии.

Общий замысел Наполеона был сорван. Русская армия была полна решимости сражаться до конца. Посланцу Барклая де Толли, не пожалевшему мрачных красок в докладе о положении дел и предложившему начать отступление к Москве, возмущенный Кутузов резко ответил: «Что касается до сражения, то ход его известен мне самому как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах, завтра погоним его из священной земли Русской». Казаки, по замыслу полководца, должны были наступать в авангарде. Потому-то и бросил он в рейд чрезвычайно ограниченные силы со столь же ограниченной задачей. Но трудно представить себе последствия этой схватки, если бы фельдмаршал не принял предложения атамана и, стоя под осколками гранат на высоте наблюдательного пункта, мысленно не увидел всей картины того знаменитого в истории нашей военной славы дня.

Пошел дождь. С наступлением темноты Наполеон отвел свои войска на исходные позиции. Он оставил батарею Раевского, деревни Семеновскую, Утицу и Утицкий курган. Генерал-лейтенант К. Ф. Багговут, вступивший в командование после гибели Н. А. Тучкова, «послал партию казаков наблюдать сие отступление, которые потом, возвратясь, донесли» ему, «что неприятель отступил за Колочу-реку».

Отход неприятеля на позиции, которые он занимал утром, не дает оснований делать далеко идущий вывод о том, что Наполеон тем самым признал свое поражение на Бородинском поле, как писали известные советские генералы Л. Г. Бескровный и П. А. Жилин. Не лучше ли согласиться с тем, что после столь ожесточенного сражения он решил отвести войска, чтобы дать солдатам возможность отдохнуть, но не на трупах павших соратников. Однако казаки и там не оставили их в покое и несколько раз в течение ночи поднимали целые дивизии по тревоге и даже вынуждали строиться в каре вокруг шатра императора. Сон французов отнюдь не был сном победителей.

За мужество, проявленное в Бородинском сражении, А. А. Карпов представил 167 человек к различным наградам. При этом он отмечал, что казаки действовали «с неустрашимой и отличной храбростью, поражали противника пиками, расстраивали его тылы и брали довольно большое число в плен». А полковые начальники и младшие офицеры, «несмотря на сильные пушечные и ружейные выстрелы, находились всегда впереди и воочию подавали подчиненным своим пример», сами много раз «врезались в колонны неприятельские... своею рукою поражали наездников» польских, прогоняли их с «нужных для нашей армии мест».

«Я, слава Богу, здоров, мой друг, и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием», — писал Михаил Илларионович жене.

Не станем возражать и против этого, столь категоричного утверждения главнокомандующего, ибо он действительно не был побит, а русские, даже по признанию самого Наполеона, «заслужили право быть непобедимыми». Таковыми они и остались после Бородинского сражения.

Так завершилось одно из самых кровопролитных в истории войн Бородинское сражение, в котором был сорван наполеоновский план разгрома русской армии. Немалая заслуга в этом донских казаков. Значение рейда конницы М. И. Платова и кавалерии Ф. П. Уварова следует оценивать не по количеству пораженных и плененных противников, а по его последствиям. Результатом же была победа. Пусть только нравственная. Со временем она перерастет в материальную.

Потери были велики. Поэтому М. И. Кутузов отказался от продолжения сражения, предполагая дать его на подступах к Москве.

Глава десятая

ТРУДНЫЕ ДНИ АТАМАНА

От Бородина до Тарутина

Вскоре после полуночи русские снялись с Бородинской позиции и четырьмя колоннами двинулись к Можайску. Отход их должен был прикрывать арьергард под командованием М. И. Платова в составе всех его казаков, части 1-го кавалерийского корпуса, трех егерских полков, пехотной дивизии и роты конной донской артиллерии. Согласно диспозиции, данной войскам на 27 августа, атаман должен был выступить «за час до рассвета и... следовать за армией, стараясь, сколько возможно, избегать сражения с неприятелем».

Армия остановилась за Можайском, у деревни Жуково. Следом за ней подошел арьергард, никем не преследуемый, и расположился перед городом.

Наполеон, узнав об отходе русских, сформировал авангард в составе четырех кавалерийских корпусов и одной пехотной дивизии под командованием маршала Иоахима Мюрата и приказал ему овладеть Можайском.

Из воспоминаний графа Ж. Сегюра:

«Мюрат, подступив к Можайску, вообразил, что этот город в его власти, и послал пригласить императора расположиться в нем на ночлег, но оказалось, что русский арьергард укрепился у стен этого города, за которым на возвышенности разместились все остальные войска. Таким образом, они закрывали дороги в Москву и Калугу. Русские имели твердый и внушительный вид, как и перед битвой; Мюрат же со свойственным ему бесстрашием захотел броситься на них. Эта битва зашла так далеко, что потери, понесенные нами накануне, еще увеличились».

Как видно, Платову не удалось избежать столкновения с неприятелем, и русский арьергард, по признанию генерала свиты французского императора, с честью вышел из трудно-

го испытания. 28 августа М. Б. Барклай де Толли именем главнокомандующего М. И. Кутузова предписал атаману донских казаков «непрерывно удерживать неприятеля... дабы обозы, артиллерия и раненые могли уйти далее по дороге к Москве» и не затруднять отступление армии.

Рапорт атамана главнокомандующему о боевых действиях арьергарда 28 августа 1812 года у Можайска не содержит важных для нас подробностей, и все-таки общая картина событий этого дня по нему может быть восстановлена. В 6 часов утра французы возобновили атаки. Платов выставил против них шесть батальонов егерей, прикрываемых отхода с севера и юга полками регулярной кавалерии и казаков, а из города орудиями донской конной артиллерии, размещенной «на разных возвышенностях».

Под напором французов Платов отступил за Можайск, закрепился близ города на высотах, которые накануне были заняты русской армией, и сдерживал неприятеля в течение двух часов, после чего отошел еще на пять верст на восток и продолжал отбиваться от значительно более сильного противника и с фронта, и с флангов. На его арьергард наступали уже не только войска Мюрата, но и пехотные корпуса Даву и Нея «и вся та кавалерия, которая была в сражении 26-го августа... у деревни Бородино» во главе с самим Наполеоном. Но и «после того на всяком шагу ежеминутно продолжалось сражение до самой ночи».

Арьергард отступил от Можайска примерно на 15 верст. Платов считал своим долгом донести князю М. И. Кутузову «и по всей справедливости свидетельствовать о неунынных трудах и рвении, с неустрашимой храбростью оказанных в сих местах и на каждом шагу» генералами Н. Н. Раевским и Г. В. Розеном.

28 августа арьергард с трудом закрепился у села Моденова. Недовольный Кутузов вынужден был усилить его двумя бригадами пехоты, тремя егерскими полками, ротой батарейной артиллерии, частью 1-го и всем 2-м кавалерийским корпусом. Одновременно он отстранил атамана Платова от командования войсками охранения и назначил вместо него М. А. Милорадовича.

Так Матвей Иванович вновь оказался не у дел. Это вызвало толки. Вот что писал известный герой Отечественной войны Михаил Семенович Воронцов, хорошо знавший атамана:

«Тут он действительно был виноват, ибо вместо того, чтобы держаться как можно дольше на месте сражения и драться на каждом шагу, к вечеру привел неприятеля на плечах к армии, когда старик Беннигсен по дряхлости не успел еще рассмотреть у Можайска позицию, которая одна

только и была хороша... Скорое отступление (арьергарда. — В. Л.) и было, может быть, причиною потери Москвы. Князь Кутузов на Платова весьма сердился».

Если верить А. И. Михайловскому-Данилевскому, то М. И. Кутузов, выражая недовольство отступлением арьергарда, назвал М. И. Платова «говняком». Поговаривали даже о возможном суде над атаманом «за неисполнение ему приказанного».

Большое видится на расстоянии. Задержи Платов Великую армию Наполеона даже на неделю, все равно второй батальи, подобной Бородинской, быть не могло. Думаю, лучше других понимал это сам Кутузов, хотя изо дня в день не уставал повторять: под Москвой «должно быть сражение, решающее успехи кампании и участь государства». Не случайно же еще накануне, 27 августа, в диспозиции, данной войскам, он предписал командующему арьергардом выступить за час до рассвета и следовать за армией, избегая по возможности столкновений с неприятелем.

Как уже отмечалось, выполнить это предписание главнокомандующего атаману не удалось: в течение суток арьергард отбивал атаки противника и отошел за Можайск. Так что возлагать на Платова ответственность за потерю Москвы нельзя. Впрочем, и сам Воронцов не был в этом убежден.

«Неудовольствие на Платова, сверх того что он не мог начальствовать авангардом в ту важную эпоху с такою пользою, как Милорадович, — писал И. П. Липранди, — имело и другой источник или причину».

И. П. Липранди этот источник не раскрыл. Историк В. М. Безотосный, проанализировав «все обстоятельства», предположил, «что главными причинами атаманских бед в тот момент были не сомнения в его командных способностях, а старые обиды М. И. Кутузова». Я же думаю, что такой поворот в судьбе М. И. Платова можно объяснить игрой в «притворную ссору», о которой поведал нам С. Н. Глинка. И зашла она, кажется, слишком далеко. В эти дни распространились слухи о намерении нашего героя... перейти с казаками на сторону неприятеля. Об этом говорили в армии и судачили в петербургских салонах.

Через три дня после отстранения атамана от командования арьергардом неизвестный участник войны записал в дневнике: «Дорбгой говорили об измене Платова».

Эти слухи поддерживал и Ростопчин. «Сумасшедший Федька» «поселился близ квартиры Платова и ловил его речи, сказанные под влиянием перцовки», — писал о нем историк А. Н. Попов.

Ф. В. Ростопчин — Александру I,
21 сентября 1812 года:

«...Мне хотелось узнать образ мыслей Платова; я стоял рядом с ним, а как он тщеславен, болтун и немного пьянюга, то я убедился, что это человек опасный, и не следует раздражать его при настоящих обстоятельствах. По злобе Кутузов его преследует, а у него бродят дурные замыслы в голове; говорит о том, что хотел Наполеон предложить ему и казакам, что если для русских дело кончится плохо, то он знает, что делать, что казаки пойдут за ним и т. п.»

Что и говорить, любил Матвей Иванович «горчичную». Но она ли повлияла на эмоциональное состояние донского трибуна, хмельные речи которого звучали чуть ли не на всю главную квартиру русской армии? Атаман слишком дорожил своей репутацией, чтобы допустить столь откровенную глупость, не заручившись поддержкой того, кто мог оправдать его в глазах императора, расположением которого он дорожил больше всего на свете.

С 28 августа М. И. Платов «был почти без всякой команды, но не отъезжал от армии... Что же касается до слуха о предложениях ему от Бонапарте, не знаю, были ли ему сделаны; но ни он, ни один казак не мог бы никогда подумать изменить России, — успокаивал граф М. С. Воронцов своего столичного корреспондента, — и ежели бы он до того с ума спятил, то верно казаки первые бы его связали и передали начальству».

Как видно, в Петербурге беспокоились, в армии слухам не верили. По моему же мнению, слухи и рассчитаны были не на своих, а на чужих. Но к этому сюжету я еще вернусь.

А армия отступала на восток. Войска охранения под командованием М. А. Милорадовича в течение всего следующего дня мужественно отражали атаки авангарда Мюрата. Неприятель был отброшен с большими потерями и уже не пытался нападать на арьергард русских. Сложилась ситуация для подготовки сражения за Москву, о котором так много говорил М. И. Кутузов. Но сражение не могло быть дано, ибо резервы, на которые рассчитывал главнокомандующий, не подошли и в ближайшее время не ожидалось, а без них князь никак не отваживался пойти на решительные действия.

«Был ли выход из этого трудного положения? Да, — отвечает большой знаток истории Отечественной войны генерал П. А. Жилин, — для этого необходимо было открыть московский арсенал, вооружить патриотов. Однако Ф. В. Ростопчин, как представитель реакционных кругов дворянства, предпочел оставить противнику десятки тысяч ружей, более сотни орудий, боеприпасы, чем вооружить ими народ».

Может, это и так, но и царь, и «представитель реакционных кругов дворянства», и сам главнокомандующий имели в виду подготовленные резервы, а не пушечное мясо, которым можно было бы завалить дороги, ведущие на Москву. Все они руководствовались иными моральными и нравственными принципами, а потому думали и поступали иначе, нежели известные полководцы нашего недавнего прошлого и самого новейшего времени.

Между прочим, Ф. В. Ростопчин, этот «представитель реакционных кругов дворянства», приказал сжечь свое собственное имение, чтобы оно не досталось французам. Так что классовый принцип разделения русских людей того времени на «прогрессивных» и «реакционеров» здесь не действует.

1 сентября 1812 года в подмосковных Филях состоялся военный совет, перед началом которого все его участники были решительно настроены сражаться за Москву. В ходе совета М. Б. Барклай де Толли сумел убедить часть генералов, что в сложившихся условиях важнее сохранить армию, пополнить ее резервами и продолжить войну «с удобством».

Вопрос об участии М. И. Платова в совете в Филях оказался спорным. В протоколе заседания, приведенном в изложении на страницах журнала военных действий, его имя отсутствует. Не упоминают о нем и некоторые мемуаристы. Зато без колебаний называют атамана среди тех, кто решал участь древней русской столицы, Л. Л. Беннигсен, П. П. Коновницын, А. И. Михайловский-Данилевский и неизвестный автор «Записки о сдаче Москвы», офицер из окружения М. А. Милорадовича.

Е. В. Тарле считал участие М. И. Платова в совете в Филях доказанным. Тем не менее большинство историков последующих лет, не вступая в полемику с авторитетным академиком, с настойчивостью, достойной лучшего применения, называло в числе собравшихся в избе крестьянина А. Фролова только тех генералов, которые попали в армейский журнал военных действий.

Утвердительно отвечает на вопрос об участии М. И. Платова в совете в Филях историк Н. А. Троицкий. Автор называет атамана рядом с теми генералами, которые «высказались за сражение».

И вот совсем недавно, в 1995 году, А. И. Сапожников обнаружил в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории документ «без даты, подписи и заголовка», написанный «без сомнения современником», в котором речь идет о совете в Филях. Об атамане донских казаков в нем говорится, что его «забыли звать» и что он «пришел ночью и согласился с Барклаем».

Как известно, М. И. Кутузов, приняв на себя весь груз ответственности, отдал приказ об отступлении. На следующий день русская армия покинула Москву. Вместе с ней из Белокаменной ушли «женщины, купцы и ученая тварь», по определению Ф. В. Ростопчина. Эвакуацией руководил М. Б. Барклай де Толли. Кутузов, избегая встреч, уезжал из столицы один, без свиты, в сопровождении своего ординарца. Понять состояние главнокомандующего можно: ему невыносимо было слышать упреки и обвинения, видеть слезы старых солдат — просто «стон стоял в народе». Чаще всего в этот день звучали слова:

— Измена!.. Ужасно!.. Позор!.. Стыд!..

Измены, конечно, не было. Но ужасно было. И позор был. И стыд. М. И. Кутузов утешал Александра I, что принял все меры, чтобы в городе «ни один дворянин... не остался». Но в госпиталях остались 22 тысячи беспомощных «нижних чинов», значительная часть которых сгорела в огне великого пожара. «Душу мою раздирал стон раненых, оставляемых во власти неприятеля», — вспоминал А. П. Ермолов.

Какие чувства теснились в сердцах казаков и их атамана, неизвестно. Вряд ли они чем-то отличались от переживаний всех русских людей.

Михаилу Милорадовичу удалось договориться с Иоахимом Мюратом о разрешении русским войскам, «не наступая сильно», выйти из города. Впрочем, французы в последнее время и не рвались в бой: стоило ли терять людей, когда неприятель уже не помышлял защищать свою столицу и победа казалась близкой.

Французы вступили в Москву со стороны Арбата, когда последние полки русского арьергарда еще находились в городе, пытаясь хоть как-то определить участь оставленных в госпиталях товарищей.

Из воспоминаний Боссе:

«Между казаками и Неаполитанским королем на одной из главных площадей было нечто вроде переговоров о приостановке враждебных действий. Они просили и получили отсрочку, чтобы подобрать всех и удалиться, не делая беспорядка. В особенности обращались они к великодушию победителя, поручая ему многочисленных раненых, которых они должны были оставить, это и было справедливо, хотя сомневаться в лояльности французской армии значило не знать ее. К несчастью, зажженный самими же русскими пожар долгое время не давал возможности оказывать им помощь, которая была обещана. Пока шли эти переговоры, казаки, постоянно видевшие Неаполитанского короля, одетого все-

гда очень эффектно, бывшего всегда впереди авангарда, подошли к нему с чувством уважения, смешанного с восторгом и радостью. Он один во всей армии носил на шляпе большой султан из белых страусовых перьев и был одет в какой-то особенный польский плащ цвета серого льна, опушенный соболем и куницей. Король отдал им все деньги, бывшие при нем, даже часы, а когда у него уже больше ничего не осталось, он занял часы у полковника Гурго, у своих адъютантов и офицеров... Казаки выражали свой восторг и громко говорили, что великодушие этого героя французской армии равно его храбрости».

Среди тех, кто вел переговоры с Мюратом и был одарен им часами, находился Платов.

Вот что запомнилось другому свидетелю этой сцены барону Г. А. Дедему:

«Король продолжал свой путь, окруженный казацкими генералами, которые осыпали его самыми лестными похвалами за его храбрость. Он думал, что русские не узнавали его, но атаман сказал:

— Я давно узнаю Ваше Величество. Вы — Неаполитанский король. Разница между нами в том, что я вижу вас с самого Немана всегда впереди, во главе вашей армии, между тем как я вот уже три месяца постоянно нахожусь позади нашей...

Его Величество подал ему прекрасные часы, говоря, что он надеется впоследствии предложить ему что-нибудь более приятное: он говорил о своем ордене, которого желал, как ему казалось, русский офицер».

Французский мемуарист не назвал имени атамана. Но у меня нет сомнений в том, что это был Матвей Иванович. Кто, кроме него, мог в течение трех месяцев находиться позади русской армии?

В первую же ночь пребывания французов в Москве начались пожары, вызвавшие у них упадок духа, едва «встрепенувшегося» после вступления в русскую столицу.

Русская армия, оставив Москву, двинулась по направлению к Рязани, потом, круто повернув на запад, устремилась к Подольску. Казаки же, прикрывавшие ее отход, продолжали идти по прежнему маршруту, увлекая за собой неприятеля. В районе Красной Пахры войска расположились лагерем и простояли там неделю.

Переход с Рязанской на Калужскую дорогу был осуществлен в ночное время быстро и столь скрытно, что французы, ничего не подозревая, десять дней гнались за казаками, не обремененными заботами о защите армии. Потом, когда

Наполеон понял, что Кутузов перехитрил его, он бросил на поиски русских корпуса Орнано, Бессьера, Понятовского и Мюрата.

Между тем Кутузов, снявшись с позиции у Красной Пахры, перевел армию к селу Тарутино и 21 сентября расположил лагерь в его окрестностях. «Сие действие, — писал Барклай де Толли, — доставило нам возможность довершить войну совершенным истреблением неприятеля».

Кутузов привел в Тарутино 87 тысяч регулярной кавалерии и пехоты при 622 орудиях и 28 казачьих полков. Все эти войска он разместил на позиции довольно тесной, но сильной, укрепленной естественными преградами — реками Нарой и Истьей, оврагами, высотами, лесами. Кроме того, главнокомандующий возвел с фронта и флангов 10 батарей.

Тарутинский лагерь, по свидетельству участника и первого историка Отечественной войны Дмитрия Ивановича Ахшарумова, «непреступностью своею походил на крепость», надежно прикрывавшую от неприятеля Калугу с провиантскими магазинами, Тулу с оружейным заводом, Брянск с литейным двором и сельскохозяйственные губернии России. К тому же он ставил под угрозу флангового удара Московско-Смоленскую дорогу и исключал возможность наступления французов на Петербург, о чем Кутузов писал Александру I.

Претендентов на авторство тарутинского флангового марш-маневра много. Возможно, и М. Б. Барклай де Толли, и Л. Л. Беннигсен, и К. Ф. Толь, и «стратеги», никому не известные, но не менее амбициозные, задним числом находили в нем нечто отвечающее их собственным представлениям о наиболее эффективных возможностях разгрома неприятеля. Все-таки они были профессионалами. И каждому потом, несколько лет спустя, хотелось войти в фарватер истории «великого года России». Но в самых общих чертах эта мысль возникла в голове М. И. Кутузова. Думаю, не случайно уже на совете в Филях он приказал армии отступать из Москвы именно по Рязанской дороге. Путем проб и ошибок главнокомандующий, определив слабые стороны позиций у Подольска и Красной Пахры, перевел войска в Тарутино, причем сделал это вопреки возражению тех, кто позднее желал присвоить себе его идею спасения Отечества.

Правильно сказал историк Н. А. Троицкий: «Главнокомандующим был Кутузов. Он принимал решение, одобрял или отклонял любые советы, ему и принадлежит честь Тарутинского маневра».

Войска расположились в Тарутино, а главная квартира — в трех верстах от него, в Леташевке, где в крестьянских избах и даже в сараях устроились не только генералы, занятые подготовкой армии к контрнаступлению, но и те же «праздношатающиеся», кои и Барклаю де Толли не давали покоя. Правда, некоторых он выпроводил, но осталось немало. И все высокопоставленные: герцоги Август Ольденбургский и Александр Вюртембергский, граф Федор Ростопчин и барон Иван Анштет, начальник главного штаба Леонтий Беннигсен и представитель английских вооруженных сил сэр Роберт Вильсон... Все они плели интриги против Кутузова, осуждали фельдмаршала за то, что он «много спал и мало делал», жаловались на него Александру I, не зная того, что император своим рескриптом от 8 августа разрешил ему читать все письма, отправляемые из армии на высочайшее имя.

Однако Михаила Илларионовича не так просто было свалить, если даже он засыпал иногда по старости лет на каком-нибудь совещании генералов. На одних он не обращал внимания, других, кто слишком мешал, изолировал, а со временем удалял из армии, третьи сами убирались восвояси. Сложнее было с сэром Робертом Вильсоном, ибо в отношениях с ним действовали нормы международной этики. Из всех «праздношатающихся» он вызывает особый интерес: английский генерал жил в Леташевке на одной квартире с донским атаманом, оказавшимся не у дел.

Матвей Иванович угощал Роберта Томаса донским вином, которое показалось иностранцу «даже лучше шампанского», а также сушеной стерлядью и копченой семгой. И, кажется, в изобилии. «Сей подарок тем приятней для меня, — писал Вильсон жене в Лондон, — что я могу разделить его с другими».

С кем делился таким богатством иностранец и в какой форме? Не знаю. Думаю, однако, застолий не устраивал — не по-английски это.

Роберт Вильсон — Александру I,
15 сентября 1812 года:

«...Генерал Платов на одной квартире со мной. Я надеялся, что ему дан будет отряд из четырех тысяч казаков и четырех эскадронов гусар с шестью легкими пушками и, может быть, несколько батальонов егерей; в таком случае я намерен был послужить с ним некоторое время в твердом уверении, что увижу много отличных предприятий и услуг Вашему Величеству. Но я нахожу его после 42-летней и от-

личной службы — чему в продолжение двух наитруднейших кампаний я был очевидным свидетелем — ныне безо всякой команды и удаленным от тех, кои уважают его как отца и как начальника. Он сильно чувствует свое унижение, и я должен признаться, что разделяю с ним оное и очень надеюсь, что дано будет повеление о поручении ему по крайней мере тех казаков, кои следуют на подкрепление здешней армии, с присовокуплением Атаманского полка...»

Сэр Роберт Вильсон мог знать Матвея Ивановича с конца января 1807 года, когда тот прибыл в действующую армию и принял участие в сражении под Прейсиш-Эйлау, а потом стать «очевидным свидетелем» арьергардных боев казаков под его командованием по пути отступления русских войск к Фридланду. Какие отношения сложились между ними? Вряд ли они продвинулись дальше бесед за бокалом донского искристого вина. Так что крылатая народная мудрость — «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» — в данном случае бьет мимо цели. В необъятном море мемуарной литературы об Отечественной войне нет даже намека на принадлежность атамана к оппозиции по отношению к М. И. Кутузову. А английский генерал был в числе самых активных ее деятелей. Он неоднократно просил британского посла в Петербурге лорда Вильяма Каткарта добиться отстранения фельдмаршала от должности главнокомандующего и назначения на его место Л. Л. Беннигсена.

В армии к Вильсону относились крайне отрицательно. Вот что писал о нем декабрист А. Н. Муравьев: «Этот господин, по моему мнению, был прямой шарлатан, русские его вообще не любили потому, что он во все вмешивался, не имея на то никакого права, но пользовался вместе с тем каким-то покровительством нашего двора».

Случайно ли Вильсон и Платов оказались на одной квартире? Трудно ответить на этот вопрос вполне определенно. Но если допустить возможность «притворной ссоры» между главнокомандующим и атаманом, то это соседство может оказаться и результатом трезвого расчета «хитрого, как грек», по определению английского сэра, Михаила Илларионовича и не уступавшего ему в этом качестве Матвея Ивановича, которого даже ближайшие соратники называли «шельмой».

«Он сильно чувствует свое унижение...» Да, Матвей Иванович мог испытывать унижение — даже в том случае, если это была игра во имя спасения Отечества; в глазах-то непосвященных, в том числе и казаков, почитавших его «как отца и как начальника», он предстал генералом, оказавшим-

ся неспособным решить боевую задачу, поставленную перед ним главнокомандующим.

Официального приказа с объяснением причин отстранения Платова от команды не было, как не было и сообщения об этом императору. Казаки, которые в течение трех месяцев являли примеры отваги, доблести и героизма, остро переживали несправедливость, допущенную по отношению к их атаману. Вряд ли чем-то другим можно объяснить то, что в одно время «командиры полков Войска Донского при армии заболели почти все». А кто-то доложил об этом Кутузову.

В сущности это был молчаливый бунт, который поставил главнокомандующего в щекотливое положение и вынудил его написать атаману:

«Если известие сие, ко мне дошедшее, справедливо, что все полковые командиры заболели, в таком разе я обязан буду довести о сем до сведения государя императора, между тем не упущу и мер принять, какие высочайшая власть предоставляет мне по долгу службы».

Оказалось, что в середине сентября, когда войска находились на пути в Тарутино, «заболели» не все командиры донских полков, а только те, которые были при армии. Некоторые из них со своими казаками творили чудеса на коммуникациях противника, куда были отправлены сразу после оставления Москвы. Но о действиях платовских партизан речь пойдет ниже...

20 сентября Платов написал письмо Кутузову, в котором сообщил:

«Ваша Светлость! Примите истинное мое перед Вами оправдание: первое то, что не командую ими; второе, что я по одним слухам знаю, кто в какой части находится. Полки казачьи ко мне не относятся рапортами и никто не дает знать, куда какой полк определен и под чьим командованием...»

В тот же день стало известно, что главнокомандующий решил передать под начало атамана его полк и десять других, следовавших на усиление армии, а также пять батальонов пехоты и «некоторое число егерей».

В ответ на письмо Платова Кутузов утешал атамана: «В усердии к службе Августейшего Монарха собственно Вашем я весьма уверен; оказываемые полками Вашими ежедневные подвиги мне коротко ведомы, и потому я остаюсь в неколебимой надежде, что все ошибки... известною мне деятельностью Вашего Высокопревосходительства приведутся в лучшую степень».

Получается, главнокомандующий простил атамана за «давние обиды», отказался «сводить счеты» с ним? А может,

и не было никаких обид и коварных замыслов? И все это выдумка чистой воды, не подкрепленная источниками? Лично я не сомневаюсь в этом.

Роберт Вильсон — Александру I,
21 сентября 1812 года:

«...Князь Кутузов согласился дать генералу Платову личную команду. Сия мера восстановила атаманово здоровье, которое снаделось действительно от огорченного чувства, и, я надеюсь, доставит для службы Вашему Величеству блистательные и важные последствия. Осмеливаюсь утрудить Ваше Величество просьбою об изъявлении генералу Платову столько внимания, чтобы он мог удовлетвориться во всемилостивейшем Вашем к нему и Донскому войску благоволении...»

Чем объяснить такую заботу и внимание Вильсона к Платову? Проще всего было бы отнести это на счет корысти чужеземца, стремившегося подорвать авторитет Кутузова в глазах Александра I и таким образом добиться отстранения его от должности. Только будет ли такой вывод правильным? Думаю, что нет. Вильсон писал не только русскому императору, но и своим соотечественникам. И все его послания проникнуты искренним восхищением и верой в военный талант атамана и отвагу донских казаков. В подтверждение приведу лишь несколько строк из писем английского генерала, адресованных разным людям:

«...Должно ожидать блистательных последствий от способностей, деятельности и храбрости атамана и его казаков...»

«...Мюрат через шесть недель не будет иметь ни одного эскадрона в поле...»

«...Казаки оказывают великие услуги, и богатая ежедневная добыча придает им более отважности...»

«...Победа с золотыми крыльями парит над ними...»

«...Время благоразумно помыслить о введении в употребление пик в нашей армии. Русские и французы вооружили оными все свои легкие войска. Надобно учиться у неприятеля...»

Немало добрых слов сказал Вильсон о русской артиллерии и армии в целом. Но в споре между Кутузовым и Беннигсеном английский сэр занял сторону последнего, считая, что с назначением его на должность главнокомандующего прекратятся раздоры и дело будет выиграно. Впрочем, такого же мнения придерживались и некоторые генералы, выросшие под небом Отечества. Но это не дает оснований для оправдания «праздношатающегося» чужеземца, бывшего, по определению Барклая де Толли, «бездельником» и «разбойником».

Своими интригами он лишь усугублял те беспорядки, которые имели место. И на борьбу с ними старый полководец должен был тратить свои силы, которых, как оказалось, осталось совсем немного — всего на одну Победу. Правда, самую значительную — полное истребление неприятеля на заснеженных полях России. Чтобы ее приблизить, необходимо было пополнить войска свежими силами. Важную роль в решении этой задачи предстояло сыграть Платову.

* * *

6 июля 1812 года Александр I подписал Манифест о созыве земского ополчения, написанный государственным секретарем А. С. Шишковым. 20 июля он был доставлен в донскую столицу. Прочитав его в полном собрании чиновников, войсковая канцелярия постановила привлечь в ополчение всех служилых, отставных и всякого рода льготных офицеров, казаков и подростков — словом, всех, «кроме весьма дряхлых, равно сущих калек и жестоко больных, совершенно не способных к походу». Сыскным начальствам и станичным правлениям вменялось в обязанность обеспечить оружием и лошадьми за счет общественных сумм всех немущих, призванных на защиту Отечества.

Формирование ополчения не остановил даже присланный на Дон новый Манифест от 18 июля, ограничивавший географию проявления «вооруженного патриотизма» границами всего шестнадцати губерний; остальные, в том числе и Дон, от этого освобождались.

М. И. Платов, сознавая необходимость «увеличения сил Войска Донского», истощенного потерями в арьергардных боях, 26 июля предписал наказному атаману А. К. Денисову продолжить формирование ополчения и по мере укомплектования команд отправлять их на соединение с армией. При этом на офицеров возлагалась обязанность следить за тем, «чтобы в пути ни малейших обид и притеснений жителям тех селений, через которые проходить и при коих ночлеги иметь будут, чинимо не было».

Чтобы не задерживать готовые к походу команды на Дону, Платов брал на себя назначение в них полковых командиров и офицеров из числа вновь произведенных за подвиги и ревностную службу государю и Отечеству, которых при армии, по его мнению, было «достаточно». Впрочем, он не отказывал в этом праве и наказному атаману, но требовал подбирать только таких начальников, «которые опытом доказали храбрость свою и исправность по службе».

Матвей Иванович убеждал станичников, что продолжительность войны «зависит сколько от помощи Божьей, столько и от общего и единодушного ополчения противу нашествия врага, по одолении которого возвратятся все со славою в дома свои» и будут жить, «благословляя высокомонаршие милости», в чем и заверял их своей честью.

Формирование ополчения затруднялось из-за недостатка средств. Но торговые казаки за освобождение их от службы внесли в кассу войсковой канцелярии 93 645 рублей и тем облегчили А. К. Денисову решение поставленной перед ним задачи. Этой суммы, по тому времени немалой, оказалось достаточно и на снаряжение неимущих донских воинов, и на их путевое довольствие.

А. К. Денисов писал М. И. Платову, что «все чиновники и казаки идут с ревностью и охотою» на сборные пункты, горя желанием защитить Отечество. Атаман был доволен, хотя и отозвался с досадой о тех, кто откупился от всеобщего похода против супостата: «Теперь больше нужны люди, а не деньги».

Донские дворяне выделили для снаряжения неимущих казаков 1500 лошадей. Не так много, но бескорыстно. И этого количества хватило не только для снаряжения пеших и «худоконных» казаков, но и для создания резерва, который был отправлен в действующую армию «на случай нужды... во время служения полков».

Как уже отмечалось выше, 22 августа М. И. Платов прибыл в Москву, откуда отправил в Новочеркасск «решительное предписание» А. К. Денисову. Судя по всему, Матвею Ивановичу стало известно о желании наказного атамана самому возглавить ополчение и отправиться с ним к театру военных действий. Предупреждая его патриотический порыв, он написал Денисову из Москвы:

«Зная по опыту, что Ваше Превосходительство, будучи преисполнены ревностнейшим усердием к полевой службе, будете желать быть в армии вместе с войском, особливо при настоящих обстоятельствах войны, когда все мы обязаны жертвовать жизнью для защиты Отечества и Августейшего престола от нашествия вражеского, я не излишним считаю напомнить Вам, что отсутствие Ваше из Войска, в котором Вы за теперешним нахождением моим в армии начальствуете по Высочайшему повелению, зависит от Высочайшего и разрешения; кроме того, сами Вы знаете, что и войсковой канцелярии запереть нельзя, дабы не остановить течения производящихся по оной дел не только казенных, но и войсковых, да и Войска оставить без

внутреннего управления, сопряженного с пользой Отечества, также никак невозможно».

Канцелярию запереть, конечно, невозможно. Лучше запереть в ней талантливую, полную сил боевого генерала. В результате в галерее героев Отечественной войны в Зимнем дворце сегодня одним портретом меньше...

Между тем армия оставила Москву, совершила знаменитый маневр с Рязанской на Калужскую дорогу и расположилась лагерем в Тарутино. В эти дни Платов, освобожденный от командования, энергичнее, чем прежде, занимается вопросами формирования ополчения: диктует распоряжения бригадным генералам, уже бывшим в пути, начальнику войсковой канцелярии Курнакову и Денисову, требуя ускорить выступление остальных полков, принимает и отправляет курьеров, информирует Кутузова и самого Александра I о состоянии дел. И надо заметить, что из документов, вышедших из-под его пера, как-то не видно, что «атаманово здоровье... действительно снеслось от огорченного чувства», как утверждал Вильсон в своих посланиях на высочайшее имя. Матвей Иванович действует решительно, приказывает, отпускает колкие реплики, верит в своих казаков и скорую победу над врагом.

Первый полк ополчения под началом войскового старшины Ивана Попова выступил в поход 2 сентября. По прибытии к армии он был откомандирован к Вязьме в партизанский отряд Дениса Давыдова.

Через неделю одна за другой по направлению к Туле двинулись бригады генерал-майоров Алексея Иловайского, Бориса и Дмитрия Грековых и шесть орудий донской артиллерии, «укомплектованных надлежащим числом людей и снарядов». Наказной атаман побывал почти на всех пунктах сбора казаков, оказал помощь в формировании полков, обеспечил их денежным жалованьем на дорогу, определил сроки выступления и маршруты движения.

В первых числах октября еще восемь полков ополчения прибыли в район Тарутинского лагеря. Два из них — отца и сына Ивана Андрианова 1-го и Ивана Андрианова 3-го — получили назначение в корпус Василия Шепелева, действовавший на коммуникациях противника в окрестностях Брянска; один — Алексея Гревцова — отправился в партизанский отряд Александра Сеславина; а прочие пять — Алексея Ягодина, Василия Кутейникова, Ильи Чернозубова, Ивана Сучилина и Степана Ежова — вошли в авангард армии под команду Михаила Милорадовича.

М. И. Платов — М. И. Кутузову,
5 октября 1812 года:

«...Сверх сих 9-ти полков, как из донесений нарочно приехавших ко мне известно, придут к армии: завтра — бригада Грекова 1-го в 3-х полках, послезавтра — Иловайского 3-го в 3-х же полках. Я приказал им в сходство повеления Вашей Светлости, данного мне, явиться им на левом фланге армии. Я сделаю им мой должный смотр и подтвержу о долге, для которого они сюда призваны, какой прибывшим уже выше прописанным полкам мною лично сделаны. А остальные полки, из Войска сюда идущие, через четверо суток придут к армии непременно, коим навстречу от меня послано предписание, чтобы они не менее делали в сутки марш, как 50 верст, и ночлеги бы не считали, а делали одни привалы».

Система связи Матвея Ивановича Платова с Новочеркасском и войсками, бывшими в пути, хотя и требовала много людей и времени, однако работала четко. Как и ожидал атаман, с 6 по 11 октября прибыли полки Алексея, Бориса, Дмитрия и Степана Грековых, Сергея Белгородцева, Ивана Данилова, Алексея и Григория Иловайских, Ивана Кошкина, Павла Попова, Василия Ребрикова, Андрея Слюсарева, Николая Сулина, Якова Траилина, Степана Чернозубова, Карпа Шамшева и Петра Шумкова.

Платов, как и обещал Кутузову, сделал «должный смотр» войскам ополчения и напомнил им о долге, по повелению которого прибыли они в армию. Смирный, не покидавший своего начальника до последних дней его жизни, донес до нас речь атамана, произнесенную перед казаками в присутствии главнокомандующего:

— Друзья мои! Сам милосердный Бог ускорил ваш путь! Наступило время доказать всю силу усердия донцов к Богу, государю и Отечеству. Мы в душах своих запечатлели милости царские. У нас в душах и Отечество. Не щадя жизни, докажем мы снова наше рвение и нашу любовь! Вы донцы, вы сыны земли Русской, вы соучастники общей славы, прилетели сюда.

Вы охотно пришли подкрепить нас; правосудный Бог нам поможет. Враг идет на нас с адом, мы пойдем на него с крестом животворящим! Если бы Бог пропустил, если бы враг прорвался до берегов Тихого Дона, не пощадил бы он ни жен, ни детей наших! Кровь наша смешалась бы с волнами Тихого Дона. Поруганы были бы храмы Господни, встревожен был бы прах наших отцов...

Друзья и братья! Воскликнем: не для нас, Господи, для

имени Твоего вспомоществуй нам поразить, устыдить и изгнать врага!

Речь атамана произвела сильное впечатление на казаков. Слушали его «в слезах и с вниманием... Донцы громогласно произносили:

— Отец наш, готовы умереть везде, где ты нам прикажешь. Отмстим, отмстим злодеям за кровь братьев наших! Умрем, а далее врага не пустим!»

Растроган был и князь Кутузов. На глазах у возбужденных речью Платова ополченцев он обнял «с чувством искреннейшей признательности знаменитого вождя и принес моление Всевышнему, дабы благословил оружие россиян» на новые подвиги. Прибытие казачьих полков, по свидетельству участника войны, вызвало необычайный подъем духа в армии. Ободряя друг друга, солдаты говорили: «Как нам не постоять за себя, как врага не прогнать, и старики донские поднялись! Стыдно нам будет, если отстанем! Их Бог принес, нам Бог поможет!»

18 октября Матвей Иванович отправил Александру I донесение о прибытии полков ополчения в армию и об успешных действиях казаков в последние дни, когда были одержаны победы, и даже значительные. Информация о них была достаточно скупой. Триумф ждал впереди. И все-таки...

Император исключительно высоко оценил заслуги атамана.

Александр I — М. И. Платову,

29 октября 1812 года:

«Граф Матвей Иванович! В знак признательности моей к Войску Донскому и во изъявление особого моего благоволения к заслугам Вашим признал я справедливым возвести Вас с потомством в графское достоинство, на что и доставлен будет Вам установленным порядком диплом от Сената».

Такой оказалась высочайшая реакция на донесение атамана от 18 октября. Именно на нем Александр I начертал резолюцию: «Графское достоинство».

Осуществилась заветная мечта Матвея Ивановича. Однако решение императора возвести в графское достоинство атамана, здоровье которого всего месяц назад «действительно снедалось от огорченного чувства», вызванного отстранением от командования казаками, кажется странным. Возможно, какую-то ясность вносит документ, вышедший из-под пера главнокомандующего.

М. И. Кутузов — М. И. Платову,

10 ноября 1812 года:

«Милостивый государь мой, граф Матвей Иванович! Чего мне желалось, то Бог и Государь исполнили, я Вас вижу

графом Российской империи; ежели бы подвиги Ваши, начиная от 6 октября по сей час, и не были так блистательны, тогда скорое прибытие с Дону 26-ти полков, которые в разбитии неприятеля столько участия имели, могло сделать достаточно признательным всемилостивейшего Государя. Дружба моя с Вами от 73-го году никогда не изменялась, и все то, что ныне и впредь Вам случится приятного, я в том участвую...

Остаюсь в совершенной преданности Вашего Сиятельства верный и всепокорный слуга князь Михаил Г.-Кутузов».

Итак, по утверждению Михаила Илларионовича, его дружба с Матвеем Ивановичем не прерывалась почти сорок лет. А значит, ссору между ними действительно можно назвать «притворной». И, если так, оба актера в этом спектакле сыграли свою роль блестяще: убедили казаков, вступившихся за своего атамана, воспалили воображение современников и, кажется, у французов породили надежду на возможность «произвести в России революцию и взбунтовать донцов, как народ, к которому они» имели «особое уважение и благорасположение». Так сообщал сэр Роберт Вильсон в письме к лорду Вильяму Каткарту.

Еще за месяц до начала войны Наполеон предписал министру иностранных дел Гуго Маре «заложить очаги восстания» внутри России. Следствием этого явилась инструкция, данная специальным агентам, «найти среди казаков кого-либо смелого, который отважился бы организовать восстание и повторить историю Пугачева».

Наполеон не отказался от этой затеи и во время пребывания в поверженной русской столице. По свидетельству одного из французских современников, в московских архивах старательно разыскивались «всевозможные сведения о пугачевском бунте; особенно желали добыть одно из его последних воззваний». Не нашли и схватились «за великие начала санкюлотизма», в реализации которых важная роль отводилась казакам. Не случайно же император серьезно интересовался ситуацией на Дону и пытался выяснить ее через своих шпионов. Но все они были арестованы и доставлены в штаб Кутузова.

Думаю, эта иллюзия подогревала надежду Наполеона на мир с Александром I и так долго удерживала его в Москве, чего и добивался Кутузов всеми средствами, в том числе и «притворной ссорой» с Платовым.

Глава одиннадцатая

«С СЕЙ МИНУТЫ РОССИЯ СПАСЕНА»

Первые сражения

«Чем доле останется в Москве Наполеон, тем вернее наша победа», — настойчиво повторял Кутузов и делал все возможное, чтобы не убить в нем надежду на мир. Но всему приходит конец.

В начале октября Наполеон решил оставить Москву, а Кутузов — перейти в контрнаступление. Соотношение сил изменилось в пользу русского главнокомандующего. Он имел под ружьем 120 тысяч регулярных войск и казаков и столько же ополченцев. А французский император мог противопоставить ему всего 116 тысяч человек. Первый удар намечалось нанести до прибытия корпуса маршала Виктора, который, как считали в тарутинском штабе, уже выступил из Минска на соединение с Великой армией.

В то время когда армия Кутузова находилась в Тарутино, авангард Мюрата численностью до 20 тысяч человек беспечно располагался в шести верстах от него. Правда, правый фланг его был надежно защищен крутыми берегами Нары и Чернишни, но левый открыт для нападения. Редкий лес с этой стороны не мог служить преградой для русской кавалерии, поскольку французы не сделали в нем даже засек и не выставили сторожевых постов.

3 октября начальник штаба русской армии Беннигсен предложил Кутузову «без потери времени со всеми силами атаковать стоящего против» Тарутино Мюрата прежде, чем к французам подойдут подкрепления. Это необходимо сделать еще и потому, убеждал он, что Наполеон с гвардией пока находится в Москве и не сможет оказать помощь своему авангарду.

Кутузов назначил атаку на 6 октября. В сражении на берегу реки Чернишни французы потеряли 2500 человек уби-

тыми, в том числе двух генералов, и 2000 пленными. Среди трофеев, взятых исключительно казаками, были знамя, 36 пушек, 40 ящиков со снарядами и весь обоз Мюрата.

Шумно и весело возвращались войска в Тарутинский лагерь. «Покой не шел им на ум, — писал свидетель и участник общей радости А. И. Михайловский-Данилевский, — как будто праздновалось воскресение умолкнувшей на время русской славы». Нравственное значение этой победы действительно трудно переоценить. Она подняла боевой дух русской армии и явилась «решающим толчком, заставившим Наполеона выйти из Москвы».

Победе над Мюратом радовались не только русские. Некий адъютант полковника Флао, узнав о поражении французов, сказал: «Это только начало, потом будет еще хуже». И предложил тост «за гибель Наполеона».

Не ошибся старый голландец, все сбылось: потом действительно стало еще хуже.

* * *

В то время когда авангард Мюрата, преследуемый казаками донского графа Орлова-Денисова, отступал по направлению к Спас-Купле, Наполеон производил смотр войск. В полдень он узнал о поражении Неаполитанского короля. «Император тотчас решил ускорить выступление и назначил его на день раньше, чем предполагалось сначала». С утра 7 октября Великая армия потянулась из русской столицы. Ее сопровождал огромный обоз в 10—15 тысяч повозок, в которые «были напиханы, как попало, меха, сахар, чай, книги, картины, актрисы Московского театра». По впечатлению Сегюра, французы «походили на татарскую орду после удачного нашествия».

Как ни была обременена Великая армия награбленным добром и запасом продовольствия, Наполеону удалось скрытно вывести ее из Москвы и двинуть по направлению на Калугу. Лишь 11 октября капитан Сеславин обнаружил колонны неприятельских войск у Боровска, увидел даже самого французского императора в окружении свиты.

Сеславин сообщил об этом генералу Дохтурову, прибывшему с корпусом для усиления партизанских отрядов, действовавших в районе села Фоминского, а тот — Кутузову.

Пытаясь убедить Францию и всю Европу, что уход из Москвы не означает отступления, Наполеон распространил очередной бюллетень: «Время прекрасное, но должно ожидать холода в первых числах ноября и, следовательно, долж-

но заботиться о зимних квартирах; особенно кавалерия имеет в них нужду».

Письма Наполеона из России, адресованные жене, явно преследовали ту же цель — внушить парижанам и союзникам оптимизм и веру в несокрушимость Великой армии: «Мой друг, я в дороге, чтобы занять зимние квартиры. Погода великолепная, но она может измениться. Москва вся сожжена... Я ее покидаю и увожу гарнизон... мои дела идут хорошо».

Наполеон дурачил современников, но был не против подурочить и потомков. Дважды поверженный и сосланный на остров Святой Елены, он, вспоминая октябрьские дни 1812 года, утверждал: «Армия возвращалась в Смоленск, но это был марш, а не отступление».

О том, как воспринял М. И. Кутузов сообщение А. Н. Славина и Д. С. Дохтурова, поведал нам уже известный майор Д. Н. Болговский. Вот что писал он в своих воспоминаниях несколько лет спустя:

«Ночь была теплая, лунная, очень быстро я достиг штаба... Коновницын, пораженный рассказом, пригласил тотчас Толя. Оба вместе, приняв записку, пошли будить фельдмаршала, а я остался в сенях. Кутузов потребовал меня к себе. Он сидел на постели в сюртуке. Чувство радости сияло в его глазах.

— Расскажи, друг мой, неужели воистину Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорей, не томи сердца, оно дрожит!

Я донес обо всем, и когда рассказ был окончен, он изрек:

— Боже, Создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена!

Тут подал Толь ему карту, и Кутузов приказал Дохтурову не следовать, а, если можно, бежать к Малоярославцу».

В тот же час Кутузов приказал Платову немедленно «выступать со всеми казачьими полками», за исключением тех, что состояли в авангарде Милорадовича, и следовать с ними к Малоярославцу, чтобы прикрыть Калужскую дорогу до подхода основных сил русской армии.

Из Тарутино М. И. Платов выступил с 15 казачьими полками. На месте назначения, у Малоярославца, к нему должны были присоединиться еще четыре полка из корпуса Д. С. Дохтурова.

Вслед за полками М. И. Платова выступила армия. Ее движение замыкали казаки А. А. Карпова.

Малоярославец — небольшой город на берегу реки Лужи, через который проходила дорога на Калугу и далее через Медынь и Юхнов на Ельню и Смоленск. Отводя армию по

этому пути, Наполеон мог, конечно, убедить Францию и Европу в том, что совершает переход на зимние квартиры, а не отступление, но для этого ему был нужен успех.

Платов, получив предписание Кутузова следовать в район Малоярославца, выступил по назначению и на рассвете 12 октября остановился севернее города.

Корпус Д. С. Дохтурова действительно не следовал, а бежал под проливным дождем по направлению, указанному М. И. Кутузовым. Вскоре после полуночи 12 октября он подошел к Малоярославцу, уже занятому «малой частью» французского авангарда, «и без всякого отдыха вступил в бой». Уже во время первой атаки погибли дивизионный генерал А. И. Дельзон и его братья. А у русских здесь получил тяжелую рану отважный партизанский командир И. С. Дорохов, навсегда покинувший армию. К 11 часам утра этот захоластный городишко Калужской губернии успел четыре раза перейти из рук в руки. А бой продолжался.

К Малоярославцу подтягивались главные силы Наполеона и Кутузова. В конечном счете город, восемь раз переходивший из рук в руки, остался за французами. Фельдмаршал отвел свои войска на две с половиной версты к югу и занял там новую позицию, чтобы преградить неприятелю путь на Калугу.

В 18-часовом бою французы потеряли до 5 тысяч солдат, русские — 6665 человек. Оба полководца не использовали свои главные силы, и ни один из них не одержал решительной победы. Наполеон овладел Малоярославцем, а Кутузов отступил к югу от города в готовности дать неприятелю новое сражение, о чем написал царю:

«Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сражению, без коего я ни под каким видом в Калугу его не пущу».

А казаки, что делали они в этот день?

М. И. Кутузов — М. И. Платову,

12 октября 1812 года:

«Милостивый государь мой Матвей Иванович! Покорно прошу уведомить меня, что Вы сего числа со вверенными Вам войсками сделали; а как я полагаю, что завтра должно быть генеральное сражение, то не оставьте пояснить Ваше мнение на сей случай.

Князь Голенищев-Кутузов».

Как видно, и Кутузова интересовал этот вопрос. Но Платову пока нечего было сообщить главнокомандующему, ибо казаки и в сей день, «так сказать, не действовали», ограничившись наблюдением за дорогой, ведущей из Боровска в Малоярославец. Впрочем, не только они. Противники ввели

в бой всего от 20 до 24 тысяч человек с каждой стороны. Однако русский полководец был готов возобновить сражение, а французский император колебался, хотя и понимал, что от исхода противоборства на берегу реки Лужи зависит судьба его армии. Вот как описал состояние Наполеона генерал его свиты Сегюр:

«Помните ли вы это злосчастное поле битвы, на котором остановилось завоевание мира, где 20 лет непрерывных побед рассыпались в прах, где началось великое крушение нашего счастья? Представляется ли еще вашим глазам этот разрушенный кровавый город и эти глубокие овраги и леса, которые, окружая высокую долину, образуют из нее замкнутое место? С одной стороны, французы, уходившие с севера, которого они так пугались, с другой — у опушек лесов — русские, охранявшие дорогу на юг и пытавшиеся толкнуть нас во власть их грозной зимы... Наполеон между двумя своими армиями посреди этой долины, его взгляды, блуждающие с юга на восток, с Калужской дороги на Медынскую? Обе они для него закрыты: на Калужской — Кутузов и 130 тысяч человек, со стороны Медыни он видит многочисленную кавалерию — это Платов».

Таким образом, казаки, не предпринимая атакующих действий, одним своим присутствием в тылу и на правом фланге разобщенной французской армии усиливали колебания Наполеона, усугубляли его «нравственное поражение», заставляли мучительно искать ответ на вопрос: что предпринять, пробиваться ли на Калугу или возвратиться в Боровск и отступать по Старой Смоленской дороге?

Французский император остановился на ночлег в городне, небольшой деревушке под Малоярославцем. После многочасового боя он собрал военный совет, чтобы выслушать мнение своих маршалов. Спорили долго. Одни предлагали атаковать Кутузова, другие — отступать по разоренной дороге и не искушать судьбу. Так и не приняв решения, Наполеон на рассвете следующего дня с небольшим конвоем отправился на рекогносцировку русской позиции. Его сопровождали Бертье, Коленкур, Лористон, Мутон, Рапп...

«В течение всего 12 октября, когда шло сражение под Малоярославцем, — писал А. И. Михайловский-Данилевский, — Платовым не сделано было наступательного движения. Раздраженный его бездействием князь Кутузов послал ему строжайшее повеление непременно произвести ночью вылазку».

Возможно, Кутузов действительно был недоволен Платовым, но в документах штаба армии и походной канцелярии атамана это не нашло отражения. Однако казаки активизи-

ровали свои действия, которые имели важные последствия в дальнейшем развитии событий.

В ночь на 13 октября М. И. Платов выделил из своего корпуса два отряда под командованием генерал-майора Д. Е. Кутейникова и полковника Г. Д. Иловайского и приказал им немедленно выступить: первому — к Боровску, второму — к Медыни. Он поставил перед ними задачу: «сильно действовать» на правый фланг и тыл неприятеля, не выпускать его из виду и «о всем примечательном давать знать» ему и его сиятельству князю М. И. Голенищеву-Кутузову.

Сам же М. И. Платов с оставшимися при нем казаками А. В. Иловайского и егерями П. С. Кайсарова переправился на левый берег Лужи и взял курс на Городню. В предрассветных сумерках казаки увидели неприятельскую артиллерию, тянувшуюся из Боровска к Малоярославцу. Полковые начальники собрались вместе и, переговорив, решили атаковать противника. Сначала донцы двигались шагом, потом рысью, наконец с гиканьем и свистом высыпали на тракт. Часть из них бросилась на орудия, другие, перескочив через дорогу, налетели на три кавалерийских взвода, стоявших неподвижно на месте. Это был конвой Наполеона, выехавшего на рекогносцировку. О событиях этой ночи М. И. Кутузову рассказал со слов атамана и по личным впечатлениям граф П. И. Апраксин. Официального рапорта Матвей Иванович не написал — не до того было. Но остались мемуары Ж. Раппа и А. Коленкура, сопровождавших императора, а также журнал военных действий русской армии, составленный офицерами штаба.

«...Мы сели на лошадей в половине восьмого, чтобы осмотреть поле, где происходила битва, — вспоминал генерал Жан Рапп. — Император ехал между герцогом Виченцским, принцем Невшательским и мною. Но едва мы покинули лагуны, где провели ночь, как заметили отряд казаков, выехавших из леса направо, впереди нас; ехали они довольно стройными рядами, так что мы приняли их за французскую кавалерию.

Герцог Виченцкий первый узнал их:

— Ваше Величество, это казаки.

— Этого не может быть, — ответил Наполеон.

А они с отчаянным криком ринулись на нас. Я схватил за поводья лошадь Наполеона и сам повернул ее.

— Но ведь это же наши.

— Нет, это казаки; торопитесь!

— А ведь и в самом деле, это они, — заметил Бертье.

— Вне всякого сомнения, — добавил Мутон.

Наполеон отдал несколько приказаний и уехал, я же двинулся вперед во главе эскадрона. Нас смяли; моя лошадь получила глубокий удар пики и опрокинулась на меня; варвары эти затоптали нас. По счастью, они заметили в некотором расстоянии артиллерийский парк и бросились к нему. Маршал Бессьер успел прискакать с конными гвардейскими гренадерами: он атаковал казаков и отбил у них фургоны и орудия, которые они увозили».

К этому времени наступил рассвет, французы с ужасом обнаружили, что вся долина Лужи «кишит казаками». Вот что писал герцог Виченцкий:

«Если бы казаки, оказавшиеся под самым нашим носом и на один момент окружившие нас, были более решительны и ринулись бы на дорогу, вместо того чтобы с ревом рубить направо и налево... то они захватили бы нас прежде, чем эскадроны успели бы прийти нам на помощь».

Но не ринулись. И не захватили. Казаки отступили, когда «большие массы войск обратились на них», и, вопреки утверждению генерала Ж. Раппа, «взяли пленных, тридцать пушек и одно знамя». «При сем случае понес огромную потерю уланский полк польской армии», — писал А. П. Ермолов. Правда, часть пушек пришлось оставить, поскольку изнуренные «неприятельские лошади не могли скоро их везти». Переправить через Лужу удалось только 11 орудий.

К спешке были причины. Маршал Бессьер, прискакавший с конными гвардейскими гренадерами, попытался отбить увозимую донцами артиллерию, но засевшие в кустах стрелки 20-го егерского полка Кайсарова встретили его плотным ружейным огнем «и тем способствовали переправе пушек через реку».

Как французы не сразу узнали казаков, так и казаки в сумерках наступающего дня не разглядели свиту Наполеона. Это и спасло императора от плена. По-видимому, отвлек донцов и обоз, возможностью поживиться которым никак не могли пренебречь корсары Платова. Об этом писал Михайловский-Данилевский.

Наполеон хотя и сохранил спокойствие и даже обнажил шпагу с решимостью постоять за себя, но вечером того же дня приказал гвардейскому доктору Ювану изготовить и дать ему пузырек с сильным ядом на случай опасности попасть в плен. Как видно, император французов потерял веру в свою звезду...

Между тем генерал-майор Д. Е. Кутейников, дойдя до Боровска, напал на неприятеля силами своих четырех полков, разбил его, взял в плен до 100 рядовых и несколько

офицеров, в том числе двух полковников, захватил часть обоза с награбленным церковным серебром и документами штаба французской армии. Среди последних оказалась записка маршала Л. А. Бертье, свидетельствующая о намерении Наполеона отступить к Смоленску через Медынь, Вязьму и Ельню, чтобы миновать разоренную дорогу через Можайск.

Командир отряда Кутейников в рапорте на имя атамана Платова особо отметил урядника Власова, «своеручно убившего неприятельского генерала». За этот подвиг герой был произведен в очередной чин.

В то же время отряд Г. Д. Иловайского, следуя по маршруту, указанному М. И. Платовым, получил сообщение от А. И. Быхалова, что он под натиском в пять раз более сильного авангарда корпуса маршала И. А. Понятовского отступает по направлению к Медыни. Командир отряда устремился на помощь товарищу. На подступах к городу он устроил засаду, поставив два своих полка в укрытиях по обеим сторонам дороги. Казаки замерли в ожидании.

Когда авангард под командованием генерала Ш. Лефевра-Денуэта, увлеченный преследованием, миновал засаду, Г. Д. Иловайский обрушился на него с флангов, а А. И. Быхалов, развернувшись, ударил с фронта в голову колонны. Казаки отбили у поляков пять орудий с боеприпасами «и сии последние обратили на самого неприятеля и принудили его ретироваться по той же дороге от города обратно к селению Кременскому». Началась безжалостная рубка бегущих.

Поляки потеряли убитыми не менее 500 рядовых, несколько офицеров и одного генерала. Пленных было немного, но в их числе командир дивизии Тышкевич.

Значение этой победы казаков трудно переоценить. Она убедила французское командование в невозможности обойти русскую армию на ее левом фланге и прорваться к Смоленску по местам, не истощенным войной. У французов осталось единственное решение. Однако далось оно императору нелегко.

Ускользнув от казаков, Наполеон вернулся в Городню, но в 10 часов утра снова выехал на рекогносцировку и довел-таки ее до конца. Вечером император еще раз созвал маршалов на совет. Сегюр вспоминал:

«Наполеон сидел перед столом, опершись головой на руки, которые закрывали его лицо и отражавшуюся, вероятно, на нем скорбь.

Никто не решался нарушить этого тягостного молчания, как вдруг Мюрат воскликнул в одном из порывов, свойст-

венных ему и способных разом или поднять настроение, или ввергнуть в отчаяние:

— Остановиться нет никакой возможности, бежать опасно, поэтому нам необходимо преследовать неприятеля. Что нам за дело до грозного положения русских и их непроходимых лесов? Я презираю все это! Дайте мне только остатки кавалерии и гвардии — и я углублюсь в их леса, брошусь на их батальоны, разрушу все и вновь открою армии путь к Калуге.

Здесь Наполеон, подняв голову, остановил эту пламенную речь, сказав:

— Довольно отваги; мы слишком много сделали для славы; теперь время думать лишь о спасении остатков армии...

Бессьер, чувствуя поддержку, осмелился прибавить:

— Для подобного предприятия у армии, даже у гвардии, не хватит мужества... Мы только что убедились в недостаточности наших сил. А с каким неприятелем нам придется сражаться? Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?

Маршал закончил свою речь, произнеся слово «отступление», которое Наполеон одобрил своим молчанием.

Ссора усиливалась... Император же, по-прежнему погруженный в задумчивость, казалось, ничего не замечал. Наконец он прервал молчание и это обсуждение следующими словами:

— Хорошо, господа, я решу сам!

Он решил отступить. Это решение было так мучительно, так оскорбляло его гордость, что он лишился чувств. Те, которые тогда ухаживали за ним, рассказывали, что донесение о новом дерзком нападении казаков... было последним и слабым толчком, который заставил императора окончательно принять роковое решение — отступить.

Замечательно то, что он приказал отступить к северу в ту минуту, когда Кутузов со своими русскими... отступал к югу».

На рассвете 14 октября Кутузов поднял армию и повел ее на юг от Малоярославца. На пути к Детчино он получил от Платова поздравление по случаю победы казаков над авангардом корпуса Понятовского. В то же время Наполеон развернул свой корпус и двинулся к Боровску.

«Обе армии отступали одна от другой: французы — к северу, мы — к югу», — вспоминал декабрист В. С. Норов.

Действительно, замечательно! Едва ли не впервые в мировой истории войн противники после сражения уходили один от другого в разные стороны. Попробуй-ка определи,

кто из них одержал победу под Малоярославцем? Думаю, прав Н. А. Троицкий, признавший тактический успех за Наполеоном, а стратегический — за Кутузовым.

То ли Понятовский не отказался от мысли прорваться к Калуге, то ли по приказу отвлекал внимание Кутузова от главной армии Наполеона, уже повернувшей к Боровску, чтобы отступать через Можайск, только на следующий день после поражения авангарда Лефевра-Денуэта он отправил из Вереи обоз в четыре тысячи повозок с провиантом под охраной значительных сил польского корпуса. Платов, получив «верное известие» об этом, приказал графу Орлову-Денисову следовать с полками Ягодина и Траилина на Медынь, принять там под свое начало казаков Быхалова и Иловайского «и действовать обще с ними на неприятеля».

Как выяснилось на месте, обоз прикрывали две польские дивизии, за которыми шла еще часть французских войск. Могли ли пять казачьих полков, пусть укомплектованных в Тарутино, остановить такую силу? Сомнительно.

Выходит, и через двое суток после боя у Малоярославца опасность обходного движения частей наполеоновской армии через Медынь или севернее ее сохранялась. Поэтому главнокомандующий приказал атаману усилить наблюдение за их перемещениями и одновременно направил для усиления В. В. Орлова-Денисова Нежинский драгунский полк и 26-ю пехотную дивизию И. Ф. Паскевича, поставив перед ними задачу воспрепятствовать стремлению неприятеля идти по дороге на Калугу.

Кутузов и подумать не мог, что Наполеон добровольно откажется от генерального сражения и поведет свою армию по дотла разоренной дороге через Можайск. Поэтому, оставив село Детчино, он отошел еще дальше на юг к Полотняному Заводу, где получил возможность держать под контролем все пути на Калугу и Медынь. Но император решил не искушать судьбу и на три дня оторвался от русских.

15 октября Платов, получив донесение, что Великая армия «от Малоярославца ретируется по большой дороге, послал господина полковника Кайсарова узнать о том обстоятельно». Вскоре пришло подтверждение. Атаман снялся с места и двинулся со всеми полками вслед за неприятелем, чтобы действовать на него с тыла, попросив дежурного генерала Коновницына доложить об этом главнокомандующему.

Кутузов выразил сожаление, что сообщение об отступлении неприятеля получил с опозданием. Ему стало ясно, что отход армии к Полотняному Заводу оказался бесполезным:

Понятовский повернул к Верее и вступил на Старую Смоленскую дорогу, Наполеон сумел оторваться и до самой Вязьмы находился вне пределов досягаемости своих преследователей. Однако вряд ли имеет смысл одобрять или осуждать распоряжения главнокомандующего, как это нередко делают историки. Фельдмаршал поступал сообразно обстоятельствам и той информации, которой располагал. И все-таки стратегическая инициатива перешла в его руки.

Начался период истребления и изгнания агрессора. «Воины! — взывал главнокомандующий в приказе по армии. — Потщимся выполнить сие, и Россия будет нами довольна, и прочный мир водворится в неизмеримых ее пределах!»

От Малоярославца до Смоленска

Наполеон, избегая столкновения с русскими, спешил пройти через разоренный край, чтобы перезимовать в Литве и весной начать новую кампанию. В середине октября такая перспектива представлялась ему вполне реальной: он сумел на три перехода опередить Кутузова, его армия была еще достаточно сильна, она располагала запасом продовольствия. Но постепенно ситуация изменилась...

Отход Великой армии осуществлялся по одной дороге, поэтому она сразу же растянулась на несколько верст. Впереди шла гвардия, за ней — остальные войска, замыкал движение самый боеспособный корпус под командованием Даву. Потерпев поражение под Медынью, Понятовский вернулся в Верею и вместе с Мюратом выдвинулся в авангард. Из-за катастрофической нехватки лошадей отступать пришлось без прикрытия с флангов. Это значительно облегчило реализацию идеи параллельного преследования, возникшей у Кутузова еще в тарутинский период и окончательно созревшей после донесения Платова об отступлении неприятеля из Боровска в сторону Можайска.

16 октября М. И. Кутузов, уведомляя П. Х. Витгенштейна о событиях под Малоярославцем, писал, что намерен нанести неприятелю «величайший вред параллельным движением» и действиями «на его операционном пути».

Наполеон отводил свою растянувшуюся армию по Старой Смоленской дороге. С севера его подпирала бригада П. В. Голенищева-Кутузова, южнее следовали авангард М. А. Милорадовича и отряды В. В. Орлова-Денисова и А. П. Ожаровского, а еще левее — основные силы русских во главе с самим фельдмаршалом. На пятки французам наступали казаки М. И. Платова.

«Этот маневр был им замечательно правильно рассчитан, — пишет о русском полководце историк А. Жomini (бывший начальник штаба корпуса маршала Нея). — С одной стороны, его армия, проходя по менее опустошенной местности, терпела меньше убыли; а с другой — он держал французскую армию под постоянной угрозой обогнать ее и отрезать путь отступления. Вследствие последнего обстоятельства французская армия была вынуждена форсировать марш и двигаться без малейшего отдыха».

С началом наступления противника активизировали свои действия армейские партизанские отряды. Кутузов требовал от них «употребить все средства на уничтожение неприятельских обозов и нанесение ему всевозможного вреда».

Наполеон спешил прорваться к Смоленску прежде, чем его настигнут и отрежут от баз снабжения русские войска. Отходил он с такой скоростью, писал А. П. Ермолов в донесении М. И. Кутузову, «что без изнурения людей догнать его невозможно». М. И. Платов бросил в погоню бригады А. В. Иловайского и Д. Е. Кутейникова. 17 октября они сблизились с французами и уже не отставали от них ни на шаг. В то же время, выполняя приказ главнокомандующего, атаман отрядил А. А. Карпова с пятью полками в авангард М. А. Милорадовича, а сам с отрядом в 4 тысячи казаков и донской артиллерией переправился через Протву и двинулся к селу Аграфенино, где, находясь между двух дорог, ведущих из Боровска и Медыни на Верею, мог оказать в случае необходимости помощь и тем, кто наступал на арьергард Даву, и тем, кто преследовал сильный польский корпус Понятовского.

Кутузов, получив сообщение о том, что казаки настигли отступающих французов, потребовал от Платова «почитать главным предметом разрушение переправ, через которые неприятель идти должен», чтобы «сим способом остановить его марш».

Наступило время решительных действий. 18 октября генерал-майор Алексей Васильевич Иловайский, преследуя неприятеля, неожиданно атаковал его слева от дороги за Можайском и, положив на месте более 500 человек, двинулся дальше по направлению к Колоцкому монастырю. На рассвете следующего дня там произошло первое крупное столкновение казаков с арьергардом Великой армии. Командовал операцией сам атаман Матвей Иванович Платов, только что прибывший с войсками своего корпуса к месту предстоящего боя.

Арьергард Л. Н. Даву после четырех дней форсированного марша остановился на отдых. Платов решил атаковать его

силами своего корпуса в составе одного егерского и 19 донских полков. В ночь на 19 октября атаман выдвинул войска на исходные позиции: на правом фланге, у высот на берегу Колочи, укрылись бригады Н. В. Иловайского и Д. Е. Кутейникова, а слева от дороги, ведущей к монастырю, — А. В. Иловайского и В. Т. Денисова; восемь орудий конной артиллерии под защитой стрелков П. С. Кайсарова должны были действовать в центре.

Удар был нанесен почти одновременно с трех сторон. «Ни отчаянное сопротивление французов, ни страшный огонь... с батареей, ими устроенных, не остановил войск наших», — писал атаман главнокомандующему.

Арьергард маршала Даву несколько раз останавливался, чтобы закрепиться на новой позиции, но всякий раз под давлением казаков слева и справа, теснимый с тыла егерями полковника Кайсарова, вынужден был отступать. Очередную попытку французы предприняли на высотах у Колоцкого монастыря. Однако поражаемые умелыми действиями донских артиллеристов, они обратились в бегство, бросая больных и раненых, взрывая ящики с зарядами.

«При сем случае истреблено неприятеля много, — писал Платов в рапорте Кутузову, — ибо казаки редко в плен берут, и сегодня привели с небольшим только сто».

В нашей литературе утвердилось мнение, что у Колоцкого монастыря казаки истребили два французских батальона и захватили 20 орудий. Эти сведения были извлечены из донесений Платова Кутузову, написанных в то время, когда бой еще продолжался. По окончании дела атаман обещал сообщить подробности и представить список отличившихся. По уточненным данным, пушек оказалось на семь больше, а убитых и пленных — «множество». Кроме того, по пути от Можайска до Колоцкой обители неприятель бросил более 500 лошадей и сжег немало фур и повозок. Из этого атаман сделал вывод: «В фураже и провианте великий должен быть у него недостаток».

Вспоминая события этого дня через четыре месяца, Платов рассуждал: «Едва ли изъяснить возможно ту картину ужаса, которая представилась нам с бегством неприятеля: всюду груды истребленных врагов покрывали путь наш». За сорок лет службы царю и отечеству Матвей Иванович прошел и проскакал по дорогам войны тысячи верст. И все же увиденное поразило его.

Атаман Платов не ошибся. Запас продовольствия, взятый французами из Москвы, действительно истощился. Частью он был съеден, а частью потерян или отбит казаками и пар-

тизанами. Вот что писал о положении Великой армии некий капитан Франсуа, отступавший с арьергардом маршала Даву по дороге, ведущей к Гжатску:

«При недостатке съестных припасов мы едим лошадей, трупы которых окаймляют нашу дорогу; но, находясь в арьергарде, мы зачастую встречаем лишь остатки этих животных, часть которых уже съедена идущими впереди нас. Счастливец, кто может добыть себе хотя бы это!..

Солдаты, у которых нет ни ножа, ни сабли или которые отморозили себе руки, не могут воспользоваться даже и этой пищей. Однако я видел и таких, которые, либо стоя на коленках, либо сидя, словно бешеные волки, глодали эти обнаженные остовы...»

Испытывая жесточайшие мучения от голода и холода, отбиваясь от непрерывных атак казаков, неприятель бежал так, как не бегала ни одна армия прежде. По утверждению Платова, «никакое перо историка не в состоянии изобразить» того, что оставляли после себя французы на большой дороге к Гжатску.

Даву предпринял отчаянную попытку закрепиться на высотах перед Гжатском, поставив на них густые пехотные колонны и устроив батареи. В лесу же, подступавшем с обеих сторон к дороге, он укрыл своих стрелков. Таким образом маршал готов был отразить наступление казаков и с фронта, и с флангов.

Платов не попался в ловушку Даву. Против укрепленной позиции французского арьергарда он поставил восемь орудий, из которых обстрелял его с фронта. В то же время слева и справа от дороги атаман пустил в обход егерей с артиллерией и казаков. Они «произвели столь сильное наступление, что неприятель... после двухчасового сражения вынужден был быстро отступить». Донцы пустились в преследование, продолжавшееся до наступления темноты.

Точных данных о потерях Платов не сообщил. Пленных же было столько, что атаман оставил их обывателям для препровождения в пункты, указанные штабом Кутузова, обычно в ближайшие уездные города. Среди них оказалось немало желающих служить в русской армии. Но такой чести атаман удостоил только немцев, определив их в егерский полк Кайсарова.

Накормив людей и посадив егерей на казачьи лошади, Платов пустился в ночь вслед за отступающим французским арьергардом. В то же время, в 8 часов вечера, в противоположную сторону поскакал курьер с пакетом, адресованным дежурному генералу Коновницыну. Атаман писал:

«...Уже несколько дней войска мои не имеют хлеба, вина и совсем не было; до сих пор питались кое-как мясом, но и сие пришло уже к концу. Я продолжаю быстрое мое движение по земле, обнаженной от всяких средств... послезавтра могу быть у Вязьмы. Дай Бог... в неприятельских магазинах... найти помощь. Иначе не знаю, что делать...»

Понятно, что трудности атамана Платова не шли ни в какое сравнение с теми, что переживали войска маршала Даву. Но и казакам было нелегко. Не хватало не только продуктов питания и вина, но и зарядов для артиллерии: в бою под Гжатском «французскими стрелял, большей частью не по калибру», — писал Платов. А Кутузов торопил, гнал вперед с главными силами корпуса, требовал выиграть хотя бы марш и наносить удары по головам отступающих колонн, беспрестанно тревожить неприятеля даже ночью. Впрочем, Матвей Иванович и без того не задерживался на одном месте. Впереди была Вязьма.

К Вязьме, которую уже миновал Наполеон с гвардией, спешили отряд Орлова-Денисова и авангард Милорадовича. На один переход от последнего отставали главные силы русской армии во главе с самим Кутузовым.

21 октября к Старой Смоленской дороге со стороны Медыни подошел генерал-майор В. В. Орлов-Денисов с казачьей бригадой и «близ города Вязьмы в разных пунктах напал на разбитые полки» неприятеля, обратил их в бегство, взял одно орудие «с довольным числом ящиков с снарядами», до 40 повозок и 130 пленных, среди которых оказались секретарь министра иностранных дел Франции и весь состав его канцелярии. В этом деле отличились донские начальники А. И. Быхалов и Г. Д. Иловайский.

Платов в этот день продолжал теснить арьергард французской армии и у Теплухи и Царево-Займища атаковал его малыми силами егерей. В этих столкновениях неприятель также потерял «множество снарядов, убитых и раненых». В рапорте главнокомандующему атаман особо отметил «труды и неусыпную деятельность» полковника Кайсарова и попросил князя Кутузова оставить его при себе.

На рассвете 22 октября к Старому Смоленскому тракту вышли кавалерийские корпуса Ф. К. Корфа и И. В. Васильчикова и пять казачьих полков А. А. Карпова из авангарда русской армии. Не опоздал ли М. А. Милорадович? Имел ли он реальные шансы на успех? Мог ли прибавить к венку своей славы новые лавры? Все зависело от обстановки.

Наполеон с гвардией уже прошел через Вязьму. Ней остановился в городе, чтобы пропустить войска и сменить де-

морализованный за четыре дня боев с казаками арьергард Даву, находившийся в это время у села Федоровского. А между ними, с разрывом в шесть — десять верст, располагались корпуса Богарне и Понятовского.

Корпус Платова наседали на арьергард Даву всего в трех верстах от авангарда Милорадовича. Главные силы русской армии по-прежнему двигались параллельно Старой Смоленской дороге.

Нет, Милорадович не опоздал. Но сил у него было явно недостаточно, чтобы вступить в противоборство с тремя корпусами противника, превосходившего его авангард по численности тысяч на пятнадцать. Поэтому он решил пропустить войска Богарне и Понятовского к Вязьме, а затем отрезать арьергард Даву и ударить с фронта и флангов при одновременном давлении казаков Платова с тыла, со стороны села Федоровского.

Начала бой регулярная кавалерия. Она вырвалась на дорогу и обрушилась на передовые части корпуса Даву. С флангов французы были обстреляны из артиллерии. С тыла усилили натиск казаки Платова. К этому времени подошли пехотные дивизии из авангарда Милорадовича. Арьергард французской армии, попавший в окружение, оказался под угрозой истребления.

Богарне и Понятовский, узнав о критическом положении Даву, повернули свои войска и устремились ему на выручку. Теперь авангард Милорадовича с двух сторон попал под обстрел неприятеля. Сойдя с дороги и заняв позицию вдоль нее, генерал приказал открыть артиллерийский и ружейный огонь по колоннам французов. Неся большие потери, те обратились в бегство и остановились лишь на подступах к Вязьме, пытаясь организовать сопротивление. «Но что возможно противопоставить быстрому нападению российских воинов, пламенным усердием к государю исполненных?» — риторически вопрошал Платов в реляции на имя Кутузова.

Из воспоминаний Ц. Ложье:

«Холод увеличивался, истощение солдат, еще ничего не евших, таково, что многие падают в обморок; другие почти не в состоянии нести оружие, но тем не менее желают боя, чтобы согреться, а может быть, надеются найти смерть, которая избавит их от этой долгой агонии. Среди командующих ими офицеров встречаются многие с рукой на перевязке или забинтованной головой. Одни ранены еще под Москвой, другие под Малоярославцем».

По какой бы причине французские солдаты ни желали боя, они его получили.

Корпус Платова, усиленный 26-й пехотной дивизией Паскевича, активизировал свои действия, «дабы дать время авангарду генерала Милорадовича зайти неприятелю во фланг». Атаман бросил на штурм города егерей Кайсарова. Они двинулись вперед, заняли господствующую высоту, установили на ней орудия донской конной артиллерии и меткой стрельбой привели противника в замешательство. Пытаясь выправить положение, французы решили атаковать русских на правом фланге. Но войсковой старшина Губкин, командовавший казачьим полком, стремительным ударом на колонну «большую часть оной положил на месте, а остальных взял в плен, действуя везде с отличным мужеством и храбростью».

Успешно развивались события и на левом фланге, где на линию общего штурма выходили пехотные и кавалерийские корпуса авангарда Милорадовича, преследовавшие неприятеля вдоль Большой дороги от деревни Максимовой.

Около двух часов дня русские всеми силами пошли в атаку. «Неприятель был опрокинут, его батареи замолкли, и Вязьма занята победителями, в которую генерал-майор Паскевич с передовыми войсками первый вступил». За ним ворвались в город другие пехотные дивизии и кавалерия авангарда Милорадовича, казаки Карпова и Платова, партизаны Сеславина и Фигнера, подоспевшие к началу общего штурма. Французы в беспорядке бежали к Семлеву. Прикрывал их корпус Нея, занявший место в арьергарде отступающей армии, недавно еще называвшейся Великой.

Значительно превосходящий числом неприятель потерпел поражение, потеряв до 4 тысяч человек убитыми. Скольких из них лишили жизни казаки, неизвестно. С начала контрнаступления Платов ввел свою меру ежедневных потерь врага — «множество». Ее и использовал после боя за Вязьму. Правда, среди атрибутов победы были еще знамя, три пушки, отправленные в Главное дежурство армии, и пленные. Но о пленных особый разговор...

Р. Вильсон — неизвестному,
23 октября 1812 года:

«...Много пленных приводят беспрестанно; более 1500 человек уже у нас перед глазами в самом бедственном состоянии. Мужики многих из них покупают у казаков по два рубля серебром и потом убивают... Но всего более утешительно спасение трехсот русских раненых, оставленных в церкви, которую неприятель успел только зажечь. Сей город не что иное, как груда развалин. Взирая на такое опустошение, нельзя не извинить мщениа русского народа».

Пленных было до 3 тысяч человек.

В тот день, когда разворачивались события под Вязьмой, Кутузов с основными силами армии находился всего в шести верстах от города и «слышал канонаду так ясно, как будто она происходила у него в передней, — свидетельствовал его адъютант Левенштерн. — Но, несмотря на настояния всех значительных лиц главной квартиры, он остался безучастным зрителем этого боя».

Действительно, многие авторитетные участники Отечественной войны упрекали фельдмаршала в том, что он не помог Милорадовичу отрезать и уничтожить хотя бы один, а то и все три корпуса французской армии. Главнокомандующий не оправдывался, но, испытывая чувство горечи, свою позицию на всякий случай объяснил в письме влиятельному при дворе Евгению Александровичу Вюртембергскому, племяннику императрицы Марии Федоровны:

«Наши молодые, горячие головы сердятся на старика за то, что он сдерживает их пыл, а не подумают, что самые обстоятельства делают больше, нежели... наше оружие. Нельзя же нам прийти на границу с пустыми руками!»

Обстоятельства эти — голод и холод, длинные российские версты, партизаны и казаки.

От бескормицы ежедневно гибли тысячи лошадей. Но еще до Вязьмы их трупов не хватало трем четвертям голодной армии. По пути к Смоленску французы стали пожирать тела своих мертвых товарищей. «Не нашлось бы человека, мы готовы были съесть хоть самого черта, будь он зажарен», — писал А. Бургонь.

Из воспоминаний Франсуа:

«...Но если столько приходится страдать людям, которых пощадил климат и которым удалось ускользнуть от случайности войны, то что сказать мне о положении больных и раненых?»

Сваленные в кучу как попало, на телегах, запряженных лошадьми, падающими от усталости и голода, покидаемые на биваках и по дороге, эти несчастные умирают в конвульсиях отчаяния или сами полагают предел своим страданиям, когда у них хватает сил покончить с собой...»

После Вязьмы стали крепчать морозы, вызывавшие страдания, быть может, более сильные, чем голод. С каждой верстой армия Наполеона теряла боеспособность, дисциплину, порядок. Внешний вид французов вызывал у свидетелей их бегства то жалость, то смех. Были среди них генералы, покрытые старыми одеялами, и солдаты — дорогими

межами, «знатнейшие офицеры, щеголявшие в женских теплых шапочках и в изорванных салопах».

К этому следует присоединить еще «сонмы казаков и вооруженных крестьян», которые, как слепни, вились вокруг отступающих колонн. Дерзость их, по свидетельству того же Франсуа, доходила до того, что они пробивались сквозь расстроенные ряды французов, похищали у них ломовых лошадей и фургоны с награбленным в Москве добром. А у солдат уже не было сил противиться им. Все это замедляло движение неприятеля, ставило его под угрозу ежедневных ударов авангарда Милорадовича, корпуса Платова и армейских партизанских отрядов Давыдова, Сеславина, Фигнера и других отважных командиров, перед которыми Кутузов ставил задачу не просто вытеснения врага, а полного уничтожения его на заснеженных полях России.

Французы, выбитые из Вязьмы, расположились было на высоте за городом, но в полночь снялись с места и двинулись дальше на запад. В тот же час Платов отправил за ними почти все бригады своего корпуса, а рано утром 23 октября и сам с тремя оставшимися при нем полками пустился в погоню. В этот день он дважды бросал донцов в атаку на арьергард маршала Нея и оба раза «поразил его жестоко», завалив дорогу «неприятельскими трупами» и взяв в плен более тысячи человек. Однако чтобы не связывать себе руки и не сбиваться с темпа, оставил всех без присмотра, «полагая, что соберут их войска», идущие вслед за казаками.

Получив известие о победе под Вязьмой, Кутузов произвел некоторую перегруппировку войск. Авангарду Милорадовича он приказал следовать по Старой Смоленской дороге и энергично атаковать неприятеля с тыла, казакам Платова и Орлова-Денисова — справа и слева от нее, стараясь опередить противника и «действовать на отступающие головы его колонн, нападая во время марша и совершая беспрестанные ночные тревоги». В то же время отрядам Давыдова и Ожаровского предписывалось выдвинуться вперед и стремиться выйти к Смоленску.

Во второй половине дня арьергард Нея остановился у села Семлево, чтобы дать отдых войскам. Остатки своей утомленной конницы он сразу же отправил на фуражировку. И как только они отделились от пехоты, Платов приказал бригадам братьев Алексея и Николая Иловайских напасть на них, что те и «исполнили с наилучшим успехом, истребив большую часть сей гвардейской кавалерии и взяв в плен довольно число». Атака была отражена артиллерией, но лошади остались голодными. Казаки, однако, не успокоились и но-

чью беспрестанно, как и требовал главнокомандующий, «тревожили неприятеля выстрелами из пушек, гранатами и бранскугелями», то есть снарядами. Утром французы двинулись дальше по Старой Смоленской дороге.

Скоро в Семлево пришел авангард Милорадовича и после непродолжительного отдыха двинулся за отступающим корпусом Нея. Платов же, получивший приказ Кутузова, свернул вправо от дороги и заснеженными проселками пустился обгонять французов, чтобы обрушиться на головы их передовых колонн.

Чем дальше от армии отрывались казаки, тем большие испытывали трудности.

М. И. Платов — П. П. Коновницину,

24 октября 1812 года:

«...У нас такая беда по недостатку хлеба, что не могу описать нужды, какую терпят военнослужители, не имея ни малейших средств к доставлению себе оногo, сколько за непрерывным занятием по службе, столько и по неимению как при большой дороге, так и по сторонам, ибо до сего в прошедшие месяцы все было забрано; в фураже также терпят нужду, но кое-как довольствуют лошадeй соломою, и лошади приметно изнуряются».

Устали люди, изнурились лошади. Но Платов гнал казаков вперед, стараясь раньше французов выйти к Соловьевой переправе и там нанести им если не смертельный, то чувствительный удар. Отдельные бригады донского корпуса опережали атамана верст на десять и даже более. Так, И. И. Андрианов 2-й, следуя с четырьмя полками правее всех остальных, 25 октября вышел к селу Бизюкову, где обнаружил колонну неприятеля в составе полутора тысяч человек пехоты и шести эскадронов конницы, «пробиравшихся» по дороге на Духовщину. Значительное численное превосходство противника не смутило отважного командира, он атаковал его, «расстроил совершенно», положив на месте немало убитых и взяв в плен одного офицера и 175 рядовых. Среди трофеев были знамя и четыре ящика со снарядами. Правда, последние пришлось «поднять на воздух» — взорвать.

Как оказалось, казаки полковника Андрианова 2-го столкнулись у Бизюкова с одним из отрядов итальянского корпуса Богарне, следовавшим по Духовщинской дороге к Витебску для усиления войск маршала Виктора. Последнему Наполеон поставил задачу атаковать армию генерала Витгенштейна, отбросить ее за Двину и возвратить Полоцк, освобожденный русскими 7 октября. Замысел Наполеона

состоял в том, чтобы удержать в своих руках рубеж по Двине и Днепру и не позволить генералу Витгенштейну выйти в район города Борисова, где Кутузов предполагал окружить и разгромить остатки Великой армии.

26 октября Кутузов начал очередную перегруппировку войск, сдвинув авангард Милорадовича с примкнувшим к нему отрядом Орлова-Денисова с большой дороги влево и приказав Платову с прочими казачьими полками занять его место и преследовать противника, отступающего от Дорогобужа к Смоленску. А сам фельдмаршал с главными силами приступил к осуществлению «диагонального марша» через Ельню и Красный, «чтобы пресечь путь если не всей неприятельской армии, то хотя бы ее арьергарду». Так оформился план стратегического окружения французов, первые контуры которого главнокомандующий начертал не позднее освобождения Полоцка.

Значительная роль в осуществлении этого плана отводилась Северной армии Витгенштейна. Поэтому важно было не допустить прорыва итальянского корпуса Евгения Богарне через Духовщину в район Витебска, где ожидал его маршал Клод Виктор.

Готовясь нанести поражение французам у Соловьевой переправы, Платов концентрирует свои силы, запрещает всем полкам донского корпуса, бывшим в «поисках», отходить от него далее трех верст. Несмотря на ненастную погоду, он продвигается вперед, опережает головы неприятельских колонн, нападает на них, не позволяет фуражировать и поджигать деревни и села Смоленщины.

26 октября Платов достиг Дорогобужа и там узнал от пленных, взятых казаками у Бизюкова, что «корпус вице-короля Евгения потянулся к соединению с маршалом Виктором на Витебск». Это известие, неожиданное для атамана, поставило его перед необходимостью срочно решать, что делать: продолжать преследование основных сил Великой армии, отступавшей к Смоленску, как приказал главнокомандующий, или повернуть на север, броситься в погоню за итальянцами, уходившими по дороге на Духовщину, и, возможно, упустить первых?

Времени для раздумий не было. Платов принял решение. Бригады генерал-майоров Дмитрия Евдокимовича Грекова и Василия Тимофеевича Денисова, усиленные шестью эскадронами новороссийских и черниговских драгун и полком егерей, только что прибывших из авангарда Милорадовича, он отправил в преследование неприятельских корпусов, отступавших через Дорогобуж к Соловьевой переправе и далее

к Смоленску. А сам с оставшимися при нем казаками «взял вправо наперерез к Духовщине» и устремился за вице-королем Евгением Богарне.

Из воспоминаний Е. Лабома:

«Мы продолжали продвигаться вперед, радуясь, что покинули Смоленскую дорогу, и рассчитывая, что, направляясь по другому пути, менее пострадавшему от войны, мы найдем села, где сохранились дома и где можно будет укрыться от непогоды, что мы подкрепим там свои силы и найдем фураж для наших истощенных лошадей, но эта надежда не оправдалась... Все здесь было разорено, и казаки бродили со всех сторон, забирая в плен, раздевая и убивая всех, кто по необходимости удалялся в сторону».

Войска 4-го корпуса Е. Н. Богарне, обремененные тяжелым обозом, медленно продвигались к Духовщине. Далеко впереди с целью рекогносцировки путей шел авангард во главе с начальником Главного штаба наполеоновской армии Н. А. Сансоном. На подступах к городу он был атакован казачьей бригадой В. Д. Иловайского из отряда Ф. Ф. Винценгероде, которого сменил П. В. Голенищев-Кутузов. Неприятель был «сильно поражен». Сам генерал и более 500 его солдат были взяты в плен и отправлены по назначению: командир — к Платову, а его подчиненные — в ближайший населенный пункт Белый.

Тем временем Платов настиг корпус вице-короля и «с помощью Божию ударил на него и разрезал на две части». Одна из них, отбиваясь от казаков, потянулась к Духовщине, а другая в крайнем беспорядке обратилась вспять, рассыпавшись по окрестным лесам.

Е. Богарне — Л. Бертье,

26 октября 1812 года:

«...Я не могу скрыть от Вашей Светлости, что после всех употребленных средств, не остается мне никакой возможности тащить за собой артиллерию мою, а потому ожидать должно, что в ней будет великая потеря; уже и сегодня многие орудия были заколочены и зарыты...»

Не мог скрыть, но скрыл. Больше того, обманул, ибо орудия не зарыл и только одно заколотил. Поверженный враг потерял в этот день 64 пушки. Множество солдат противника пало на месте побоища — по точному счету оказалось 6 тысяч человек. А вот пленных, по донесениям атамана, было «мало», каких-то 3 тысячи, ибо его герои не брали их, чтобы не связывать себе руки, «а более кололи, по обыкновению...».

После этого боя на лесной дороге Платов приказал пол-

ковым командирам «давать пардон неприятелю». И дело тут не столько в гуманном отношении к поверженному врагу, сколько в славе. А она зависела от количества пленных. Поэтому атаман отказался оставлять пленных на попечение мужиков, которые «убивали их нещадно» — бывало, по 50 человек закапывали заживо. Он стал выделять для конвоирования сдавшихся на милость победителя особые команды, хотя это и было «сопряжено с развлечением (отвлечением. — В. Л.) казаков от полков».

О своих потерях Платов ничего не сообщил, но было «по благости Божеской оных не так много».

В бою на дороге в Духовщину особенно отличились генерал-лейтенант Андрей Дмитриевич Мартынов, полковники Максим Григорьевич Власов, Степан Евдокимович Греков, Константин Иванович Харитонов и войсковой старшина Петр Иванович Тарасов, «который лично отнял у неприятеля знамя».

Между тем наступил вечер. Казаки остановились на ночлег в деревне Марково. Засыпали с надеждой, что завтра итальянский корпус будет истреблен, «и, ежели Бог поможет, то король Евгений не избежит плену». Здесь и нашел атамана курьер, прискакавший с письмом от главнокомандующего.

М. И. Кутузов — М. И. Платову,
26 октября 1812 года:

«Милостивый государь мой Матвей Иванович, за штандарты, знамена и пушки много благодарствую Вашему Высокочревателю. Сегодня отправляю я донесение мое государю императору о всех Ваших подвигах и не сомневаюсь, чтобы Его Величество не удостоил всемилостивейшего оных внимания, что я представлением моим долгом поставляю подкрепить также и о производстве сына Вашего...»

Это был ответ Кутузова на рапорт Платова от 25 октября, в котором атаман сообщал главнокомандующему об успехах казаков своего корпуса в преследовании неприятеля, выбитого из Вязьмы. О событиях минувшего дня фельдмаршал еще не знал. Между тем они едва не переросли в конфликт.

После боя на лесной Духовщинской дороге и на подступах к городу генерал-лейтенант П. В. Голенищев-Кутузов, принявший командование над отрядом Ф. Ф. Винценгероде, в рапорте главнокомандующему обвинил М. И. Платова в том, что он поставил себе в заслугу пленение начальника Главного штаба Великой армии А. Н. Сансона «и несколько тысяч» его солдат.

Сохранилось несколько рапортов М. И. Платова на имя главнокомандующего, но ни в одном из них он не приписывает заслугу пленения А. Н. Сансона казакам своего корпуса. Напротив, атаман называет героем боя на подступах к городу Духовщине генерал-майора В. Д. Иловайского, бригада которого входила в состав отряда П. В. Голенищева-Кутузова, о чем не мог не знать фельдмаршал.

Впрочем, во всей этой истории есть один достаточно щекотливый момент, который мог уязвить самолюбие и вызвать подозрения П. В. Голенищева-Кутузова. В. Д. Иловайский по окончании боя написал рапорт и препроводил пленного генерала А. Н. Сансона не к нему, а к М. И. Платову, справа от которого действовал в этот день. Вот и показалось командиру отряда, что атаман похитил у него успех. Потому он и решил разоблачить «шелъму» — то есть Платова — в глазах главнокомандующего.

Итак, у П. В. Голенищева-Кутузова не было никаких оснований обвинять М. И. Платова в попытке присвоить себе чужой успех. К слову сказать, в рапорте на имя главнокомандующего атаман не представил В. Д. Иловайского к награде, очевидно, полагая, что сделать это должен его непосредственный начальник — командир отряда.

Неосведомленность П. В. Голенищева-Кутузова о событиях 26 октября не вызывает сомнений. Об этом свидетельствует его рапорт главнокомандующему, отправленный через две недели. Вот строки из него:

«Хотя и доложено Вашей Светлости, что генерал Сансон и несколько тысяч взяты в плен генералом Платовым, но они действительно взяты отрядом вверенного мне корпуса».

Здесь все не так: во-первых, ничего подобного его светлости князю Кутузову никто не докладывал; во-вторых, под командованием генерала Сансона в бою на подступах к Духовщине было не многим более 500 человек, а «несколько тысяч» взяли в плен казаки атамана Платова на лесной дороге, ведущей к переправе через Вопь; в-третьих, командир явно не успел еще войти в курс дела, поскольку бригаду Иловайского назвал отрядом, а свой отряд, пусть и очень сильный, — корпусом.

Почему же В. Д. Иловайский не сообщил П. В. Голенищеву-Кутузову об итогах того дня, 26 октября? Ответить на этот вопрос определенно я не могу. Не исключаю, что какую-то роль сыграло нежелание казачьего офицера служить под командой армейского генерала. Такое мнение существовало в военной среде. Его прямо или косвенно высказывали Д. В. Давыдов, А. П. Ермолов, А. И. Михайловский-Данилевский и другие.

О действительном случае присвоения Платовым чужого успеха речь пойдет ниже. А пока вернемся на берег реки Вопи.

Итальянцам и французам было не до сна. Е. Богарне, понимая, что на следующий день придется переходить через Вопь, с вечера послал туда командующего артиллерией корпуса Ж. Пуатевена с инженерами и саперами и приказал им навести мост, но поднявшаяся за ночь вода разрушила его. Людями овладело отчаяние. Оно еще более усилилось, когда к месту переправы прорвались казаки, прорубившиеся сквозь колонны дивизии генерала Ж. Брусье, прикрывавшие отступление своих товарищей. Некоторые из них с ходу выскочили на противоположный берег и стали угрожать неприятелю окружением. Вице-король решил форсировать реку вброд.

Первой вошла в студеную воду реки гвардия. За ней двинулся сам вице-король Евгений Богарне со своим штабом. Затем последовали экипажи и пушки. Несколько орудий благополучно достигли противоположного берега и даже открыли огонь по казакам, но войсковой старшина Иван Иванович Кирпичев, командовавший полуротой донской конной артиллерии, «искусным и скорым действием сбил неприятельскую батарею» и тем усугубил всеобщую панику. Офицеры распрягли лошадей, бросили повозки, фургоны, телеги и дрожки, чтобы верхом переправиться через Вопь. Толпы солдат, вышедших из подчинения, кидались на них, не давая даже владельцам взять необходимые им вещи.

Адьютант вице-короля Евгений Лабом остался жив, вернулся в Париж и в 1814 году издал «Полную реляцию о походе в Россию», в которой живо описал события у деревни Ярцево на берегу Вопи:

«Крики людей, переплывавших реку, ужас спускавшихся к переправе, отчаяние женщин, плач детей, наконец уныние солдат — все это вместе взятое представляло такое раздирающее душу зрелище, одно воспоминание о котором заставляет содрогаться всех очевидцев...

Едва наши войска покинули берег, как масса казаков, никем более не сдерживаемая, приблизилась к этой ужасной реке, где находилось еще много несчастных, которым слабость помешала переправиться. Неприятель раздел своих пленных и оставил их лежать голыми на снежных сугробах. Мы видели, как татары делили между собой окровавленную добычу. Их жадность превысила их мужество, иначе Вопь не помешала бы им добраться до нас».

Как видно, Евгений Лабом был впечатлительным человеком и умел найти подходящие слова для выражения эмоций, вызванных «раздирающим душу зрелищем». Только вряд ли

можно признать его объективным. Как в обозе отступающей армии оказались женщины и дети? Кто оставил на берегу тех, кому «слабость помешала переправиться» через Воль? Уж не мирных ли путешественников ограбили казаки и разделили между собой их багаж?

Впрочем, ради справедливости надо признать, что генетически присущая казакам страсть поживиться за счет противника (и не только противника, но порой и мирного обывателя) нередко брала верх над интересами дела. И примеров тому достаточно: даже в день Бородинского сражения во время знаменитого рейда они не проскочили мимо неприятельского обоза; на берегу Чернишни графу Орлову-Денисову не сразу удалось собрать рассыпавшиеся по французским бивакам донские полки и бросить их в тыл войскам Мюрата; под Малоярославцем степные «корсары» Платова в предрассветных сумерках упустили Наполеона и его свиту, зато разглядели вдаль вереницу телег, тянущуюся по дороге за артиллерией...

Не имея возможности тащить за собой отбитое у неприятеля добро, казаки сбывали его торговцам или местным жителям. Поэтому у мест продолжительной стоянки войск стихийно возникали торжища.

«Мой лагерь походил на воровской притон, — вспоминал А. Х. Бенкендорф. — Золото и серебро в этом лагере обращалось в таком изобилии, что казаки, которые могли только в подушки седел прятать свое богатство, платили тройную и более стоимость при размене их на ассигнации». Он не сомневался даже, что вся добыча, взятая французами в Москве, досталась донцам. А это значит — от 10 до 15 тысяч повозок!

Кое-что перепало донцам и после победы над корпусом вице-короля. Однако, по свидетельству современника, смоленского крестьянина Кирея, атаман приказал «попалить» все отобранное у неприятеля добро, «а казаков послал догонять и бить французов, и сам поехал за ними».

В бою у переправы через Воль неприятель потерял еще 23 пушки, «множество» убитыми и утонувшими в реке, а пленными столько, что «за скоростью преследования верно-го счету им сделать» не удалось. Матвей Иванович был доволен. Он поздравил Михаила Илларионовича «с победою, и с победою редкою». Главнокомандующий отреагировал на рапорт атамана в тот же день.

М. И. Кутузов — Александру I,
27 октября 1812 года:

«Все милостивейший Государь!

Генерал от кавалерии Платов с некоторого времени ока-

зал давнюю свою ревность и действовал неустрашимо при всей своей болезни. Кажется, что верх его желаний есть титуло графское.

Всемиловивейший Государь, Вашего Императорского Величества всеподданнейший
Князь Голенищев-Кутузов».

Получив это представление главнокомандующего, император начертил на нем: *«Уже исполнено»*.

28 октября авангард А. Д. Мартынова переправился через Воль и двинулся за отступающим противником, правда достаточно размеренным шагом. На подступах к Духовщине корпус Богарне был атакован бригадой В. Д. Иловайского из отряда В. П. Голенищева-Кутузова. Неожиданное появление в тылу новых казачьих полков, недавно пленивших генерал-аншефа Сансона, вызвало смятение в рядах неприятеля. Но вице-король, сохранивший хладнокровие, построил свою гвардию в каре и заставил донцов очистить дорогу в город.

4-й корпус французской армии вошел в Духовщину. В надежде получить новые повеления Наполеона и дать отдых уставшим войскам Богарне стал готовить город к обороне, окружив его пехотой и установив на господствующих высотах оставшиеся пушки. Сколько бы ни потерял вице-король Итальянский в двух последних боях, сил у него было значительно больше, чем у А. Д. Мартынова и В. Д. Иловайского вместе взятых. До подхода М. И. Платова со всеми его полками, задержавшимися у деревни Ярцево, он мог быть спокоен.

* * *

27 октября Кутузов сообщил Александру I о неутомимой деятельности Платова и неодолимом желании его получить титул графа. Через два дня император подписал соответствующий указ и известил о том самого атамана. За столь короткий срок представление главнокомандующего конечно же не могло дойти до Петербурга. А это значит, что Платов, как мы уже говорили, удостоился высочайшей награды за прежние заслуги — как в организации казачьего ополчения, так и в достижении первых побед казаков после перехода армии в контрнаступление.

29 октября Матвей Иванович остановил войска своего корпуса на отдых в слободе Ольховская. Потребовав перо и бумагу, он сел за стол, чтобы написать рапорт главнокомандующему, хотя после последнего донесения, отправленного несколько часов назад с сотником Кузнецовым, ничего нового сообщить не мог. Однако же, поразмыслив, резонно

решил, что лишний раз напомнить о себе тоже не вредно. И неуверенной рукой малограмотного человека с большим трудом начал полную чувств фразу:

«Донские казаки, подобные орлам, несмотря на несносную холодную и снежную погоду, с верноподданическим рвением к службе всемилостивейшего государя нашего и к защите любезнейшего Отечества по велениям ко мне Вашей Светлости нападают на неприятеля, поражают его на каждом шагу стремительно, что будет известно и впоследствии...»

Надо сказать, что Матвей Иванович довольно часто задумывался над тем, какой след оставят в истории его казаки, а потому считал своим долгом информировать дежурного генерала штаба армии и самого главнокомандующего о каждом значительном успехе своих воинов. К сожалению, не все его рапорты содержат важные для исследователя подробности.

Из приказа М. И. Кутузова по армии от 29 октября 1812 года:

«...После таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля Русская, которую мечтал он поработить, усеется костями его.

Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настает зима, вьюги и морозы; вам ли бояться их — дети Севера! Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов. Она есть надежная стена, о которую все сокрушается».

Появление этого приказа было вызвано победами казаков над войсками Евгения Богарне. Готовясь к решающим боям, Кутузов стремился увлечь армию примером героев Платова.

Богарне, войдя в Духовщину, узнал, что французские войска оставили Витебск. Необходимость пробиваться на соединение с Виктором отпала. Вскоре он получил приказ Наполеона форсированным маршем идти на Смоленск. Маршал назначил выступление в ночь с 30 на 31 октября. Но несколько раньше, в 10 часов вечера, сюда подошли главные силы Платова и сразу же открыли огонь по врагу. Вице-король зажег город и поспешно стал отступать, надеясь спасти остатки своего корпуса.

Преследование продолжалось 13 часов. Весь путь отступления был завален трупами итальянцев. У села Звенихина аррьергард корпуса Богарне предпринял отчаянную попытку закрепиться, но был «поражен действиями орудий донской конной артиллерии и егерями... известного полковника Кайсарова». Неприятель потерял здесь две пушки и тысячи человек пленными. Платов лишился 30 своих воинов.

На подступах к селу Помогайлово арьергард корпуса Богарне сошел с тракта и, заняв густой лес, встретил казаков интенсивной пальбой из ружей. Полковник Кайсаров ответил огнем из орудий донской конной артиллерии и одновременно бросил в атаку 4 сотни своих егерей, выбил неприятеля из чащи и погнал его дальше. Между тем наступила ночь. Вице-король остановился, «развел огни... чтобы дать отдохнуть утомленным и изнуренным от сильного преследования своим солдатам». С флангов и тыла за ними бдительно наблюдали казаки.

Утром следующего дня М. И. Платов приказал Д. Е. Кутейникову идти с бригадой на соединение с генерал-майором Д. Е. Грековым, следовавшим за неприятелем к Соловьевой переправе, а сам с оставшимися при нем полками двинулся вслед за остатками итальянского корпуса, нанося ему удары с флангов силами казаков, а с тыла — егерей и орудий донской конной артиллерии. Вся дорога от села Помогайлово до Смоленска, по донесению атамана, «усыпана была мертвыми телами». Пленных в этот раз оказалось немного — до 400 человек.

Вечером 1 ноября Богарне вошел в Смоленск. Из трех дивизий, бывших под его началом всего неделю назад, за стенами города укрылось не более тысячи человек. Последние восемь пушек достались победителям. Похоже, Матвей Иванович серьезно преувеличил людские потери противника, хотя они действительно были значительными. Только вряд ли он делал это сознательно.

В тот же день генерал-майор Дмитрий Греков с бригадой, преследуя французский арьергард маршала Нея, достиг Днепра и у переправы близ села Соловьева отбил у неприятеля две пушки.

Кутузов высоко оценил действия корпуса Платова и в докладе Александру I написал: «Велик Бог, Всемилоостивейший Государь! Припадая к стопам Вашего Императорского Величества, поздравляю Вас с новою победою. Казаки делают чудеса, бьют на артиллерию и пехотные колонны. Все французы, в плен забираемые, неотступно просят о принятии их в российскую службу. Даже вчера итальянской гвардии пятнадцать офицеров приступили с тою же просьбою. Они говорят, что нет выше чести, как носить русский мундир».

Главные силы Наполеона уже четыре дня стояли в Смоленске. Император предполагал, что оторвался от преследования. Но иллюзии скоро рассеялись. Удары посыпались на него со всех сторон. Сначала пришло известие о поражении корпуса Богарне, затем последовало сообщение о пленении

бригады Ожеро и поспешном отступлении остатков дивизии Бараге де Илье. Наконец, император узнал о капитуляции гарнизона Витебска и неудачах Сен-Сира в боях с армией Витгенштейна за Двинск и Полоцк. Создалась реальная угроза выхода русских на основную коммуникацию французов. Кутузов мог раньше их прибыть в Красное, точно так же как прежде в Вязьму.

Французская армия снова двинулась на запад. 1 ноября из Смоленска выступили остатки корпусов Жюно и Понятовского, через сутки — гвардия во главе с Наполеоном. А вечером того же дня в город вошел арьергард Нея, теснимый егерями, драгунами и казаками генерал-майоров Д. Е. Грекова и В. Т. Денисова.

Казачи, преследуя неприятеля, продвигались к Смоленску. Мороз крепчал. Старейший атаман ехал в санях. Его нагнал уже известный читателю генерал-майор С. Г. Волконский. Матвей Иванович пригласил князя к себе на облучок. Вместе добрались до последнего перед городом бивака и остановились на ночлег, где Сергей Григорьевич оказался свидетелем того, о чем «грустно» ему было вспоминать потом. Вот о чем поведал декабрист в своих записках об этой встрече:

«Не отнимая заслуг его в эту войну, я должен сказать, что он многое упустил по невоздержанности своей. Став на бивуаке, он приказал подать себе горчичной, то есть водки, настоящей на горчице, и, выпив порядочную чарочку, огруз и заснул. Отрезвившись немного, он велел подать себе другую, опять отрезвившись, велел подать третью, но уже такого размера, что свалился, как сноп, и до утра проспал; и поэтому пропустил время к распоряжению, дал время французам беспрепятственно продолжать свое отступление и, вступив в Смоленск, захватил только отсталых...»

А между тем, возмущался князь, освобождение Смоленска было представлено в реляциях как значительный подвиг Платова.

Вряд ли имеет смысл ставить под сомнение воспоминания столь честного человека, каким был С. Г. Волконский: Матвей Иванович действительно позволял себе хватить лишку. Может статься, в ту ночь после морозного и напряженного дня так и было. Только вот с оценкой князем событий под Смоленском можно, пожалуй, поспорить.

Утром 3 ноября все бригады Платова соединились у Смоленска и обстреляли город из орудий донской артиллерии. Под гром канонады снялся с места и пустился по дороге к Красному с остатками итальянской гвардии вице-король

Граф Матвей Иванович Платов. Д. Доу. 1820-е гг.

Николай Васильевич Иловайский,
зять М. И. Платова.

Тимофей Дмитриевич Греков,
зять М. И. Платова.

Алексей Васильевич Иловайский.

Григорий Дмитриевич Иловайский.

Аким Акимович Карпов.

Василий Васильевич
Орлов-Денисов.

Дело казаков М. И. Платова под Миром. *В. В. Мазуровский. 1912 г.*

Денис Васильевич Давыдов.

Алексей Петрович Ермолов.

Сражение при Бородине. Гравюра С. Карделли по рисунку Д. Скотти. 1814 г.

Федор Петрович Уваров.

Граф Федор Васильевич Ростопчин.

Наполеон в Москве. А. Адам. 1830-е гг.

Граф Петр Петрович Коновницын. Дмитрий Сергеевич Дохтуров.

Победа при Колоцком монастыре.
Гравюра С. Карделли по рисунку Д. Скотти. 1814 г.

Граф Петр Христианович
Витгенштейн.

Граф Михаил Андреевич
Милорадович.

Переправа через Березину 28 ноября 1812 года. *Х. В. Фабер дю Фор. 1830-е гг.*

Донские казаки.
А. О. Орловский.
1820-е гг.

Нападение казаков.
А. Адам. 1830-е гг.

«Донской казак отдал аудитору
37 фунтов серебра в храм Божий».

«Невинность спасена».

Рисунки на темы Отечественной войны 1812 года. *И. Ф. Тупылев. 1813 г.*

Преследование казаками отступающих французов. *А. О. Дезарно. 1827 г.*

Казакі, купаючыя
лошадей в Сене.
С акварели Г. Э. Опица.

Казакі в Гамбурге
18 марта 1813 года.
*Раскрашенная гравюра
Сура Кристофора.
Первая четверть XIX в.*

Казак в Париже.
С акварели
Г. Э. Отца.

Донские казаки
на бивуаке
в 1814 году.
Гравюра Г. Адама.
Первая половина
XIX в.

Английская
карикатура 1813 года:
английский король
Георг IV указывает
на бутылку, в которой
помещен плененный
Наполеон; слева:
Шварц, Блюхер,
Платов и Веллингтон;
справа (за королем
Георгом): императоры
Франц, Александр
и король Вильгельм;
на коленях,
молитвенно сложа
руки, Людовик XVIII.

Атаман М. И. Платов.
Бюст работы
П. Турнерелли. 1814 г.

Сергей Николаевич Глинка.

Баронет Яков Васильевич Виллие.

Казачи. Гравюра И. П. Жазе по рисунку А. И. Зауерайде. 1810-е гг.

Войсковой Вознесенский собор в Новочеркасске.

Триумфальная арка в Новочеркасске.

Матвей Иванович Платов.
Гравюра С. Карделли по рисунку А. О. Орловского.

Памятник атаману Платову
в Новочеркасске.

Скульпторы А. А. Иванов,
Н. А. Токарев, П. К. Клодт.
1853 г.

Открытие памятника
М. И. Платову
в Новочеркасске. 1853 год.
Картина Майера. XIX в.

Богарне. За стенами древней русской цитадели остались лишь пехотные войска маршалов Даву и Нея. Необходимо было ускорить их отступление с наибольшими для противника потерями.

М. И. Платов решил действовать активно. В диспозиции, данной войскам, на правый фланг он выдвинул бригаду А. В. Иловайского, на левый — Д. Е. Грекова, а в центр — А. Д. Мартынова. В авангард всех сил вошли егеря, сотня спешенных казаков и три донских полка с большей частью конной артиллерии корпуса под общим командованием любимца атамана П. С. Кайсарова. Основные события развернулись в районах Петербургского и Московского въездов в Смоленск.

Полковник Кайсаров бросил своих стрелков в штыковую атаку на пехоту противника, прикрывавшую въезд в город с севера, и заставил ее отступить. Следом за егерями на улицы Петербургского предместья Смоленска ворвались упряжки с орудиями конной артиллерии. Лихо развернувшись, они осыпали бегущих градом картечи. Ошеломленный враг стеснился у ворот крепости, ища спасения за ее стенами. И только тут нападающие «с удивлением увидели вместо предполагаемого малого арьергарда неприятельского» остатки основательно потрепанных корпусов маршалов Даву и Нея — общим числом до 15 тысяч человек.

В то же время генерал-лейтенант А. Д. Мартынов, старший по званию среди равных по должности, отправил бригаду Д. Е. Кутейникова на Дорогобужскую дорогу, по которой к городу подходили последние колонны арьергарда маршала Нея. Казаки, «одушевляемые примером своих начальников, быстро атаковали их и расстроили». Подкрепления, высланные из крепости, были разбиты донцами, которые овладели девятью французскими пушками и заняли Московское предместье Смоленска.

Тем временем в Петербургском форштадте события приняли серьезный оборот. Неприятель, успевший осознать слабость русской пехоты, двинул против нее «превосходное число своей» и после интенсивной перестрелки вытеснил ее за пределы города, заняв господствующую перед ним Покровскую гору. «Сражение началось живее прежнего».

Ней бросил в бой две колонны пехоты, подкрепив их девятью пушками. Но и Платов предпринял ответные меры. Он усилил Кайсарова егерями 1-го полка из бригады Грекова и пустил в атаку почти всех казаков донского корпуса. Неприятель был поражен, опрокинут и отброшен на правый берег Днепра. Весь путь отступления французов, по свиде-

тельству современника, был завален трупами. Так что Матвей Иванович, похоже, успел и выспаться, и опохмелиться, и распорядиться.

«Перепалка продолжалась до самой ночи. Потеря неприятельская весьма велика, — доносил Платов Кутузову, — с нашей же стороны убито и без вести пропало 20 егерей и один казак, а ранено казаков 8, егерей 9 человек».

Платов, конечно, мог преувеличить напряженность боя за Смоленск, но не до такой же степени, чтобы ставить под сомнение каждое его слово. Думаю, А. И. Сапожников слишком легко согласился с оценкой князя С. Г. Волконского, решив, что его воспоминания помогают «расставить все по своим местам». Автор «опыта научной биографии» атамана, по-видимому, даже не допускает мысли, что Сергей Григорьевич за давностью лет многое мог подзабыть или перепутать.

4 ноября покинули город остатки корпуса маршала Даву. Платов же, призвав корпусного священника, приказал ему отслужить перед смоленскими церквями благодарственный молебен всемогущему Богу с пушечной пальбой и криками «ура!» за здоровье государя императора.

В ночь на 5 ноября Смоленск оставил арьсгард Нея. Но прежде маршал распорядился сжечь город и разрушить наиболее значительные здания, стены и башни. Начались «многочестные пожары». После полуночи прогремели первые взрывы. «Три тысячи пленных французов, смотревших на это позорище стоя на коленях, в оцепенении, сложа ладони перед грудью, возопили: “Горы и холмы, падите на нас и скройте от лица Судящего наше срамное геройство!”»

Перед тем как пуститься в погоню за отступающим противником, Матвей Иванович назначил комендантом Смоленска майора Александра Захаровича Горихвостова, подчинив ему 20-й егерский полк и сотню донских казаков, особо отличившихся при освобождении города и больше других уставших. Но их командира Паисия Сергеевича Кайсарова атаман оставил при себе, ибо безмерно ценил его за «отличную храбрость и способности к действиям».

Утром 5 ноября вслед за отступающим арьсгардом маршала Нея двинулся к Красному казачий корпус атамана Платова. Кутузов, изъясняя донскому герою свою «искреннюю признательность за действия» минувших дней, «покорнейше» просил и «впредь употреблять все средства для нанесения вреда неприятелю».

Глава двенадцатая
ГРАФ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

От Смоленска до Березины

В то время, когда реорганизованные в Смоленске французские войска покидали город, главные силы русской армии продолжали осуществлять «диагональный марш» от Вязьмы через Ельню на Красный, где Кутузов надеялся отрезать и «заставить сдать» хотя бы один из корпусов противника. Судя по всему, на большее он не рассчитывал, коль решающее поражение неприятелю задумал нанести у Борисова на Березине, куда должны были подойти Витгенштейн и Чичагов: первый с севера, второй с юга.

В течение трех дней, с 4 по 6 ноября, у города Красного порознь были практически полностью уничтожены остатки корпусов Богарне, Даву и Нея. Наполеон потерял здесь более 19 тысяч пленными и 209 орудий. Погибших никто не считал, но историки оперируют цифрами от 6 до 10 тысяч — правда, неизвестно, из каких источников извлечены. Потери русских исчисляются в 2 тысячи убитыми и ранеными.

После последнего боя под Красным, когда Кутузов принимал трофейные знамена, среди которых были и за Аустерлиц, командир полка Московского ополчения Посников, выражая общее чувство гордости за старого полководца, воскликнул:

— Ура спасителю России!

— Ура! — пронеслось по всему войску.

Кутузов встал и сказал:

— Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мне эта честь. Слава русскому солдату!

Прославленный вождь знал цену русскому солдату. Но и себе тоже. В письме к жене он рассуждал:

«Сегодня я много думал о Бонапарте, и вот что мне показалось. Если вдуматься и обсудить поведение Бонапарта,

то станет очевидным, что он никогда не умел или никогда не думал о том, чтобы покорить судьбу... Бонапарте неузнаваем. Порою испытываешь соблазн поверить в то, что он уже больше не гениален.

Проклятия армии этому человеку, когда-то великому, а теперь ничтожному, поистине ужасны. Меня уверяют даже, что, проклиная его, благословляют мое имя за то, что я сумел справиться с таким чудовищем».

Признанием заслуг фельдмаршала перед Отечеством было повеление государя именовать князя Кутузова Смоленским.

«Вот еще победа!.. Бонапарте был сам, и кончилось, что разбит неприятель в пух» — так считал Кутузов. Впрочем, были и другие мнения...

Наверное, победа могла быть более значительной. Но и цена ее была бы иной. Здесь, как говорится, ни убавить, ни прибавить ничего нельзя. Кутузов слишком дорожил жизнью солдат, чтобы искать себе славы, и без того великой.

* * *

В то время, когда корпус Нея терпел бедствие под Красным, Наполеон с армией спешно отходил к Орше. Некий Трион, отступавший вместе с императором, вспоминал:

«Оригинальное зрелище всевозможных одежд представляла эта длинная колонна призраков. Все мундиры армии были перемешаны. Рядом с шелковыми, всевозможных цветов шубами, отороченными дорогами северными мехами, помещалась фигура в пехотной шинели или кавалерийском плаще. Головы были плотно закутаны и обмотаны платками всех цветов, оставляя отверстия только для глаз. Самым распространенным видом одежды было шерстяное одеяло с отверстием посередине для головы, падавшее складками и покрывавшее тело. Так одевались по преимуществу кавалеристы, так как каждый из них, теряя лошадь, сохранял попону; попоны были изорваны, грязны, перепачканы и прожжены, одним словом, омерзительны. Так как люди уже три месяца не меняли одежды и белья, то их заедали вши».

В погоню за Наполеоном Кутузов отправил отряды Бороздина, принявшего командование над казаками Орлова-Денисова, Ожаровского, Давыдова и Сеславина. Всем было приказано «тревожить французов, как можно более, наипаче в ночное время».

И тревожили, не давая покоя ни днем ни ночью. «При первом крике: «Казаки!» — перелетавшем из уст в уста вдоль

всей колонны с быстротою молнии... все ускоряли свой марш, не справляясь, есть ли в самом деле какая-либо опасность».

7 ноября Кутузов сформировал еще один авангард под началом Ермолова. Он должен был установить связь с атаманом Платовым и согласовывать с ним свои действия. Отправляя генерал-майора принимать авангард, Кутузов наставлял его:

— Голубчик, будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в людях! Днепр не переходи. Переправь часть пехоты, если атаман Платов найдет то необходимым.

— Ручаюсь за точность исполнения, — сказал Алексей Петрович, крестясь, но, по его собственным словам, «тогда же решил поступить иначе».

Платов, оставив Смоленск, с 15 полками своего корпуса двинулся к Дубровне, рассчитывая перехватить неприятеля, отступавшего к Орше. В пути он задержался, увлекшись истреблением отдельных частей французской армии, отрезанных после боя при Красном. Атаман шел правым берегом Днепра через села Катань и Гусиное, близ которых «прибрал к рукам разбродные партии противника» общим числом более 3 тысяч «оголодавших и оборванных душ». Среди них оказался обер-провиантмейстер Наполеона генерал Пюибюск.

В полдень 7 ноября Платов остановил войска в селе Герасимово. Здесь курьер из главной квартиры вручил ему диплом о возведении его в графское достоинство.

Наконец-то исполнилась заветная мечта. Матвей Иванович спешит поделиться радостью с женой Марфой Дмитриевной. Вот несколько строк из его письма, фотокопия которого хранится в Ростовском областном архиве:

«...Итак, вы, моя милая, — графиня; дети, сыновья наши, Матвей и Иван, — графы. И дети их будут, а наши внуки, если по Божеской милости мы их дождемся, — графенята же... Поприятствуйте вдову-невестку Марью Степановну и поздравьте ее. Сын ее, мой внук Матёша, — граф; и невеста-внучка до замужества ее — графиня; и она — графиня, потому что была за моим сыном...»

Это событие отмечали шумно, поздравляли прославленного воина с высокой царской наградой. Пили два дня. Тем временем в тылу корпуса объявился маршал Ней с отрядом в 3 тысячи человек, шедший тоже вниз по Днепру от Сыркоренья к Орше. Произошло столкновение, скупо описанное в официальных рапортах. Но остались интересные вос-

поминания командира батальона М. М. Петрова, недавно опубликованные. С начала Отечественной войны Михаил Матвеевич вел записи о боевой жизни 1-го егерского полка, сражавшегося с конца октября в составе бригады Д. Е. Грекова, и о подвигах своих товарищей, чтобы они «не сокрылись... через малое время в неизвестности».

Ней не имел ни пушек, ни лошадей. Но с ним шли около 20 генералов и несколько сот офицеров разных корпусов, примкнувших к арьергарду в Смоленске. Платов повернул большую часть казаков, 1-й егерский полк и все 16 орудий и двинул их против «наилучшего и отважнейшего из славных маршалов Наполеона», под началом которого было «три тысячи отчаянных пехотинцев», ничем не обремененных и на все готовых, лишь бы «проскользнуть сквозь дружины Матвея Ивановича на свободу — к своим — в Оршу».

Платов вручил свои войска полковнику Кайсарову, «офицеру, одаренному от природы блистательными талантами и воспитанием приготовленному к военным отличиям и уважению каждого, кто был хотя один день под его командою... но молодому, неопытному» по сравнению со «старым штукарем» маршалом Неем. Атаман приказал ему «взять зажигателя и разрушителя Смоленска на аркан и притащить к нему». Задача была поставлена четко, но с явным пренебрежением к противнику.

В полуверсте от Герасимово Смоленский тракт круто поворачивает направо и, обогнув довольно длинную и глубокую балку, возвращается к Днепру и тянется через село на Оршу. Здесь и остановил отряд Ней, чтобы осмотреться. А когда увидел, что русские всеми силами устремились в обход, намереваясь прижать его к реке, перебросил своих пеших воинов через преграду, непреодолимую для кавалерии и артиллерии, выскочил на дорогу, построился в густую колонну, ошетилившуюся штыками, и пошел вперед, оставив позади себя весь корпус Платова.

Сколько ни пытался потом атаман обойти французскую колонну, не получилось. Все его «ретивые наскоки» были отбиты. А оставь Кайсаров на правом берегу балки своих егерей и артиллерию, брось в атаку одних казаков, — разве что смерть спасла бы маршала Нея от русского плена.

Летописец егерского полка писал: «Честолюбивое благородное сердце Кайсарова до конца жизни не перестанет скорбеть о том, что он, при всех своих высоких дарованиях, допустил через излишнюю веру в казачье геройство потерю славы необыкновенной для себя и нас, опытных служак аванпостных, чувствительной. Во всю службу мою тогда

только однажды я подосадовал с озлоблением на малый чин мой — ей-богу, однажды».

Наполеон считал гибель своего «храбрейшего из храбрых» полководца «почти неизбежной». Он готов был пожертвовать всем своим состоянием, лишь бы спасти его. И когда маршал предстал перед ним, император, обнимая соратника по многим сражениям, признался ему: «Я больше не рассчитывал на вас».

Раздосадованный неудачей Платов не стал описывать ни хода, ни итогов боя у села Герасимово, отделавшись ничего не значащей фразой: «Встретил остатки разбитых у Красного войск маршала Нея... которых уже малая часть спасена двумя дивизиями, высланными из Орши от самого Наполеона...»

Наполеон, задержавшийся в Орше, чтобы навести хотя бы относительный порядок в деморализованных войсках, должен был решить, в каком направлении отступить: через Сенно на соединение с Виктором и Сен-Сиром и далее в Литву или через Борисов на Минск. Отправив вице-короля Богарне с частью гвардии выручать Нея, он избрал второй путь и в тот же день покинул город, рассчитывая опередить русских и форсировать Березину.

Арьергард Наполеона ожесточенно дрался за Оршу, чтобы дать армии возможность подальше оторваться от русских. Но через пять часов неприятель выдохся, не выдержал натиска, поджег город и, оставив в нем 26 пушек, 2500 новых ружей и много раненых, «не ретировался, но бежал к Толочину, поражаемый на каждом шагу донскими полками».

12 ноября Нея догнал Наполеона. Он привел к нему 800—900 человек — все, что осталось от его корпуса. Получается, за трое суток «звериной травли» потерял более 2 тысяч своих людей. Но Платов не сообщил Кутузову об этом успехе: похоже, атаман был очень расстроен, что не сумел «заарканить» самого «огнедышащего» маршала Франции.

За Оршей Платова нагнал Ермолов, которому Кутузов приказал остановиться в Толочине и ожидать прибытия Милорадовича. Это повеление должно было убедить войска в том, что вслед за авангардом к Березине подойдет и сама армия, тогда как она безнадежно отстала, засидевшись в селе Добром после боев под Красным. Матвей Иванович и Алексей Петрович, давние приятели по костромской ссылке, решили обмануть Михаила Илларионовича.

Ермолов писал, вспоминая события того дня: Платов «согласился подтвердить донесение мое фельдмаршалу, что повеление его дожидаться авангарда в местечке Толочине я получил, пройдя уже его, хотя я находился за один еще пе-

реход, и представил с своей стороны, что, вступая в огромные леса Минской губернии, ему необходима пехота, почему и предложил он мне следовать за собою или сколь можно ближе».

Эта невинная ложь была вызвана медлительностью главнокомандующего, упорно ожидавшего точных данных о направлении отступления Наполеона. Правда же состояла в том, что Платов, оставивший в Орше 1-й егерский полк, действительно оказался без пехоты, столь необходимой в природных условиях Белоруссии.

Так и шли один за другим с небольшим разрывом: Платов с казаками впереди, Ермолов с егерями и гренадерами позади. По сторонам дороги валялись брошенные французами пушки, тысячи умерших и замерзших людей, видны были пепелища селений. Страшной обузой для казаков стали пленные, которых брали «стадами» и уже не считали. Приступило чувство сострадания. В пленниках видели жертвы, обреченные на смерть.

Поздно вечером 11 ноября авангард Наполеона ушел из Толочина, уступив его казакам Платова, за которым следовал Ермолов. Милорадович находился в Копысе, освобожденном партизанами Давыдова, и готовился переправиться через Днепр. Ожаровский занял Могилев, оставленный поляками. Генерал Бороздин с отрядом Орлова-Денисова, как выразился ироничный мемуарист, «наблюдал дороги в окрестностях, где неприятеля уже не было». А главная армия Кутузова безнадежно отстала.

Тем временем корпус Витгенштейна, прикрывавший петербургское направление, одержал победу у Чашников над войсками Удино и Виктора и отгеснил их к Оршанской дороге, ведущей в Борисов. Первый двинулся к Барану и оказался в авангарде основательно потрепанной армии Наполеона, второй направился к Бобру и серьезно усилил ее арьергард.

В то же время Чичагов, выполняя предписание Кутузова, оставил Минск и пошел к Борисову, чтобы встретить отступающего неприятеля на правом берегу Березины, разгромить его и тем завершить блестяще задуманную операцию. При согласованных действиях всех русских армий успех был обеспечен.

Таким образом, войска противников концентрировались в районе Борисова. Кутузов предполагал завершить здесь стратегическое окружение французской армии, чтобы нанести ей сильный и, возможно, последний удар. Наполеон же рассчитывал переправиться через Березину и уйти в Литву.

События приближались к развязке. Наполеон всеми силами тянулся к Борису. Кутузов, оставаясь за Днепром, чуть ли не ежедневно требовал от Платова сообщать ему, в каком направлении отступает неприятель, ибо без того никак не мог решить, куда вести свою армию. А атаман в это время продолжал изнурительную борьбу с арьергардом противника, который неожиданно увеличился на 5 тысяч человек. Ни Ермолов, ни Милорадович не могли оказать ему помощь, поскольку отстали от него на один-два перехода. Витгенштейн после победы у Чашников тоже бездействовал, чем поставил казаков под угрозу флангового удара корпуса Виктора. И все-таки донцы продвигались вперед и с 11 по 13 ноября «взяли в плен более пяти тысяч солдат и довольное число штаб- и обер-офицеров», в том числе генерал-майора Дзевановского.

Несмотря на известную несогласованность и даже просчеты русского командования, французы уже не заблуждались относительно своего положения. Настроение, преобладавшее в их рядах, очень точно выразил граф Пьер Антуан Дарю:

«Завтрашний день — переход через Березину, он решит нашу участь; может быть, я не увижу более Франции, моей жены и детей. Эта мысль ужасна».

Графу повезло: он увидел прекрасную Францию, жену и детей. Но многие из его товарищей действительно уже не увидели.

Переправа через Березину

Наполеон, избежав «совершенного истребления» у Соловьевой переправы и у Красного, приближался к Борису, где еще в начале ноября было назначено соединение русских войск. По авторитетному мнению К. Клаузевица, «никогда не встречалось столь благоприятного случая... чтобы заставить капитулировать целую армию в открытом поле». И это так. Кутузов имел трехкратное численное превосходство над противником. Еще более важным было позиционное преимущество, ибо французам предстояло форсировать Березину под угрозой ударов с фронта, флангов и тыла одновременно. И кольцо окружения сжималось.

«Поспешите... к общему содействию, — писал Кутузов Чичагову в Минск, — и тогда гибель Наполеона неизбежна». Главнокомандующий допускал даже, что противник до подхода русских успеет занять Борисов и, переправясь через Березину, двинется «прямым путем к Вильне». «Для преду-

преждения сего» он настоятельно рекомендовал адмиралу занять отдельным отрядом дефиле при Зембине, «в коем удобно удержать можно гораздо превосходнейшего неприятеля». Таким образом, Дунайская армия должна была принять основной удар на себя.

Чичагов вполне осознал свою роль в назревающих событиях и заверил Кутузова в том, что всячески будет содействовать «совершенному истреблению» неприятеля на пути его отступления из России. Больше того, адмирал задумал пленить французского императора, что вовсе не казалось невероятным.

Корпус Витгенштейна, отбросив войска Виктора и Удино к дороге, ведущей из Орши в Борисов, занял выгодный рубеж, навис над противником с севера и закрыл ему все пути для отступления в этом направлении. Кутузов приказал ему «сближаться к Днепру», сообразуясь с движением Главной армии.

Главная же армия должна была двигаться от Копыса через Староселье к местечку Березино, «во-первых, для того, чтобы найти лучшее для себя продовольствие, во-вторых, чтобы упредить» неприятеля, если бы он пошел от Бобра на Игумен в надежде отыскать там удобную переправу. Как утверждал Кутузов, у него были основания для такого предположения. Ермолов сомневался в этом. А Д. В. Давыдов объяснил уход фельдмаршала далеко на юг от Борисова элементарным стремлением князя Смоленского «избежать встречи с Наполеоном и его гвардией». И вряд ли Денис Васильевич был далек от истины...

Кроме корпуса Витгенштейна и Главной армии, на флангах должны были действовать отряды: справа — генерал-адъютанта Кутузова, слева — Сеславина, Бороздина, Давыдова и Ожаровского.

Таким образом, остатки Великой армии, подгоняемые полками графа Платова, направлялись в западню. Вслед за казаками по-прежнему тянулись отряд Ермолова и авангард Милорадовича.

«Казалось, конечная гибель французов была неминуема, казалось, Наполеону суждено было здесь либо погибнуть со своей армией, либо попасться в плен, — писал Давыдов, — но судьбе было угодно здесь еще раз улыбнуться своему прежнему баловню, которого присутствие духа и решительность возрастали по мере увеличения опасности».

Первыми вошли в Борисов остатки минского гарнизона Брониковского и дивизии Домбровского. Едва они расположились на ночлег, как явились русские. Начался ожесточенный бой, продолжавшийся десять часов. Вечером 9 ноября

авангард Дунайской армии Чичагова под командованием генерал-майора Карла Осиповича Ламберта ворвался в город. Поляки, потеряв 8 орудий и 4500 человек убитыми, ранеными и пленными, побежали по Оршанской дороге навстречу Наполеону.

На следующий день к Борису подшли главные силы армии Чичагова.

М. И. Платов — П. В. Чичагову,

15 ноября 1812 года:

«Милостивый государь Павел Васильевич!

С сердечным удовольствием узнал я о прибытии войск, состоящих под начальством Вашего Высокопревосходительства, к Борису и о победе, уже одержанной при сем месте. Позвольте, милостивый государь, принести Вам в том мое поздравление...»

Как видно, слух об освобождении Борисова авангардом армии Чичагова слишком долго блуждал по лесам Белоруссии, ибо когда Матвей Иванович взялся за перо, чтобы поздравить Павла Васильевича с победой, тот не только уступил город войскам маршала Удино, но и допустил роковую ошибку, повлекшую за собой крах его репутации как военачальника...

Чичагов двинул к Лошницам авангард под командованием генерал-майора Палена, подчинив ему четыре егерских, три гусарских и пять казачьих полков. При выходе из лесного дефиле он был встречен плотным огнем французской пехоты и артиллерии, приведен в расстройство и обращен в бегство к Борису. Адмирал, вместо того чтобы оказать помощь отступающим соратникам и любой ценой удержать город наличными силами до тех пор, пока не подтянется вся армия, отошел за Березину, уничтожив за собой мост. В результате Наполеон на несколько дней, с 11 по 14 ноября, стал безраздельным хозяином левого берега реки и мог беспрепятственно выбирать место для переправы своих войск. Платов увяз в трудном единоборстве с его арьергардом. Ермолов по-прежнему отставал от атамана на один марш. Витгенштейн бездействовал. Кутузов все еще отдыхал в Копысе, не ведая того, что творится в 130 верстах впереди: уж слишком долог был путь курьеров, чтобы своевременно уведомить его сиятельство о всех превратностях войны.

Чичагов, выбитый из Борисова на правый берег Березины, господствовавший над левым, вынужден был пойти на распыление сил, чтобы обеспечить наблюдение за передвижениями неприятеля вдоль реки на пространстве в несколько десятков верст.

Между тем Наполеон выяснил через тамошних крестьян, что лучшая переправа через Березину находится в восьми верстах ниже Борисова, у местечка Ухолоды, но есть брод и выше, в два раза дальше от города, у деревни Студянки. Теперь надо было обмануть Чичагова, заставить его с войсками пойти в одну сторону, чтобы самому с остатками армии форсировать реку в другом месте. Французский император блестяще справился с этой задачей.

Создав видимость подготовки к переправе у местечка Ухолоды, Наполеон ввел Чичагова в заблуждение, заставил его поднять армию и двинуть ее вниз по течению Березины. Сам же максимально скрытно в тот день, 13 ноября, стал стягивать свои войска к Студянке, где саперы и артиллеристы приступили к наведению сразу двух мостов.

Хитрость Наполеона вполне удалась. Но косвенно, не желая того, ему помогли ввести адмирала в заблуждение... Витгенштейн и Кутузов.

Сначала Витгенштейн полагал, что Наполеон пойдет на северо-запад на соединение с фланговыми корпусами. Но дальнейшее развитие событий утвердило его в мысли, что французы будут пытаться форсировать Березину южнее большой дороги. В письме к Чичагову он размышлял:

«Не могу достоверно донести Вашему Высокопревосходительству о намерениях большой неприятельской армии; хотя и говорят, что она следует к Борисову, но мне по всему кажется, что она поворотила к Бобруйску, ибо в таком случае маршал Виктор не преминул бы держаться в Черее, дабы прикрывать марш войска».

Вопреки приказу Наполеона, маршалу Виктору не пришлось напрягаться у Черей, ибо Витгенштейн бездействовал. Напирал лишь Платов со своими казаками, да и то не на него, а на арьергард армии, который упорно сопротивлялся, создавая условия для отступления остальных войск.

Утром того же дня, когда противники разошлись в разные стороны от Борисова, Кутузов уведомил Чичагова, что он с основными силами армии пойдет от Копыса через Староселье к местечку Березино, чтобы упредить неприятеля, если бы он «пошел от Бобра... на Игумен». И тем же письмом приказал адмиралу занять дефиле при Зембине, дабы отрезать французам путь отступления на Вильно.

Таким образом, Витгенштейн и Кутузов не исключали возможности переправы неприятеля южнее Борисова. Наполеон, демонстрируя свое намерение сделать именно так, отправил вниз по течению Березины несколько тысяч «отсталых солдат», многочисленные фургоны, пушки и два полка

кирасир и тем ввел Чичагова в заблуждение. Адмирал понимал, что фельдмаршал, находясь за 130 верст от противника, не сможет помешать ему перейти на правый берег реки близ Игумена. Потому-то и взял он на себя решение этой задачи, двинулся на деревню Шабашевичи, стоявшую против местечка Ухолоды.

Чичагов допустил ошибку, собрав свою армию ниже Борисова. Но к ней он прибавил «еще одну, какой не сделал бы даже сержант», как писал полковник Марбо. Адмирал не только не занял дефиле при Зембине, но даже не сжег два десятка мостов на нем. Если бы он «принял эту разумную предосторожность, французам было бы отрезано возвращение и переход через реку не послужил бы им ни к чему, потому что они были бы остановлены глубоким болотом».

Ценой невероятных усилий французы навели мосты. Во второй половине дня 14 ноября на правый берег Березины перешли кавалерия Домбровского и Думерка, пехота и артиллерия Удино. Неприятель сразу же перекрыл подступы к переправе с юга и овладел дефиле при Зембине. Путь на Вильно был открыт.

В тот же день Кутузов еще раз потребовал от Платова сообщить ему о действительном направлении отступления французов, ибо без того никак не мог решить, куда вести свою армию. На всякий случай он двинулся на запад, но так отклонился влево от места соединения всех войск, им же самим назначенного, что через неделю, выйдя к Березине, оказался на 50 верст южнее переправы.

15 ноября войска Богарне, Даву и гвардия Наполеона беспрепятственно перешли Березину. Виктор, оставив в Борисове дивизию Партуно и приказав ему по возможности препятствовать соединению русских сил Чичагова, Витгенштейна и Платова, с большей частью своего корпуса отошел к Студянке для прикрытия переправы со стороны левого берега реки, где собирались тысячи нестроевых солдат и обозы когда-то Великой армии.

Партуно, дождавшись назначенного часа, покинул город и повел свою дивизию на соединение с Виктором. В пути он перепутал дороги и вместо Студянки потянулся к Веселову, где напоролся на авангард корпуса Витгенштейна. В то же время в тыл к нему зашел атаман Платов с казаками. Вот как описал свое положение генерал:

«Мы были окружены, стеснены обозами и восемью тысячами отсталых, большею частью безоружных, в лохмотьях, являвших совершенное подобие бродячих мертвецов. Направо находилась гора, занятая русскими; влево — Березина

и русские; впереди и сзади стояли русские; их ядра пробивали наши колонны насквозь... Я очутился с глаза на глаз с неприятелем, но продолжал движение в величайшей тишине по болотам, озерам и лесам, преследуемый и теснимый казаками, ибо ими был узан. Окруженные со всех сторон... изнемогая от голода, усталости и стужи, едва не утонувши в озере, которое только что замерзло и было от нас скрыто темнотою и снегом, мы положили оружие».

Никто из русских военачальников до вечера 15 ноября не знал, где именно Наполеон устроил переправу. Поэтому авангард корпуса Витгенштейна проскочил мимо Студянки и неожиданно вышел на заблудившегося Партуно. Столь же случайно в тылу у него оказался Платов с казаками. Результатом такого стечения обстоятельств явилась капитуляция французской дивизии.

«Весь соединенный неприятель, — сообщал Платов Кутузову, — был полками моими окружен... в виду моем положил оружие... всего более пяти тысяч человек и три орудия».

Пленных и трофеи атаман сдал в корпус графа П. Х. Витгенштейна, выделив для их сопровождения донской казачий полк Д. Д. Комиссарова. Всего же корпус Виктора лишился пяти генералов, более 8 тысяч солдат и офицеров пехоты с оружием и безоружных, 800 кавалеристов и трех пушек.

Между тем и Чичагов, разобравшийся в обстановке, повернул свою армию и, отмахав за сутки более тридцати верст, к вечеру 15 ноября остановился близ Борисова. Его войска, измученные в этот день трудным маршем, не могли двигаться дальше. На подходе был также генерал-майор Ермолов с 12 батальонами пехоты, двумя полками кавалерии и 24 орудиями.

На исходе дня 15 ноября Витгенштейн уведомил Платова, что утром намерен выступить «на поражение неприятеля», прикрывающего переправу у Студянки. Атаман одобрил его распоряжения и в свою очередь информировал «милостивого государя графа Петра Крестьяновича», что занял Борисов, взяв много пленных, «кроме больных», и две пушки.

Похоже, Петр Христианович не получил сообщения Матвея Ивановича, ибо на рассвете следующего дня приказал Сеслаину «во что бы то ни стало занять Борисов» и установить связь с армией Чичагова, что капитан и сделал, сломив упорное сопротивление противника и взяв в плен более 3 тысяч человек.

Выходит, город, освобожденный вечером, пришлось снова брать утром, к тому же «при невероятных усилиях непри-

ителя»? А почему бы и нет. Во-первых, в нем могла укрыться часть французского арьергарда, когда Платов увлекся преследованием дивизии Партуно, а во-вторых, ночью туда вернулся борисовский гарнизон, посланный Наполеоном к Ухолодам демонстрировать наведение ложной переправы. Далее, однако, проблема приоритета встала во всей остроте, причем приобрела чисто нравственный характер.

«По совершении сего блистательного подвига», по определению Давыдова, Сеславин остановился за Березиной, чтобы отдохнуть и накормить лошадей. В это время генерал-майор Орлов-Денисов с казаками «прошел стороною мимо» Борисова и донес Платову, что «занял город». Пленных атаман приказал прислать к себе.

А. Н. Сеславин — П. П. Коновницину,

16 ноября 1812 года:

«...Ваше Высокопревосходительство!.. Платов берет на себя занятие города! За что отнимает славу дела моего отряда? Чтобы не уступать, надо быть самому генералом. Спросите обо всем у Чичагова, я врать не буду».

Петр Петрович доложил Михаилу Илларионовичу. Тот сделал запрос П. В. Чичагову. Вот что ответил адмирал:

«Имел честь получить предписание Вашей Светлости от 19-го сего месяца под № 553, обязанностью поставляю донести, что гвардии капитан Сеславин действительно первый занял город Борисов и открыл сообщение со мною генерала от кавалерии графа Витгенштейна, доставя от него в то же время письменное ко мне об его движении и предложениях уведомление; равным образом и сдача в плен нескольких тысяч неприятеля была следствием занятия им сего города и соединенного действия с вверенною мне армией корпуса графа Витгенштейна. Чичагов. № 1944. Ноября 22-го дня 1812 года. М. Илия».

Получается, что «славу дела» отряда Сеславина присвоил себе граф Орлов-Денисов и тем ввел в заблуждение Платова, которого и обвинил капитан гвардии. Все правильно: он атаман, ему и держать ответ. Правда, эта история получила продолжение только в сочинениях самого последнего времени, но об этом я уже писал.

Снег падал хлопьями, поля и леса были покрыты белой пеленой и терялись в тумане. Ясно различались мрачная, наполовину замерзшая Березина, темные воды которой пробивали себе путь между льдинами, и мосты, едва возвышающиеся над поверхностью реки. А на берегу десятки тысяч безоружных, больных, почти одичавших людей, давящих друг друга ради того, чтобы прорваться на ту сторону, где,

может быть, еще удастся спастись от этих наводящих ужас бородатых казаков, одержимых страстью грабежа...

Рано утром авангард корпуса Витгенштейна потянулся к Студянке и на рассвете перешел в наступление против войск Виктора. Его поддержали часть дивизии Г. М. Берга и резерв Б. Б. Фока. Но особенно большой вред неприятелю причинила артиллерия, открывшая огонь по мостам через Березину. Людей охватила паника.

Более сильные сбрасывали в воду более слабых, мешавших им продвигаться вперед, шли по телам больных и раненых, попадавших на их пути. Сотни людей остались здесь, раздавленные колесами; другие, надеясь спастись вплавь, замерзали на середине реки и погибали, взбираясь на льдины, которые шли вместе с ними ко дну. Несмотря на эти печальные примеры, тысячи людей бросались в Березину, где умирали в мучительных конвульсиях и с отчаянием в душе.

Когда один из мостов рухнул под тяжестью обозных повозок и орудий, все бросились ко второму. Давка была такая, что даже самые сильные не могли противиться натиску.

Услышав артиллерийскую стрельбу у Студянки, перешли в наступление войска Чичагова. Русские почти полностью истребили Привисленский легион. Сильно пострадали и другие дивизии. Удино был ранен, и маршал Ней принял командование на себя. Наполеон бросил в бой остатки Молодой и Старой гвардии. И здесь, на правом берегу Березины, наибольший урон неприятелю нанесла артиллерия.

Развязка наступила на рассвете 17 ноября. Под огнем русских пушек войска Виктора стали отходить к Березине, пробивая себе дорогу штыками и прикладами. Сотни повозок и тысячи нестроевых солдат оставались еще на левом берегу реки, когда генерал Эбле, выполняя приказ Наполеона, поджег мост. Полчаса спустя на эту толпу налетели казаки, часть ее изрубили, а большую взяли в плен.

Когда корпус Виктора переправился на правый берег, Наполеон приказал отводить войска к Зембиновскому дефиле, так и не занятому русскими.

По данным французских источников, Наполеон потерял на берегах Березины убитыми, ранеными и утонувшими в реке от 20 до 25 тысяч своих солдат. Такими же цифрами оперировал и историк Богданович. В плен было взято 24 тысячи человек, в том числе 5 генералов и 427 офицеров. Трофеями победителей стали 4 знамени и 22 орудия. Русские потеряли убитыми и ранеными 4 тысячи человек.

Успех был ошеломляющий, но истребить «всю французскую армию» до последнего ее солдата, как планировал Ку-

тузов, не удалось. Сам Наполеон, все его маршалы, многие генералы, 2 тысячи офицеров и 7 тысяч самых боеспособных солдат вырвались из окружения и ушли через Зембиновское дефиле, уничтожив за собою мосты, что позволило им на один марш оторваться от преследователей.

Кутузов «очень грустил, что не взята вся армия неприятельская в полон». Вину за это старый фельдмаршал возлагал на Чичагова, который совершил «пустой марш» к Ухолодам и «не удержал ретираду» французов. На «земноводного генерала» негодовали, его высмеивали как «ангела-хранителя Наполеона», даже подозревали в измене. Адмирал стал для всех «козлом отпущения», как выразился историк Троицкий. Но таковой и был нужен. В советское время часть вины была возложена также на Витгенштейна. И только светлейший князь Смоленский стоял всегда «слишком высоко в глазах России, чтобы кто-то мог упрекнуть его в чем бы то ни было».

Могли ли русские добиться на Березине большего? При известных условиях могли, конечно. Вот что писал об этом Д. В. Давыдов:

«Если бы Витгенштейн был проникательнее и преследовал неприятеля с большею настойчивостью, если бы Кутузов обнаружил более предприимчивости и решительности и оба они... направили поспешнее свои войска к Березине, если бы Чичагов не совершил своего движения на Игумен... количество пленных могло быть несравненно значительнее; быть может, берега Березины сделались бы гробницей Наполеоновской армады; быть может, в числе пленных находился бы он сам. Какая слава озарила бы нас, русских! Она была бы достоянием одной России, но уже не целой Европы. Впрочем, хвала Провидению и за то, что оно, благословив усилия наши, содействовало нам в изгнании из недр России новейших ксерксовых полчищ, предводимых величайшим полководцем всех времен. Мы, современники этих великих событий, справедливо гордящиеся своим участием в оных, мы, более чем кто-либо, должны воскликнуть: “Не нам, не нам, а имени Твоему!”»

Но Витгенштейн активизировал свои действия лишь к вечеру 15 ноября. А Кутузов находился далеко и совершенно не ориентировался в обстановке. И хотя Чичагов и допустил непростительную ошибку, уведя армию вниз по течению реки и не заняв Зембиновского дефиле, именно он, как считал Ермолов, более других препятствовал переправе французов через Березину и нанес им самый ощутимый урон. Такого же мнения придерживались Давыдов и Левенштерн.

Березинская операция поставила Наполеона перед фактом катастрофы и приблизила окончание войны на территории России.

Казачи сыграли в этом заметную роль.

Окончание Отечественной войны

Путь на Зембин проходил по болоту, на котором было устроено более 20 мостов, не разрушенных войсками Чичагова вопреки приказу Кутузова. Наполеон не повторил ошибку адмирала. Миновав дефиле, он сжег за собою мосты. Но, видимо, злой рок преследовал его армию. Березина, поглотившая в своих студеной водах десятки тысяч французских солдат, сразу после их переправы замерзла. Сковало льдом и болото. Поэтому оторваться от русских Наполеону не удалось. Условия отступления стали еще более губительными. Биваки, оставляемые неприятелем, как и дороги, по которым он проходил, были покрыты трупами, как поля сражений. Известен случай, когда в течение одной ночи окоченела целая бригада неаполитанцев.

Кутузов, не веря, что Наполеон переправился через Березину и вырвался из окружения, потребовал подтверждения этого от Милорадовича. Но чем мог утешить генерал старого фельдмаршала, коль сам он с вверенным ему авангардом пришел в Борисов, когда сражение на обоих берегах реки уже прекратилось?

Генералы, принимавшие участие в сражении на берегах Березины, не стали ожидать повелений от главнокомандующего. На следующий день после событий на переправе они решили: Чичагов с Дунайской армией двинется непосредственно за противником, отступающим от Зембина; Милорадович, только что прибывший с передовыми войсками авангарда в Борисов, будет содействовать адмиралу, когда тому потребуется помощь; Витгенштейн со своим корпусом пойдет справа от Виленской дороги, а граф Платов с казачьими полками устремится слева от нее в обход неприятельских колонн, чтобы атаковать их с фронта и с фланга. Эти действия русских военачальников должны были пресечь соединение Наполеона с Макдональдом, пребывавшим в Курляндии, и Шварценбергом, стоявшим в Слониме.

Сам по себе план был хорош, но приступить к его реализации сразу же не удалось. Чичагов, понесший самые большие потери, вынужден был оставаться на месте. Витгенштейн никак не мог навести переправу на загроможденной трупами, повозками и пушками реке. Милорадович стал

ожидать отставшие войска и обозы с провиантом. Поэтому за отступающими французами немедленно пустились лишь казаки атамана Платова и авангард Дунайской армии под командованием генерал-лейтенанта Чаплица.

Кутузов негодовал, но когда несколько успокоился, сказал:

— Бог довершит то, чего не умели сделать отдельные генералы. Немного недоставало, и наш брат псковский дворянин взял бы Наполеона в плен.

Получив донесения от участников событий на берегах Березины, Кутузов 19 ноября сообщил им свой новый «генеральный план», направленный на истребление остатков «бегущего неприятеля». Он в деталях совпадал с действиями, намеченными самими генералами сразу же после сражения. Правда, главнокомандующий определил в нем и место Главной армии: она должна была наступать левее авангарда Милорадовича, чтобы «воспрепятствовать соединению Наполеона со Шварценбергом». Впрочем, такую же задачу он поставил и перед корпусом Остен-Сакена.

Едва французы двинулись по направлению на Зембин, как за ними увязался авангард корпуса М. И. Платова под командованием генерал-лейтенанта А. Д. Мартынова, который у реки Гойны, впадающей в Березину, отбил у них одно орудие и взял в плен более 300 человек, в том числе немало офицеров. Несколько левее атаман пустил казачий отряд в тысячу сабель во главе с испытанным П. С. Кайсаровым, который без труда мог «пройти самыми малыми стежками». А сам граф с остальными полками и полуротой конной артиллерии решил идти пока по большой Виленской дороге, чтобы при первом же случае свернуть с нее и устремиться в обход отступающих колонн неприятеля для нанесения им ударов с фланга, а если удастся опередить, то и с фронта, как и было условлено на только что состоявшемся совете высших начальников.

Казаки, попав в стихию преследования, буквально творили чудеса. 20 ноября Кайсаров, усиленный четырьмя пехотными полками, присланными к нему Чичаговым, атаковал маршала Виктора и нанес ему поражение. И снова в ход пошла платовская мера исчисления пленных — «множество». Потом полковник форсированным маршем пустился вперед, зашел в голову «неприятельской армии, из остатков кавалерии составленной... ударил на оную с быстротой в трех местах и в одно мгновение привел ее в замешательство», положив на месте более тысячи человек. Трофеями донцов стали знамя наполеоновской гвардии и весь архив канцелярии государственного секретаря графа Дарю.

Не менее успешно действовала и бригада генерал-лейтенанта Мартынова. С начала преследования французов от Березины до Молодечно его казаки взяли 30 пушек, около 100 ящиков с зарядами, много лошадей, пленили генерала Прейзена с двумя адъютантами, трех полковников, 30 обер-офицеров и более 2 тысяч рядовых.

21 ноября Наполеон, прибыв в Молодечно, составил знаменитый «похоронный бюллетень Великой армии», 29-й по счету, в котором признал свое поражение. Завершался бюллетень «малоуместной и странной фразой»: «Здоровье Его Величества никогда не было лучшим». Утром следующего дня император укатил в Сморгонь. Арьергард маршала Виктора остался в местечке, чтобы хоть на время задержать наступление русских.

Вскоре после отъезда императора к Молодечно подошли войска Платова и Чаплица. К полуночи противник был выбит из местечка и потянулся по Виленской дороге на Сморгонь, оставив русским три пушки и до 500 пленных. В этом бою был «ранен пулею в правое плечо выше груди» отважный генерал-лейтенант Мартынов. В целом же потери атамана были невелики.

В тот же день маршал Клод Виктор отправил донесение начальнику штаба наполеоновской армии Луи Бертье: «Войска арьергарда доведены до крайности, и остатки их в таком жалком положении, что я нахожусь принужденным ставить их дальше от неприятеля, избегая всякой встречи с русскими. Я решился на единственное... средство спасения: отступление, и буду сегодня ночевать в четырех лье от Сморгони. Наши ведеты в виду русских; вероятно, сегодня я буду столь же сильно преследуем, как вчера; думаю, что Его Величеству будет приличнее отъехать от нас далее».

Наполеон и сам решил, что ему гораздо приличнее отъехать подальше. И отъехал — в Париж. Командовать остатками армии он приказал маршалу Мюрату, но тот проявил себя в новой роли хуже «капитана вольтижеров».

После освобождения Молодечно Платов с казаками своего корпуса свернул влево и проселками пустился вперед, стараясь «выиграть марш над отступающим неприятелем, чтобы действовать в головы его колонн», как приказал Кутузов. На большой дороге его место занял авангард Дунайской армии под командованием генерал-лейтенанта Чаплица. 26 ноября под Сморгонью он захватил еще 25 орудий и 3 тысячи пленных.

Наполеон стороной обошел Вильно и за 13 дней бешеной скачки пересек всю Европу. Его отъезд стал достоянием

гласности и послужил сигналом для всеобщего бегства. Разложение войск приняло чудовищные размеры.

26 ноября жалкие остатки Молодой и Старой гвардии вошли в Вильно. За ними в беспорядке тянулись толпы солдат, потерявших не только оружие, но и человеческий облик и даже рассудок. Через сутки в городе собрались десятки тысяч французов. Из них не более 9 тысяч были вполне боеспособны. В тот же день к литовской столице подошли казаки Платова.

М. И. Кутузов — М. И. Платову,
27 ноября 1812 года:

«...Узнав из рапорта Вашего Сиятельства, сейчас полученного, что Вы завтра намерены вступить в Вильно, я спешу поручить Вам в особенности употребить все меры, дабы сей город не был подвержен ни малейшей обиде... Наши поступки в теперешних обстоятельствах будут иметь большое влияние на предбудущее время... Сохраняя порядок в войсках, мы сохраним славу нашего оружия...»

Кутузова не без основания беспокоила судьба города, в который вступали казаки: те имели устойчивую репутацию грабителей, как, впрочем, и некоторые их генералы. Об этом писали многие современники.

Вечером 27 ноября Мюрат заверял Гогендорпа: «Если на меня нападут, я буду биться. У нас много людей». Генерал-губернатор усомнился и, как оказалось, не зря. В полночь неаполитанский король покинул Вильно. Утром, когда стало светать, на улицах и площадях города появились казаки, наводившие на всех ужас стрельбой и раскатистыми криками «ура!». Французы устремились к Ковенским воротам, но проход через них был невозможен... Оставшиеся в городе войска предпочли сдаться. В числе пленных оказались 7 генералов, 242 офицера и 9517 рядовых, не считая 5139 больных и раненых, находившихся в госпиталях на лечении.

Платову не пришлось поддерживать порядок в литовской столице. Эту задачу Чичагов возложил на авангард Дунайской армии.

В пять часов утра Мюрат и его передовые войска достигли Понарской горы, но она стала для них трудным барьером. Лошади не смогли преодолеть обледеневшую крутизну. Дорога оказалась загроможденной пушками и повозками. Неаполитанский король и сопровождавшие его маршалы вынуждены были выйти из своих карет и пешком продвигаться вперед по глубокому снегу слева и справа от тракта.

В то время, когда тысяча казаков под командованием полковника Кайсарова наводила ужас на неприятеля на ок-

раинах Вильно, Платов с основными силами своего корпуса обошел город с юга и расположился в пяти верстах от него, у Погулянки, чтобы отрезать французам путь отступления на Ковно. «На вершине горы Понарской», только что оставленной войсками Мюрата, атаман приказал установить батарею из десяти орудий конной артиллерии, обращенных жерлами на большую дорогу.

Около восьми часов утра показался арьергард маршала Нея. Пропустив первую колонну, основательно потрепанную казаками графа В. В. Орлова-Денисова, М. И. Платов приказал донской бригаде под командованием генерал-майора Г. Н. Рахманова добить ее, а к следующим за ней войскам отправил парламентаря, поручив ему убедить неприятеля, что «все пути к отступлению ему уже отрезаны и что всякое сопротивление будет для него пагубно». Требование атамана сложить оружие было отклонено.

Сначала артиллерия осыпала французов градом картечи и привела их в замешательство. Потом М. И. Платов бросил в атаку 16 полков, сведенных в четыре бригады под командованием генерал-майоров Н. В. Дехтярева, Н. В. Иловайского, Д. Е. Кутейникова и В. В. Орлова-Денисова. Стремительным ударом арьергард Нея был разорван пополам и по частям «истреблен совершенно». Поле у Погулянки и дорога через нее на Ковно были завалены трупами.

«При сем поражении, — доносил Платов Кутузову, — взято 28 орудий, 5 знамен, множество пленных и весь неприятельский обоз...» Всех генералов, полковых начальников и отличившихся офицеров атаман представил к наградам.

В течение последующих трех дней казаки преследовали неприятеля, не давая ему покоя ни днем ни ночью. С 29 ноября по 1 декабря они взяли в плен 56 офицеров и около 2 тысяч рядовых, а перебили более того — «множество».

Утром 2 декабря корпус Платова подошел к Ковно, гарнизон которого насчитывал 1500 немецких солдат при 42 орудиях. Кроме того, в него влился арьергард Нея — общим числом в... 60 человек. Всех прочих было значительно больше, но у них уже не было сил держать в руках оружие. Мюрат приказал маршалу организовать оборону города, а сам с уцелевшей частью Молодой и Старой гвардии переправился через Неман и взял курс на Кенигсберг.

Начальник Главного штаба французской армии маршал Луи Бертье похоронил надежды Наполеона. «Нельзя удержаться в Ковно, — писал он императору, — потому что армии более не существует». И это была правда. Достаточно сказать, что дошедшие до Немана солдаты из корпуса вице-

короля Евгения Богарне смогли разместиться на ночлег в одной комнате. В баварских войсках осталось несколько больше — 20 человек. И все-таки Мишель Ней решил защищаться.

Противник встретил казаков плотным огнем из 20 орудий, установленных «во всех предместьях города и даже на противоположной стороне Немана». Перестрелка продолжалась весь день. Донские артиллеристы под командованием войскового старшины Ивана Ивановича Кирпичева действовали искусно. Они сразу подбили две пушки, а потом заставили замолчать и остальные 18.

Пока продолжалась артиллерийская дуэль, Платов бросил по льду через Неман в обход Ковно слева и справа бригады Каменева, Кутейникова и Орлова-Денисова. Командующий французскими войсками предпринял отчаянную попытку вырваться из окружения. Около 3 тысяч его солдат полегло под ударами казачьих пик и сабель. «В том числе был убит один из знатных генералов». Атаман решил даже, что это Ней, ибо «по примечаниям и по сходным показаниям» все сходилось. Но, увы. Маршал и на этот раз ускользнул.

Утром 3 декабря казаки Платова, встречаемые «с радостным восхищением» жителями Ковно, вступили в город.

Это все, что М. И. Платов счел необходимым сообщить М. И. Кутузову. Произошел обычный бой с деморализованным противником, в массе своей не способным уже держать в руках оружие.

В дневнике одного из жителей города читаем: «Утром спокойно вступил в город отряд казаков; к магазинам приставлен караул, город начал жить спокойной жизнью. Несколько часов спустя прибыл граф Платов... Приветствовали его с выражением радости. Этот почтенный по своим заслугам в империи старец объявил жителям, что император решительно подтвердил войсковым отрядам, чтобы они заботились о спокойствии жителей. После полудня русские войска наполнили город; большая часть их отправилась преследовать французов».

Под гром артиллерийского салюта отслужили молебен, после которого Платов, обращаясь к казакам, провозгласил:

- Государю императору — ура!
- Ура! — разнеслось над площадью.
- Князю Смоленскому — ура!
- Ура! — подхватили казаки.

В Ковно и за ним казаки взяли в плен 436 офицеров и около 10 тысяч рядовых, потерявших оружие. Наградой победителям стали огромные трофеи: 21 пушка, 800 ящиков с

порохом, 30 тысяч новых ружей, 170 бочек водки, запасы ржи, овса и ячменя.

...В Вильковиск, в котором полгода назад Наполеон клялся исполнить судьбу России, в начале декабря явился раненый, едва стоящий на ногах человек.

— Не узнаете? — спросил он, обращаясь к генералу Дюма.

— Нет! Кто вы?

— Я — арьергард Великой армии, маршал Ней. Я сделал последние выстрелы на Ковенском мосту, пришел сюда, пробираясь лесами...

Сообщив Александру I о полном истреблении неприятеля, Кутузов признался, что считает себя счастливейшим из подданных, ибо был избран судьбою исполнителем его высочайшей воли.

Вечером 11 декабря Александр I прибыл в Вильно. Навстречу ему вышел князь Смоленский. Государь сжал его в своих объятиях, принял от него рапорт и вручил Спасителю Отечества орден Святого Георгия 1-го класса. На следующий день фельдмаршал дал бал по случаю 35-летия императора. Перед входом монарха в зал Кутузов поверг к его ногам неприятельские знамена, только что присланные атаманом Платовым.

Звучала музыка. Государь был молод, красив и весел. Он чувствовал себя победителем. Он и был победителем.

Манифестом 25 декабря Александр I возвестил об окончании Отечественной войны. Скоро начался освободительный поход русской армии по дорогам Европы. Донские казаки под командованием атамана Платова возглавили движение.

Александр I — М. И. Платову,
8 января 1813 года:

«...Вы собственным Вашим лицом и вообще все Донское Войско много участвуете в славе истребления врагов и в спасении Отечества. Заслуги Ваши и подвиги казачьих войск пребудут незабвенны. Имя их сделалось страшно неприятелю...»

М. И. Кутузов — М. И. Платову,
17 января 1813 года:

«Милостивый государь мой граф Матвей Иванович!

Почтение мое к Войску Донскому и благодарность к подвигам его в течение кампании 1812 года, которые были главнейшею причиною к истреблению неприятеля, лишенного вскорости всей кавалерии и артиллерийских лошадей, следовательно, и орудий... Сия благодарность пребудет в сердце моем, дондеже угодно будет Богу призвать меня к се-

бе. Сие чувствование завещаю я и потомству моему. От все-милостивейшего государя готовится войску грамота, достойная заслуг его.

Я в полной надежде, что мужественные донцы помогут нам свершить со славою поприще, начатое нами с таким блеском. Бог будет нам помощник!

Остаюсь с сердечною преданностью Вашего Сиятельства милостивого государя моего и прочее...

К[нязь] Смоленский».

Так был оценен вклад казаков в дело истребления неприятеля на дорогах России. Можно ли сказать лучше? Пожалуй. Вот что написал об этом один из первых летописцев войны А. И. Михайловский-Данилевский:

«Самую блистательною страницю в летописях Донского Войска навсегда пребудет его преследование неприятелей, совершенное под начальством графа Платова, безостановочно, в позднее время года, от Малоярославца до Ковно. На этом пути полки, лично предводимые знаменитым атаманом, взяли более 500 орудий, несметные обозы, 50 000 человек, в том числе 8 генералов, 13 полковников и с лишком 1000 штаб- и обер-офицеров. Смело можно утверждать, что никакое другое войско, кроме Донского, не в состоянии было исполнить такой подвиг, не имевши во время полуторамесячного преследования ни одного дня роздыха и не получая продовольствия, которое казаки должны были находить сами для себя».

Некоторые историки ставили под сомнение приведенные данные, как «завышенные». Можно было преувеличить количество убитых французов, ибо их никто никогда не считал. Но пленных и трофеи, как мы уже говорили, обычно сдавали под расписку, если не оставляли для конвоирования крестьянам или армейским частям, следовавшим за корпусом Платова. Так что цифра 50 тысяч скорее представляется заниженной. Не случайно позднее ее довели до 70 тысяч.

«Немного пьянюга», генерал, «не сведущий в командовании регулярными войсками», не умеющий «употреблять пехоту», и т. д. — как порой с пренебрежением отзывались об атамане, Платов за время войны приобрел такую славу, какой хватило бы и на десяток полководцев. Это не давало покоя многим современникам. Не был исключением и Ермолов. Вот какую характеристику дал он атаману и его действиям на этапе изгнания французов из России:

«Хитрый Платов ловким образом воспользовался бегством и слабостью неприятеля. Все успехи он приобрел малыми жертвованиями: действуя отдельно, без участия про-

чих войск, не имея беспокоящих свидетелей. Окружавшие его чиновники щедро награждены были за разглашения, с пользою его согласующиеся. Ничто не останавливало бегства неприятеля, преодоление препятствий приобреталось гибелью тысяч несчастных, и Платов по следам их, как вихрь, пронесся к границам. Кампанию 1812 года он окончил с блеском и славою: дано достоинство графа, возданы разные почести. Войска Донского уважены заслуги, и казаки сделались удивлением Европы. Рассуждая беспристрастно, надобно удивиться, как малыми напряжениями, как слабыми усилиями приобретена сия слава, и легко весьма постигнуть, как не трудно было принести большие степени пользы».

Кое в чем Ермолов был прав: Платов и в правду «действовал отдельно, без участия прочих войск». Главная армия Кутузова находилась далеко, ее авангард под командованием Милорадовича отставал от него минимум на два марша, да и сам Алексей Петрович так и не догнал корпус Матвея Ивановича до самой Березины, а за рекой казаки снова убежали от всех и добивали французов сами по себе, потому и удивили всю Европу своими подвигами.

Что же касается «малых жертвований», то тут Алексей Петрович явно хватил через край, хотя потери казаков убитыми и ранеными действительно были невелики. Но многие отстали из-за изнурения лошадей, «ознобления ног» и болезней. Даже в лучших донских полках насчитывалось лишь по 150 человек. Прося Кутузова дать время для «роздыха», Платов вместе с тем заверял, что готов свято исполнить все повеления главнокомандующего и оправдать его доверие.

Глава тринадцатая

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПЕ

От Немана до Вислы

От великого до смешного только шаг. Армия Наполеона перестала существовать. О господстве над миром нельзя было даже мечтать — удержать бы под своим контролем уже завоеванные страны Европы. Ради этого и спешил император французов в Париж. А потому переход русских войск через границу был предопределен. К тому же именно теперь перед Александром I открылась реальная перспектива осуществить свою заветную мечту — прибрать к рукам Польшу. Имелись у него и планы относительно будущего раздела Германии. Естественно, все эти проекты пока скрывались от потенциальных союзников — Австрии и Пруссии.

Русская армия пришла в изнурение, растянулась, численность ее «приметно уменьшилась», обозы с провиантом, боеприпасами и обмундированием отстали. Она нуждалась в отдыхе и пополнении резервами. Учитывая все эти обстоятельства, Кутузов принял решение остановиться, о чем и сообщил Александру I.

Свое решение Кутузов мотивировал тем, что именно Главная армия, бывшая «в беспрестанном движении... на пространстве почти в одну тысячу верст... делая форсированные марши и находясь почти день и ночь то в арьергарде», то в преследовании «бегущего неприятеля», больше всех нуждалась в отдыхе.

По утверждению историка П. А. Жилина, М. И. Кутузов предоставил передышку той части армии, которая «вынесла на себе основную тяжесть борьбы с противником», пройдя путь «от Тарутина до Вильно».

Главная армия действительно прошла путь от Тарутина до Вильно, но в боях под Малоярославцем, Вязьмой, Красным и на Березине основные ее силы не участвовали. А ка-

заки с 13 октября по 2 декабря постоянно были в погоне за неприятелем и непрерывных атаках, за исключением, пожалуй, двух дней, когда Платов пировал по случаю получения высокой царской награды и упустил возможность «заарканить» маршала Нея. Но им отдых не полагался.

Уже 2 декабря, то есть в день освобождения Ковно, корпус Платова получил предписание «следовать за неприятелем до самой Вислы». И это при том, что в лучших его полках насчитывалось не более «полтораста человек на таких лошадях, кои могут еще, хотя и с трудностью, действовать». Все прочие по разным причинам отстали.

Впрочем, как ни сочувствуй с опозданием на два столетия изнуренным донцам, упрекнуть Кутузова трудно. Главная армия действительно нуждалась в отдыхе и пополнении, пусть не больше казаков, но нуждалась, а государь требовал от всех войск «следовать непрерывно за неприятелем» — союзники настаивали.

Остановка Кутузова в Вильно позволяла Наполеону хоть как-то подготовиться к встрече с ним. Поэтому трудно сказать, кому больше пользы сулил отдых русской армии. Так что и Александр I не подлежит безоговорочному осуждению за требование немедленно приступить к активным военным действиям на территории Европы. Главнокомандующий принял правильное решение бросить через границу сначала донские полки М. И. Платова, за ними — менее изнуренные маршами и боями войска П. Х. Витгенштейна и П. В. Чичагова, а три недели спустя — главные свои силы.

Наставляя атамана перед походом через границу, главнокомандующий требовал предупредить казаков, чтобы они не чинили грабежей «и вообще никаких обид» мирным жителям, ибо это несообразно не только с его «видами, но и совершенно противно воле государя императора».

Понятно, не пользуйся казаки дурной славой грабителей, не было бы и необходимости предупреждать их. Атаман предупредил, пригрозив строжайшим наказанием заслушание. На время донские корсары утихомирились...

Вечером 2 декабря донские полки Платова двумя отрядами пустились за отступающими французами: один — по левому берегу Немана к Тильзиту, другой — по дороге на Вильковиск. Сам же атаман с частью своего корпуса остался в Ковно ожидать отставших казаков.

Сидя в пограничном городе, Матвей Иванович ежедневно принимал от казаков и отправлял в Вильно до тысячи «изнуренных, израненных, убитых холодом» пленных. Уже в течение первой недели остатки Великой армии, отступав-

шие к Тильзиту, были «истреблены совершенно». Атаман убеждал главнокомандующего, что и та ее часть, которая протянулась по дороге на Вильковиск, до Вислы не дойдет, ибо французы умирали, как мухи, — «не менее четырехсот человек» в сутки.

На эти войска Наполеон рассчитывать не мог. Но за Неманом у него было около 70 тысяч человек, сосредоточенных на флангах: в Восточной Пруссии — корпуса Макдональда и Йорка и в районе Варшавы — Шварценберга и Ренье. Общее командование над обеими группировками император поручил испытанному Мюрату.

В середине декабря Кутузов определил направление главного удара на Кенигсберг, куда двинул корпус Платова в составе 24 казачьих полков, а справа и слева от него пустил войска Витгенштейна и Чичагова. Общее командование этой группировкой численностью около 60 тысяч человек он возложил на адмирала, месяц назад упустившего Наполеона при переправе через Березину. Перед ним была поставлена задача «не допустить Макдональда к соединению с главными неприятельскими силами».

Мюрат, убедившись в том, что ему не удастся закрепить-ся на рубеже правого берега Вислы, приказал отводить войска за реку, усилить там гарнизоны крепостей и, опираясь на них, остановить наступление русских.

В течение двух недель за Неманом действовали только казаки Платова. В середине декабря на левый берег реки переправились 3-я Западная армия Чичагова и отдельный корпус Витгенштейна. Боевые действия русских войск сразу же приняли наступательный характер.

Отношение казаков к мирным жителям Европы беспокоило не только Кутузова, но и командующего группой войск Чичагова. В предписании Платову от 19 декабря адмирал выразил уверенность, что «при вступлении в пределы Пруссии» атаман употребит «все возможные меры к соблюдению в корпусе строжайшей дисциплины и порядка» и не допустит «ни малейшего самоуправства и насилия, тем более что край сей по известным дружественным расположениям государя императора не должен почитаться неприятельским...».

Понять беспокойство Кутузова и Чичагова нетрудно: вступая в пределы Восточной Пруссии, важно было расположить население к русской армии, вовлечь его в освободительную борьбу против наполеоновской агрессии. Опыт же всех минувших войн свидетельствовал, что казаков надо постоянно держать под надзором. Атаман в очередной раз за-

верил фельдмаршала и адмирала, что давно уже дал своему корпусу соответствующий приказ...

Едва войска адмирала П. В. Чичагова и графа П. Х. Витгенштейна переправились через Неман, как прусский генерал Г. Д. Йорк подписал Таурогенскую конвенцию о нейтралитете и прекратил военные действия, ослабив корпус маршала Ж. С. Макдональда сразу в пять раз. Последнему пришлось бежать, чтобы русские не отрезали ему путь отступления на Кенигсберг.

Мюрату не удалось организовать сопротивление русским на правом фланге их наступления в Восточную Пруссию. Он покинул Макдональда и срочно отъехал в Эльбинг, чтобы закрепиться на берегах Вислы, куда из районов Белостока и Гродно подходили саксонские и австрийские войска Ренье и Шварценберга.

Витгенштейн слишком поздно переправился через Неман, чтобы успеть отрезать Макдональду пути отхода к Кенигсбергу. Поэтому перед ним ставилась задача преследовать ослабленный французский корпус и нанести ему «сильное поражение». В то же время армия Чичагова и казаки Платова, «ускоряя марш», должны были не допустить противника к Эльбингу и Висле.

Почти три недели многочисленные партии казаков находились в постоянном «поиске» на возможных путях движения неприятеля и поддерживали сообщение между армией П. В. Чичагова и корпусом П. Х. Витгенштейна. Сам же М. И. Платов по-прежнему оставался в Ковно, где задержался аж до 20 декабря. Поползли какие-то грязные слухи, исходившие, по-видимому, от графа В. В. Орлова-Денисова, который «по молодости лет сильно капризничал». Смысл генеральских сплетен могло бы прояснить письмо лейб-медика Я. В. Виллие, полученное атаманом в эти дни, но я не нашел его. Зато сохранился ответ Матвея Ивановича «истинному другу Якову Васильевичу». Приведу несколько строк из него:

«...За искренние объяснения ваши на счет меня некоторых завистников в рассуждении службы моей чувствительнейше вас благодарю. Бог видит, сколько предана душа моя ко все милостивейшему монарху моему и любезнейшему Отечеству. Кто же может потемнить ревностнейшее служение мое... когда оно чисто...

О графе Орлове больше ничего не нахожу сказать вам, как то, что я сожалею о нем... он из рода нашего и сын покойного приятеля моего; но что происходит — я не понимаю...»

Процитированное письмо Платова датировано 12 декабря 1812 года. Через три дня атаман написал очередное послание лейб-медику с выражением благодарности за присланные капли, «которые начал употреблять». Остается предположить, что Матвей Иванович задержался в Ковно из-за болезни.

«Долговременное пребывание» Платова в Ковно вызвало недовольство Кутузова. Главнокомандующий отправил к нему генерал-адъютанта Чернышева, приказав тому «подвинуть престарелого атамана к большей деятельности».

21 декабря атаман, так и не излечившись от недуга, прибыл в Нейштадт и приступил к выполнению повелений фельдмаршала и адмирала. Через несколько дней корпусной медик Соколов написал Виллие:

«Ваше Превосходительство, милостивый государь Яков Васильевич! Присланные от Вашего Превосходительства капли для его сиятельства Матвея Ивановича произвели желаемое действие. Тошнота по утрам и позыв на рвоту утолились, желудок начал укрепляться. Остаются головная боль и слабость в груди...»

Еще находясь в Ковно, М. И. Платов получил предписание распространить воззвание М. И. Кутузова к населению Германии и выяснить, «какое действие произведет в народе вступление российских войск в Пруссию; и если бы паче чаяния возродило оно ропот и неудовольствие», ему рекомендовалось остановиться и ждать нового повеления. Эту задачу атаман возложил на полковников А. И. Быхалова и И. Е. Ефремова. Главнокомандующий призывал «мужественных и честных немцев» присоединиться к борьбе русской армии против «врага всей Европы».

Казакам останавливаться не пришлось. Жители приграничных областей Восточной Пруссии встретили их дружелюбно, о чем атаман сообщил главнокомандующему в тот же день, когда приехал в Нейштадт.

25 декабря казачьи полки из авангарда отдельного корпуса генерала Витгенштейна с ходу ворвались в Кенигсберг, оставленный войсками маршала Макдональда, взяли в плен более 9 тысяч человек, в основном больных и раненых, не способных сопротивляться, и сразу же пустились за французами, отступавшими по дороге к Эльбингу.

Чтобы опередить неприятеля и отрезать ему путь отступления от Кенигсберга к переправе через Вислу, М. И. Платов создал отряд из 2 тысяч доброконных казаков, подчинил его присланному из штаба армии А. И. Чернышеву и отправил к

Эльбингу. Сам же с остальными полками донского корпуса двинулся вслед за ним, взяв курс на Прейсиш-Голланд.

Здесь Платов узнал, что в Мюльгаузене собрались значительные силы прусской пехоты, пришедшей из Данцига. Не теряя времени, атаман пустился вперед. Утром 30 декабря он вытеснил неприятеля из местечка и бросил за ним бригаду регулярной кавалерии Н. В. Дехтярева, подкреплявшую донской корпус со времени перехода его через Неман. Преследование продолжалось до Эльбинга, в районе которого концентрировались войска маршалов Мюрата, Нея и Макдональда. Их численность достигала 20 тысяч человек.

Противник не решился защищать город. На рассвете следующего дня он «ретировался по двум дорогам: идущей к Мариенбургу пошли большие колонны, а по другой, до Нейтага, — малые». За первыми двинулся сам атаман с казаками и пехотой Ф. Ф. Штейнгеля, а за вторыми — отряд В. Ф. Шепелева.

Ну а А. И. Чернышев, что делал он со своими доброконными казаками? Генерал-адъютант императора вполне оправдал выбор атамана.

Утром 30 декабря, выполняя предписание Платова, Чернышев выступил из Тиргартена и, отмахав за сутки более 70 верст, достиг Мариенвердера, в котором, как было известно, находились маршалы Богарне и Виктор и несколько генералов «с небольшим прикрытием войск». Отряд подступил к городу настолько скрытно, что никто даже не заметил его подхода.

Мариенвердер — не цитадель, но все-таки крепость с тремя воротами, запиравшимися на ночь. Для их штурма генерал А. И. Чернышев выделил равные по численности колонны под командованием К. П. Кирсанова, И. И. Андрианова и И. Е. Ефремова, придав каждому по одному орудию.

Воспользовавшись предрассветным сумраком, казаки ворвались в город и даже во двор дома, занимаемого вице-королем Итальянским. Началась невообразимая паника, неприятель «совался из стороны в сторону». Однако Богарне сумел построить войска в боевой порядок. Французское каре с маршалами во главе, отстреливаясь, отступило к Нейенбургу.

Мариенвердер был освобожден. Победителям достались «довольно великие магазейны жизненных припасов».

В последний день декабря весь правый берег Вислы был очищен от неприятеля. Под контролем русских оказались Эльбинг и Мариенвердер. Казачьи полки даже переправились через реку и заняли Нейенбург. Но противник удерживал в своих руках важные крепости Торн, Данциг и другие.

«Здесь жители везде принимают наши войска совершенно дружелюбно, и никаких от них неприятностей нет, — писал Платов Кутузову, — продовольствие доставляется нам безостановочно и охотно; с нашей стороны строжайше соблюдается порядок».

Вечером 31 декабря к берегу Вислы подошли армия Чичагова и корпус Витгенштейна. До Нового года оставалось несколько часов.

От Вислы до Одера

Вместо двух недель Главная армия Кутузова отдыхала месяц. Но наступила пора и ей действовать. В первый день Нового года армия форсировала Неман и тремя колоннами потянулась на запад: первая под командованием Торماسова начала наступление на Млаву и Плоцк, а две другие во главе с Дохтуровым и Милорадовичем и присоединившийся к ним корпус Остен-Сакена должны были овладеть Варшавой.

Платов же с казаками 1 января 1813 года занял Мариенбург и Диршау. Потеряв не менее 500 человек пленными, оставив понтоны и палубы с ружьями и около 800 офицеров и солдат в госпиталях, неприятель по двум дорогам отступил к Данцигу и Штаргарду.

«За быстрое занятие городов Эльбинга и Мариенбурга, за соблюдение при сем случае военной дисциплины» главнокомандующий приказом по армии объявил казакам благодарность.

По направлению к Данцигу за неприятелем двинулись: от Диршау — сам М. И. Платов и следовавший за ним авангард корпуса графа Ф. Ф. Штейнгеля; от Нейтага — отряд В. Ф. Шепелева, подкреплять который должна была сильная бригада И. Д. Иловайского.

По дороге к Штаргарду атаман отправил бригаду Н. В. Дехтярева в составе пяти полков: Ольвиопольского гусарского, Арзамасского и Житомирского драгунских и двух казачьих с четырьмя орудиями донской конной артиллерии. В случае необходимости помощь им мог оказать А. И. Чернышев, отозванный из Нейенбурга в Диршау.

У неприятеля осталась единственная возможность спастись — укрыться за стенами Данцига, где Платов предполагал окружить его казачьими полками, занять все дороги так, «чтобы ни от него, ни к нему и курьера не пропустить».

Однако у Кутузова был свой «общий план». Правда, он вызывал сомнения. 2 января главнокомандующий предписал всем войскам, подчиненным Чичагову, остановиться в

районе Гутштадта и ограничиться лишь наблюдением за противником, «посылая партии не только к самой Висле, но и за оную».

Чичагов не успел предупредить Платова. 3 января тот блокировал Данциг, надежно закупорив неприятельский гарнизон за его стенами. Едва казацьи войска расположились на подступах к городу, атаман получил приказ адмирала вернуться на правый берег Вислы.

Пытаясь хоть как-то объяснить свое решение, главнокомандующий писал адмиралу: «Движения наши и быстрота оных нужны были для истребления неприятеля, пока он на правом берегу находился». Отсюда следует: теперь спешить некуда.

Естественно, атаман повернул донские полки и двинулся к Висле. Правда, для наблюдения за противником «аванпосты оставил на прежнем месте».

Армия П. В. Чичагова и корпус П. Х. Витгенштейна еще не успели переправиться на левый берег, и их солдатам не пришлось совершать бесполезные марши.

Минули сутки. 3 января Кутузов приказал войскам правого фланга под командованием Чичагова «немедленно» перейти Вислу и «твердо поставить ногу на левом берегу сей реки». Что случилось? Чем была вызвана такая спешка? Сам фельдмаршал объяснил это стремлением облегчить союзникам Наполеона присоединение к русской армии. А что же накануне, когда он отзывал казаков от Данцига, такая задача не стояла? Стояла, конечно.

За минувшие сутки никаких изменений в настроении союзников Наполеона не произошло. Австрийские и прусские войска давно уже не оказывали сопротивления русским, ожидая решения своих правительств, чтобы обратить оружие против Франции.

Великие полководцы тоже ошибаются...

Воспользовавшись неожиданным снятием блокады, неприятель стал вывозить из города больных и «тяжести» и отправлять их по дороге на Берлин. Платов подумал: уж не намерен ли противник уйти из Данцига? Чтобы получить ответ на этот вопрос и не волновать жителей, не расположенных к гарнизону, атаман оставил свои пикеты на подступах к крепости. Долго ломать голову не пришлось. 5 января он получил предписание вернуться назад и занять «те самые места, кои были уже заняты» казаками двумя днями раньше...

7 января атаман снова обложил Данциг, задействовав в блокаде Башкирский, Симферопольский татарский, а также 24 казацьих полка и 4 эскадрона регулярной кавалерии сво-

его корпуса, не считая подходивших частей пехоты. Снабжение гарнизона продовольствием из ближайших к городу деревень было совершенно пресечено.

По оперативным данным, полученным М. И. Платовым от полковника А. И. Быхалова, гарнизон Данцига насчитывал 20 тысяч человек, но атаман нашел эту цифру несколько преувеличенной. Солдаты еще были обеспечены продовольствием, а вот жители уже испытывали его недостаток; их ожидал голод, поэтому они «находились в великом волнении».

Все дороги к Данцигу были надежно перекрыты. А когда П. Х. Витгенштейн, стоявший с корпусом в Старгарде, усилил М. И. Платова отрядом пехоты численностью в 9250 человек, блокада крепости стала непроницаемой.

Русские войска, осаждавшие Данциг, также испытывали недостаток в продуктах питания и особенно в фураже. Но жители окрестных селений, разоренные французами, делали все возможное, чтобы обеспечить своих освободителей самым необходимым, и относились к ним «чрезвычайно дружелюбно и искренно», ни на что не жаловались. Впрочем, и казаки вели себя смиренно, соблюдали дисциплину, чем немало порадовали и атамана, и главнокомандующего.

М. И. Кутузов — М. И. Платову,
8 января 1813 года:

«Одному деятельному преследованию Вашего Сиятельства обязаны мы падением городов Эльбинга, Мариенбурга, Мариенведера и Нейенбурга. За дисциплину же, сохраняемую в войсках ваших, приношу вам мою совершенную признательность...»

Главнокомандующий отметил заслуги казаков не только в письме к атаману, но и в приказе по армии.

Если по «общему плану» М. И. Кутузова войска М. И. Платова и П. Х. Витгенштейна были устремлены на Данциг, то армии П. В. Чичагова предписывалось блокировать Торн, расположенный также на правом берегу нижней Вислы. Адмирал вел войска по указанному маршруту, выдвинув вперед авангард под командованием генерал-лейтенанта М. С. Воронцова.

Блокада Данцига продолжалась. А неприятель время от времени предпринимал попытки сбить казаков с занимаемых позиций и восстановить связь с войсками, стоявшими за Вислой и на Одере, но всякий раз они решительно пресекались.

С подходом к Данцигу корпуса Витгенштейна Кутузов предписал Платову «действовать хотя бы партиями по до-

рогам... к стороне Одера по разным направлениям, чтобы тем подать вид, что наше движение и к сей реке простирается будет».

Получив это предписание главнокомандующего, атаман отправил «к стороне Одера» генерал-майора Александра Ивановича Чернышева с 10 казачьими полками, предоставив ему полную свободу действий и пообещав усилить дополнительными войсками, если в том возникнет необходимость.

М. И. Кутузов — М. И. Платову,
17 января 1813 года:

«...Государь Император приглашает Вас в Главную Его Императорского Величества квартиру, которая 25-го сего месяца быть имеет в Плоцке. При личном с Вами свидании Его Величество желает переговорить с Вашим Сиятельством касательно Донского войска и поблагодарить Вас за все подъятые труды в сию кампанию.

На временное отбытие от вверенного Вам корпуса извольте поручить оный старшему по себе, который состоять должен в команде генерала от кавалерии графа Витгенштейна...»

Это предписание Платов получил 20 января. Еще несколько дней он оставался в селении Бушкау, где находилась атаманская квартира, занимался делами своего корпуса. Перед отъездом казаки порадовали его рядом частных успехов под стенами Данцига.

22 января неприятель предпринял вылазку из крепости, бросив против казаков Алексея Васильевича Иловайского 600 сабель и 5000 штыков, но был обращен назад. При этом он потерял 25 человек пленными и свыше 100 убитыми.

По показаниям пленных, гарнизон Данцига составляли в основном французы и частично поляки, форштадт занимали 4 тысячи мекленбуржцев. Немцы явно не пользовались доверием защитников крепости, их редко впускали в город и выдавали «самую малую порцию». Не желая служить Наполеону, они пытались «дознаться», как примут их русские. Матвей Иванович не стал мучить сомнениями потенциальных союзников, тут же послал в форштадт флигель-адъютанта Павла Петровича Сухтелена, и тот именем его сиятельства графа Платова заверил: всех немцев готовы принять «не пленными, а на приятельском положении».

Противник не отказался от попыток прорваться через заслон казаков. 23 января он сделал вылазку из крепости в разных местах, но был отбит донцами, которые, по определению атамана, «по всей истине... дрались, как львы».

В тот же день французы решили еще раз испытать на «проницаемость» аванпосты бригады генерал-майора Алек-

сея Васильевича Иловайского, бросив против них 800 солдат пехоты. Казаки «разбили их совершенно».

25 января М. И. Платов передал своих казаков под начало генерала П. Х. Витгенштейна и поручил графу А. И. Чернышеву вступить в переговоры с командующим прусским корпусом Ф. В. Бюловом, «который, хотя и разделял с гражданами ненависть к французам, однако же не решался явно действовать против них». Надо было подтолкнуть его.

А главнокомандующему пришлось «подтолкнуть» самого атамана, напомнив ему, что государь пока не потерял надежды принять его в своей главной квартире в Плоцке.

Со дня первого приглашения Матвея Ивановича прошло уже больше недели, а он так и не сдвинулся с места. Это как-то не похоже на него. Раньше атаман старался использовать любую возможность попасть на глаза его величеству, бывало даже добивался разрешения приехать в главную квартиру, когда и оснований для того никаких не имел. А на этот раз заставил вызывать себя дважды. Почему? Современники не оставили нам своей версии. Впрочем, сохранилось одно письмецо. Прочитаем его внимательно...

М. И. Платов — Я. В. Виллие,

26 января 1813 года:

«Милостивый государь мой, истиннейший приятель Яков Васильевич! Я вслед за сим из-под Данцига в главную квартиру отправляюсь; позвольте мне въехать прямо к вам, другу; иначе я ни к кому не согласен — вы мой друг, и в характере есть честнейший англичанин. Я грустен по моим домашним обстоятельствам и здоровьем не так хорош. Сын мой большой есть в горячке жестокой. Благодарен я господину Соколову...»

Не хотелось Матвею Ивановичу ехать в главную квартиру. И дело, естественно, не в царе, а в тех завистниках, отиравшихся при штабе главнокомандующего, о которых писал ему в середине декабря лейб-медик Яков Васильевич Виллие.

Задержали атамана и обстоятельства личного свойства: сам он был слаб здоровьем, старший сын находился в жестокой горячке, очевидно, после ранения. Но главное — известие о смерти жены, полученное из Новочеркасска. По свидетельству Михаила Семеновича Воронцова, Матвей Иванович столь мучительно переживал кончину Марфы Дмитриевны, что на старика больно было смотреть.

Пребывая в главной квартире и готовясь к новым сражениям за освобождение Европы, Платов занялся укреплением своих войск. За время, минувшее с начала контрнаступления, казаки-ополченцы «от старости лет и дряхлости

никак уже не могли нести полевой службы» и превратились в «одну только тягость» для остальных. Поэтому Матвей Иванович демобилизовал и отправил домой не менее двух тысяч больных и увечных, а вместо них вызвал на укомплектование донских полков «19-летних выростков», достигших призывного возраста. Атаман уверял главнокомандующего, что пополнение придет в конце февраля или в начале марта.

От Одера до Эльбы

За Одером, между Штеттином и Франкфуртом, у Наполеона было всего около 40 тысяч человек. А в одной только армии П. Х. Витгенштейна, наступавшей на правом фланге, насчитывалось не менее 30 тысяч штыков и сабель. С присоединением же к ней прусских корпусов Ф. В. Бюлова и Г. Д. Йорка эта цифра могла удвоиться.

«Превосходство наших сил, к коим присоединяется ныне все прусское войско для поражения общего врага, — писал князь Кутузов графу Витгенштейну, — подает нам удобный случай разбить совершенно сей остаток неприятельских войск, и для того сообщаю Вашему Сиятельству общий план действий...»

Основная идея плана сводилась к окружению и истреблению довольно крупной группировки французских войск, сосредоточенных в Берлине, силами казаков Платова, армии Витгенштейна и прусских корпусов Бюлова и Йорка.

Однако в самом начале февраля к Одеру подошли только казаки Чернышева, Теттенборна и Бенкендорфа. Северная армия Витгенштейна была еще далеко, а корпуса Бюлова и Йорка ожидали решения своего правительства, чтобы присоединиться к русским.

5 февраля казачьи полки Чернышева переправились через Одер в районе Кюстрина, а отряд Теттенборна, австрийского полковника, который еще в августе прошлого года вступил в русскую службу, форсировал реку у Шведта. Командиры договорились объединить свои силы для совместного овладения Берлином. Внезапность нападения должна была компенсировать малочисленность атакующих.

7 февраля отряды соединились в Ландсберге. На следующий день они скрытно от неприятеля подошли к Берлину и заняли исходные позиции. Ожидали лишь броска бригады М. Г. Власова на Шарлоттенбург, который должен был послужить сигналом к общей атаке.

Начался отчаянный галоп донских воинов по параллель-

ным улицам прусской столицы. Вдохновляясь примером командиров, они четыре раза врвались в скопления французских войск, обращали их в бегство и остановились только на Александрплац перед выстроенным каре с восемью пушками, после чего организованно отступили, уведя с собой 18 офицеров и более 600 рядовых. Убито же было гораздо больше.

Убыль в людях у русских не превышала 150 человек убитыми и ранеными. В числе последних оказался «храбрый войсковой старшина Комиссаров», поймавший пулю в левую руку.

По утверждению генерал-адъютанта Чернышева, казаки оставались в городе около двух часов.

Несколько дней спустя некий свидетель этого дерзкого налета писал другу:

«...Все началось с того, что в полдень через Бранденбургские ворота ворвались казаки, рассеяли и частично перебили охрану и с неслыханной смелостью в одиночку или небольшими группами промчались от одного конца города до другого... Утверждают, что среди них были переодетые пруссаки, потому что они прекрасно разбирались в улицах и немного говорили по-немецки...

Наши защитники были охвачены паническим страхом. Можно подумать, что несколько тысяч казаков вызвали такое замешательство... Их, конечно, никто не считал...»

В самом деле, сколько казаков ворвалось в Берлин? Четыре неукомплектованных полка, общая численность которых едва ли превышала тысячу человек. Автору письма казалось, что их было раза в три больше.

Удержаться в Берлине, гарнизон которого насчитывал до 18 тысяч человек, казаки, естественно, не могли. Они отступили и остановились на расстоянии пушечного выстрела от заставы. Французы пытались оттеснить их от города, но были отбиты ружейным и артиллерийским огнем. У стен прусской столицы отличились также гусары и драгуны Теттенборна...

А весна вступила в свои права. «Какая сладость разливается в мире! Как приятно жить и дышать в это время!» — захлебывался от восторга русский офицер Федор Николаевич Глинка.

Будущий декабрист Ф. Н. Глинка «плыл» на бричке, а солдаты Главной армии шли пешком по дорогам, превратившимся в реки. Но и они добрались до Калиша, красивого городка на берегу Просни, населенного в основном немцами, где 16 февраля состоялось подписание союзного договора с берлинским королевским двором о совместной борьбе с наполеоновской Францией. По условиям договора Россия

брала на себя обязательство положить оружие не раньше, чем Пруссия будет восстановлена в границах 1806 года, а все германские государства снова обретут независимость. Командование всеми прусскими войсками возлагалось на генерала Гебхарда Леберехта Блюхера.

«Вчера я имел честь подписать трактат с Пруссией, — сообщал Кутузов жене. — Это дает нам тысяч сто войска... Без нынешней кампании этого бы не было».

Французы очистили Берлин и двумя колоннами потянулись на Магдебург и Виттенберг.

Рано утром 20 февраля 1813 года казаки А. И. Чернышева, а за ними донской полк И. А. Селиванова из отряда А. Х. Бенкендорфа вошли в Берлин. Несколько часов спустя в город вступил авангард Северной армии под командованием князя Н. Г. Репнина-Волконского. «Дружеский прием жителей был неописуемый», — писал П. Х. Витгенштейн М. И. Кутузову. Они встречали своих освободителей «с изъявлением восторга», прямо-таки «в исступлении от радости».

Через неделю к Берлину подошли остальные войска Витгенштейна и расположились на отдых вокруг города. Овладение столицей Пруссии давало русским «значачие военные выгоды»: вселяло в союзников уверенность в победе над Наполеоном, воодушевляло и поднимало их на борьбу против общего врага, открывало возможность начать совместные боевые действия.

Потеряв Берлин, французы стали отступать: войска Вандама потянулись к устью Эльбы, Лористона и Латур-Мобура — к Магдебургу, Богарне — к Лейпцигу, Даву — к Дрездену, куда должна была подойти и новая армия Наполеона, сформированная им после бегства из России.

Армии союзников не сдвинулись с места, но многочисленные летучие отряды устремились за отступающим неприятелем к Эльбе, обложили Шпандау, Кюстрин и Штеттин и активизировали поиски на дорогах, ведущих к Магдебургу и Гамбургу.

Платов уже полтора месяца изнывал от бездействия в главной квартире в ожидании приезда прусского короля Фридриха Вильгельма, который желал непременно увидеть его во время встречи с императором Александром I.

В начале марта войска Витгенштейна располагались на квартирах вокруг Берлина. Блюхер и Винценгероде следовали к Дрездену. Главная армия Кутузова оставалась в Калише, а ее авангард под командованием Милорадовича осаждал Глогау.

Наконец наступил тот день, ради которого Платов прибыл в главную квартиру русской армии. 21 марта там готовились к приезду Фридриха Вильгельма III. Навстречу ему отправился атаман с эскортом гвардейских казаков. Александр I ожидал их на последней почтовой станции перед Калишем, а Кутузов — у самого города. Главнокомандующий стоял, не имея сил сесть на лошадь. Король поблагодарил его за «великие подвиги», пожаловал орден Черного орла, табакерку, инкрустированную бриллиантами и украшенную портретом прусского монарха, обещал наградить после победы поместьем, от которого фельдмаршал отказался...

Немало добрых слов сказал король и атаману донских казаков.

В эти дни войска Витгенштейна, снявшись с позиции у Берлина, подошли к Эльбе, переправились на левый берег между Мейсеном и Торгау и двинулись на сближение с прусским корпусом Блюхера, который форсировал реку у Дрездена. Оба они должны были действовать по направлению на Лейпциг. Кутузов счел возможным не связывать их «общим планом», предоставив им известную самостоятельность из-за удаленности от основных сил армии.

26 марта Александр I и Кутузов наконец выступили из Калиша и повели Главную армию по дороге на Дрезден. «Общий план» Кутузова предусматривал концентрацию всех войск в районе Лейпцига, Люцена и Альтенбурга.

В начале апреля прусский корпус Блюхера подошел к Альтенбургу. Вслед за ним двигался авангард Главной армии под командованием Милорадовича, вскоре достигший силезского города Бунцлау. А Витгенштейн сосредоточился в районе Дессау.

Сколь важное значение придавал Кутузов соединению всех союзных сил в одном районе за Эльбой, предельно отчетливо выразил он в письме к царю, написанном 10 апреля 1813 года, то есть за шесть дней до смерти:

«Я в отчаянии, что так долго хвораю, и чувствую, что ежедневно более ослабеваю; я никак не могу ехать, даже в карете. Между тем надобно стараться, сколь можно поспешнее, сосредоточивать армию за Эльбою».

А генералы рвались вперед, настаивая на необходимости распространить действие союзных войск как можно дальше за Эльбу. Кутузов противился. «Самое легкое, — сказал он однажды с мужицкой прямоотой, — идти теперь за Эльбу, но как воротимся? С рылом в крови».

Кутузов лучше других понимал, сколь важно захватить как можно более германской территории и тем вселить в

немцев уверенность и поднять их на борьбу. Однако опасался встретить «большие силы неприятельские» раньше, чем сам успеет усилиться «прибывающими из России резервами». Поэтому он запретил войскам переходить через реку Эльстер — «черту самую последнюю».

«Будьте уверены, — охлаждал фельдмаршал порыв генералов, — что поражение одного из наших отрядов уничтожит выгодное мнение, которым мы теперь пользуемся в Германии».

Предостережение главнокомандующего не распространялось на партизанские отряды, состоявшие в основном из казаков. Им он позволил действовать по обстоятельствам, ибо был уверен, что «ни один из них не пропадет».

Кутузов опасался не без оснований: Наполеон спешно формировал новую армию; далеко в тылу продолжалась осада важных крепостей. Правда, 5 апреля капитулировал гарнизон Торна, но Данциг и Модлин на Висле и Штеттин, Кюстрин и Глогау на Одере продолжали сопротивляться, отвлекая на себя немалые силы русских.

Силы же самого главнокомандующего таяли. В последних письмах к жене он жаловался на усталость от забот и хлопот — «дай Бог только остаться живу». Увы, не остался. 16 апреля 1813 года сердце великого полководца остановилось. Его набальзамированное тело отправили в Петербург. Часть останков захоронили близ Бунцлау, где поставили обелиск.

Армия осиротела.

А жизнь продолжалась. И продолжалась война. Фельдмаршала Кутузова сменил генерал Витгенштейн. Дебют его в роли главнокомандующего оказался неудачным.

20 апреля произошло сражение у города Люцена. Несмотря на заметное численное преимущество французов, союзники удержали занятую позицию, но утром следующего дня вынуждены были отступить и на некоторое время отказаться от роли освободителей Европы. Опасение Кутузова сбылось: русская армия слишком отделилась от своих резервов. А к Наполеону подходили свежие войска.

Французы потеряли в этом сражении 15 тысяч человек, союзники — несколько меньше.

Пришлось отступать за Эльбу. 26 апреля союзники остановились в Нейштадте — левобережной части Дрездена, недавно освобожденной казаками отряда Д. В. Давыдова. Противников разделяла только река...

Генералы Витгенштейн и Блюхер, доведя численность союзных войск до 96 тысяч человек, решили дать сражение на выгодной позиции у Бауцена, чтобы сгладить неблаго-

приятное впечатление от неудачи под Люценом. За два дня кровопролития — 8 и 9 мая — они потеряли 12 тысяч своих солдат и офицеров, французы — на 6 тысяч больше. 17 мая Петр Христианович Витгенштейн уступил командование Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли.

Столь крутой поворот в развитии войны после смерти Кутузова поверг в уныние монархов России и Пруссии, и они обратились к императору Франции с предложением о перемирии...

Пока договор о перемирии не был подписан, война продолжалась. Успешно действовали легкие отряды, укомплектованные в основном казаками.

Между тем 23 мая в Плесвице было заключено перемирие. Платов уехал на один из курортов Богемии подлечить желудок.

Между Одером и Эльбой

Перемирие было заключено на шесть недель, но фактически продолжалось на три недели больше. Лишь в полночь 30 июля во французский авангард было передано заявление союзников о возобновлении боевых действий. За это время противники пополнили армии резервами, оружием, припасами; солдаты и офицеры отдохнули, подлечились. В начале августа обе стороны готовы были продолжить кровопролитие. Даже Австрия сделала свой выбор, объявив войну Франции. Швеция — тоже.

С какими силами противники вступили в осеннюю кампанию?

Союзники имели без малого 522 тысячи штыков и сабель и почти 1400 орудий. У Наполеона находилось в строю 440 тысяч человек и 1200 пушек.

В регулярной кавалерии силы сторон оказались примерно равными: у французов — 73 тысячи сабель, у союзников — 77 тысяч. Однако последние превосходили конницу неприятеля на 26 тысяч казаков. Понятно, что это преимущество Наполеон компенсировать не мог.

По данным на 8 июля 1813 года, когда должно было закончиться перемирие, на театре прерванных военных действий находилось 65 казачьих полков, приписанных к девяти корпусам и к главной квартире всех армий. Матвей Иванович Платов, пребывавший на лечении в Богемии, в приказ о распределении казачьих полков не попал.

Военные действия должны были развернуться на пространстве между Эльбой и Одером и от Балтийского моря до

Богемских гор, служивших границей Чехии с Саксонией и Силезией.

Союзники разделили свои силы на три армии: Богемскую, Северную и Силезскую, каждая из которых насчитывала соответственно 261, 162 и 99 тысяч человек. Командование первой возлагалось на отменно храброго австрийского фельдмаршала, но посредственного полководца Шварценберга. Вторую возглавил наследник шведского престола, бывший маршал Франции Бернадот. Третья досталась энергичному прусскому генералу Блюхеру.

Прошел всего месяц со времени прекращения перемирия. Поначалу союзники избегали сражений с войсками под личным командованием Наполеона, но теперь он сам стал побаиваться союзников. «Ослабление душевных сил» императора было так велико, что он не знал, что предпринять...

Союзники не сомневались уже в окончательной победе над Наполеоном. Поэтому высокие русские начальники стали приглашать в армию своих жен и невест. Правда, пока в безопасную Прагу. Приехала туда и любимая дочь атамана Мария Матвеевна, бывшая замужем за генерал-майором Тимофеем Дмитриевичем Грековым.

8 августа 1813 года Платову исполнилось шестьдесят лет. Утром он покинул курорт в Богемии и покатил в главную квартиру, надеясь через два дня, «хотя бы в ночь», встретиться с государем. В дороге узнал, что его дочь уже прибыла в Прагу. С тем же курьером, который привез ему эту весть, атаман отправил ей письмо и посоветовал оставаться пока на месте и нанести визит графине Анне Степановне Протасовой, обещавшей ему представить Марию Матвеевну великим княгиням Марии Павловне и Екатерине Павловне:

«...Вам должно непременно им представиться, ибо я просил их Императорских Высочеств... Они вас примут очень ласково в рассуждении милостивого расположения ко мне; будьте посмелее, без застенчивости, однако же с подобающею вежливостью...»

11 сентября начальник Главного штаба Александра I П. М. Волконский уведомил М. И. Платова о намерении императора создать отдельный донской корпус в составе семи полков под личным командованием атамана для действий в тылу неприятеля, чтобы предоставить ему возможность «явиться перед целым светом в новом блеске» славы.

По-видимому, император испытывал известную неловкость, коль поручил Волконскому узнать, согласен ли Платов «принять начальство над сим корпусом». Матвей Иванович согласился, хотя численность корпуса, равная

численности обычного партизанского отряда, огорчила полного генерала. Такими частями бывало командовали даже полковники.

* * *

До сих пор на европейском театре войны действовали армейские партизанские отряды А. Х. Бенкендорфа, М. С. Воронцова, Д. В. Давыдова, А. И. Чернышева... «Душою их всегда были донцы, — писал А. И. Михайловский-Данилевский. — Казаков употребляли везде, где требовались быстрота, отвага, расторопность. Наследственные доблести их являлись в самом блистательном виде в 1813 году, истинной эпохе торжества Донского войска...»

После возобновления военных действий был сформирован и отправлен в тыл к неприятелю отряд из 12 эскадронов австрийской и прусской регулярной кавалерии и пяти казачьих полков при двух орудиях донской артиллерии под командованием саксонского генерал-лейтенанта Иоганна Адольфа Тильмана.

Комендант крепости Торгау Тильман вступил в русскую службу в мае 1813 года. Получив в командование армейский партизанский отряд, он 6 сентября занял Мерзбург, но удержаться в нем не смог и отступил. С частью войск он отошел к Вейсенфельсу, а большую их часть отправил в Фрейбург.

Гостеприимный хозяин Вейсенфельса предложил офицерам отряда обед. Не успели гости сесть за стол, как последовало нападение. Генералу Тильману и его свите едва удалось спастись.

Оказалось, что на отряд союзников напала сильная кавалерийская дивизия французского генерала Шарля Лефевра-Денуэта, посланная Наполеоном против партизан. Пришлось отступить к Фрейбургу, где произошла жаркая схватка.

Александр I, создав казачий корпус Платова, предоставил ему полную свободу действий в тылу неприятеля и фактически подчинил атаману все летучие отряды Главной армии. Это решение императора оказалось очень своевременным: конно-егерская дивизия генерала Лефевра-Денуэта была так сильна, что одолеть ее партизаны Тильмана не могли.

14 сентября граф Платов выступил из Зайда и, преодолев через горы 40 верст, пришел в Альтгейм, находившийся рядом с Хемницем, а на следующий день был уже в Пенниге, откуда послал нарочного в Цвенкау с предписанием барону Тильману срочно следовать к Альтенбургу, чтобы

вместе с ним атаковать стоявшие там войска генерала Лефевра-Денуэта.

В Пениге М. И. Платов соединился с авангардом своего корпуса под командованием князя Н. Д. Кудашева. Отряд И. А. Тильмана находился еще в пути. Рано утром 16 сентября атаман подошел к Альтенбургу. Он счел неудобным стоять без дела, атаковал противника, имевшего 8 тысяч человек и 8 орудий — в два раза больше, чем было у него, — выбил его из занимаемых позиций и преследовал «с поражением» до местечка Мейзельвиц.

Здесь Лефевр-Денуэт получил в подкрепление 3 тысячи человек. Но и на помощь Платову подоспел Тильман с отрядом. Неприятель, сохранивший численное преимущество, усилил сопротивление. Однако огнем шести орудий донской конной артиллерии и атакой казачьих полков, венгерских и прусских гусар он был выбит и с этой позиции у Мейзельвица, опрокинут и преследован до Цейца.

Отступая, противник оставил для прикрытия переправы через Эльстер двести итальянцев на территории городской фабрики, обнесенной высокой каменной стеной. Пока они там находились, союзники не могли чувствовать себя в безопасности.

«Так как у нас не было пехоты, то пришлось вызвать добровольцев, которые должны были взять фабрику приступом, — вспоминал командовавший штурмом И. Р. Дрейлинг. — Вызвалось довольно значительное количество; около 100 казаков тоже спешились...

Каждый этаж, каждую комнату пришлось брать с бою. Чудные залы и лестницы были покрыты трупами и залиты кровью, от роскошной мебели остались одни обломки».

В этот день отличились князь Н. Д. Кудашев, который во время командования авангардом находился с казачьими полками «впереди и распоряжался ими как искусный генерал», начальствовавший атаманами Т. Д. Греков, командир 1-й роты донской конной артиллерии П. Ф. Тацин, «с отличною храбростью поражавший неприятеля картечными выстрелами». О действиях остальных героев М. И. Платов обещал донести М. Б. Барклаю де Толли «особенно».

Дивизионный генерал Лефевр-Денуэт отступил к Вейсенфельсу, потеряв 3 знамени, 5 пушек и 1435 человек пленными, в том числе 55 офицеров. У союзников, «слава Богу, урон был не так велик... всего до двухсот убитых и раненых чиновников и казаков, а также венгерских и прусских гусар».

Атаман, присоединив к своему корпусу два казачьих полка и четыре эскадрона австрийской кавалерии под командо-

ванием полковника Эмануэля Менсдорфа-Пуилли из отряда Иоганна Тильмана, двинулся к Фробургу, а самого генерал-лейтенанта с остальными его войсками оставил в Альтенбурге.

Утром 19 сентября Платов и Менсдорф заняли позицию у селения Лом, между Пенигом и Альтенбургом, выслав по разным направлениям партии казаков для сбора сведений о противнике, который силами 20-тысячного корпуса князя Понятовского обеспечивал безопасность главной коммуникации Наполеона: Лейпциг — Дрезден.

Платов и Менсдорф располагали слишком малыми силами — до 3 тысяч человек, — чтобы рассчитывать на успех в бою с огромным корпусом Понятовского. Поэтому атаман решил действовать, «соображаясь с обстоятельствами и числом войск неприятельских», атакуя лишь «отделяющиеся части оного».

Получив сообщение, что неприятель с большими силами пехоты и кавалерии приближается к Хемницу, атаман пустился туда, атаковал его правый фланг с тыла и опрокинул. Французы, отступив, закрепились на высотах за городом. Завязался упорный бой.

Началась артиллерийская дуэль. Донские канониры действовали успешнее, они заставили замолчать французские пушки. В атаку пошел авангард князя Николая Даниловича Кудашева. Справа ударила казачья бригада Григория Андреевича Костина, усиленная атаманцами Тимофея Дмитриевича Грекова, которая привела неприятеля в совершенное расстройство. Но на левом фланге положение стало угрожающим. Противник «в немалом числе кавалерии, шедший по Рохлицкой дороге», сбил заставу русских и готов был наброситься на корпус Матвея Ивановича Платова, вступившего в неравную схватку с французами до подхода отряда Эмануэля Менсдорфа.

Дважды Матвей Иванович посылал своего дежурного офицера к австрийскому генералу Иоганну Фридриху Мору, незадолго до того вытесненному французами из Хемница, с просьбой поддержать казаков, но тот не спешил оказать помощь союзникам. Между тем со стороны Пенига подошел полковник Менсдорф с отрядом из двух казачьих полков под начальством знаменитого партизана Давыдова и четырех эскадронов регулярной кавалерии и сразу обрушился на неприятеля, «опрокинул его и гнал с жестоким поражением» несколько верст, не позволив ему напасть на левый фланг донского корпуса...

А. И. Сапожников с некоторой иронией писал: «Д. В. Давыдов стал распространять версию, что он спас

М. И. Платова в сражении под Альтенбургом». Но сомневаться не приходится: действительно спас, пусть и вместе с австрийскими эскадронами графа Менсдорфа. Во всяком случае, «много способствовал удержанию победы» казаками над сильным противником, как простодушно признавался далеко не простодушный Платов в рапорте на имя Барклая де Толли.

Давыдов очень тепло отзывался об австрийском полковнике, вместе с которым 22 сентября прикрыв корпус Платова от угрозы опасного удара слева:

«Самая огромная команда (два полка донских казаков) препоручена мне была осенью, после перемирия, но... не отдельно, а под начальством австрийской службы полковника графа Менсдорфа, с коим я приобрел многое: уважение его ко мне и неограниченную преданность к нему восторженного моего сердца благородным обхождением, его образованностью, геройским духом, военными дарованиями и высокою нравственностью».

Впрочем, и Матвей Иванович отмечал «мужественную храбрость» Менсдорфа, с «каковою действовал он против неприятеля» на левом фланге его корпуса.

Войска генералов Жана Пьера Ожеро и Антуана Бодуена Ван Дедема были выбиты с позиции на высотах у Хемница. Казаки пустились в погоню. «Тогда обратился и генерал-лейтенант Мор к преследованию».

Преследование продолжалось до Франкенберга, где отступающие соединились со своими войсками, стоявшими лагерем у самого города. Оставив перед Франкенбергом австрийские войска генерала Мора, атаман вернулся на ночлег в Хемниц. Подводя итоги этого дня, он написал Барклаю де Толли:

«В плен взято не более двадцати человек, ибо разъяренные упорством неприятеля российские и австрийские войска кололи и рубили кавалерию без всякой пощады.

С нашей стороны, благодаря Богу, урон убитыми и ранеными не так велик...»

Спустя год русский офицер Федор Николаевич Глинка, проезжая по этим местам, вспоминал:

«...Граф Платов и генерал Тильман жестоко нападали на сообщения неприятеля, хватая людей, обозы и пушки. Города Вейсенфельс, Наумбург и Альтенбург заняты были легкими войсками. Французы скрывали стыд и поражение свое в глубокой тайне, но Эльба, неся беспрестанно по волнам своим множество трупов и разных воинских снарядов, открывала отдаленным краям германским истинное положение».

ние их врагов. Наполеон бросался из угла в угол. Перехваченные письма того времени содержали в себе горькие жалобы на сие беспрестанное взад и вперед хождение, изнуряющее войска более всякой войны...»

За успехи в боях под Альтенбургом австрийский император Франц II пожаловал Платова орденом Марии Терезии 3-й степени. Самолюбие генерала от кавалерии было уязвлено. Один из мемуаристов писал, что атаман хотел отправить орден обратно, но не сделал этого, «чтобы не нарушать согласия, существовавшего между их кабинетом и нашим».

Для ношения иностранного ордена требовалось разрешение императора. Матвей Иванович обратился с просьбой по команде. Рапорт дошел до Барклая де Толли, и Михаил Богданович сделал на нем приписку: «В деле по болезни вовсе не находился».

Разрешение все же было получено, но приписка Барклая де Толли сыграла свою роль. Александр I думал наградить Платова за это дело орденом Андрея Первозванного. В его штабе, как пишет А. И. Сапожников, даже составили черновик высочайшего рескрипта.

Трудно сказать, действительно ли Платов в сражении под Альтенбургом «по болезни вовсе не находился». Или, может быть, Барклай де Толли мстил атаману за давнюю бестактную выходку в доме смоленского губернатора в июле прошлого года? С тех пор столько воды утекло. Опасность, висевшая над Россией, исчезла. Возможно ли, что в изменившихся условиях неприятный осадок от того столкновения всплыл на поверхность и Михаил Богданович решил выплеснуть гнев на «малообразованного и непросвещенного» генерала, ставшего европейской знаменитостью? Ясно одно: интриги вокруг Платова плелись в главной квартире. Приведу несколько строк из письма Матвея Ивановича к лейб-медику Якову Васильевичу Виллие от 25 сентября 1813 года:

«...Чем далее, тем более открывается явное недоброжелательство некоторых ко мне, и, как вижу, зла желают мне; но не удастся им жало сотворить. Бог мне помощник и покровитель. Я беру меры к осторожности, чтобы им не восторжествовать в намерении своем. Слава Богу, хотя и с малым корпусом, а дело у меня идет хорошо...»

В августе Матвею Ивановичу исполнилось 60 лет. В этом возрасте его одолевали болезни. Не исключено, что в боях под Альтенбургом атаман активного участия действительно не принимал, и Барклай де Толли в приписке на рапорте

Платова лишь констатировал факт. Во всяком случае, в распоряжении исследователей нет документов, позволяющих с уверенностью обвинять командующего русско-прусскими войсками Богемской армии в травле донского героя. Вряд ли Михаил Богданович рискнул бы вводить императора в заблуждение. Орден Андрея Первозванного Платов все же получит. Однако об этом позднее. А сейчас приведу письмо Александра I, написанное в эти дни:

«Граф Матвей Иванович! Благодарю Вас за поздравление с днем моего коронования, который Вы столь блистательным образом ознаменовали 16-го сего месяца. Поручив Вам начальство над отдельным корпусом, я уверен был, что подвиги Ваши, со столь давнего времени Отечеством признанные, будут увенчаны новою славою; и победа, одержанная Вами при Альтенбурге, оправдала ожидания мои. Она представляет мне приятный случай засвидетельствовать Вам за сии новые успехи мою совершенную признательность и уверить Вас, что служба Ваша, обращавшая на Вас всегда особенное внимание, и на будущее время не останется без достойных ее наград».

Потерпев несколько поражений, французы стали концентрировать свои силы у Лейпцига. Армии союзников подтягивались к Эльбе. До великой Битвы народов оставалось несколько дней...

От Эльбы до Рейна

В конце сентября войска союзников в разных местах переправились через Эльбу. 3 октября Богемская армия заняла позиции на берегах Плейсе. Вечером следующего дня к Лейпцигу должен был подойти Блюхер, а еще через сутки ожидалось Бернадот и Беннигсен.

Александр I решил дать французам сражение 4 октября. В этот же день и Наполеон планировал разгромить Богемскую армию союзников, чтобы потом обрушиться на подходивших Блюхера, Бернадота и Беннигсена. Дата очередного кровопролития определилась. Осталось реализовать замыслы.

В ночь перед сражением небо выплеснуло на противников поистине библейские потоки дождя. Началась страшная буря, ломавшая деревья, срывавшая крыши с домов. Кажется, сама природа восстала против готовящегося кровопролития, но остановить его уже ничто не могло.

Основные события развернулись на правом крыле Богемской армии, которой командовал Михаил Богданович Барк-

лай де Толли. На флангах у него стояли в основном австрийцы и пруссаки, а в центре — русские во главе с принцем Евгением Вюртембергским, двоюродным братом Александра I, князем Андреем Ивановичем Горчаковым и графом Петром Петровичем Паленом. Они составляли войска первой линии, подчиненные генералу от кавалерии Петру Христиановичу Витгенштейну. Войсками второй линии правого крыла командовал генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский, а резервами — великий князь Константин Павлович. Наполеон бросил против центра Богемской армии почти все свои наличные силы, оставив на флангах лишь минимальное количество войск, чтобы оградить атакующих от неожиданного удара справа и слева.

Открыли сражение русские. Они взяли Вахау и Клеберг, двинулись за отступающим неприятелем и попали под губительный огонь французских батарей. В одно мгновение были подбиты почти все орудия первой линии корпуса принца Евгения Вюртембергского. Теперь уже французы пошли в атаку и выбили русских из Вахау и Клеберга. Сражение развернулось по всей линии центра правого крыла Богемской армии. Попытки австрийцев форсировать реку Плейсе, чтобы усилить русских, не имели успеха.

Сразу за центром, у деревни Гюльденгосса, на высоком холме Вахтберг, за развитием событий наблюдали союзные монархи Александр I, Франц I и Фридрих Вильгельм III. Генералы, составлявшие их многочисленную свиту, уже в середине дня считали сражение проигранным.

Трудно сказать, как оценивал ситуацию Александр I. Но действовал он тогда решительно: приказал подтянуть артиллерию, а лейб-казакам прикрывать ее до подхода тяжелой кавалерии с правого фланга, за которой послал генерал-адъютанта графа Василия Васильевича Орлова-Денисова; вызвал из резерва гвардейские полки, потребовал от фельдмаршала Шварценберга во что бы то ни стало форсировать Плейсе, чтобы усилить союзников в центре...

Между тем Наполеон бросил в атаку 10-тысячный корпус, которым за ранением Латур-Мобура командовал генерал Думмерк. В три часа дня вся эта конница, имея впереди латников, с нарастающим аллюром ринулась вперед, огибая Вахау справа и слева, и обрушилась на войска принца Евгения Вюртембергского. Французы овладели батареей, изрубив прислугу, прорвали расположение русской пехоты, рассеяли гвардейскую кавалерийскую дивизию Ивана Шевича, сраженного французской пулей, и устремились на холм Вахтберг. Никаких других войск, кроме лейб-гвардии казачьего

полка, составлявшего конвой Александра I, в этот момент поблизости не было. Катастрофа казалась неизбежной.

Донские казаки к этому времени основательно забыли о своей бывшей вольности и гордились тем, что являются подданными русского царя и составляют часть его армии. Тем более это относилось к лейб-казакам, находившимся на положении почетной стражи государя. Они, безусловно, готовы были умереть за него.

Александр I призвал к себе полковника Ивана Ефремовича Ефремова, оставшегося за командира после отъезда Василия Васильевича Орлова-Денисова с поручением государя к Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли, и указал ему на наступающих французов, которые были уже совсем близко. Ефремов понял государя. Осенив могучую грудь двуперстным крестом старовера, он крикнул казакам:

— Братцы, умрем, а дальше неприятеля не пустим! Полк, за мной!

В это время к месту сражения подтянулась русская резервная артиллерия, поставленная левее Гюльденгоссы. Началась страшная пальба, которая, по словам М. А. Милорадовича, была «громче бородинской».

Отчаянная атака лейб-казаков освободила от натиска французов отступавшую русскую легкую кавалерийскую дивизию. Она перестроилась и примкнула к флангам полка Орлова-Денисова. Дышать стало легче.

Позднее генерал-майор Ефремов, вспоминая атаку лейб-казаков под Лейпцигом, часто говорил новобранцам: «А кто бы из вас задумался спасти государя?! Ведь французы-то прямо летели на него, словно рой пчелиный. Зато, когда Бог помог нам остановить весь этот рой врагов, государь поцеловал и командира графа Орлова-Денисова, и меня и благодарил казаков».

В первый день Лейпцигского сражения лейб-гвардии казачий полк потерял убитыми 19 и ранеными 37 человек.

Много лет спустя, в 1832 году, император Николай I, желая увековечить подвиг лейб-казаков под Лейпцигом, своим указом установил полковой праздник 4 октября, в день памяти святого Иерофея.

Атаман Платов с десятью своими полками находился в этот день на самом краю правого фланга. Между ним и центром Богемской армии, где развернулись основные события, стоял австрийский корпус графа Клейнау. Когда французы пошли на него в атаку и выбили союзников с занимаемой позиции, Матвей Иванович «сильным ударом на неприятеля остановил его стремление и, опрокинув, прогнал с большим поражением до их батарей».

В рапорте на имя Барклая де Толли Платов назвал среди особо отличившихся 4 октября лишь армейских генерал-майоров Дехтярева, Кайсарова и Шербатова, командовавших бригадами, а также офицеров Ольвиопольского гусарского полка, прикомандированного к нему для усиления его корпуса. В списке нет ни одной фамилии донских начальников. Странно? Пожалуй. Впрочем, Матвей Иванович знал, кого надо награждать в первую очередь, чтобы создать опору в мире недоброжелателей. Возможно, своих он представил позднее.

На исходе дня сражение прекратилось. С прибытием Силезской армии Блюхера положение Наполеона стало весьма затруднительным. А на подступах к Лейпцигу были уже войска Бернадота и Беннигсена. Поэтому Наполеон обратился к союзникам с предложением о перемирии, переданном с австрийским графом Мерфельдом, только что взятым французами в плен.

5 октября союзные монархи думали возобновить сражение. Однако, поскольку еще не прибыли армии Бернадота и Беннигсена, наступление отложили на сутки.

В ожидании ответа на предложение о перемирии Наполеон отвел войска поближе к Лейпцигу, откуда думал начать отступление. Пока он принимал меры оборонительные, союзники готовились обрушиться на него всеми своими силами.

6 октября в Битве народов сошлись 310 тысяч союзников, в том числе 146 тысяч русских, и 171 тысяча французов. Сражение продолжалось с раннего утра до позднего вечера. В нем участвовало 32 донских полка.

Атаман Платов, действовавший с казаками своего корпуса на правом фланге позиции союзников, у деревни Зоммерфельд, между войсками Бернадота и Беннигсена, принудил сдать вюртембергскую бригаду вместе с ее командиром генералом Норманом и всем его штабом, а также шесть батальонов саксонской пехоты с 22 пушками и зарядными ящиками. Ночь застала его у стен Лейпцига.

Любопытно, что командующий Польской армией генерал Леонтий Леонтьевич Беннигсен счел необходимым подтвердить в письме к начальнику Главного штаба князю Петру Михайловичу Волконскому, что в бою под Лейпцигом, у деревни Зоммерфельд, Матвей Иванович Платов с казаками своего корпуса действительно взял в плен две с половиной тысячи пленных саксонцев и вюртембергцев, чему он сам был свидетель.

Леонтий Леонтьевич буквально казнил себя, что в донесении Александру I не отметил этого успеха Платова, спра-

ведливо полагая, что атаман сам напишет государю. Оказалось, не написал — очевидно, чтобы не давать пищу для разговоров своим завистникам (по его определению, «мудочесам») при главной квартире.

Беннигсен закончил письмо Волконскому следующими словами: «Ваше Сиятельство, я покорнейше прошу вывести меня из сомнения, потому что долг мой есть сему достойному мужу во всякое время отдать должную справедливость».

По свойствам характера генерал Беннигсен был человеком очень сложным, о чем немало сказано в предыдущих главах. Чтобы у читателя сложилось более полное впечатление о нем, замечу: в обязанности командующего Польской армией не входило информировать царя об успехах Платова, ибо отдельный донской корпус атамана не состоял в его подчинении. В данном случае он руководствовался элементарным чувством справедливости.

А вот у Матвея Ивановича с этим чувством произошел разлад.

Его успех был значительным: командуя корпусом в 2 тысячи человек, он сумел пленить две с половиной тысячи саксонцев и вюртембергцев. Но кто из донцов отличился в бою 6 октября, неизвестно. Атаман и на этот раз среди героев назвал только прикомандированных к нему армейских генералов и офицеров. Может быть, доказывал, что обвинение его в недобром отношении к регулярным войскам не имеет оснований? Не исключено. Только при чем же здесь казаки, жертвовавшие собой ради победы?

Наступила ночь. Предместья Лейпцига были объаты пламенем. Горели ближайšie к городу селения. Союзные монархи решили возобновить сражение на следующий день. Впрочем, никто не сомневался, что Наполеон начнет отступление. Поэтому Александр I приказал М. И. Платову и генерал-майору В. Д. Иловайскому переправиться через Плейсе и Эльстер и, нападая на головы французских колонн, спешить по дороге в Веймар.

Наполеон, оставив в Лейпциге корпуса Макдональда и Понятовского сдерживать союзников, с остатками армии начал переправу через Плейсе. А. И. Михайловский-Данилевский достаточно выразительно описал панику, охватившую солдат арьергарда, когда более удачливые их соратники взорвали единственный мост через реку:

«Легче вообразить, чем описать смятение и давку в городе, когда союзники вторглись в него с разных сторон... Полки, находившиеся еще по сую сторону реки, не внемля голосу начальников, смешались в беспорядочные толпы всякого

рода войск, бросали оружие, сдавались в плен; другие... кидались в воду... и тонули. В числе утопших находился Понятовский... Он пошел ко дну, пораженный двумя пулями...»

Роковое стечение обстоятельств: 7 октября 1812 года Наполеон оставил Москву, 7 октября 1813 года он покинул Лейпциг.

В полдень Александр I и Фридрих Вильгельм III въехали в город. Потери были громадные: от 30% личного состава у союзников до 35% у французов.

Какие потери понесли казаки за четыре дня боев, неизвестно. После победы на донцов обрушилась лавина царских милостей. За участие в Битве народов Александр I пожаловал Матвею Ивановичу Платову орден Святого Андрея Первозванного. Такой же награды удостоился генерал Михаил Андреевич Милорадович.

В ночь на 7 октября французы разными дорогами потянулись к Эрфурту. Утром в преследование пустились отряды М. И. Платова и В. Д. Иловайского, позднее — А. И. Чернышева и В. В. Орлова-Денисова, сменившего И. А. Тильмана, который получил новое назначение. На следующий день со своих позиций у Лейпцига снялись регулярные войска Богемской, Силезской, Северной и Польской армий, в авангарде которых тоже шли донские полки. Такого галопа еще не видела старая Европа за всю свою долгую историю.

Следуя по Эрфуртской дороге, Матвей Иванович Платов прошел мимо города Наумбурга, где уже стоял австрийский корпус графа Гулая, и взял курс на Веймар, где проживала сестра царя великая княгиня Мария Павловна, в 1804 году выданная замуж за герцога Карла Фридриха Саксен-Веймарского. Вечером 8 октября казаки расположились на ночлег у переправы через реку Салле в деревне Кёзен. От пленных атаман узнал, что французские войска двумя большими колоннами отступают на Фрейбург и Нордгаузен.

На рассвете 9 октября со стороны Фрейбурга к Кёзену подошла французская пехота с артиллерией. Все попытки неприятеля овладеть переправой были отбиты. Ближе к полудню в дело вступил корпус графа Гулая, а атаман Платов с казаками берегом Салле устремился на Камбург и далее на Веймар, чтобы выполнить высочайшее повеление — спасти от разорения «землю русской принцессы Марии Павловны».

В три часа дня Платов пришел в Камбург, переправился через Салле и двинулся далее. Вскоре его авангард под командованием генерал-майора Кайсарова столкнулся с отрядом французской кавалерии, опрокинул его и преследовал

до селения Экарцберг. В плен при этом было взято три офицера и около ста рядовых.

Неприятель, стоявший у Экарцберга, видя поражение своего отряда, выслал на помощь ему пехоту и несколько эскадронов кавалерии, но казаки бригад генерал-майоров Дехтярева и Щербатова и орудия донской артиллерии отбросили их назад.

В тот же день, 9 октября, отряд генерал-майора В. Д. Иловайского, накануне подкрепленный командой в 500 казаков подполковника Г. А. Костина и гвардейских улан ротмистра Ф. К. Гейсмара, вошел в Веймар и отбил попытку авангарда корпуса маршала К. П. Виктора ворваться в город.

В час пополудни 10 октября в Веймар прибыл корпус М. И. Платова. Едва он успел представиться герцогу и наследному принцу, как пришлось объявлять тревогу.

Наполеон, раздраженный вчерашней неудачей, послал «отважнейшего из наездников своих Лефевра-Денуэта с 5000 конницы, чтобы предать Веймар огню». Так пишет Ф. Н. Глинка. Неприятель успел даже ворваться в город и был уже на подступах ко дворцу герцога, но на него обрушились казаки В. Д. Иловайского и М. И. Платова. Бой продолжался несколько часов. Русские отстояли столицу сестры своего государя.

Вечером того же дня Матвей Иванович продиктовал донесение Александру I: «Высочайшее изустное повеление Вашего Императорского Величества по верноподданническому долгу моему исполнил я в точности... Веймар спасен от разграбления неприятельского. Дорога, по которой он прогнан, покрылась трупами его. В плен взято немало разных кавалерийских полков штаб- и обер-офицеров и нижних чинов, есть в том числе и мамелюки, но за скоростью и наступлением ночи всем разборки и щету еще не сделано...»

Казаки спасали не только столицу сестры своего государя, хотя для них это было главным. Вот что писал о Веймаре Ф. Н. Глинка: «Веймар как столица небольшого герцогства не заслуживал бы особенного внимания, если бы не был столицей вкуса, муз и науки.

Мой друг! когда присутствие муз украшает и бедную хижину в глухой пустыне, то посуди, какую прелесть должно придавать оно чертогам царским! За то и называют Веймар Афинами Германии. Здесь жили Шиллер и Виланд, и здесь живет еще Гёте. Кажется, довольно означить только имена сии, чтоб показать, что все лучшее здесь».

Думаю, что ни казаки, ни их атаман не знали имен ни Шиллера, ни Виланда, ни Гёте. Но они знали, что государь

послал их спасать семейство своей сестры Марии Павловны. Этого было достаточно.

Сестры Александра I — женщины просто замечательные. О них восторженно отзывались многие знаменитые современники, например Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин. Мария Павловна не составляла исключения. Вот что писал о ней тот же Ф. Н. Глинка:

«Здесь все единодушно благословляют герцогиню свою Марию Павловну. Ее называют матерью-благотворительницей, ангелом кротости и добродетели... Все русские офицеры не нахвалятся милостивым вниманием к их нуждам и ранам высочайшей покровительницы в Веймаре».

Мария Павловна ухаживала не только за ранеными офицерами, но и за солдатами.

Матвей Иванович не просто знал эту удивительную женщину — 22 июля 1803 года он был гостем на празднике в Петергофе по случаю тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великой княжны Марии Павловны. Утром он присутствовал на литургии в придворной церкви; вместе с другими знатными особами поздравлял виновниц торжества; за обедом в достаточно узком кругу сидел рядом с графом Алексеем Андреевичем Аракчеевым; вечером на маскараде впервые увидел жениха именинницы — герцога Карла Фридриха Саксен-Веймарского.

В день налета французов на Веймар герцогини Марии Павловны в городе не было. Матвей Иванович оставил для нее письмо:

«Ваше Императорское Высочество!
Всемиловитейшая государыня!

Сегодня прибыл я с войсками своими в Веймар, был принят и угощаем хлебом-солью герцогом и Его Высочеством наследным принцем, супругом Вашим, имел счастье видеть любезнейшую дочь Вашу и поцеловать ее в руку.

Вместе с прибытием моим в Веймар в 1-м часу пополудни вдруг с неожиданной стороны напал на город большими силами неприятель...»

И далее Матвей Иванович подробно расписал, как город Веймар был спасен казаками от «разграбления неприятельского».

После боя М. И. Платов, собрав людей и накормив лошадей, пустился в ночь по направлению к Эрфурту, чтобы обойти головы французских колонн и установить связь с баварскими войсками генерала К. Ф. Вреде, а В. Д. Иловайскому с отрядом, подкрепленным полком Г. А. Костина, приказал занять город Готу.

12 октября к Веймару подошли русские и австрийские войска Богемской армии. Александр I устроил здесь свою главную квартиру.

А что делали все это время остальные войска союзников? Разными дорогами они преследовали французов по направлению к Эрфурту, освобождая по пути следования большие и малые населенные пункты Германии, неся потери и причиняя немалый ущерб врагу.

Михаил Богданович Барклай де Толли убеждал Александра I: «Необходимо сделать на неприятеля решительный удар, действовать на него всею массою войск, ибо ему не остается ничего другого, как только с отчаянностью драться до последнего человека».

У Эрфурта, где позиция французов за рекою Геррой была очень крепка с фронта, Наполеон не стал «драться до последнего человека». Он продолжал отступать. Передовые его войска прошли город Готу. Казаки не отставали от них, нападая на фланги неприятельских колонн везде, где только позволял случай.

Наполеон терял последних своих союзников. 12 октября Платову сдались два батальона баварской пехоты во главе с полковником и 15 офицерами, которых он отправил в корпус генерала Вреде. А остатки вюртембергских войск присоединились к отряду графа Орлова-Денисова.

Генерал-майор В. Д. Иловайский занял Готу, но удержаться там не смог из-за подавляющего численного превосходства противника, подходившего со стороны Эйзенаха. Поэтому он решил сойти с большой дороги и преследовать его параллельным маршем, нападая на фланги отступающих колонн.

Утром 13 октября отряд Иловайского нанес поражение кавалерийской дивизии генерала Фурнье. На следующий день он истребил колонну неприятельской пехоты, отбил две пушки и, задержав французов на несколько часов, помог баварским войскам генерала К. Ф. Вреде, наступавшим по дороге от Вирцбурга, овладеть городом Гану.

В тот же день авангард корпуса П. Х. Витгенштейна под началом генерал-лейтенанта П. П. Палена достиг Готы.

15 октября соединились казачьи отряды генерал-майоров В. Д. Иловайского и А. И. Чернышева. Выйдя на дорогу Эйзенах — Франкфурт и упредив неприятеля, они ворвались в Фульду; сожгли там большой провиантский магазин, взорвали мост через реку и взяли в плен не менее 500 человек. Вечером дважды отразили попытки авангарда французской

армии овладеть городом, после чего двинулись вперед и остановились на ночлег близ деревни Нейгоф.

За Иловайским и Чернышевым следовал отряд Орлова-Денисова. На подступах к Фульде он вместе с австрийским полковником Менсдорфом атаковал неприятеля, взял четыре пушки, большой обоз, в том числе 50 повозок с амуницией, и много пленных.

Вот как оценивал состояние французской армии граф Василий Васильевич Орлов-Денисов: «Одна гвардия и корпус под командованием генерала Бертрана в порядке; все прочие войска смешаны и совершенно похожи на вышедшие... из России».

Отправив донесение, генерал-адъютант Орлов-Денисов и полковник Менсдорф двинулись по большой Франкфуртской дороге, дабы опередить неприятеля и «пресечь» ему путь отступления.

Платов в этот день «более четырех часов дрался с неприятелем» при селении Рамздорф, «где был и сам Наполеон со всею своею армиею, кроме авангарда, с которым имели дело генерал-майоры Чернышев и Иловайский 12-й», но одолеть его малыми силами своего корпуса не смог. Поэтому атаман приказал Кайсарову, недавно посланному вперед, вернуться и немедленно соединиться с ним.

Похоже, результаты этого боя оказались не столь впечатляющими, чтобы сочинять о нем подробный рапорт. Не случайно наш герой послал в главную квартиру курьера с устным донесением: курьер был «в сем сражении с начала и до окончания оногo», о многом мог рассказать.

Впрочем, все партизанские отряды в районе действий донского корпуса состояли в подчинении атамана. В своем письме к князю П. М. Волконскому М. И. Платов демонстрирует прекрасное понимание общей ситуации.

6 октября преследование отступающей французской армии продолжалось. В четыре часа утра отряды генерал-майоров В. Д. Иловайского и А. И. Чернышева выступили из района деревни Нейгоф и форсированным маршем устремились по Франкфуртской дороге к селению Роттенберг, разрушая за собою мосты и устраивая лесные завалы, чтобы по возможности создать трудности следующим за ними французским войскам. Авангард полковника К. Х. Бенкендорфа энергично атаковал дивизию генерала Демутье и остатки корпуса маршала Мармона и гнал их до города Ганау, взяв в преследовании до тысячи пленных.

На подступах к Ганау французы обнаружили, что город уже занят авангардом баварских войск генерала Вреде, кото-

рый осыпал их картечью. Внезапно повернув, они атаковали русских «с яростью и отчаянием в надежде проложить дорогу и соединиться со своей армией. Но храбрые казаки, — писал Чернышев Александру I, — несмотря на потери, защищались блестяще». Бенкендорф слишком увлекся: не узнав баварцев, он уже готов был атаковать их, но затем вошел с ними в прямую связь и напал на неприятеля с тыла.

Противник, атакованный со всех сторон, после упорного сопротивления вынужден был сложить оружие. В бою под Ганау казаки взяли в плен до 4 тысяч человек, среди которых были два генерала, несколько полковников и много офицеров.

Отряд В. В. Орлова-Денисова следовал в промежутке между войсками В. Д. Иловайского и А. И. Чернышева, шедшими впереди, и отступающими французами, продиравшимися через лесные завалы. Поэтому никаких столкновений с неприятелем у него в этот день не было.

16 октября французская армия, в которой находился сам Наполеон, миновала город Фульду. Платов, не имея сил, чтобы эффективно атаковать ее, следовал параллельно, время от времени вступая с неприятелем в перестрелку. Пленных взял очень немного — всего около ста человек.

17 октября у Ганау собрались баварские войска К. Ф. Вреде и отряды В. Д. Иловайского, В. В. Орлова-Денисова и А. И. Чернышева. К вечеру подошла французская кавалерия численностью в 12 тысяч сабель. За ней расположились четыре пехотных корпуса и Старая гвардия с самим Наполеоном, который остановился на ночлег в Роттенберге. Обе стороны готовились к решающему сражению, намеченному на утро...

Французов преследовал только малочисленный корпус Платова. Его казаки в этот день отбили у неприятеля две пушки и взяли в плен до 50 человек. Похоже, атаман не знал о предстоящем сражении у Ганау, но в ночь перед ним, как, впрочем, и до того, не давал противнику спать спокойно.

Утро началось с артиллерийской дуэли. Потом в атаку пошла французская кавалерия. Баварцы и казаки В. Д. Иловайского и А. И. Чернышева с трудом сдерживали натиск численно более сильного противника, а со стороны Роттенберга уже тянулись пехотные колонны неприятеля. Настало время вступить в дело отряду В. В. Орлова-Денисова.

Граф Орлов-Денисов, стоявший со своим отрядом на левом берегу Кинцинга, приказал флигель-адъютанту Орлову с бригадой казаков перейти по узкому мосту через реку и

атаковать неприятеля, идущего по шоссе, а принцу Бирону с четырьмя эскадронами немецкой кавалерии и двумя пушками поддерживать его.

Полковник Орлов «выполнил сие поручение с великим успехом». Он разорвал французскую колонну, отбил одну пушку и ворвался в деревню Роттенберг, в которой незадолго до того находился Наполеон. Неприятель, однако, отошел от шока, вызванного этой дерзкой атакой, и бросил на казаков свою пехоту и кавалерию, надеясь отрезать их от моста через Кинцинг. Но принц Бирон столь удачно встретил противника картечью из двух орудий, скрытно поставленных у переправы, что донцы вернулись на левый берег реки без потерь.

После этого налета французы поставили сильные колонны у Гельнгаузена и Роттенберга для наблюдения за рекой. Но казаки нашли брод. Орлов-Денисов, слыша, что канонада у Ганау усиливается, решил предпринять вторую атаку на неприятеля, который возобновил движение в сторону города.

На этот раз Орлов-Денисов использовал значительно большие силы: два эскадрона регулярной кавалерии союзников и сотню казаков под общим командованием ротмистра Микулича он бросил на французские колонны, идущие по шоссе; полковнику Орлову приказал создать видимость нападения на Гельнгаузен, а подполковнику Грасеру с двумя эскадронами конницы и донским полком Чернозубова 5-го — атаковать Роттенберг. Поставленная задача была решена «с удивительною быстротою и храбростью... Неприятель совершенно приостановил свой марш к Ганау».

Во время этой атаки ротмистр австрийской армии серб Микулич пленил до 400 французов, в том числе 20 офицеров.

Между тем на землю опустилась ночь. Бой прекратился. Баварцы К. Ф. Вреде и казаки В. Д. Иловайского, А. И. Чернышева и П. С. Кайсарова, командовавшего авангардом корпуса М. И. Платова, не смогли сдержать натиск численно более сильного противника. В ночь на 19 октября они вынуждены были отступить за Кинцинг. Вслед за ними стали переходить на левый берег реки колонны французской армии, чтобы продолжить движение к Франкфурту.

Попытка казаков Петра Амвросьевича Чернозубова атаковать Роттенберг была отбита французской Молодой гвардией, которая под начальством маршала Мортье занимала еще это селение.

М. И. Платов поднял свой корпус рано и двинулся слева от 7-тысячного арьергарда неприятеля. Однако, «встретив

трудные для прохода гористые и лесные места», пропустил противника и вышел на большую дорогу.

Началось безжалостное истребление французов огнем орудий донской артиллерии с тыла и стремительными ударами конницы с флангов. Дорога до Гельнгаузена покрылась трупами неприятелей. Число пленных превысило 2 тысячи человек, не считая раненых, «но верного счету всем им» сделать не удалось из-за скорости преследования.

В этом преследовании французского арьергарда принимали участие полки Атаманский, Ольвиопольский гусарский и Черноморский казачий, а также эскадрон австрийских драгун, прусский партизанский отряд, три дня тому назад присоединившийся к корпусу М. И. Платова, и небольшие команды полков П. М. Грекова и О. В. Иловайского, «собранные из разных отлучек».

«Авангард неприятельский весь истреблен, кроме тех... кои разбежались по лесам», — писал Платов Барклаю де Толли вечером 19 октября. Однако атаман преувеличил.

В начале четвертого пополудни Орлову-Денисову, стоявшему 12 часов без дела, хотя весь берег Кинцинга был занят французами, донесли, что «конец неприятельского арьергарда... проходит через Гельнгаузен». Граф перешел речку вброд, напал на противника, приведенного «в совершенный беспорядок» якобы атакой прусского полка Генкеля и бригадой Орлова, разбил его и взял в плен 1500 человек. На остальных набросились Грасер с австрийцами и Чернозубов 5-й с казаками, захватившие еще 1100 солдат и офицеров наполеоновской армии.

В донесении В. В. Орлова-Денисова вызывает возражение одно: «в совершенный беспорядок» арьергард французской армии привел корпус генерала Платова, а не прусский полк майора Генкеля и не бригада полковника Орлова.

Неприятель Орлова-Денисова к Платову была столь велика, что он ни словом не обмолвился в рапорте Барклаю де Толли о том, как атаман пригнал остатки неприятельского арьергарда без единой пушки и даже без командующего, который не то бежал в лес, не то сложил голову где-то по дороге. После Гельнгаузена французов можно было брать голыми руками. Впрочем, часть из них сумела-таки перейти на левый берег Кинцинга, где стала легкой добычей отряда Иловайского 12-го, взявшего в плен более тысячи человек. После этого арьергард французской армии перестал существовать.

А вот Матвей Иванович не забыл о Василии Васильевиче. В своем рапорте Михаилу Богдановичу он написал: «У

местечка Гельнгаузен подоспел с левой стороны — Кинцинга — уже на вечер с отрядом и генерал-адъютант граф Орлов-Денисов».

Все так. Подоспел генерал-адъютант уже к вечеру, то есть к шапочному разбору. Правда, «шапок» сорвал больше, чем Платов за весь день.

С утра 20 октября корпус Платова пустился за неприятелем, отступавшим от Ганау, и «положил более трех тысяч человек». За Франкфуртом французы расположились на ночлег. Атаман приказал обстрелять лагерь противника «ядрами, гранатами и брандскугелями». Переполох был страшный. Не имея времени писать рапорт о событиях минувшего дня и особенно ночи, Матвей Иванович послал в главную квартиру ротмистра барона Федора Клементьевича Гейсмара с поручением рассказать обо всем подробно его сиятельству князю Петру Михайловичу Волконскому.

На рассвете того же дня граф Орлов-Денисов свернул вправо от большой Франкфуртской дороги, настиг неприятельскую колонну, отступавшую по берегу Майна, разбил ее, причем взял одну пушку, 20 зарядных ящиков и 280 пленных. У города Бергена он соединился с авангардом корпуса Платова под командованием Кайсарова. Общими силами они окружили два батальона французской пехоты числом до 1300 человек и принудили их сложить оружие. В Бергене Орлов-Денисов получил предписание атамана следовать за авангардом Кайсарова, что он и сделал.

21 октября «после всеобщей перестрелки и пушечной пальбы» во Франкфурт вошли австро-баварские войска генерала К. Ф. Вреде и партизанские отряды, подчиненные атаману М. И. Платову. Жители города, благодарные «за избавление от неприятеля и за спасение от грабительства», встречали освободителей восторженными криками: «Ура! Александр!»

Платов, оставив в городе австро-баварские войска для «наблюдения за порядком» и приказав их авангарду подкреплять его до Рейна, «поскакал вперед за неприятелем» и гнал его до Гохгейма. Всего за шесть дней, с 16 по 22 октября, небольшой корпус атамана отбил 28 орудий, 35 ящиков с зарядами и пленил до 15 тысяч человек.

Немногим меньших успехов за это же время достигли отряды других командиров. Так, казаки В. Д. Иловайского заставили сложить оружие 9 тысяч солдат и офицеров противника, взяли много ящиков со снарядами и большой обоз.

По свидетельству Платова, погоня за неприятелем после Лейпцига, «когда он был тесним и поражаем с тыла и с обо-

их флангов, не имея способов доставать себе продовольствие», сделала его отступление похожим на бегство из Москвы в 1812 году.

Такое сходство отмечали многие другие участники заграничного похода. Оно было бы более полным, если бы союзное командование подкрепило партизанские отряды, подчиненные Платову, казаками Северной и Силезской армий, в которых практически бездействовало до 40 донских полков. Возможно, тогда Наполеону не удалось бы переправить за Рейн 50 тысяч своих солдат, ретировавшихся вместе с ним по большой Франкфуртской дороге.

24 октября во Франкфурт-на-Майне, где была устроена главная квартира союзных монархов, вступила русско-прусская пешая гвардия. Остальные войска расположились в окрестностях города. Легкий корпус атамана Платова остановился в Цвингенберге.

В течение месяца войска союзных армий оставались на кантонир-квартирах. Солдаты отдыхали и излечивались от ран. Генералы праздновали победу. Франкфурт ликовал.

М. Б. Барклай де Толли — В. Д. Иловайскому,
31 октября 1813 года:

«По случаю болезни графа Орлова-Денисова предписываю Вашему Превосходительству отряд его принять в команду вашу и по исполнении мне донести...»

Отправляясь в главную квартиру, Матвей Иванович впервые надел на себя орден Святого Андрея Первозванного, высочайше пожалованный ему за Лейпцигское сражение. Николай Федорович Смирный, прикомандированный к Платову «для перевода с иностранных языков и производства письменных дел», позднее вспоминал:

«Утешительно было для сего героя, увенчанного славою и победами, видеть себя через истинные заслуги сравнявшимся в царских милостях с первейшими вельможами в государстве. Но монарх готовил ему новый отличный знак своего благоволения еще с самого изгнания врагов из отечественной земли...»

Пребывание войск на кантонир-квартирах, как правило, сопровождалось пирами и балами, устраиваемыми по случаю успехов, побед, годовщин, именин. Так было в Бартенштейне и Вильно, так было и в этот раз во Франкфурте. Однажды во время обеда к Платову явился адъютант графа Аракчеева с новым подарком Александра I — бриллиантовым пером с вензелем императора, предназначенным для ношения на кивере. Матвей Иванович «встал из-за стола, помолился Богу за здоровье обожаемого монарха», выпил

бокал вина и «пригласил к тому же всех гостей своих, искреннюю радостью исполненных».

В тот же день Франкфурт давал великолепный бал в честь союзных монархов. Граф Платов явился на него при всех регалиях и «самою наружностью своею привлек к себе любопытные взоры». Все произносили его имя, все старались разглядеть его, изъявляли знаки внимания. «Герой, сединами украшенный», терялся, не находя слов для выражения признательности присутствующим почитателям. Несмотря на усталость, Матвей Иванович ушел с праздника поздно.

Завистников у атамана прибавилось, но были и искренние друзья. Один из них — Егор Борисович Фукс, историк и секретарь Александра Васильевича Суворова. Свои чувства, вызванные пожалованием Матвеем Ивановичу высоких царских наград, он выразил в письме:

«Пурпуровый цвет ленты Вашего Сиятельства преобразовался в небесную лазурь; Святой Андрей приобщился на груди Вашей к Святому Александру. Волнистый отлив сей ленты да изображает памяти струившиеся волны Рейна, которые несли на себе гром побед Донского-Зарейнского Атамана и которые далеко-далеко раздавали российское ура!!! Лети, победоносный муж, с пером, которым украсил Царь России и Европы, Александр по истине Первый, посевшую во бранях главу твою; рази нечестивцев! — Тихий Дон возликует; потомки во храме Спаса будут со слезами умиления читать в трофеях твоих любезное имя Платова».

Пребывание на кантонир-квартирах закончилось 26 ноября. К этому времени вся Европа к востоку от Рейна была очищена от неприятеля. Наполеон с остатками своих сил ушел во Францию.

Глава четырнадцатая

ОТ РЕЙНА ДО ПАРИЖА

Первые бои на территории Франции

С остатками своих войск Наполеон ушел за Рейн. Союзники обложили его со всех сторон. Они угрожали ему из Испании, Италии, Голландии и Дании. Но судьба Франции на заключительном этапе войны должна была решиться на направлении наступления Богемской (Главной), Силезской и Северной армий.

Во главе Богемской армии, при которой находилась главная квартира союзных монархов, по-прежнему стоял князь Шварценберг. У него под ружьем было 230 508 человек, в том числе 53 408 русских.

Силезской армией командовал фельдмаршал Блюхер. Он имел 92 514 человек, в том числе 53 583 русских.

В Северной армии шведского принца Бернадота числилось 90 237 человек, из которых 35 237 были русскими.

Иррегулярные войска, приписанные к русским корпусам союзных армий, насчитывали 47 полков; 26 из них сражались в Богемской армии, 5 — в Силезской и 16 — в Северной.

Командующим всеми русскими войсками считался генерал Барклай де Толли, но фактически под его началом состоял лишь резерв Богемской армии.

Какие силы противопоставил союзным армиям Наполеон, в точности неизвестно. А. И. Михайловский-Данилевский полагал, что они не превышали 120 тысяч человек. В это число он не включал войска, расположенные в Северной Италии, на границе с Испанией, а также гарнизоны крепостей, опоясывавших Францию с востока.

Итак, 120 тысяч французов против более 400 тысяч союзников. Казалось, первые заведомо были обречены. Но ведь во главе их стоял Наполеон.

Накануне вторжения во Францию Александр I обратился к русским войскам с приказом:

«Воины! Мужество и храбрость ваши привели вас от Оки на Рейн. Они ведут вас далее: мы переходим за оный, вступаем в пределы той земли, с которою ведем кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили Отечество свое, возвратили Европе свободу ее и независимость. Остается увенчать великий подвиг сей желанным миром...

Воины! Я несомненно уверен, что вы кротким поведением своим в земле неприятельской столько же победите ее великодушием, сколько оружием... Довершите многотрудные подвиги свои сохранением приобретенной уже вами славы мужественного и добронравного народа...»

Главная армия союзников должна была форсировать Рейн в районе Базеля и таким образом обойти Вогезские и Арденнские горы, несколько рек и тройной ряд крепостей, прикрывавших Францию с востока.

В то же время войска Блюхера, вступив во Францию между Мангеймом и Кобленцом, должны были прикрывать движение Главной армии, отвлекая внимание неприятеля решительным наступлением на Шампань.

Что касается Северной армии, то к середине декабря 1813 года к вторжению во Францию были готовы всего три корпуса, в том числе часть русского под командованием генерала Винценгероде. Остальные войска принца Бернадота находились в Дании, Голландии, Голштинии и осаждали Гамбург, защищаемый маршалом Даву.

20 декабря (в Европе, жившей по новому стилю, это был первый день нового 1814 года) войска союзников в разных местах начали переправу через Рейн.

Утром русский царь и прусский король прибыли в Богемскую армию, сосредоточенную между Базелем и Страсбургом. «При переходе моста через Рейн, — отметил в своем дневнике капитан Александр Петрович Маслов, — каждый полк кричал «ура!». В пять часов вечера войска вступили в пределы Франции».

Оборону границы от Базеля до Страсбурга Наполеон возложил на маршала Виктора. Французы отступали, оказывая вялое сопротивление отрядами арьергарда. Первое серьезное столкновение между противниками произошло у города Эпиналя на правом берегу Мозеля.

25 декабря 1813 года корпус графа Матвея Ивановича Платова (в сущности отряд) в составе одиннадцати полков и роты донской конной артиллерии под командованием Петра Федоровича Тацина выступил из Даннемарка и двинулся

на Эпиналь, куда накануне ушел его авангард во главе с князем Александром Федоровичем Щербатовым. 27 декабря генерал-майор Щербатов вошел в Эпиналь и на другой день выступил по дороге к Нанси, но у Шарма путь ему преградили четыре колонны неприятельской пехоты и пять эскадронов кавалерии. Для трех неукомплектованных казачьих полков — слишком много, чтобы бросать их в атаку. Князь отступил, оставив занятый город.

В полдень 28 декабря Платов соединился со своим авангардом и решил атаковать французов, занимавших Эпиналь. Но оказалось, что все склоны гор на подходе к городу с востока заняты неприятелем, а дорога во многих местах перекрыта засеками и завалена камнями. Это исключало использование кавалерии и артиллерии. Поэтому атаман отказался от мысли побить противника силами только своего корпуса и стал ожидать прибытия колонны вюртембергской пехоты под командованием принца Павла, следовавшего за ним от Рейна.

На следующий день Матвей Иванович встретился с принцем Павлом Вюртембергским. Договорились атаковать французов соединенными силами, но прежде решили провести разведку — «достоверно открыть неприятеля в Эпинале и вблизи оного на биваках находящегося... в каком он числе пехоты, кавалерии и сколько у него пушек». Союзников интересовало также, ожидается ли прибытие в город подкреплений.

30 декабря 1813 года войска принца Вюртембергского и казаки Платова пошли в наступление: первые — по большой дороге на Эпиналь, выбивая французов «из дефилейных мест», расчищая засеки и завалы; вторые — в обход города по лесным проселкам для нанесения ударов с левого и правого флангов. Бригаду же Петра Матвеевича Грекова в составе двух полков атаман послал вперед, чтобы отрезать неприятелю путь отступления на Шарм.

Обойдя Эпиналь, казаки обрушились на французов с флангов, сбили их с позиций и, несмотря на жесточайший артиллерийский огонь, повторяли атаки до тех пор, пока вюртембергцы не заняли город. Неприятель обратился в бегство. В погоню за ним пустились донские полки генерал-майоров П. С. Кайсарова, О. В. Иловайского и А. Ф. Щербатова. Бригада же П. М. Грекова, заранее ушедшая вперед, ударила с фронта. Вот как описал развитие событий М. И. Платов в рапорте на имя М. Б. Баркляя де Толли:

«Стремительными ударами казачьих полков в голову колонны, с обоих флангов и с тыла, равно и действием из ору-

дий донской конной артиллерии, неприятель был жестоко поражаем и ретировался с большими потерями... за реку Мозель до самого Шарма».

Потери французов действительно оказались большими. По утверждению Платова, «вся неприятельская кавалерия, составленная из Молодой гвардии, была истреблена совершенно», путь отступления неприятеля завален убитыми, оружием, солдатскими ранцами, брошенными повозками; в плен взято не менее 500 рядовых, генерал Руссо и более 30 офицеров. Казаки потеряли значительно меньше — всего 25 человек убитыми и ранеными.

В преследовании французов по дороге к Шарму больше других отличились казаки из бригады П. М. Грекова, за что атаман изъявил генерал-майору благодарность. Усилив его еще одним полком, он приказал гнать их дальше за город, «не жалея даже на сей случай ни людей, ни лошадей своих», но не подходить слишком близко к Нанси, в котором стоял неприятель в больших силах.

Утром 31 декабря казаки П. М. Грекова вытеснили французов из Шарма, но русский Новый год встретили уже в Нанси. 2 января 1814 года они прошли через Мерикур, оставленный неприятелем, напуганным поражением своих под Эпиналем, через два дня заняли Невшато, из которого по повелению фельдмаршала К. Ф. Шварценберга последовали на город Жуэнвиль, расположенный на правом берегу Марны.

Свои впечатления от первых дней пребывания во Франции Платов выразил в рапорте Барклаю де Толли:

«Во всех местах жители от войск наших покойны и сопротивления никакого не оказывают, охотно на биваки, где мы ночлег имеем, привозят провиант и для лошадей фураж и на обогревание казаков дрова — словом сказать, обходятся по-приятельски; все жалуется на свое правительство, бранят Наполеона и желают мира».

6 января партия донских казаков числом в 500 человек под командованием полковника Матвея Матвеевича Платова выступила из Невшато. На следующий день в город пришла колонна принца Павла Вюртембергского, после чего атаман с остальными полками своего корпуса двинулся вслед за сыном на Жуэнвиль и далее на Бар-сюр-Об, чтобы действовать по дороге на Париж.

Пройдя проселочными дорогами через Бар-сюр-Об и Арсис, корпус Платова подступил к форштадту Санса и после продолжительного боя заставил французов искать спасения за каменными стенами крепости. 19 января противник предпринял попытку сделать вылазку, но, встреченный огнем

донской артиллерии, вынужден был вернуться назад. Кавалерия, высланная на помощь осажденным, также получила отпор. Зато прорвалась к своим пехота числом до 2 тысяч человек. А еще жители «по доброхотству» своему сообщили, что ночью ожидается большое подкрепление со стороны Орлеана. Атаман понял, что ему не справиться с такой силой. Переправившись через Ионн у Вильнев-ле-Руа, он «расположился при самом городе в ожидании неприятеля, посланного из Фонтенбло атаковать казаков».

21 января французская пехота и кавалерия атаковали корпус Платова на берегу Ионна, но огнем донской артиллерии и стремительным ударом в дротики были отброшены к Сансу. При этом казаки взяли в плен четырех офицеров, в том числе подполковника, и 80 рядовых.

В тот же день партия казаков из корпуса Платова отбила у неприятеля 448 пленных испанцев, в основном офицеров, и истребила более 200 конвоиров.

Оставим пока казаков Платова и вернемся на берега Рейна, чтобы проследить за действиями других армий союзников.

* * *

В ночь под Новый год по европейскому календарю (с 19 на 20 декабря по старому стилю) Г. Л. Блюхер писал одному из своих корреспондентов:

«С рассветом перехожу я через Рейн, но прежде хочу с моими сослуживцами смыть в этой гордой реке рабство, чтобы свободными германцами вступить в пределы великой нации, теперь присмирившей. Мы возвратимся победителями, а не побежденными; Отечество встретит нас с благодарностью...»

Ф. В. Остен-Сакен с русским корпусом переправился через Рейн под Мангеймом, А. Ф. Ланжерон и Г. Д. Йорк — при Каубе, Э. Ф. Сен-При — у Кобленца. Неприятель едва успел сделать несколько выстрелов. Союзные войска Силезской армии встретили утро уже на территории Франции.

Совершив переправу, Блюхер разделил армию на две части: одну из них — корпуса Сен-При и Капцевича — под командованием Ланжерона он оставил пока для блокады Майнца и Касселя, а другую — войска Остен-Сакена и Олсуфьева — повел сам, тесня французов с маршалом Мармоном во главе к Мецу.

В авангарде корпуса Ф. В. Остен-Сакена шли пять донских полков под началом генерал-майора А. А. Карпова.

Отбросив неприятеля за реку Сару, Г. Л. Блюхер отправил за отступающим маршалом О. Ф. Мармоном корпус генерала Г. Д. Йорка, приказав ему наблюдать за Мецом и Люксембургом, а сам с русскими войсками Ф. В. Остен-Сакена и З. Д. Олсуфьева пошел к Нанси, в котором М. И. Платов почти две недели назад встретил Новый год и, уходя по дороге на Мерикур, оставил казачью бригаду князя А. Ф. Щербатова. Это отнюдь не смутило прусского полководца. Войдя в город, он написал императору Александру I:

«Почитаю себя счастливым, повергая к стопам Вашего Величества ключи от Нанси, первого из занятых союзными войсками добрых городов старой Франции, имевшего право посылать мэра на коронацию французских монархов».

«Очень рад, — отвечал государь полководцу, — что именно Вам предоставлена была слава занять первый добрый город старой Франции. Быстротою Ваших движений приобрели Вы новые права на признательность союзных монархов. Вам известно всегдашнее великое участие мое в Ваших успехах, и мне приятно повторить Вам ныне изъявление моих чувствований».

Вот так: пришел, без боя вступил в город, взял ключи у мэра, переслал их русскому царю и в его глазах приобрел славу освободителя Нанси. О казаках — ни слова.

Установив связь с Богемской армией Шварценберга, Блюхер с корпусами Остен-Сакена и Олсуфьева двинулся на Бриенн, куда и прибыл 14 января. В авангарде у него шли донские казаки князя Щербатова, оставленные Платовым в Нанси.

В авангарде Северной армии наследного шведского принца Ж. Б. Бернадота шел русский корпус Ф. Ф. Винценгероде, а впереди него отдельный казачий отряд под командованием генерал-майора А. И. Чернышева в составе 16 полков. Он начал переправу лишь 1 января 1814 года. Столь продолжительная задержка была вызвана ледоходом на Рейне.

А. И. Чернышев долго убеждал Ф. Ф. Винценгероде в том, что необходимо немедленно переправиться через Рейн и выйти на одну линию с войсками других армий. Наконец добился своего. Под прикрытием корпусной артиллерии он дважды перевез через реку по 700 казаков и егерей, занял прибрежное селение Нейсе и двинулся в тот же день на Ахен, куда вскоре подошли и остальные полки отряда.

Генерал Ф. Ф. Винценгероде еще несколько дней простоял в Дюссельдорфе, после чего переправился через Рейн и

потянулся за Чернышевым, казаки которого успели уже занять Люттих на берегу Мааса.

Командующий французскими войсками в Нидерландах Мезон, узнав о наступлении Чернышева, отправил против него отряд численностью в 4 тысячи человек во главе с генералом Кастексом и приказал ему вытеснить русских из Люттиха и удержать переправу через Маас.

Полковник К. Х. Бенкендорф, командовавший бригадой в составе донских полков Т. Д. Грекова, И. И. Жирова и В. А. Сысоева, встретил французов у самых стен Люттиха. Завязался упорный бой. Спешенные казаки в течение трех часов сдерживали натиск численно более сильного противника, пока на помощь им не пришел А. И. Чернышев с остальной частью своего отряда. Атакованный с фронта и флангов неприятель отступил к Сен-Трону. После этого переправа через реку Маас, открывавшая путь для дальнейшего следования на Париж, осталась за русскими.

Из Люттиха А. И. Чернышев двинулся по большой дороге к Намюру и 17 января занял этот город. Скоро туда же подтянулся корпус Ф. Ф. Винценгероде, насчитывавший до 8 тысяч пехоты и 5 тысяч кавалерии, включая казаков. Остальные его войска под командованием графов М. С. Воронцова и П. А. Строганова находились с Северной армией Ж. Б. Бернадота в Голштинии.

* * *

Таким образом, войска союзников продвигались вперед, охватывая дугой Париж с северо-востока, востока и юго-востока. Французские маршалы, выполняя повеление Наполеона, отходили, направляясь на Шалон, изредка вступая в арьергардные бои с авангардами своих преследователей. Основные силы сторон на этом этапе войны в боях пока не участвовали.

13 января Наполеон покинул охваченный тревогой Париж, куда ему не суждено уже было вернуться. На следующий день он прибыл в Шалон и, не задерживаясь, устремился во главе 40-тысячной армии к Сен-Дизье, где находился небольшой конный отряд генерал-майора Ланского, оставленный фельдмаршалом Блюхером перед выступлением из Нанси на Бриенн.

Отбросив Ланского от Сен-Дизье, Наполеон двинулся на Бриенн, предполагая атаковать Блюхера с тыла. Фельдмаршал спешно подтянул к городу войска Остен-Сакена и Олсуфьева, а навстречу французам послал отряды Палена и Щер-

батова, под прикрытием которых предполагал отойти к Барсюр-Обу на соединение с Главной армией Шварценберга.

16 января противники столкнулись в нескольких верстах от Бриенна. Атаманский и Черноморский казачьи полки из бригады Щербатова, отступая, навели неприятеля на войска Олсуфьева. В то же время Пален, собрав до 6 тысяч конницы, обрушился на правом фланге на корпус маршала Виктора. Бой прекратился лишь к трем часам ночи. Обе стороны понесли большие потери — до 3 тысяч человек каждая.

Ночью Блюхер стал отходить к Трану, где соединился с Богемской армией Шварценберга и где 20 января произошел очередной бой на высотах у Ла-Ротьера. У Наполеона было не более 50 тысяч человек, у союзников — не менее 90 тысяч.

Погода стояла скверная: дул сильный северный ветер, и, по свидетельству уже известного нам капитана Александра Петровича Маслова, «беспрестанный снег и дождь сделали дороги непроходимыми». И все-таки бой загредел по всей линии фронта. «Армия неприятельская под командой самого императора Наполеона была совершенно поражена и, потеряв 73 орудия и до 2 тысяч пленных, ретировалась к Труа».

Общие потери французов составили 6 тысяч человек. Союзники положили на высотах у Ла-Ротьера 4600 своих воинов, из них до 3 тысяч русских.

Наполеон отступил за реку Об и потянулся к Труа на Сене. 21 января в Бриеннском замке состоялся совет союзного командования, на котором было решено двинуть войска на Париж по двум направлениям: Богемскую армию — долиной Сены, Силезскую — долиной Марны. Связь между ними приказали поддерживать корпусу Витгенштейна и отряду Сеславина.

Череда побед и поражений

22 января союзные монархи собрались в Лангре. Между ними обострились противоречия по вопросу о том, как закончить кампанию: заключить ли мир или продолжить войну. В конце концов все склонилось перед волей Александра I, настаивавшего на наступлении на Париж. Однако в феврале союзников постигла череда неудач.

После совета в Бриеннском замке Г. Л. Блюхер выступил к Шалону. Наполеон опередил его и через неделю внезапно появился перед слабым корпусом З. Д. Олсуфьева. Окруженные неприятелем русские прорвали кольцо и ушли, «сохранив все знамена, а вместе с ними и честь», как вспоминал генерал-майор П. Я. Корнилов.

Да, честь сохранили, но потеряли половину личного состава корпуса вместе с генералом Олсуфьевым, взятым в плен.

Победа пробудила в Наполеоне прежнюю веру в свою звезду. Вечером он призвал пленного генерала Полторацкого и заявил ему:

— Сегодня я разбил вас, завтра уничтожу Сакена, в четверг разобью авангард Витгенштейна, в пятницу нанесу такой удар Блюхеру, от которого он не опомнится, а потом... надеюсь на Висле предписать мир императору Александру.

— Это довольно мудрено, — заметил генерал Полторацкий.

Действительно, Наполеон преувеличил значение своей победы. Он считал, что нанес поражение русскому корпусу, по крайней мере, равному по численности его войскам, а оказалось — почти в пять раз меньшему: 3690 человек против 18 тысяч.

Наполеон не сумел реализовать свой смелый план, но армию Блюхера потрепал основательно: за пять дней боев она потеряла до 16 тысяч бойцов, около 40 орудий и большой обоз.

Приказав Мортье и Мармону преследовать Блюхера, Наполеон отправился в долину Сены, чтобы поддержать маршалов Удино и Виктора, отступавших под напором Богемской армии союзников.

Блюхер все-таки «опомнился» после поражения. Собрав свои войска, преследуемые корпусами Мортье и Мармона, он продолжал отступать к Шалону на сближение с Главной армией Шварценберга.

* * *

После боя 20 января при Ла-Ротье Главная армия за десять дней продвинулась вперед всего на 100 верст. Получив тайное предписание австрийского правительства не переходить на правый берег Сены, Шварценберг придумывал всевозможные отговорки, чтобы держать свои войска подальше от французской столицы. Казаки Карпова своевременно предупредили его об опасности, нависшей над Блюхером, однако командующий и пальцем не пошевелил и с места не сдвинулся.

Александр I потребовал активизировать военные действия. 31 января войска Главной армии в разных местах подошли к переправам через Сену. Корпуса маршалов Удино и Виктора отступили за речку Иер. Шварценберг, однако, не стал преследовать их.

Среди этих вялых передвижений противников, происшедших всего в двух переходах от Парижа, вызывают восхищение смелые действия малочисленных казачьих отрядов М. И. Платова и легендарного партизана А. Н. Сеславина.

До 26 января Платов оставался у Вильнев-ле-Руа, наблюдая за дорогами из Парижа к Сансу, к которому подходила французская кавалерия, формировавшаяся в Версале. «Не могу оставить пункт, где теперь нахожусь, пока не придут наши войска... — писал атаман Барклаю де Толли. — Я не в состоянии отправлять больших отрядов на левый берег реки Ионн, дабы быть в силах отразить неприятеля с какой-либо стороны».

Платов, имея под своим началом не более 2 тысяч казаков, находился далеко от основных сил Главной армии. Кругом враги, а надежды на помощь — никакой. Правда, где-то на этом направлении действовали австрийские партизаны, но «по здешним обстоятельствам» они были «не в состоянии оказать ожидаемых услуг».

26 января Платов, передав Санс под наблюдение прибывающих войск принца Вюртембергского, снялся с позиции у Вильнев-ле-Руа и двинулся через Эгрвиль к Намюру. По пути он получил высочайшее повеление освободить из французского плена папу римского, проживавшего под присмотром в городе Фонтенбло. Эту задачу Матвей Иванович возложил на генерал-майора Ивана Яковлевича Шперберга, под команду которого передал «семьсот отборнейших казаков с лучшими офицерами».

27 января Шперберг выступил по предписанному маршруту и к вечеру узнал, что его святейшества в Фонтенбло уже нет: две недели назад под покровом ночи он был увезен куда-то, кажется, по Орлеанской дороге. Тщательно разработанный план спасения понтифика неожиданно сорвался.

Платов, следуя из Вильнев-ле-Руа, 1 февраля переправился через реку Луэн и пошел к Малезербу. На подступах к городу полк генерал-майора В. О. Иловайского, выдвинутый в авангард корпуса, атаковал отряд французской кавалерии, смешал его и преследовал до селения Мартенвиль, где отступающие соединились со своей пехотой и конницей. Значительное численное превосходство неприятеля заставило казаков вернуться назад.

Вообще-то Платов намерен был продолжить движение по дороге на Фонтенбло, но в этом случае в тылу у него остался бы Намюр, из которого неприятель делал вылазки и угрожал путям сообщения атамана. Поэтому Матвей Иванович решил взять «пункт сей, важный по своей натуральной позиции».

Намюр представлял собой небольшую крепость, окруженную каменной стеной, рекой Луэн и каналом, через который были переброшены мосты, защищаемые палисадами, рогатками и четырьмя пушками. Гарнизон крепости состоял из 900 солдат пехоты и части гвардейской кавалерии.

3 февраля Платов подошел к Намюру, обложил его и в течение дня обстреливал из орудий донской артиллерии, подкрепляя таким образом отвергнутое предложение о капитуляции.

Важную роль в событиях этого дня сыграл известный руководитель польского восстания 1794 года генерал Тадеуш Костюшко. Плененный и ограбленный тогда казаками, он был доставлен в Петербург и заключен под арест. Павел I, придя к власти, освободил его и отпустил на жительство во Францию, где тот поселился на берегу Луэна.

Костюшко увидел казаков в подзорную трубу, когда они подходили к Намюру. Позвав слугу-швейцарца, он вручил ему письмо и отправил к русским. Вот содержание письма:

«Я поляк, зовут меня Костюшко; некогда я имел честь предводительствовать войсками моего Отечества. После я удалился от света в деревню Бервиль, принадлежащую другу моему господину Цельтнеру, бывшему в Париже швейцарским посланником. Мы живем вместе почти пятнадцать лет, никем не знаемые. Сделайте милость, поместите в небольшое наше имение несколько человек русских для охранения от беглых или отставших от армии солдат. Если вы не можете исполнить моей просьбы, то благоволите препроводить письмо мое к господину главнокомандующему».

Как следует из рапорта Кайсарова Барклаю де Толли, слуга-швейцарец вручил письмо Платову и между прочим рассказал, «сколь доволен Костюшко настоящими обстоятельствами». По словам швейцарца, большая часть парижан «вооружена мыслями» против Наполеона и все маршалы тоже им недовольны, в чем «чистосердечно» признался его хозяину сам Макдональд.

Естественно, Платов удовлетворил просьбу Костюшко, отправив несколько казаков под началом капитана Берхмана охранять знаменитого поляка в имении его друга. В благодарность за это генерал пригласил всех старших офицеров корпуса к обеду, от чего русские вынуждены были отказаться.

К вечеру стало известно, что защитники Намюра ожидают прибытия подкреплений. С наступлением темноты Платов решил штурмовать город со стороны Фонтенблоских ворот силами бригады Кайсарова, в авангарде которой стояли «отборнейшие казаки» генерал-майора Шперберга. В то же

время другим полкам корпуса поручалось отвлекать неприятеля «ложным нападением» на его тыл и фланги. Наиболее уязвимые места крепости указал русским Костюшко.

Удачными действиями донской артиллерии, подвезенной на пистолетный выстрел, Фонтенблоские ворота были разбиты. Спешенные казаки с пиками в руках устремились в образовавшийся проем, вырвали у неприятеля четыре орудия и заставили его отступить в центр города. Обреченные на истребление французы пытались выдвинуть условия капитуляции, но Платов отверг их.

Неприятель потерял до 200 человек убитыми. В плен сдались командующий гарнизоном полковник Грушо, комендант города майор Боньи, 17 офицеров и 600 рядовых. Казаки потеряли в этот день до 30 человек убитыми и ранеными, в том числе двух офицеров.

Матвей Иванович поздравил государя с победой при Намюре, одержанной «частью войск» его императорского величества, и выразил уверенность, что российские знамена «возблистают новою славою на стенах гордой столицы побежденных врагов света». И прислал в главную квартиру ключи от города.

Три дня рыскали донцы по окрестным дорогам, собирая сведения о противнике, и, между прочим, узнали, что слухам «о грабительстве казаков», распространяемым наполеоновской пропагандой, французы «начинают не верить и ожидают прихода их к Парижу».

В это же время на левый фланг Главной армии был переброшен и казачий отряд А. Н. Сеславина. Действуя на дороге между Орлеаном и Парижем, он собирал сведения о движении неприятельских войск от испанской границы, срывал поставки продовольствия и мобилизацию рекрутов. Легендарный партизан имел несколько удачных столкновений с противником, а в двух из них одержал победы над численно более сильными соединениями французов.

Перелом в сознании французов действительно наметился. Об этом писали многие участники похода, в том числе и Сеславин в рапорте Барклаю де Толли от 4 февраля из занятого казаками города Монтаржиса: «Жители, обрадованные прибытием русских, благословляют имя Александра, называя его избавителем своим».

А что можно сказать о регулярных войсках Главной армии?

Наполеон бросил в погоню за Блюхером корпуса Мортье и Мармона, а сам устремился навстречу с Главной армией союзников. Посадив на подводы пехоту, император за сутки преодолел почти такое же расстояние, какое Шварценберг

сумел пройти за десять дней. Вечером 4 февраля он был уже за рекой Иер, где сосредоточил до 60 тысяч человек против разбросанных по фронту колонн противника, к тому же не имевшего желания наступать на Париж. Воодушевленный недавним успехом полководец мог разбить их по частям, но решил покончить со всеми сразу.

В последующие два дня Удино разбил авангард корпуса Витгенштейна у Нанжиса, Виктор нанес поражение войскам принца Вюртембергского у Монтро, а Макдональд потеснил баварцев Вреде от Бре. Таким образом, результаты первых столкновений Главной армии союзников с основными силами Наполеона оказались неутешительными. Впрочем, и трагедии пока не произошло.

Наполеон, преследуя фельдмаршала К. Ф. Шварценберга, отступавшего к Труа, выделил часть своих войск под командованием генерала М. Э. Жерара и отправил их в Санс, чтобы отрезать корпус М. И. Платова от Главной армии и наконец избавиться от назойливых казаков. Атаман, находившийся на полпути из Питивье к Фонтенбло, в ночь на 8 февраля узнал об этом и сразу форсированным маршем пустился на Вильнев-ле-Руа. Едва он миновал город и переправил по мосту через Ионн бригады П. С. Кайсарова и П. М. Грекова, как показался авангард французов в составе тысячи всадников кавалерии и 3 тысяч солдат пехоты. Надо было срочно принимать решение.

Атаман поставил перед Вильнев-ле-Руа бригаду П. С. Кайсарова с двумя пушками, а полки П. М. Грекова поместил на правом фланге, чтобы дать возможность перейти через Ионн остальным войскам корпуса. Когда переправа закончилась, казаки ринулись в атаку на французскую кавалерию, опрокинули ее и преследовали «с большим поражением до самой пехоты и пушек, взяв в плен одного офицера и семьдесят рядовых».

Платов собрал свой отряд на правом берегу Ионна, но, «видя превосходство неприятельских сил, почел за нужное уйти в Жуаньи», откуда с урядником Колесниковым отправил донесение Барклаю де Толли, в котором заверил командующего, что будет здесь драться с преследующим его противником, несмотря на недостаток людей.

Получив приказ Барклая де Толли следовать на правый фланг Главной армии, Платов оставил Жуаньи и спешно пошел через Бар-сюр-Об, Арсис и Сезан, чтобы установить связь с войсками Блюхера, отступавшими после поражения к Шалону.

Мы оставили корпус Винценгероде в Намюре, где он

простоял до конца января. Наполеон считал, что Северная армия Бернадота сможет перейти в наступление не раньше, чем будет взят Антверпен. Наполеон ошибся. Нет, наследный шведский принц не повел свои войска по прямой дороге на Париж, но отряд Чернышева снова заявил о себе, овладев Авенном, Лаоном и Суассоном.

* * *

Надо сказать, что успехи казачьих отрядов, действовавших в тылу врага, имели все-таки частный характер. Исход же кампании мог определиться лишь в сражениях с участием главных сил воюющих сторон. Армии же союзников, подступившие было к Парижу, после недавних поражений оставляли одну позицию за другой. То была полоса неудач, вызванная разногласиями в лагере освободителей Европы.

К 10 февраля Богемская и Силезская армии сблизилась: первая сосредоточилась в районе Труа, вторая — у Мери. Их разделяло всего несколько верст. Союзники располагали силами в 150 тысяч человек, французы имели почти в три раза меньше. Однако Шварценберг не решился атаковать неприятеля. Он продолжал отступать по двум направлениям: на Бар-сюр-Об и Бар-сюр-Сен.

Вслед за Главной армией Шварценберга Наполеон отправил 40 тысяч человек под командованием маршала Удино, сам же с 20 тысячами пошел за Блюхером.

Отступление Шварценберга вызвало энергичный протест Блюхера. Он обратился к Александру I с просьбой разрешить ему действовать самостоятельно.

13 февраля в селении Бар-сюр-Об состоялся военный совет с участием трех монархов. Австрийские генералы высказались за дальнейшее отступление к Рейну. Александр I решительно воспротивился, пригрозив отделиться с русскими войсками от Главной армии и вместе с Блюхером пойти на Париж. Он не без основания подозревал, что Франц I намерен оставить на французском престоле своего зятя Наполеона.

И в этот раз все склонилось перед волей Александра. По свидетельству очевидца, рядом с ним монархи Австрии и Пруссии казались простыми адъютантами. Решили, что Богемская и Силезская армии будут действовать самостоятельно, насколько это возможно, наступая на Париж по долинам рек Сены и Марны. Корпусу Платова, снова переброшенному на правый фланг, поручалось поддерживать связь между войсками Шварценберга и Блюхера.

Падение Парижа

15 февраля Шварценберг перешел в наступление. Произошел бой у селения Бар-сюр-Об, в котором русские войска под командованием графа Витгенштейна прижали к реке корпус маршала Удино. Казачьи полки Даниила Алексеевича Власова и Василия Дмитриевича Иловайского истребили два эскадрона французской конницы. Неприятель потерял в этот день до 3 тысяч человек. Союзники не стали его преследовать.

Блюхеру не терпелось взять реванш за недавние поражения. Не сосредоточив свои войска, он с их частью двинулся по дороге на Париж. Наполеон и в этот раз действовал энергичнее, поставив Блюхера под удар объединенных сил маршалов Мортье, Мармона и Груши с запада, а сам, имея под ружьем более 30 тысяч человек, отрезал ему путь отступления на восток. Осталось одно — пробиваться на север, где к Блюхеру должны были присоединиться русский и прусский корпуса Винценгероде и Бюлова из состава Северной армии Бернадота.

20 февраля все корпуса Силезской армии соединились за рекой Эн. Теперь Блюхер имел до 110 тысяч штыков и сабель — почти в два раза больше, чем было у Наполеона. Кажалось, он мог не опасаться за свой тыл и действовать самостоятельно.

В тот же день граф Платов подошел к Сезану, где был обстрелян солдатами небольшого гарнизона и вооруженными жителями. Несколько гранат, брошенных в город, убедили его защитников в бессмысленности сопротивления.

Из Сезана атаман отправил сильные партии казаков по разным направлениям, «дабы прервать сообщение между главною квартирою Наполеона и войсками маршала Макдональда» и установить связь с Силезской армией Блюхера.

Преследуя Блюхера, Наполеон открыл путь для войск Шварценберга на Париж. В то же время он уже не мог прекратить наступление против Силезской армии, поскольку ее решительный командующий представлял теперь самую большую опасность для французской столицы.

Блюхер отошел от Суассона и расположился в сильной позиции у Краона, где стал ожидать Наполеона, предполагая атаковать его с фронта и тыла.

Бой продолжался два дня — 22 и 23 февраля. Блюхер действовал не лучшим образом. Выдвинув вперед 18-тысячный корпус Воронцова, он отправил остальные войска в обход для нанесения удара по неприятелю с тыла, но они опозда-

ли. Проявив массовый героизм и отвагу, русские снялись с позиции и по приказу командующего двинулись к Лаону. Их отступление прикрывали казаки Карпова и регулярная кавалерия Васильчикова.

Под Краоном и во время отступления русские потеряли 5 тысяч человек, французы — 8 тысяч. При этом сложили головы генералы Н. А. Ушаков и С. Н. Ланской. М. С. Воронцов был ранен, но из боя не вышел, продолжая командовать то одним, то другим каре.

Вечером 24 февраля французы подошли к Лаону. В ходе двухдневного боя Наполеон потерпел поражение. Прикрывшись от Блюхера корпусами Мортье и Мармона, он стал стягивать войска к Арсису, где надеялся собрать до 60 тысяч человек и обрушиться на правое крыло Богемской армии Шварценберга.

* * *

Тем временем М. И. Платов, передав корпус под начало генерал-майора П. С. Кайсарова, отправился 26 февраля в Арсис, где находилась главная квартира Богемской армии.

Колонны французских войск, продвигаясь из Лаона через Суассон, Реймс и Шалон к Арсису, отрезали Силезскую армию Блюхера от Богемской Шварценберга. В условиях нарастающей враждебности населения к союзникам установить связь между ними было трудно. Вот что писал об этом Кайсаров уже в первый день командования отдельным корпусом Платова:

«Жители вооружаются и наводят неприятеля на наши пикеты, занимают леса и скрытые места. Одна из моих партий, посланная для отыскания Блюхера, была атакована в трех местах мужиками и потеряла пять человек убитыми и ранеными, но продолжала марш свой...»

Кайсаров, приняв командование, послал две партии донцов для установления связи с Блюхером: одну в обход Реймса, другую между Ла-Фертэ и Шато-Тьерри. Сам же остался в районе Сезана, чтобы действовать на пути сообщения маршала Макдональда с Наполеоном, идущим с главными силами к Арсису.

28 февраля казаки О. В. Иловайского и Г. А. Костина заняли Вильнокс, выбив из городка неприятельский отряд с большим для него уроном. Но на следующий день они оставили его под напором сильной французской колонны из корпуса маршала Макдональда.

Утром 2 марта на корпус П. С. Кайсарова, в котором «за

разными раскомандировками осталось не более тысячи казаков», напал отряд французской кавалерии числом до двух тысяч сабель и сбил его с позиции перед Сезаном. Однако вскоре неприятель был атакован с юга донскими полками О. В. Иловайского и Г. А. Костина, вытесненными из Вильнокса, а с фланга — атаманцами Т. Д. Грекова. Стремительность удара превратила отступление противника в беспорядочное бегство.

В последующие дни стычки казаков с французами продолжались с нарастающей интенсивностью и упорством — сказывалось приближение главных сил Наполеона.

На рассвете 6 марта передовой отряд Кайсарова атаковал французский пост, занимавший Вертю, и прогнал его, но со стороны Эперне подошли новые эскадроны неприятеля и принудили казаков отступить к Фершампенуазу. К 10 часам утра перед этим городком собрались столь большие силы кавалерии противника, что донцы, не успевшие подготовиться к обороне, были опрокинуты и преследованы несколько верст.

За селением Эви Кайсаров остановил казаков, привел их в порядок, перестроил полки и не только несколько раз удачно атаковал противника, но и взял пленных, от которых узнал, что имел дело со всею кавалерией генерала Себастиани, за коим следовал и сам Наполеон с гвардией. Понимая, сколь необходимо задержать неприятеля, дабы не навести его на баварцев, рассеянных по квартирам, командир донского корпуса занял новую позицию за болотистым ручьем, протекавшим мимо Сомеу, зажег эту деревню, выгодно поставил свои орудия на возвышении и сдерживал врага еще более двух часов, после чего отступил за Гербис, где встретил французов пушечною пальбою. Между тем наступила ночь. Бой прекратился.

На следующий день французы переправились через правый рукав реки Об в селении Планси и огнем из 12 орудий заставили отступить артиллерию корпуса Кайсарова, защищавшую переправу через левый рукав, после чего двинулась вброд неприятельская кавалерия, численность которой нарастала лавинообразно. Видя это, генерал-майор приказал отступать к Арсису.

Французская кавалерия пустилась преследовать казаков, но те сумели оторваться и закрепиться в сильной позиции за деревней Пуан. Это дало им возможность продержаться до вечера, несмотря на действие неприятельской артиллерии.

Наполеон остановился на ночлег в Планси, близ которого расположились его пешая гвардия и корпус Нея. Сюда же подходили войска Макдональда.

8 марта должно было решиться многое, может быть, всё. К этому сражению Наполеон шел десять дней — после поражения под Лаоном.

Из состава Богемской армии в окрестностях Арсиса сосредоточилось до 30 тысяч штыков и сабель. На позиции к югу от города расположились баварские войска под командованием Вреде с русской гвардией в резерве. Левый фланг занимали казаки Кайсарова. А в день сражения со стороны Труа должны были подойти еще четыре корпуса.

В час пополудни был дан сигнал к атаке. Союзные войска снялись с места и двинулись вперед. Первым вступил в сражение Кайсаров с казаками. Встретив у деревни Сент-Этьен пять эскадронов французской кавалерии, шедших в авангарде двух дивизий Себастиани, он опрокинул их и преследовал до последней высоты перед Арсисом, где соединился с корпусом графа Фримона, который уже дрался с превосходящими силами противника.

Обстреляв неприятеля из орудий донской артиллерии, генерал-майор Кайсаров стремительно атаковал его казачьими полками. Французы, потеряв три пушки и до 100 человек пленными, вынуждены были отступить «до самых городских стен» и уступить союзникам господствующую над Арсисом высоту.

В это же время Наполеон с гвардией продвигался к Арсису по правому берегу реки Об. Навстречу ему фельдмаршал Вреде послал генерала Фолькмана, приказав тому занять деревню Торси и овладеть мостом, чтобы разделить французские войска на две части. Баварцы заняли селение, но удержаться в нем не смогли.

Как видно, основные события до сих пор разворачивались на левом крыле позиции союзников. Поэтому на исходе дня туда была переброшена баварская и русская артиллерия из резерва. Началась такая перестрелка, что от дыма, как сообщалось в рапорте Кайсарова, «совершенно помрачел воздух и скрыл... наималейшие движения неприятеля».

Уже смеркалось, когда к Наполеону из Парижа пришло значительное подкрепление — две тысячи кавалерии и четыре с половиной тысячи пехоты. Генерал Себастиани, ободренный этим, решил воспользоваться наступающей темнотой и напасть на русские батареи с тыла. Он бросил в обход 20 своих эскадронов. Кайсаров, заметив это, атаковал неприятеля полками донского корпуса. Силы были слишком неравными. Спасли казаков таврические гренадеры. Построясь в каре, они встретили неприятеля плотным ружейным огнем и приостановили его. На помощь сражающимся

соратникам подоспели кирасиры. Рапортуя об этом эпизоде боя, Кайсаров писал Барклаю де Толли: «Я не могу назвать это дело общим, ибо неожиданное появление такой многочисленной кавалерии в совершенной темноте заставило каждого сражаться личною храбростью. Неприятель, видя намерение свое тщетным, остановил атаку и ограничился канонадою. К десяти часам все кончилось, и нам осталось только воздать хвалу Провидению, которое остановило исполнение сего ужасного плана».

По показаниям пленных, Наполеон думал возобновить сражение утром и надеялся на успех.

Ночью на позицию у Арсиса подошли четыре корпуса союзников. Теперь Шварценберг имел до 100 тысяч штыков и сабель — в два раза больше, чем было у французов. Обозрев войска противника, Наполеон понял, что наступивший день может оказаться для него последним. Он приказал отступать. В Арсисе остался только корпус маршала Удино, которому Наполеон приказал оборонять город, чтобы его армия могла отступить без потерь. Ее отход прикрывала кавалерия Себастиани. Граф Пален стремительно атаковал арьергард противника и взял много пленных. Вскоре к Арсису подошли главные силы Богемской армии. Удино покинул город.

За два дня боев Наполеон потерял тысячу человек пленными и 3500 убитыми и ранеными.

Таким образом, крупного сражения не случилось, а в том, что произошло, самую активную роль сыграли донские казаки, поддержанные другими русскими и баварскими полками.

Наполеон озадачил своих противников, взяв курс на Витри — Сен-Дизье — Жуэнвиль. В эти дни в главную квартиру Богемской армии пришло донесение: «Неприятель отступает не к Парижу, а к Москве». Непонятно было, почему он очищает путь на свою столицу и отходит на восток. Скоро, однако, все прояснилось. В руки союзников попало письмо императора к своей супруге Марии Луизе, перехваченное казаками. Вот оно:

«Мой друг, несколько дней не сходил я с лошади. 20 числа (8 марта по русскому календарю. — В. Л.) я взял Арсис на Обе, где в тот же вечер враги меня атаковали; я их разбил; они потеряли четыре тысячи человек убитыми. На следующий день враги потянулись к Бриенну и Бар-сюр-Обу, а я, имея намерение удалить их от Парижа, пошел к Марне и хочу приблизиться к крепостям. Сегодня вечером буду в Сен-Дизье. Прости, мой друг, поцелуй сына».

12 марта Богемская и Силезская армии соединились в Витри. Здесь союзники решили большую часть своих сил направить на Париж, а кавалерийский корпус Винценгероде пустить за Наполеоном. Чтобы ввести неприятеля в заблуждение, командующему было приказано подбирать по пути следования помещения для главной квартиры государя Александра I, якобы следующего за передовыми войсками.

* * *

Партизанским отрядам Кайсарова, Чернышева, Сеславина и Теттенборна, основу которых составляли казачьи полки, было предписано развернуться широким фронтом в тылу французской армии, чтобы прервать связь Наполеона с Парижем.

13 марта Богемская и Силезская армии двинулись из района Витри на Париж. В бою под Шампенеуазом маршалы Мармон и Мортье, оставленные Наполеоном для защиты столицы, потеряли 11 тысяч человек, в том числе 10 тысяч пленными, 80 пушек, 200 зарядных ящиков и весь обоз. На следующий день преследование Мармона и Мортье продолжалось.

Наполеон же всеми своими силами обрушился на отряды А. Х. Бенкендорфа и Ф. К. Теттенборна, у Сен-Дизье без особого труда прорвался через 7-тысячный корпус Ф. Ф. Винценгероде и убедился в страшной истине, что за конницей союзников других войск нет. Он повернул на запад и пустился к Парижу, надеясь прибыть в столицу раньше, чем решится ее судьба.

Не успел.

Для защиты Парижа французы собрали до 45 тысяч человек под командованием Жозефа Бонапарта. Против них союзники выставили не менее 100 тысяч воинов, воодушевленных победами в России и Европе. Штурм был назначен на 18 марта. Бой за столицу начался с утра.

Во второй половине дня к Александру I прибыл офицер от маршала Мармона с предложением вступить в переговоры о сдаче Парижа. Государь согласился остановить сражение, но при условии немедленной капитуляции. «Иначе, — предупредил он, — к вечеру не узнаете места, где была ваша столица».

Французы капитулировали, и Александр остановил бой. Противники понесли большие потери: союзники лишились 9 тысяч своих героев, из них около тысячи русских; французы — 4 тысяч защитников столицы.

19 марта союзные войска вступали в Париж. Торжественное шествие открывала легкая конно-гвардейская дивизия во главе с казачьим полком, за ней шли русские и прусские кирасиры, гусары и драгуны. Александр I въезжал во французскую столицу верхом на чистокровной серой лошади по кличке Эклипс, когда-то подаренной ему Наполеоном. По левую руку от него ехал король Фридрих Вильгельм III, по правую — Шварценберг, представлявший императора Австрии. За ними, соблюдая дистанцию, следовала блестящая свита из тысячи генералов разных наций, среди них старшие по званию Блюхер, Барклай де Толли, Платов. И снова войска.

Во время остановок кортежа Александр I беспрестанно повторял: «Я пришел не как враг. Я несую вам мир и торговлю».

Свидетель и участник торжества Александр Петрович Маслов вечером этого дня писал в дневнике:

«...Парижане воображали найти в нас людей необразованных, изнуренных походами, говорящих языком для них непонятным, в странных одеждах, и не могли поверить глазам своим, видя красоту русских мундиров, блеск оружия, веселую наружность воинов, ласковое обращение офицеров и слыша остроумные ответы их на французском языке. Вы не русские, говорили они нам, вы верно эмигранты».

21 марта Сенат объявил Наполеона низложенным. По воле государя Александра I он получил в вечное владение остров Эльбу.

Заканчивался Великий пост. 2 апреля Матвей Иванович послал императрице Марии Федоровне поздравление с праздником Святой Пасхи и описал ликование победителей и побежденных по случаю наступившего мира:

«...Всемиловитивейшая Государыня! Торжества сего я не в состоянии описать; но верноподданнейше доношу только, что в прошедших веках не бывало такового и едва ли будет в будущих. С обеих сторон было неизобразимое радостное восхищение, сопровождавшееся восклицанием многочисленного народа жителей Парижа: «Да здравствует Великий Александр, устрояющий благоденствие и мир целой Европы!»

Принося Вашему Императорскому Величеству верноподданническое поздравление мое с благополучным окончанием важной войны, я молю Господа Бога, да продлит он драгоценнейшие дни жизни Вашей, Всемиловитивейшая Государыня, и всего Августейшего Дома на многие будущие лета.

С таковым верноподданническим благоговейным чувствованием к высочайшей особе Вашего Императорского Величества вечно пребуду, Всемиловитивейшая Государыня!

Вашего императорского Величества верноподданнейший граф Платов».

Отъезд Наполеона был назначен на 8 апреля. Поверженный монарх обратился к солдатам Старой гвардии. Голос его дрожал:

— Прощайте, дети мои! Всех вас хотел бы я прижать к своему сердцу...

— Да здравствует император! — кричали герои, вытирая текущие по щекам слезы.

Подойдя к знамени Старой гвардии, Наполеон несколько раз порывисто поцеловал его и, не оглядываясь, сел в экипаж. Солдаты рыдали...

22 апреля Людовик XVIII въехал в Париж. Франция получила своего «легитимного» монарха. Но он отнюдь не возбуждал народного восторга, которым наслаждался во французской столице Александр I.

Постепенно жизнь русских в Париже наладилась. Казаки, раскинувшие свой лагерь среди Елисейских Полей, вызвали неподдельное любопытство у побежденных. Французы целыми семьями ходили посмотреть на этих «азиатских дикарей», толпились вокруг бивачных костров, разглядывали их шалаши, сооруженные из связок соломы, малорослых дончаков. Победители сушили белье на натянутых между деревьями веревках, не обращая внимания на гуляющих, гребнями вычесывали вшей, играли в карты, спали, подложив под голову седла. От стоянки бородатых воинов исходил запах пота, шерсти и лошадиного навоза...

23 мая Александр I покинул Париж и отправился в Лондон, в котором его ожидала любимая сестра Екатерина Павловна, предсказывавшая брату, что в Англии его ждет еще больший триумф, чем во Франции. В составе высочайшей свиты был атаман Матвей Иванович Платов.

После отъезда царя русские полки один за другим покинули столицу Франции. Казаки Платова двинулись на Дон, где им готовилась триумфальная встреча.

Глава пятнадцатая
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Триумф

Александр I высадился в Дувре. Англичане встретили его восторженно. Они выпрягли его лошадей из коляски, в которой он сидел с королем Пруссии, и на себе повезли экипаж по улицам города. В Лондоне государю выделили апартаменты в Сент-Джеймском дворце. Однако сестра Екатерина Павловна убедила брата остановиться у нее в Пултней-хаузе.

В последующие дни государь прогуливался верхом в Гайд-парке, легким поклоном отвечая на приветствия своих почитателей, посетил Вестминстер, Гринвич, Королевскую биржу, Британский музей, наносил визиты, присутствовал на скачках в Аскоте. Вечера посвящал банкетам, балам, приемам.

«Появление императора производило магический эффект, — вспоминала княгиня Дарья Ливен. — Его везде встречали радостными восклицаниями, что было крайне унижительно для принца-регента. Он был раздражен и глубоко уязвлен и в конце концов стал видеть в Александре соперника».

Впрочем, мало-помалу увлечение лондонцев Александром стало ослабевать. Их внимание переключилось на фигуру более колоритную — воинственного вождя донских казаков Платова, разъезжавшего по улицам английской столицы в окружении бородатых всадников.

Уже по пути из Дувра Платов оказался в центре внимания. А в Лондоне он не имел ни минуты покоя. Его узнавали на улицах, встречали аплодисментами и криками: «Ура! Ура! Платов!»

20 мая Матвей Иванович в составе свиты императора присутствовал на скачках в Аскоте. Свидетелем того зрели-

ща оказался «почтенный сочинитель» П. П. Свиньин, «живо» описавший восторг жителей Великобритании по случаю появления на бегах союзных монархов со своими славными генералами:

«...Громкогласные воззвания «Александр! Александр! Примиритель Европы!» принудили императора кланяться на все стороны. После сего народ стал требовать Блюхера и Платова. Регент должен был сказать, что они скоро будут. Через несколько минут восторженное «ура!» возвестило о приезде сих героев, и все бросились им навстречу.

Блюхеру стоило большого труда удержать народ, чтобы не раскладывали его кареты; а Платова, который ехал верхом, так стеснили, что не мог он ни шагу подвинуться ни в одну сторону. Всякий хватал его за руку и почитал себя счастливейшим человеком, когда удавалось ему пожать ее. Часто пять человек держались за него, каждый за палец, и передавали оный по очереди знакомым и приятелям своим. Весьма хорошо одетые женщины отрезывали по волоску из хвоста графской лошади и завертывали тщательно сию драгоценность в бумажку...»

Люди будто забыли, ради чего они пришли на скачки, никого уже не интересовало, какая лошадь придет первой и какой выигрыш принесет ставка на того или иного скакуна. «Взоры всех были устремлены на королевскую ложу, уста всех повторяли: "Alexander! Blucher! Platoff!"»

Во время пребывания победителей в Лондоне скачки устраивались три раза. В одной из них в забеге принимали участие скакуны с кличками Эклипс, Кутузов, Блюхер, Платов, Бернадот. Естественно, всякий раз побеждал первый, принесший своему хозяину, русскому императору, без малого полтора миллиона рублей.

У Александра Павловича не сложились отношения с английским принцем-регентом Георгом Августом. Император покинул Лондон и уехал в Баден. Зато Матвея Ивановича регент удостоил благосклонного приема. Он поручил придворному художнику Лоуренсу написать портрет атамана, который поместил в своих чертогах рядом с портретами знаменитых героев прошлого и настоящего времени.

Каждый день Платов получал приглашения на обеды от знатных лондонцев, желавших сделать ему приятное. Матвей Иванович с удовольствием соглашался. Обычно сдержанные англичане за столом были словоохотливы, провозглашали тосты за здоровье знаменитого героя. От вина и похвал у атамана кружилась голова. Он и прежде знал себе цену. А теперь еще более вырос в собственных глазах.

Народ желал видеть Платова. Этим пользовались актеры лондонских театров, приглашавшие его на свои бенефисы. Не желая обидеть их отказом, Матвей Иванович соглашался и в один день посещал по нескольку спектаклей, до которых, впрочем, был небольшой охотник. Чтобы сдержать слово, он лишь просил развести представления во времени.

Театры не вмещали всех желающих увидеть донского героя. Актеры обогащались.

Когда Платов после продолжительного званого обеда входил в зрительный зал, его встречали рукоплесканиями и восторгом, близким к исступлению. Постепенно шум стихал, поднимался занавес, начинался спектакль. Матвей Иванович незаметно удалялся, чтобы появиться в другом и даже третьем театре. Поздно ночью он возвращался домой, «оглушенный торжественными кликами и измученный до усталости», как писал его первый биограф Николай Федорович Смирный.

До чего же хитер и находчив был Матвей Иванович! Зная, что гостеприимные британцы готовы предупредить любое его желание, он заикнулся однажды:

— Хочу купить самые лучшие английские часы.

Хозяин дома, в котором проживал Платов, сумел сообщить об этом принцу Георгу. Уже на следующий день его высочество прислал его сиятельству в подарок прекрасной работы хронометр с изображением своего герба на крышке.

Матвей Иванович гарцевал по улицам Лондона на великолепном белом скакуне. Георг Август, узнав, что этот конь был верным спутником атамана не только в последнюю войну с французами, но и во всех прежних, приказал художнику написать его маслом, чтобы поставить эту картину рядом с портретом Платова.

Тронутый таким вниманием его высочества, граф подарил ему своего коня в полном казацком уборе. Принц-регент был очень доволен. Он распорядился «сего донского Буцефала держать на своей конюшне и беречь особенно».

Наконец перед отъездом Платова его высочество пожаловал атаману свой миниатюрный портрет, украшенный драгоценными камнями, с надписью на обороте:

Атаману Генералу Графу Платову

*в ознаменование почтения, уважения и удивления
к его бессмертным подвигам, подъятым для пользы
Отечества своего и для спасения Европы*

1814

Матвей Иванович нацепил полученную награду на мундир и, казалось, гордился ею больше прочих знаков отличия.

чия, видя в ней «уважение и признательность к заслугам своим всей Англии, нации могущественной и свободной, которая умеет чествовать одни только истинные достоинства и заслуги».

Николай Федорович Смирный, конечно, знал, какие чувства теснили грудь Матвея Ивановича Платова: орден Святого Георгия 1-го класса он так и не получил — не оценили соотечественники; было обидно.

Из Лондона Платов отъезжал почетным доктором Оксфордского университета. Отъезжал не один — с «компаньонкой», которую взял с собой, как говорил, не столько для «физики», сколько для «морали». Была она девка добрейшей души, благодетельная, белая и здоровая — ни дать ни взять ярославская баба. В том же Дувре, который недавно встретил его пушечной пальбой, по трапу взошел на корабль, отплывавший на континент. На рейде стояла английская эскадра, а в ее составе фрегаты «Бородино», «Князь Кутузов», «Граф Платов», «Казак», «Вильна», «Смоленск», «Москва», недавно спущенные на воду.

Было немного грустно, а «компаньонка» Элизабет не могла утешить его, ибо по-русски не разумела. Выходит, годилась она все же для «физики» больше, чем для «морали».

До конца дней Матвей Иванович с удовольствием вспоминал о времени, проведенном в Англии, считал его самым блистательным и приятным в своей жизни.

Наконец Платов достиг Варшавы, где находилась тогда главная квартира русской армии.

Перемена обстоятельств

Государь — в Петербурге. Атаман — в «скучной Аршаве», то есть Варшаве. А хотелось в столицу. Но никто не звал. Александр Павлович молчит. И от Марии Федоровны — ни строчки. В чем причина? Платов не знал. Жил воспоминаниями, отводил душу в письмах детям, друзьям, соратникам...

Старики обычно живут прошлым. Прошлое лучше настоящего хотя бы потому, что там осталась молодость. И удивительные встречи. А у Платова их было много. Самыми памятными оказались встречи с Суворовым. Вот и мучился в «скучной Аршаве», утешаясь приятными воспоминаниями «о том драгоценном времени, в которое имел счастье неоднократно служить под начальством сего великого полководца и созерцать бессмертную славу его».

С кем поделиться нахлынувшими воспоминаниями? Решил, что лучше всего с племянником Александра Василье-

вича, военным министром князем Алексеем Ивановичем Горчаковым, с которым нередко сживал за царским столом в Зимнем дворце. Призвал секретаря, кое-как растолковал ему о впечатлениях от встреч с великим полководцем, тот привел в порядок негладкие мысли своего начальника и перенес их на лист бумаги:

«...С Суворовым не только проходили казаки пропасти, изумляли непонятною быстротою своею умы человеческие, но даже могли бы творить непостижимые смертным чудеса. Его слово вдыхало в них бодрость, повиновение и решимость на все; оно же, быв тогда для них законом неизменяемым, служит теперь и навсегда за лучший образец в добродетелях и доблестях ратных. Так много обязаны мы сему бессмертному герою, отверзшему нам путь к славе! Имя его и поныне подкрепляет дух во брани сражающихся и вселяет страх и ужас во врагов. Но не мы только благоговеем перед прахом его; память его благославляют все народы и племена; пройдут века, а имя Суворова, украшая отечественную историю нашу, не перестанет возвышать народную гордость и воспламенять дух поздних потомков... Ему вручен был от Бога дар управлять и располагать сердцами всех... От такого Росса вкушала блаженство вселенная и теперь имеет украшение история рода человеческого!..»

— Складно пишешь, — сказал Платов. — Молодец! Только добавь, что копию с сего письма и все письма его сиятельства ко мне я отошлю в город Новочеркасск для хранения с прочими памятниками о подвигах Донского войска.

Платов довольно часто задумывался над тем, какой след в истории оставят его воины. Еще раньше он поддержал капитана Петра Андреевича Чуйкевича, решившего написать хронику подвигов казаков в Пруссии в 1807 году. А теперь предложил Сергею Николаевичу Глинке издать все, что у него было напечатано о донцах в «Русском вестнике», и прислал ему на расходы 2 тысячи рублей. В результате в Москве вышла книга «Вера, верность и слава донцов». Надо думать, Матвей Иванович с удовольствием читал строки из нее:

Донцы! Суворов наш живет,
Его питомец вас ведет...

Может быть, эти строки и вызвали у Матвея Ивановича воспоминания о великом полководце, под началом которого он вел казаков на штурм Измаила.

А еще порадовал Матвея Ивановича в «скучной Аршаве» Михаил Богданович Барклай де Толли своим посланием от 24 июня 1814 года. Генерал-фельдмаршал вспомнил все: и

сбор донского ополчения, когда «юноши, не созревшие еще в силах к понесению трудов военных... по первому воззванию монарха летели на защиту благоденствия и славы русской», и изгнание врага, и возвращение казаками богатств, похищенных в Москве захватчиками, и освобождение Европы и самой Франции... А завершил свое послание так:

«...Милостивый Государь мой, в сие достопамятное время не было ни одного случая, где бы герои донские не блеснули и подвигами военными, и подвигами патриотическими; не было битвы, где бы они не восторжествовали; не было трудов, которых бы они не преодолели; не было нужд, коих бы они не перенесли.

Теперь, когда они, возвращаясь на благословенную родину свою, несут с собою от берегов Сены до берегов Дона славу, мир и благоденствие, я не могу скрыть истинной признательности моей к бессмертным подвигам их. Конечно, и без моей признательности известна свету слава их; но почитая собственно для себя лестным передать в память потомства, что я имел честь быть свидетелем достославной службы их на пользу своего и чужих народов, я усерднейше прошу Ваше Сиятельство сие искреннее излияние чувствований моих принять как залог особенного к заслугам донских воинов уважения всей армии, над кою я по доверенности Государя Императора удостоился начальствовать. Пусть признательность сия будет также несомненным доказательством и отличного моего к вам почтения...»

Платов отправил письмо Барклая в Новочеркасск и предписал войсковой канцелярии довести содержание его до сведения всех донских жителей, дабы могли они «вкусить в душе своей сладостное удовольствие» от «благодарности господина генерал-фельдмаршала».

Комментарии здесь, как говорят, излишни. От той давней размолвки между двумя выдающимися современниками не осталось и следа. Примирила Победа.

Закончился беспримерный галоп по Европе. Еще в Лондоне государь распорядился оставить на границе 10 казачьих полков, а остальные отправить домой. Рыцари Платова, блеснув подвигами военными и патриотическими, стали возвращаться к своим очагам.

Пребывая в главной квартире, Платов хорошо знал о положении на Дону. Он гонял курьеров из Варшавы в Новый Черкасск, посылал предписания войсковой канцелярии и получал ответы на свои запросы. Проведал он и о том, как встречали победителей их матери, жены и сестры...

18 августа император Александр подписал благодарственный манифест к русскому народу за участие в войне. Вскоре и атаман Платов обратился к Войску с приказом, который поистине можно назвать гимном во славу донских женщин, сохранивших в лихую годину прежний «порядок и то же благоустройство», «верность и привязанность к мужьям своим, с коими столь долго были разлучены», вскормивших «оставленных младенцев, кои так же будут полезны Отечеству, как и отцы их». «Проникнутый сими чувствами», он закончил так:

«...Я в сердечную обязанность вменяю себе по долгу звания... принести через сие всем женам донских воинов мою совершеннейшую благодарность за исполнение обязанностей их, за сохранение домов, семейств и имуществ наших.

Пускай верность и усердие их, а наши за то к ним признательность, уважение и любовь послужат в позднейшем потомстве примером нравственности для жен донских».

Если верить историку В. Броневскому, казаки не очень-то блюли верность своим мужьям, когда те отправлялись в поход. Но то было в мирное время. Похоже, в годы войны они выдержали испытание разлукой. И атаман отметил сей подвиг донских жен в приказе по Войску.

Платов не забыл и о самих героях, потрясших и приведших в «ничтожество» «тьматисячные вражеские силы». 1 декабря 1814 года он отправил в Новочеркасск печатное изъяснение благодарности Войску, в котором клялся до конца жизни хранить в памяти мужество и храбрость донских воинов, удививших «целый свет» подвигами в сражениях «за веру, царя и Отечество».

Государь император с конца августа пребывал в Вене, устраивал приемы и банкеты, поражая западных современников «безудержным расточительством»; на балах кокетничал с партнершами по танцам; пикировался со вчерашними союзниками по вопросу о судьбе Польши и Наполеона, запертого на своем острове.

Наступил 1815 год. 23 января Платов обратился к царю с письмом, в котором сообщил, какую радость на Дону вызвало возвращение первых казачьих полков, и, ссылаясь на нездоровье, испросил разрешения съездить в Петербург подлечиться.

На самом деле Матвей Иванович хотел повидаться со вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Буквально в те же дни он писал дочери и зятю:

«...Даю вам знать о себе, я, слава Всевышнему, здоров; здоровье мне дали воды германские и вояж по оной Герма-

нии. Но скучаю сильно, что я по сю пору проживаю в Аршаве в ожидании возвращения государя из Вены, иначе мне ехать никуда нельзя и как скоро я буду в Петербурге, неизвестно...»

Думаю, и император не слишком поверил в болезнь атамана, ибо на его просьбу не отозвался. А может, не до того было: Александр Павлович танцевал. «Он танцевал бы и во время пожара», — как выразился английский современник, участник Венского конгресса.

Миновал февраль. И трудно сказать, сколько пришлось бы атаману томиться от безделья в польской столице, не устрой Наполеон переполох на всю Европу. Низложенный император бежал с Эльбы в неизвестном направлении и перепугал до смерти и французского короля, и австрийского императора, и их канцлеров. Лишь Александр, узнав новость, без колебаний заявил, что готов снова взяться за оружие.

Начались знаменитые «Сто дней». 8 марта 1815 года Наполеон под восторженные крики парижан вступил в столицу Франции.

По новой договоренности между союзниками Александр I взял на себя обязательство выставить 150 тысяч человек и не складывать оружия до тех пор, пока общий враг не будет окончательно раздавлен. Русская армия, оставившая Францию год назад, получила приказ двигаться к берегам Рейна.

В Варшаву помчался курьер с высочайшим рескриптом от 9 марта на имя Платова. Император приказал атаману распорядиться, чтобы войсковая канцелярия немедленно выслала в Радзивилов 10 доброконных казачьих полков. Заканчивая свое послание, Александр писал:

«...На отбытие Ваше в Петербург, хотя и должен был я согласиться по уважению слабого здоровья вашего, но надеюсь, что настоящий случай переменит ваше намерение и вместо отдыха вы, как старый воин, сами не оставите явиться на открывающееся поприще к новой славе и последуете за армиею генерал-фельдмаршала Барклая де Толли...»

Конечно, Платов послал на Дон предписание, чтобы готовили полки к походу и отправляли их на Волынь, в местечко Радзивилов, где дано им будет новое направление. А сыну графу Ивану наказал поспешить к нему в Варшаву на почтовых.

Миновал март. Апрель был уже на исходе. Платов все еще находился в Варшаве, ожидая выступления армии Барклая де Толли. В конце месяца получил письмо от дочери Марии Матвеевны и расстроился. Она сообщила, что брат ее, граф Иван, здоровьем не так крепок, чтобы ехать к отцу

на почтовых. Похоже, сын попал под опеку сестер, и те хотят оставить его на Дону. «Бога ради, — взмолился отец, — сего не делайте, я запрещаю — должен он следовать с Атаманским полком непременно!..»

Не было у графа Ивана тяги к военной службе. А отцу хотелось передать ему и опыт свой многолетний, и славу фамильную, чтоб нес он ее достойно и преумножал. 2 мая, уже на марше, Платов написал зятю Тимофею Дмитриевичу Грекову, шедшему во главе Атаманского полка: «Вы, как свой, приучайте его исподволь к командованию сотней».

Предстояла кампания в Бельгии. Веллингтон с 90-тысячной интернациональной армией был уже в Брюсселе, Блюхер со 120 тысячами пруссаков в Намюре. Крупные силы австрийцев и русских двинулись к границам Франции. После соединения союзники намеревались начать наступление.

Однако Наполеон вовсе не собирался ждать, когда союзники соединятся. 3 июня он отбросил англо-прусские войска при Линьи, но через неделю потерпел сокрушительное поражение под Ватерлоо. Русские и австрийцы не успели. Славу победы разделили между собой Блюхер и Веллингтон.

Наполеон вторично отрекся от престола и вступил на борт британского корабля, который увез его к берегам Англии. Платов был доволен. «Поделом вору мука за его злодейство, и придумать невозможно, какое бы сделать ему наказание», — писал он зятю Тимофею Дмитриевичу Грекову из Парижа.

Союзники придумали наказание. У него есть название — остров Святой Елены.

В том же письме от 12 июля атаман дал генерал-майору Т. Д. Грекову «особое повеление» — выбрать «самых лучших видом и ростом, также доброго поведения» сто молодых казаков для зачисления в гвардию и во главе с графом Иваном Матвеевичем отправить к нему. Отцу очень хотелось вывести сына в свет, но тот, кажется, упирался.

Во время пребывания Платова в Париже Лондон еще раз напомнил атаману о себе, прислав ему с героем Ватерлоо фельдмаршалом Артуром Уэлсли Веллингтоном саблю.

А. У. Веллингтон — М. И. Платову,

19 октября 1815 года:

«Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь!

...Я не могу выразить, сколь лестно для меня быть изъяснителем чувствований удивления и признательности соотечественников моих к тем великим подвигам, коими вы достойно прославили себя при защите Европы!..»

В свою очередь и граф Матвей Иванович отправил мэру

Лондона письмо, в котором благодарил его и «все высокопочтенное сословие» английской столицы, но оговаривался:

«...Приемля сей отличный и весьма лестный для меня знак с чувством истинной признательности, я не могу, однако же, отнести прямо к себе всю приписываемую мне оным славу. Но видя из сего искренность и доброжелательство, коими великая и знаменитая достоинствами своими нация почтила меня свыше заслуг моих... считаю себя счастливейшим, что Провидение и благость Всеавгустейшего Монарха моего дозволили мне участвовать в столь блистательнейшей для всей Европы эпохе...»

По случаю награждения Платова офицеры лейб гвардии казачьего полка устроили два праздника. Поводом для первого явилось общее производство, а для второго — день именин атамана, приходившийся на 9 августа. Матвей Иванович был весел, ласков, словоохотлив и походил скорее на отца большого семейства, чем на начальника. Он подзывал к себе повышенного в чине, поздравлял, вспоминал его родственников, называя каждого по имени и отчеству, описывал их подвиги воинские и добродетели повседневные, внимательно всматривался в лицо и говорил, например:

— Знаете ли, господа, я вам скажу, он очень похож на отца своего, я служил с ним еще в турецкую кампанию, очень храбрый казак был и собою такой молодцеватый.

А у другого неожиданно спрашивал:

— Пьешь ли водку?

— Никак нет, ваше высокопревосходительство.

— Это очень хорошо, я вам скажу; однако надо исподволь приучаться; бывают непогоды и вьюги, а казак все на коне и в поле; тут, я вам скажу, лучшее лекарство — чарка горчичной. Если пойдешь по отцу, то надежда большая!

И обращаясь ко всем, внушал по-отечески:

— Помните славу и добродетели, держитесь обычаев отцов своих.

28 августа (10 сентября по европейскому стилю) государь устроил грандиозный смотр русской армии на Каталунских полях в 120 верстах от Парижа с участием 7 кавалерийских дивизий, в том числе всех казачьих полков, и 11 пехотных, общей численностью 150 тысяч человек при 540 орудиях. Присутствовали иностранные гости: император Австрии, король Пруссии, герцог Веллингтон, князь Шварценберг, Блюхер, принцы крови, маршалы, генералы, приехавшие из европейских столиц.

Парад произвел ошеломляющее впечатление на союзников. Веллингтон в изумлении воскликнул:

— Никогда я не представлял, что можно довести армию до подобного совершенства!

— Я вижу, что моя армия — первая в мире, для нее нет ничего невозможного! — ответил сияющий радостью Александр. Союзники стали сговорчивее...

Вскоре после смотра Платов укатил в Петербург, где, включившись в водоворот придворной жизни, пробыл восемь месяцев.

Конечно, были обеды за царским столом и встречи с обожаемой императрицей Марией Федоровной. Вспоминая это время, Смирный писал:

«Осыпанный снова благоволениями Монарха и лестными приветствиями двора и всей столицы, граф Платов наслаждался истинным сердечным удовольствием, которое, можно сказать, восстановило душевные силы его и уврачевало здоровье, столь многими тяжкими трудами расстроенное».

20 июня 1816 года император Александр подписал рескрипт, которым милостиво разрешил Платову возвратиться на Дон, и, еще раз выразив донцам свою признательность, поручил атаману объявить им свое благоволение и между прочим пообещал в недалеком будущем навестить его в Новочеркасске.

Наконец-то дома

По пути на Дон атаман остановился в Москве, встретился с Сергеем Николаевичем Глинкой. К сожалению, поэт, писатель и издатель «Русского вестника» не оставил воспоминаний об этом последнем свидании с другом, ограничившись краткой фразой: «Платов был воином-богатырем и прямым человеком на путях человечества».

Платов спешил на родину, гнал лошадей на юг. Позади остались Серпухов, Тула, Елец, Воронеж, через сутки-другие проехали леса. Впереди до самого горизонта расстилалась изумрудная степь, напоенная затяжными дождями. В первой донской станице Казанской встретил его неприменный член войсковой канцелярии генерал-майор Марк Иванович Родионов, заранее отправленный из Новочеркаска. Старики поднесли атаману хлеб-соль, а казаки друг перед другом изъявляли ему свое усердие.

Смирный, сопровождавший Платова, вспоминал:

«Все сии знаки непритворной преданности и народной любви к нему граф принимал с чувством живейшей благодарности. Слезы умиления и душевного удовольствия невольно текли из глаз его».

До самого Новочеркаска подобные встречи улаждали душу Матвея Ивановича.

На Аксайской почтовой станции ожидали его прославленные атаманы во главе со своим командиром генерал-майором Грековым. Под восторженные крики «ура!» Матвей Иванович вышел из коляски, поприветствовал всех, обнял зятя Тимофея Дмитриевича и тут же приказал трогать. Не доезжая до Новочеркаска, остановился у небольшого кургана, взошел на него, обратился в сторону сияющих золотом куполов городских церквей, отвесил три земных поклона и произнес:

— Слава Богу! Послужил царю и постранствовал довольно; теперь в краю родном, авось Всевышний благословит меня спокойно здесь умереть, — и, взяв горсть земли, порывисто приложил ее к губам.

В это мгновение пошел сильный дождь. Минут через пять он прекратился. Граф Матвей Иванович стоял на кургане. Ветер раздувал его заметно поредевшие волосы. Туча развеялась. Снова засияло солнце.

— Я вам скажу, господа: дождь и солнце — это хорошее предзнаменование!

Двинулись дальше.

У горы, на которой раскинулся новый город, его встретил наказной атаман Николай Васильевич Иловайский со всеми генералами, штаб- и обер-офицерами Войска, кратко доложил о состоянии края. В ту же минуту народ и казачьи полки, бывшие в это время в Новочеркасске, сверху приветствовали легендарного своего начальника криками «ура!» и громом артиллерийского салюта.

Обняв и расцеловав наказного атамана, граф со слезами умиления изъяснил признательность всем встречающим. В ответ разнеслось раскатистое «ур-р-р-ра-а!!!».

Толпа раздвинулась. К атаману подскакал его 10-летний внук Матёша, ловко спрыгнул с лошади и, вытянувшись, крикнул:

— Здравствуй, дедушка! Наконец-то ты вернулся!

— Здравствуй, Матёша! Здравствуй, внучек! Слава Богу, вернулся. Не узнал бы тебя. Вырос ты за семь лет. — И обнял мальчика.

От городской заставы все двинулись к Вознесенскому собору, где атамана ожидало местное духовенство. Пройдя меж выставленных знамен и войсковых регалий, Платов вступил под своды Божьего храма и отстоял благодарственный молебен. По возглашении многолетия Александру Благословенному снова палили из пушек — аж 101 раз! Прото-

иерей Оридовский произнес приличествующую для столь торжественного момента речь. Атаман приложился к иконе Божьей Матери и вышел на улицу, где ожидали его казаки.

Войдя в образовавшийся круг, Платов произнес приветственную речь, составленную, очевидно, Смирным:

«Богу угодно было в достославную Отечественную войну открыть нам путь к доказательству нашей привязанности к Отечеству. Ваши труды, друзья, с лихвою награждены: вы покрыли себя неувядаемою славою. Я не сомневаюсь, что вы никогда уже не измените вашим врожденным чувствам и завещаете их детям своим, дабы они были столь же тверды и непоколебимы в вере Богу и верности престолу, сколь сами вы показали то перед целым светом».

По окончании официальных торжеств Матвей Иванович поспешил на городское кладбище, где покоился прах его Марфы Дмитриевны, ушедшей из жизни еще в декабре 1812 года. Над могилой рыдал так, что его едва ли не силой увели от холодного памятника жены.

С кладбища зять, наказной атаман Николай Васильевич Иловайский, повел тестя в дом свой, где был приготовлен праздничный обед. Свидание с родными несколько развеяло его скорбь. Старика окружили сын Иван, дочери Анна, Мария, Екатерина с мужьями, пасынок Кирсан Павлович Кирсанов, невестка-вдова Мария Степановна с детьми Наденькой и Матёшей.

Обед затянулся до вечера. Дом наказного атамана был «прилично иллюминирован». Народ не расходился и до глубокой ночи, кричал «ура!».

В последующие дни с ближних и дальних станиц потянулись в Новочеркасск торговые люди с подарками для героя. Скоро, однако, жизнь казаков вошла в привычную колею. И у атамана она протекала довольно размеренно, с известной поправкой на роль барина екатерининских времен, которую он пытался играть.

Спать ложился перед рассветом, не раньше четырех часов, а просыпался в восемь, но оставался в постели до одиннадцати утра. Потом пил чай. Себе и уважаемому гостю, если таковой оказывался за столом, наливал сам. Кофе не любил.

— Кофе пить, я вам скажу, — кровь густить, — убеждал атаман гостя.

В 6 часов пополудни граф садился обедать, усаживая за стол всех, кто попадался ему на глаза, и потешал собравшихся рассказами до 10 вечера. Сам слушать не умел. И, как и раньше, не терпел, когда его перебивали.

Компаньонка атамана, мисс Элизабет, напротив, слушать умела, ибо по-русски совсем не понимала.

После обеда Матвей Иванович немного отдыхал, затем приступал к делам по должности, однако лишь усилием воли заставлял себя заниматься этой маею. А перед сном снова пил чай.

И так каждый день.

Бывало, его сиятельство устраивал праздники себе и казакам — по случаю приезда важных гостей, по поводу именин или дней рождения членов высочайшей семьи.

Так, 8 ноября 1816 года, в день Архангела Михаила, Матвей Иванович устроил конское ристалище в честь младшего брата царя Михаила Павловича. В тот раз у него гостили генерал Николай Федорович Ртищев, к которому атаман с давних пор питал «особенное уважение» и чувство искренней дружбы, и некий английский путешественник Честертон, следовавший то ли в Индию, то ли из Индии.

Ристалище удалось на славу. По сигналу, данному выстрелом из пушки, десятки наездников сорвались с места и, поднимая пыль, устремились вперед. Казалось, земля стонет под ногами такого количества резвых скакунов. В четверть часа преодолели они 7-верстное расстояние. Победители были щедро награждены атаманом.

Заезжих гостей, местных генералов и офицеров угощали «роскошным ужином». Вечером был фейерверк. Небо сотрясал гром артиллерии. Не забыли и «простой народ» — накормили и напоили людей, чтобы помнили и царского брата, и его небесного покровителя, но прежде всего — своего атамана.

Читатель уже имел возможность убедиться, что все придворные праздники стали как бы личными праздниками Платова. Прежде он предпочитал отмечать их вместе с членами царской семьи. А если не удавалось вырваться в столицу, накрывал столы и в походных условиях. Теперь обострились проблемы со здоровьем, поэтому он вынужден был слать поздравления своим высочайшим покровителям ко дням именин, рождения, бракосочетания, гоня курьеров с берегов Дона на берега Невы, и пировать с народом на месте — в Новочеркасске. И из Петербурга получал благодарственные письма и рескрипты.

В тот год пировали по случаю бракосочетаний великой княгини Екатерины Павловны, вступавшей во второй брак, и великого князя Николая Павловича. Но такого гульбища, какое устроил Платов в день рождения его императорского величества Александра Павловича, казаки не видели никогда.

Только за столы атаман усадил 600 донских офицеров и генералов. За здоровье государя пили под гром артиллерии. Когда «согласный хор певчих» затянул «многие лета», «народ, угощаемый щедростью атамана», неистово кричал «ура!». Матвей Иванович плакал от умиления и насыщения «горчичной».

На том торжественном обеде Платов организовал сбор средств в пользу вдов и сирот, и сам отвалил две тысячи рублей. Кроме того, он заплатил за тех, кто попал в тюрьму за долги, и приказал освободить их.

Да, Платов был щедр. Своих долгов не считал, в том числе и царю. Транжирил с размахом войсковые деньги, и немалые. Казаки нищали, меж собою шушукались, осуждая атамана и за перенос донской столицы, и за наряд на службу вне очереди, и за расхищение войсковых земель, и за узкие мундиры, навязываемые силой, и за многое другое. А он все столы накрывал, тосты произносил, из пушек палил и слезы лил.

После царского дня рождения Платов долго лежал в постели, стонал, пил рассол. Вошел Смирный. Спросил:

— Как чувствуете себя, ваше сиятельство?

— То ли не видишь. Лихотит. Ломота во всем теле.

— Надо бы вам, Матвей Иванович, побереечь себя для Отечества, взять на некоторое время покой от должности.

— Как посмел ты говорить такое?! — вспыхнул Платов. — В кого ты хочешь превратить меня — в ребенка? На кого я буду похож, когда после таких несчетных милостей ко мне милосердного государя посмею спрашивать у него (даже на минуту) отдохновения от должности? Я скорее умру, чем решусь на это.

После столь энергичного протеста Смирному «не осталось ничего другого, как, взирая с сокрушением сердца на постепенное угасание сего заслуженного мужа, проливать слезы». Как видно, Николай Федорович тоже был чувствительным человеком.

Матвей Иванович, несмотря на непогоду, продолжал разъезжать по донским станицам и хуторам, проверяя, как исполняются его распоряжения.

Между тем прошло Рождество. Наступал новый 1817 год. Платов заранее отправил в Петербург поздравления их императорским величествам Александру Павловичу с Елизаветой Алексеевной и, конечно, Марии Федоровне, а через них и всем прочим членам императорского семейства, пребывавшим тогда в столице. В предпраздничную ночь отстоял Божественную литургию, сопровождавшуюся 101 выстрелом из орудий донской артиллерии.

Отпраздновав с возлияниями и Рождество, и Новый год,

Платов стал готовить встречу царя. Приказал возвести две триумфальные арки. Стоят они теперь на въезде в Новочеркасск — с запада и с северо-востока — каменные, как в Москве и Петербурге, и напоминают нам не столько о посещении государем донской столицы уже после смерти атамана, сколько о тех временах, когда, по выражению Дениса Васильевича Давыдова, голова каждого русского «кипела отважными замыслами и грудь, полная обширнейших надежд, трепетала честолюбием изящным, поэтическим», напоминают о подвиге казаков в той великой войне и о неудержимом их галопе по Европе.

Александр Павлович тогда не приехал. Но дня именин государя Матвей Иванович не упустил — отпраздновал его так же шумно, как и день рождения. Приятно было погулять, порадовать преданных людей, но еще важнее — написать о том в столицу, напомнить о себе, чтоб не забывали.

А его и не забывали. В июле давний приятель по костромской ссылке и многим ратным походам Алексей Петрович Ермолов получил вдруг приятную возможность засвидетельствовать прославленному герою «чувства искренней привязанности». Встретив близ Тегерана начальника штаба Бомбейской армии полковника Джонсона, возвращавшегося через Персию и Россию в Англию, он рекомендовал его атаману как «человека отличных достоинств» и просил принять его.

Матвей Иванович не только принял английского гостя и показал ему во «всем блеске, что значит русский человек и донской казак», но и подарил ему отличной работы экипаж, предупредив его желание купить таковой.

В сентябре 1817 года, в праздник Воздвижения Животворящего Креста Господня, в Новочеркасск прибыл великий князь Михаил Павлович. Матвей Иванович устроил ему встречу, о которой потом с удовольствием вспоминали казаки. И всякий раз с новыми подробностями.

От границы Войска Михаила Павловича сопровождали генералы Максим Григорьевич Власов и Григорий Андреевич Дячкин. В пяти верстах от Новочеркасска великого князя встретили зятя атамана — Тимофей Дмитриевич Греков и Константин Иванович Харитонов — и сын Иван Матвеевич с конной командой. Сам Платов с донскими полками, выстроенными вдоль дороги, и многочисленными зрителями ожидал высокого гостя у городских ворот.

Михаил Павлович, не желая явиться перед донскими полками в коляске, потребовал выслать ему верховую лошадь. Матвей Иванович отказал, опасаясь, как бы лошади,

перепуганные громом артиллерии и радостными криками встречающих, не выбросили царского брата из седла. Великий князь настаивал, еще два раза гонял офицеров свиты в Новочеркасск. Атаман был непреклонен.

— Ежели что случится, как явлюсь я к матушке-императрице Марии Федоровне, что скажу моей благодетельнице? Не дам! — сказал Матвей Иванович, как отрезал.

И не дал. Пришлось великому князю ехать в город в коляске. Палили пушки. Казаки кричали «ура!». Боевые генералы салютовали наградными саблями.

Михаил Павлович вышел из коляски и двинулся навстречу Матвею Ивановичу. Сблизились.

— Ваше императорское высочество... — начал было рапортовать атаман.

— Да будет вам, Матвей Иванович, — прервал его Михаил Павлович и обнял Платова. Растроганный старик заливался слезами.

Когда шум стих, к великому князю подвели лошадь под казачьим седлом. Дальше он поехал верхом.

У собора Михаила Павловича и членов его свиты — генералов Ивана Федоровича Паскевича, Александра Христофоровича Бенкендорфа и других — встречали протоиерей Иаков, местное духовенство, депутация от донского дворянства. Атаман рассказал гостям о войсковых регалиях, в разное время пожалованных казакам предками великого князя и выставленных перед входом в храм.

Ночевали гости в большом доме генерала Николая Васильевича Иловайского.

Утро 17 сентября началось с представления великому князю донских генералов и офицеров. Потом гости посетили канцелярию и экспедицию, госпиталь и гимназию. За городом наблюдали за артиллерийскими маневрами со стрельбой и учебными сшибками атаманцев с казаками других донских полков. В три часа был обед с тягучими льстивыми речами, а вечером — бал, открытый полонезом. Не зря атаман так часто и подолгу жил в Петербурге — многому научился.

На рассвете следующего дня Михаил Павлович в сопровождении казачьего полка верхом ускакал в Старый Черкасск, где встретил его хлебом-солью сам атаман, приехавший туда заранее. Сын Иван и внук Матвей стояли справа и слева от отца и деда и держали блюда с фруктами из собственного сада.

Завтракали в доме Алексея Васильевича Иловайского, человека воспитанного и образованного, авторитетного даже в столичных армейских кругах.

Осмотрев древнюю казачью столицу, Михаил Павлович и его спутники отбыли в Ростов «и далее по тракту к Таганрогу». Атаман «имел щастие к сердечному утешению... сопровождать Его Высочество до города Азова».

Матвей Иванович вернулся домой, сел за стол и отписал своей благодетельнице Марии Федоровне, что имел счастье созерцать великого князя Михаила Павловича, восхитился «кроткостью, благоснисходительностью и ангельской приветливостью» молодого человека, но в силу краткости визита не вполне успел насладиться «лицезрением» его высочества — 20-го числа из Азова тот «изволил отправиться далее в вожделеннейшем здравии».

К концу года Матвей Иванович все чаще стал болеть. Но едва хворь отступила, собрался в поездку по хуторам и станциям Войска. Зятя Тимофей Дмитриевич и Константин Иванович, по очереди дежурившие при нем, а также секретарь Николай Федорович с трудом уговорили слабеющего старика воздержаться от путешествия:

— То ли людей у вас нет надежных?

— Люди-то есть, да перепутают все. А государю доложить надо, как на Дону дела обстоят.

Матвей Иванович приказал Смирному написать рапорт царю и отправить его в Петербург с нарочным.

Платов и сам понимал, что силы покидают его. Он осунулся, часто сидел в кресле, глядя в окно, омываемое потоками осеннего дождя, молчал. Однажды сказал в присутствии Смирного:

— Да-а, Николай Федорович, мне протянуть бы еще лет пять, больше не надо.

— Надо, Матвей Иванович, надо. Вот подлечимся немного, поедем в Петербург, там Яков Васильевич поставит вас на ноги.

— Дай-то Бог, — и снова погрузился в свои горестные раздумья.

В тот раз все обошлось. Накопились дела. Но и праздник подоспел — день рождения императрицы Марии Федоровны.

Атаман М. И. Платов — императрице Марии Федоровне, 14 октября 1817 года:

«Всемиловитейшая Государыня!

С высокаторжественным днем рождения Вашего Императорского Величества священнейшим долгом имею повергнуть перед Вами... всеподданнейшее мое поздравление. Имея щастие праздновать здесь со всем генералитетом и прочими чинами Войска Донского сей драгоценнейший день, мы с сердцами, исполненными живейшего восторга и

радости, вознесли во храме Бога, при пушечных выстрелах, по нашему обыкновению, благодарения наши к Алтарю Вездесущего за сохранение вождеденнейшего здравия Вашего Величества; и молим Его всещедрую благодать о продлении оного на многие и многие лета. С сими чувствованиями осмеливаюсь также повергнуть... всеподданнейшую благодарность за удостоение меня всемилостивейшим рескриптом, в 3-й день сего октября состоявшимся, а мною в нынешний радостнейший день полученным. Выражения оного, особой Высочайшей милости Монархини исполненные, запечатлены навеки в сердце моем с глубочайшею признательностью и тем благоговением, с которыми повергаю себя к священным стопам Вашего Величества.

Всемилостивейшая Государыня,
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший граф Платов».

Это было последнее письмо атамана вдовствующей императрице, исполненное «признательности и благоговения» перед этой замечательной женщиной. Конечно, отношения между ними не могли выйти за рамки официальных. Но какие чувства таились в сердцах их? Не осмеливаюсь отвечать на этот вопрос...

В ноябре Платов получил приглашение приехать в Москву к 12 декабря на празднование дня рождения государя. «С душевным удовольствием» Матвей Иванович начал собираться в дорогу, предполагая выехать по первому зимнику. Но прежде отправился в свою деревню на Еланчике под Таганрогом, чтобы дать наставления управляющему.

По пути простудился, поэтому велел Смирному ехать в Москву одному:

— Отправляйся, Николай Федорович, завтра же, а я немного отлежусь и дня через три, даст Бог, помчусь за вами.

— Хорошо, ваше сиятельство, — сказал Смирный и стал готовиться к отъезду.

Утром Смирный зашел к Платову. Полагая, что расстаются они ненадолго, простился с ним простым поклоном и направился к выходу, но граф, раскинув руки, сказал:

— Постой, постой, друг мой, поцелуемся; хотя и скоро увидимся, а все-таки простимся.

Платов обнял секретаря и трижды поцеловал его. Томимый горестным предчувствием, заливаясь слезами, не имея сил вымолвить ни одного слова, Смирный вышел, сел в кибитку и покатил на север. Старый граф долго смотрел ему вслед из окна. Зять Харитонов уговорил тестя лечь в постель...

Платов слабел. Он уже не думал о поездке в Москву. Прошло Рождество. Больной стал впадать в забытие. В деревню съехались родственники из Мишкина и Новочеркасска. Потом потянулись соратники. Все со страхом ожидали неизбежного конца.

3 января 1818 года Матвей Иванович пришел в сознание и что-то зашептал. Константин Иванович склонился над телом, но услышал лишь одну фразу:

— Слава! Слава! Где ты? И на что ты мне теперь пригодилась?

Слезы застыли на впалых щеках покойного.

Тело Платова перевезли из деревни в загородный мишкинский дом. Едва весть о кончине прославленного атамана разнеслась по просторам Дона, как из станиц потянулись в Новочеркасск казаки, прошедшие с ним путь от Москвы до Парижа.

Хоронили героя России 10 января 1818 года. От загородного графского дома, находившегося в пяти верстах от Новочеркасска, до соборной церкви выстроились казаки с войсковыми и станичными знаменами. В 11 часов началась панихида, по окончании которой офицеры сняли гроб с катафалка...

Шествие открывал отряд Атаманского полка при трех орудиях донской артиллерии. За ним медленно двигались запряженные шестериком большие дроги с крышкой от гроба, а на ней — парадная папаха, сабля и шарф покойного.

Ордена Платова на бархатных подушках, булаву, насеку и пернач несли офицеры.

Далее следовали священники и певчие.

Гроб с телом атамана возвышался на плечах молодых воинов. По обеим сторонам его — адъютанты и по шесть человек с зажженными факелами.

Траурное шествие замыкали Атаманский полк со знаменем и рота донской артиллерии.

Под гром салюта гроб опустили в могилу у временного Вознесенского собора, неподалеку от вновь сооружаемого каменного, что ныне возвышается на центральной площади города Новочеркасска, основанного Платовым...

15 января 1818 года архимандрит московского Донского монастыря Евгений, обращаясь к прихожанам, сказал:

«От Тихого Дона несется, как молния, поражает, подобно грому, печальная весть: Платов умер!

Как быстро слава дел его перелетала из уст в уста, так быстро и далеко из веси в весь, из града в град, из царства в царство переносится поразительное известие: Платов умер!

Унылы воины, опечалились граждане; донское воинство стесняется вздохами, орошается слезами. Вся Россия скорбит об утрате великого Героя, столь грозного врагам ее...

Совершил со славою поприще жизни своей муж, достойный вечной памяти...»

Через три года после смерти Платова Смирный с пригорбией отмечал, что могила его остается без приличного памятника. «Нельзя не пожелать, — писал он, — чтобы признательные соотечественники для собственной своей чести поспешили поправить сей недостаток».

Признательные соотечественники возвели первый памятник, созданный в мастерской знаменитого П. К. Клодта, лишь в 1853 году. М. И. Платов изображен на нем в полный рост, в генеральском мундире, поверх которого накинута бурка, с перначом в левой руке и обнаженной саблей в правой. На пьедестале надпись:

*Атаману графу Платову
за военные подвиги
с 1770 по 1816 год
признательные донцы*

На открытие памятника собралось до 10 тысяч человек. Обращаясь к присутствующим, наказной атаман сказал:

«Друзья-донцы! Ныне мы воздаем достойному достойное. Он водил вас от победы к победам. Он возвысил вашу воинскую славу.

Пройдут годы, нас не станет; но этот безмолвный металл, этот памятник вашей чести и славы... передаст отдаленному потомству ваши боевые доблести, вашу верность престолу и Отечеству».

Прошли годы. Наступили новые времена, утвердились иные нравы. Революция освободила казаков от верности престолу, а Дон — от казаков. Отечество стало другим — социалистическим. Памятник Платову, как «не имеющий художественного значения», в начале тридцатых годов прошлого века уничтожили. А пьедестал сохранили и вознесли на него фигуру «вождя мирового пролетариата и основателя советского государства». Так и стоял бы он неведомо сколько на проспекте своего имени в Новочеркасске, указывая простертой дланью «верную дорогу» товарищам, если бы не случился очередной переворот.

Во имя самосохранения вчерашние «товарищи», ставшие «господами», снесли с пьедестала своего вчерашнего кумира и вернули на прежнее место памятник атаману, воссоздан-

ному в позе военачальника, зовущего полки в атаку, как изваял его скульптор в 1853 году. Сегодня он стоит на Платовском проспекте в Новочеркасске.

Устоит ли?

Все возможно. Хоронили Платова один раз, а прах его переносили с места на место три раза — последний раз 15 мая 1993 года.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...

Господи, да неужели это о нас, о русских, написал такие проникновенные строки Александр Сергеевич Пушкин?!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ МАТВЕЯ ИВАНОВИЧА ПЛАТОВА

- 1753, 8 августа — родился в Черкасске в семье войскового есаула Ивана Федоровича Платова.
- 1769, 3 апреля — начал службу урядником.
- 1770, 4 декабря — произведен в полковые есаулы. В этом же году женился на Надежде Степановне Ефремовой, дочери войскового атамана.
- 1771, 14 июня — участвовал в штурме Перекопа.
- 1772, 28 февраля — произведен в чин войскового старшины.
- 1774, 3 апреля — отличился в бою на реке Калалах, за что награжден именной медалью.
- 1774—1777 — участвовал в разгроме банд пугачевцев в Воронежской и Казанской губерниях.
- 1782—1783 — служил на Моздокской линии и на Военно-Грузинской дороге, участвовал в боях с горцами.
- 1784, 25 ноября — произведен в чин армейского майора.
- 1785 — вернулся на Дон, женился на Марфе Дмитриевне Кирсановой (урожденной Мартыновой).
- 1786, 20 сентября — произведен в чин подполковника.
- 1787, 2 июня — произведен в чин армейского полковника.
- 1788, 5 января — приступил к созданию Екатеринославского казачьего войска, атаманом которого был назначен по представлению Г. А. Потемкина.
- 1788, 10 мая — за создание Екатеринославского казачьего войска представлен к ордену Св. Владимира 4-й степени.
- 1788, 6 декабря — участвовал в штурме Очакова, награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.
- 1789, 26 сентября — за победу при Каушанах (13 сентября) произведен в чин бригадира.
- 1790, 11 декабря — при штурме Измаила командовал казачьей колонной, за что 25 марта был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса.
- 1792 — усмирять бунт казаков, не пожелавших служить в Крыму.
- 1793, 1 января — произведен в чин генерал-майора.
- 1796, 12 мая — 1797, 17 февраля — участвовал в Персидском походе; за командование авангардом награжден золотой саблей, украшенной бриллиантами.
- 1797, 10 мая — исключен из службы.
- 1797, 7 декабря — осужден военным судом.
- 1797, 13 декабря — сослан в Кострому.
- 1800, 24 декабря — осужден гражданским судом.
- 1801, 11 января — освобожден из Петропавловской крепости.
- 1801, 1 марта — выступил в поход «к стороне Оренбурга», чтобы далее следовать в Индию, но успел дойти только до Волги.
- 1801, 12 августа — рескриптом Александра I назначен войсковым атаманом.
- 1801, 8 сентября — пожалован орденом Св. Анны 1-й степени.
- 1801, 15 сентября — произведен в чин генерал-лейтенанта.

- 1805, 18 мая — заложил Новочеркасск.
- 1807, 27 января — 25 июня — участвовал во всех боях и сражениях с французами в Восточной Пруссии, начиная от сражения при Прейсиш-Эйлау и кончая арьергардными боями в конце войны, за что был награжден орденами Св. Георгия 2-го класса и Св. Александра Невского, прусскими орденами Красного и Белого орлов.
- 1807, 8 июля — с 14 казачьими полками выступил из Пруссии на театр военных действий с Турцией.
- 1809, 4 сентября — отличился в сражении за Расеват.
- 1809, 29 сентября — произведен в чин генерала от кавалерии.
- 1812 — отличился в арьергардных боях у Вишнева, Мира, Романова, Молева Болота.
- 1812, 16 августа — отстранен от командования арьергардом.
- 1812, 26 августа — принял участие в Бородинском сражении.
- 1812, 27 августа — командовал арьергардом, прикрывавшим отступление русской армии к Москве.
- 1812, 28 августа — отстранен от командования арьергардом.
- 1812, 12 октября — 2 декабря — в период контрнаступления отличился в сражениях у Вязьмы, на реке Вопь, у Смоленска, Красного, Борисова, Вильно и Ковно.
- 1812, 29 октября — указом императора Александра I возведен в потомственное графское Российской империи достоинство.
- 1813, 4—6 октября — принимал участие в Битве народов, после чего по устному повелению царя двинулся с казаками к Веймару.
- 1814, 19 марта — принимал участие в торжественном вступлении войск союзников в Париж.
- 1814, 23 мая — в составе свиты императора отправился в Лондон.
- 1814, март — 1815, апрель — пребывал в Варшаве, после чего выехал в Петербург.
- 1815, сентябрь — прибыл в Петербург.
- 1816, 20 июля — выехал на Дон.
- 1818, 3 января — скончался в деревне близ Таганрога.
- 1818, 10 января — похоронен в Новочеркасске.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Астапенко М. П., Левченко В. Г. Атаман Платов: Жизнеописание. М., 1988.

Безотосный В. М. Атаман Платов в 1812 году // Вопросы истории. 1997. № 10.

Безотосный В. М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М., 1999.

[*Беннигсен Л. Л.*] Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года // Русская старина. 1897. № 1—2, 5; 1899. № 6—8, 12; 1900. № 1—3.

Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962.

Война 1813 года: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Т. 1—3. Пг., 1914—1917.

[*Волконский С. Г.*] Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). 2-е изд. СПб., 1902.

[*Глинка С. Н.*] Записки о 1812 годе Сергея Глинки. СПб., 1836.

[*Глинка С. Н.*] Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895.

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1990.

Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940.

[*Денисов А. К.*] Записки Донского атамана Денисова // Русская старина. 1874. № 11—12; 1875. № 2—3.

Донские казаки в 1812 году: Сб. документов. Ростов н/Д., 1954.

Дрейлинг И. Р. Воспоминания... // 1812: Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1991.

Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. 1812—1815. СПб., 1882.

Жизнеописание русских военных деятелей / Под ред. В. Н. Мамышева. Т. 1. СПб., 1886.

Жиров М. С. Материалы для биографии графа Матвея Ивановича Платова. Новочеркасск, 1913.

Жиров М. С. Напасти на Платова в 1812 году // Донские областные ведомости. 1912. № 49.

Журнал военных действий императорской российской армии с начала до окончания кампании, то есть с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. СПб., 1807.

Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн в декабре 1813 года до выступления из Франции в мае 1814 года. СПб., 1837.

Камер-фурьерский журнал... (1792—1812 годов). СПб., 1892—1912.

Кириллов А. Войсковой атаман М. И. Платов и его административная деятельность. Новочеркасск, 1912.

Колобакин Б. М. Война 1812 года. Бородинская операция и Бородинское сражение. Кн. 1. СПб., 1912.

Колобакин Б. М. 1812 год. Бородинское сражение 26 августа. СПб., 1912.

Лесин В. И. Бунтари и воины. Ростов н/Д., 1997.

Мамышев В. Н. Генерал от кавалерии граф Матвей Иванович Платов. СПб., 1904.

Материалы к истории Дона. Новочеркасск, 1900.

Михайловский-Данилевский А. И. Из воспоминаний // Русский вестник. 1889. № 2; 1890. № 9—10.

«На всегдашнюю память будущих времен». Письма атамана Платова к императрице Марии Федоровне // Источник. 1993. № 4.

Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Т. 1—22. СПб., Пг., 1900—1914.

Петров М. М. Рассказы... // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.

Письма М. И. Платова к лейб-медику баронету Я. В. Виллие // Русская старина. 1877. № 12.

Письма атамана Платова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1862. Кн. 1.

Письма М. И. Платова воспитателям его детей, дочери и зятю Грековым // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П. И. Шukiным. Т. 7. М., 1903.

Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сб. документов. М., 1964.

Путинцев Н. Князь Г. А. Потемкин и М. И. Платов // Русский инвалид. 1903. 26 апреля. № 91.

Савельев Е. П. Атаман М. И. Платов и основание Новочеркасска. Новочеркасск, 1906.

Сапожников А. И. Граф Матвей Иванович Платов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1995.

Сборник областного войска Донского Статистического комитета. Вып. I—XI. Новочеркасск, 1901—1913.

Сенюткин М. Донцы. Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века. М., 1866.

Смирный Н. Ф. Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова. М., 1821.

Собрание разных полученных от главнокомандующих армиями и флотом ко двору донесений с подлинников, присланных в Императорскую академию наук для напечатания при Ведомостях. Ч. 1—2. СПб., 1791.

Струсевич А. Герои Дона. Граф Платов. Бакланов. Популярный очерк. Новочеркасск, 1895.

Харькевич В. И. Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 году. Кавалерийский бой при Мире и Романове. СПб., 1901.

Харькевич В. И. Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904.

Чуйкевич П. А. Подвиги казаков в Пруссии. СПб., 1810.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ГАРО — Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40, 109, 125, 139, 160, 168, 254, 287, 288, 289.

ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 210, 340.

ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 255.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 193. Оп. 1. Д. 844; Ф. 7. Оп. 2. Д. 3068, 3501.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА — Военно-ученого архива. Д. 2921, 3094, 3509, 3843, 3888, 3901, 3903, 4120, 4141.

РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 119. Д. 9; Оп. 2/110. Св. 162. Д. 138, 184, 196.

РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 104, 699.

РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 89, 255, 420.

РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 93, 147, 271. Ч. 1—3; 377, 577, 624.

РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 170.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> Вот это начало!	6
<i>Глава вторая.</i> Герой Очакова и Измаила	25
<i>Глава третья.</i> На исходе века	38
<i>Глава четвертая.</i> Атаман Войска Донского	69
<i>Глава пятая.</i> От Прейсиш-Эйлау до Тильзита	80
<i>Глава шестая.</i> В Молдавской армии	144
<i>Глава седьмая.</i> От Немана до Смоленска	165
<i>Глава восьмая.</i> От Смоленска до Бородина	207
<i>Глава девятая.</i> В день Бородина	222
<i>Глава десятая.</i> Трудные дни атамана	241
<i>Глава одиннадцатая.</i> «С сей минуты Россия спасена»	259
<i>Глава двенадцатая.</i> Граф Российской империи	291
<i>Глава тринадцатая.</i> Галопом по Европе	315
<i>Глава четырнадцатая.</i> От Рейна до Парижа	354
<i>Глава пятнадцатая.</i> Последние годы	376
Основные даты жизни М. И. Платова	398
Источники и литература	400

Лесин В. И.

Л 50 Атаман Платов. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 403[13] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 926).

ISBN 5-235-02762-0

Сын казака, Матвей Иванович Платов со временем стал генералом от кавалерии, атаманом Войска Донского и графом Российской империи. Веками на его пути были Очаков и Измаил, Прейсиш-Эйлау и Бородино, длинная дорога от Москвы до Парижа. На склоне лет он приобрел столько славы, что ее с избытком хватило бы на десяток боевых генералов. Его боготворили казаки и солдаты, ценили полководцы, принимали и награждали монархи Европы, воспевали поэты и прославляли писатели. Но его же высмеивали и обливали грязью завистники и недоброжелатели. Аполонгетика и откровенная ложь причудливо сплелись в его жизнеописаниях.

Предлагаемая вниманию читателей книга является на сегодняшний день самой полной биографией атамана. Опираясь исключительно на исторические источники, автор попытался создать подлинный образ героя — со всеми его достоинства и недостатками.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)47-8

Лесин Владимир Иванович

АТАМАН ПЛАТОВ

Главный редактор **А. В. Петров**

Зав. редакцией **О. И. Ярикова**

Редактор **А. Ю. Карпов**

Художественный редактор **А. В. Никитин**

Технический редактор **Н. А. Тихонова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 03.09.2004. Подписано в печать 14.01.2005. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл.-печ. л. 21,84+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 44272.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02762-0